РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

С. А. МЫЗНИКОВ

АТЛАС СУБСТРАТНОЙ И ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ РУССКИХ ГОВОРОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА

Санкт-Петербург
„Наука"
2003

УДК 81 ' 28
ББК 81
М 94

Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. — СПб.: Наука, 2003. — 360 с.

ISBN 5-02-027426-7

Атлас представляет собой первую попытку системного исследования неисконной лексики русских говоров Северо-Запада с использованием методов лингвогеографии. Работа базируется на оригинальном материале, полученном в ходе диалектологических экспедиций. Результаты исследования репрезентируют балтийский, финно-угорский субстрат и тюркские заимствования. В территорию обследования вошли говоры Псковской, Новгородской, Тверской, Вологодской, Ярославской, Костромской, Архангельской областей, Республики Карелия. В Атласе содержится 50 карт с подробными комментариями по следующим разделам Программы-опросника: Растительный мир, Животный мир, Метеорологические явления, Части тела человека, Демонология, Сельское хозяйство, Ткачество, Рыболовство, Крестьянское жилище, Питание, Водный транспорт.

Для широкого круга языковедов, этнографов, историков.

Ответственный редактор
Н. Л. Сухачев

Рецензенты:
Н. Л. Сухачев, Н. В. Попова

ISBN 5-02-027426-7

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. ИССЛЕДОВАНИЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ В АРЕАЛЬНО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Включение диалектного лексического материала как самодостаточных данных для этимологических исследований в фокус современных изысканий этимологов приводило и приводит к введению в орбиту научной мысли новых фактов и идей, интересных как для диалектологии и лексикологии, так и для истории литературного языка. Диалектная лексика в силу особенностей ее бытования имеет важный характеризующий фактор – географическую локализацию, которая нередко остается без особого внимания и опускается как аргумент в поисках этимона, при этом единичные данные ставятся во главу угла, а базисный материал остается, по ряду причин, незамеченным. Безусловно, что этимологические штудии, в идеале, должны сочетать различные приемы и методы анализа материала и представлять собой действенный исследовательский комплекс, способный, в зависимости от сложности лексических данных актуализировать какую-либо из своих сторон при выдвижении этимологической версии. (См.: Клепикова, 1986, 79-84; Откупщиков, 1986, 191-197; Шелепова, 1977; Она же, 1994).

Подчеркивание какого-либо одного аспекта при любом виде исследований, на первый взгляд, носит искусственный характер, однако внимание к пространственной локализации слова может подтвердить, уточнить выдвигаемую этимологическую версию, а в ряде случаев и уберечь от ошибок. Прекрасно понимая опасность абсолютизирования ареального метода, следует согласиться с формулировкой А. И. Попова, замечавшему, правда, о работе над топонимами, но подходящей и применительно к этимологии слова: "Отвлеченные суждения об общих законах ... лишены обычно всякого значения, так как такие воображаемые законы либо не соответствуют конкретным фактам, либо совершенно бесполезны – ввиду чрезмерной общности формулировок, не позволяющих сделать никаких практических выводов." (Попов, 1964, 44). Однако, все же попытаемся выдвинуть ряд положений общего характера об ареально-этимологических исследованиях.

1. При внимательном отношении к историческим фонетическим закономерностям, позволяющим реконструировать форму выдвигаемого этимона, нередко субдиалектные фонетические особенности остаются вне сферы внимания исследователя, а фонетический вариант, лежащий как гапакс, в обширном ареале основной опорной лексемы (но оставшейся незамеченной) исследуется без учета базисного корпуса материала. Проводя ареальную верификацию такого рода данных нетрудно установить на основе выявления фонетических особенностей данного говора основной вариант и подтвердить или опровергнуть предложенную этимологическую версию.

В севернорусских говорах нередко можно наблюдать замену фонемы "р" на фонему "л". Вероятно, иногда она вызвана индивидуальными произносительными особенностями, а иногда основана на диссимиляции одного из двух "р", находящихся в одном слове, причем такого рода процесс имеет место в разных языках, ср. латин. *arbor* 'дерево' и испан. *arbol* 'дерево', русск. **прорубь** – **пролубь**; древнерусск. **феврарь** – русск. **февраль** (Срезневский, 3, 1353). Довольно часто лексемы с замещенной фонемой "р" фиксируются в

говорах наряду с данными без такой замены, являясь маргинальными вариантами к основной диалектной или общерусской лексеме, например: **лапéйник – репейник** (Пинеж. Арх., Симина); **секлетáрь** 'секретарь' (Он секлетарем работал, намя (знамя), ордена вручает (Пинеж. (Малетино), Симина); **лудзáк – рюкзак** (Пинеж. (Леуново), Симина); **лекрут – рекрут** (Пинеж. (Веркола, Матвера, Сульца), Симина); **лéкрутить** 'гулять перед армией' (Пинеж. (Козлово, Нюхча), Симина); **лебери́ночки** 'веснушки, рябинки' (Холмог. (Горка), Симина); **левольвéр – револьвер** (Пинеж. (Кеврола, Нюхча), Симина). В некоторых случаях эта мена может принимать и лексикализованный характер: **сталовéр** 'старовер' (ЯОС, 1990, 70; Ahlqvist, 1998, 12). Поскольку такого рода чередование не всегда принимается во внимание, при выработке этимологической версии могут приниматься за основу гипотезы, где анализируется вторичный материал без учета основного.

Например, Рыбников фиксирует в Пудожском уезде слово **óльга** 'топкое болото': "Первая застава великая, ольги топучие". Куликовский отмечает **óльга** 'болото' в Петрозаводском уезде, у Даля эта лексема дана с другим ударением **ольгá**. Калима сравнивает данный материал с фин. *alho* 'низина, болото, топь', замечая, что источник заимствования нужно искать в карельских или вепсских диалектах (Kalima, 1915, 175). Фасмер отвергает версии о родстве с латин. *alga* 'водоросль', норв. *ulka* 'плесень, слизь', а также с литовским гидронимом *Alga*, не выдвигая собственной этимологии (Фасмер, 3, 137). Однако, в русских говорах Обонежья, Каргополья фиксируется лексема **óрга** 'болотистое место', 'густой темный еловый лес' (Гусева, 1971, 130; Михайлова, 1986, 76-88), отражено это слово и в фольклорных источниках, см. Онежские былины Гильфердинга: "Тогда зарождалась Вольга богатырь. От его славы богатырскою Орги-ты вси да приумолкнули. Птица улетала вся под оболоку" (дер. Рим Пудожского уезда) (Гильфердинг, 1, 247); сказки Ончукова: "Теперь на орги большой стоит тридеветь розбойников", с толкованием автора – орга 'овраг или топкое место, поросшее лесом' (Ончуков, 1908, 326). Таким образом этимологическому анализу должен был подвергнуться не единичный вариант **óльга**, а широко распространенный **óрга**. Однако и Калима, и Фасмер не связывают их друг с другом, причем слово **óрга** восходит к кар. *orgo* (Kalima, 1915, 176; Фасмер, 3, 149).

Преимущественно в говорах Заонежья фиксируется слово **ли́стега** 'тонкий лед при ледоставе', в СРГК отмечается вариант **ли́стеж** и дериват **ли́стежка** (СРГК, 3, 128). На первый взгляд, возможно связать их с русским словом "лист", что и делает Куликовский, толкуя лексему **ли́стега**: "тоненький лед в лист толщиной" (Великая губа Петрозаводского уезда) (Куликовский, 1899, 346-351). Однако локализация данного материала на ограниченной территории, при напрашивающейся общерусской ассоциативной мотивированности, заставляет искать сходный материал на прибалтийско-финской почве, и в смежных карельских диалектах лексемы *riito, riite* 'тонкая ледяная корка, пленка льда' (KKS, 5, 96, 97). Причем мена сонорных, приведшая к переосмыслению слова, по-видимому, произошла непосредственно при вхождении его в русские говоры. А поскольку первичная ассоциация с лексемой "лист" не вызывала сомнений, то данный материал и не рассматривался в этимологической литературе.

О. В. Востриков слово **па́лья** 'инструмент для выдалбливания лодок, корыт и т. п., тесло' относит к влиянию вымершего финно-угорского языка, сравнивая его с фин. *palja* 'молот, кувалда', ливв. *pal'l'u* 'молот', вепс. *pal'* 'молот, дубина' (Востриков, 1981, 32). Однако, в прибалтийско-финских языках данное гнездо стоит изолированно, имея фиксации только в финско-карельско-вепском ареале (SKES, 473), отсутствуя в эстонском языке, ср. эст. *nui, kaigas, vemmal, malk, madjakas* 'дубина' (РЭС, 151). Поэтому, в отношении анализируемого гнезда, напрашивается сравнение со славянским материалом, ср. польск. *pala*, чешск. *palice* 'деревянный молоток' (Фасмер, 3, 193). Кроме того, следует отметить, что коми *палич* 'палка, дубина, палица' представляет собой результат влияния русского языка (КЭСКЯ, 215). На наш взгляд, во-первых, лексема **па́лья** представляет собой деривационный вариант, возникший в результате переразложения и утраты форманта *на-*, ср. **напа́лья** 'большой ручной бурав, сверло' (НОС, 5, 159), **напа́лье** 'то же' (ЯОС, 1987, 159), во-вторых, фонема "л" в анализируемом слове не является этимологически первичной, а отражает замену фонемы "р" на "л". Ср. также: **напа́рье, напа́рья** 'сверло, бурав' (Мурман., Меркурьев, 1979, 91), **попа́рье** 'инструмент в виде сверла (употребляется при изготовлении лодки, судна)' (Иркут., СРНГ, 29, 298). Причем формы с сонорным "р" доминируют, а варианты с различным аффиксальным оформлением широко представлены в русских говорах Северо-Запада. Таким образом, данная лексема **па́лья**, через частотный вариант с фонемой "р" связана с германским влиянием, ср. нем. диал. *naper, nepper* 'сверло' (Фасмер, 3, 42).

Иногда фиксация лексемы с "л" не вызывает никаких затруднений в плане выдвижения этимологической версии, поскольку частотна основная единица с "р", например: **ля́нда** 'дождь, сырая ненастная погода' (Кем., СРГК, 3, 178) при **ря́нда** 'снег с дождем; мокрый снег; сырая холодная погода' (Мурман., Карел., Арх., Ленингр., ПЛГО), сопоставляемое с вепс. *ränd* 'сырая, холодная погода, слякоть, мокрый снег' (СВЯ, 489); или **ла́нти** 'хлопья снега', отмеченное в Терском районе (КСРГК), которое скорее всего связано с кар. *räntä* 'мокрый снег' (SKES, 913).

Причем вариант **лянда** послужил основой для поиска внутренней формы, ср. **ляпа́нда** 'мокрый снег хлопьями, клочьями' (Терск., СРГК, 3, 179). Аналогично фиксируется вариант **та́лья** наряду с более частотным **та́рья** 'рыболовный закол', причем вариант с "р" отмечается Подвысоцким в Беломорье, на Кольском полуострове, лексема с "л" представлена у Максимова (Максимов, 1858).

2. Ареальный анализ семантики. Выявление семантических ареалов слова (или различных слов) должно быть основано на тщательном выделении зоны распространения каждого значения, что, в ряде случаев, позволяет судить либо о генетическом единстве полисемии, либо ее гетерогенности (т. е. омонимах), что может служить дополнительным инструментом верификации омонимии-полисемии в лексикографической практике, особенно в тех случаях, когда лексикографический конструкт представляет собой в иерархии значений интердиалектную единицу.

3. Словообразовательный ареал. Предполагается, что при этимологическом анализе должны учитываться все лексико-словообразовательные варианты с выделением доминирующего (если таковой имеется) и их локализацией, что

может послужить индикатором географического распространения исследуемой корневой морфемы, и в ряде случаев, выделение словообразовательной парадигмы с ареальной привязкой является неплохим аргументом для подтверждения этимологической версии. См. также: Откупщиков, 2001.

4. Особенно действенен метод ареальной верификации имеющихся этимологических версий в отношении лексики субстратного происхождения. Большая часть таких слов в севернорусских говорах – это адаптированные реликты, обычно связанные с определенным субстратным типом со статичной зоной распространения, указывающей на язык/диалект-источник (Мызников, 1998, 438). Этимологизирование в таких случаях обязательно должно учитывать такое субстратное воздействие с возможным адстратным влиянием (если язык/диалект подвергся не полной ассимиляции). Так Калима слово **ку́лгача** 'ворота в изгороди, отделяющей деревню от поля', 'засов у двери', отмечаемое только на р. Ояти и в Посвирье (СРГК, 3, 55; СРНГ, 16, 54) возводит к эст. *kol'k, kolk* 'палка, чурбан для запирания дверей' (Kalima, 1915, 140), при наличии в смежных вепсских диалектах лексемы вепс. *kuugač* 'большие ворота на проезжей дороге' (СВЯ, 251), которая и является этимоном русского слова. Следует, однако, отметить, что значительная часть лексики прибалтийско-финского происхождения имеет широкую ареальную дистрибуцию, нередко входит в различные терминологические системы (охотничью, рыболовецкую и т. п.) и иногда представляет широкое иррадиационное поле без четких ареальных границ, например: **коппалу́ха** 'глухарка', **но́дья** 'охотничий костер'.

5. В контактных ареалах крайне важен учет возможного иноязычного влияния, что повышает достоверность этимологических версий при анализе и исконного материала. Так Л. П. Михайлова, исследуя префикс **ко-**, вычленяет в слове **ко́бра** 'железная решетка, специально приспособленная для разведения огня на лодке при ночном лове острогою' корень **-бр-** (Михайлова, 1994, 134), однако, в данном случае, вряд ли допустимо вести речь о приставке **ко-** (см. Андреева-Васина, 1985, 165-173), поскольку к этой лексеме имеются многочисленные параллели в прибалтийско-финских языках, ср. вепс. *kobr* 'горсть, пригоршня', 'ручища, лапа', 'приспособление для огня при лучении рыбы' (СВЯ, 212), кар. твер. *kobra* 'кисть руки, рука, горсть, пригоршня', 'железная решетка для разведения огня при ночной ловле рыбы острогой' (СКЯП, 107), при фин. *koura*, коми *кабыр* 'кулак' (КЭСКЯ, 114), причем фиксация русского диалектного слова в приведенном выше и в сходных значениях в Посвирье и Заонежье позволяет говорить о преимущественно вепсском влиянии (СРГК, 2, 381), за прибалтийско-финский источник лексемы **кобра** выступает и этимологическая традиция (Веске, 1890, 111; Kalima, 1915, 126; Хакулинен, 1953, 2, 5).

6. Внимание к ареально-дифференцированным вариантам наименований реалии необходимо и при диахронном анализе. Так, например, Г. В. Судаков, исследуя названия сковороды, отмечает западнославянское по происхождению слово **панев** 'металлическая сковорода, котел' в житийных текстах XV в., ср. чеш. *panev* 'сковорода, противень', польск. *panew* 'сковорода' и зафиксированную в конце XVII в. лексему **панна**, как местное тихвинское (Судаков, 1984, 58). Эти слова на уровне конечного источника восходят к

латин. *patina*, однако, лексема **панев** вошла в русский язык XVI в. из немецкого языка через западнославянское посредство, тогда как слово **панна** является отражением шведско-русских контактов, ср. нем. *Pfanne*, швед. *panna* 'сковорода' (EWD, 1258), причем шведское наименование сковороды было заимствовано прибалтийско-финскими языками, ср. кар. *pannu*, водск. *pan̄*, эст. диал. *pann*, фин. *pannu* (SKES, 485). Однако, при наличии в окрестностях г. Тихвина в конце XVII в. прибалтийско-финского населения (тихвинских карел), о шведском источнике лексемы **панна** говорит то, что реалии с этим наименованием привозились из Швеции: – Явил тихвинец Иван Онтонов из-за свейского рубежа товару 21 круг меди волоченой зеленой да панна новая с накрышкой. (цит. по: Судаков, 1984, 58, 59).

Таким образом, ввиду сложностей анализа неисконных лексических данных в русских говорах Северо-Запада, наиболее действенным инструментом верификации этимологических версий может быть ареальный анализ, поскольку в целом лексический субстрат представляет собой адаптированные реликты, обычно связанные с определенным субстратным типом со статичной и стабильной зоной распространения. Однако, при анализе ареалов ряда лексем, широко представленных в севернорусских говорах, в ряде районов эти единицы не проявлялись, или имели более широкую территорию бытования, чем первоначально выбранный регион обследования. Поэтому, только исследование лексического ареала (по данным лексикографических источников, картотек и ПЛГО) не давало ответа на некоторые существенные вопросы: 1) По какой причине отсутствует слово (например, прибалтийско-финского происхождения) в зоне, где оно должно было, вне всякого сомнения проявляться? 2) Существует ли в этом районе еще какое-либо иноязычное влияние, проявляющееся на лексическом уровне? 3) Если такое влияние существует, какого типа ареалы (коррелирующие или смешанные) будет оно репрезентировать?

На такого рода вопросы ответы может дать только работа, в основу которой положены лингвогеографические методы исследования выявленных эмпирическим путем концептов, с доминирующей неисконной лексической манифестацией. Естественно, что в таком исследовании должна быть дана полная картина лексического субстрата в русских говорах контактного региона, каким является Северо-Запад России в его широком понимании, но также должны выделяться и ареалы с доминированием исконных лексических данных.

Таким образом, выявление совокупности разных видов и типов субстратных ареалов, наряду с ареалами исконной и заимствованной лексики, представляется нам весьма насущной задачей.

ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В НИХ НЕИСКОННОЙ ЛЕКСИКИ

Ареальный анализ отдельных слов субстратного происхождения, как было показано выше, может служить неплохим инструментом верификации выдвинутых этимологических версий. Однако, одним из методов исследования лексического субстрата может быть полное лингвогеографическое обследование контактного региона. Причем о важности такой работы неоднократно заявлялось на материале субстратной и заимствованной финно-угорской лексики в северно-русских говорах (Рут, 1984, 31-41; Востриков, 1990, 76-94) и планировалось осуществить на материале унгаризмов в украинских говорах Карпатского ареала (Лизанец, 1975, 76-96). Следует сразу отметить, что такого рода исследование во многом отличается от атласов, которые ориентированы на показ ареалов, образуемых исконной лексикой, и нередко игнорируют иноязычный материал, не включая его в перечень картографируемых лексем, поскольку он характеризуется единичными фиксациями. И такого рода материал традиционно не представляется для разработки его графического обозначения и фигурирует только в общем индексе. (См. ОЛА 1. Животный мир.). В утвержденном к печати в Пробном томе Лексического атласа русских народных говоров, реализация которого осуществляется в Институте лингвистических исследований РАН, также, в силу огромной территории и обширности лексических данных иноязычная лексика не столь часто разрабатывается как ареально значимая. Понятно, что тщательный показ субстратных и заимствованных лексических данных возможен в атласах, ограничивающих территорию обследования по каким-либо критериям (оптимальным был бы выбор лингвистической базы такого ограничения, а не территориально-административный). Единственный атлас такого рода по исследуемому региону – это "Лексический атлас Архангельской области" (ЛААО). В этом труде представлено 198 карт, которые можно подразделить на 4 типа:

1) Номинационные, в которых дана лексическая манифестация исследуемых концептов или реалий, где фигурирует и финно-угорская лексика.

Карта № 52 Колодка граблей с зубьями (шалга).

Карта № 74 Мелкий лед в воде при ледоставе (шуга, шуха, шуг, шух, шульга, шуя).

Карта № 84 Иней (хармовина, хармоха, хармеха, херьмиха, харма, харм, харбовина, ерьмега).

Карта № 85 Заиндеветь (хармоветь, захармоветь, захерьмихать).

Карта № 114 Семенная коробочка льна (куглина).

Карта № 127 Грузило удочки (кибас).

Карта № 128 Грузило сети (кибас, кебас).

Карта № 132 Полый внутри деревянный валик для перематывания ниток (турачка, турик, тюрик).

Карта № 133 Катушка ниток (турачка, турик, туричок, тюричок, тюрачок, турашка).

Карта № 138 Соломенные жгуты на дверях для утепления (вехтус, вехтуса, вихлус, вихлуса, вихлусы).

Карта № 191 Верхние рукавицы (вачеги).

2) Ареально-семантические, где представляется распространение и значе-

ния слов, в том числе и финно-угорского происхождения.

Карта № 3 Луда 'глинистая почва, ил', 'отмель, каменистое дно, каменистый берег, каменистая земля'.

Карта № 6 Корга 'каменистая отмель', 'песчаная отмель'.

Карта № 7 Рада, райда, сурадок 'болото, топкое болотистое место', 'гряда на болоте, сухое место около болота'.

Карта № 8 Пенус, пендус, пентус, пёнтус 'покос в сыром месте', 'сено, скошенное в таком месте'.

Карта № 9 Рем, рём 'густой дремучий лес', 'лес на болоте'.

Карта № 10 Лахта 'залив', 'болото'.

Карта № 12 Курья 'залив, рукав реки', 'омут'.

Карта № 18 Павна 'заболоченный луг', 'протока в болоте'.

Карта № 21 Тайбола 'густой дремучий лес', 'дорога лесом между деревнями', 'трясина', 'место покоса'.

Карта № 49 Сарга, сарьга 'полоска бересты или древесная для плетения корзин рыболовецких снарядов', 'прут или металлическая полоска, связывающую косу с рукояткой', 'инструмент для сбивания шерсти', 'решетка из лучин для сушки грибов'.

Карта № 50 Ластега 'планка в ткацком станке, разделяющая нити', 'сосновая дранка для плетения корзин или запруды при рыбной ловле'.

Карта № 51 Шалга 'лес, делянка в лесу, где производится вырубка', 'колодка грабель с зубьями', 'жабры'.

3) Ареальные карты, где отмечается наличие-отсутствие анализируемой лексемы в обследованных населенных пунктах.

Карта № 14 Распространение слова кошка 'песчаная отмель'.

Карта № 17 Распространение слова янга 'сырое место, болото'.

Карта № 19 Распространение слова няша 'грязь, грязное место, ил, тина'.

Карта № 23 Распространение слова согра 'заболоченный лес'.

Карта № 26 Распространение слова кареньга, кореньга 'нестроевой лес'.

Карта № 30 Распространение слова пакула, паккула 'нарост на березе'.

Карта № 31 Распространение слова карзать 'обрубать сучья'.

4) Имеются в атласе лексико-словообразовательные карты, анализирующие словообразовательные инновации лексики с корневыми морфемами прибалтийско-финского происхождения.

Карта № 22 Распространение слов сузём, сузёмок, суземье.

Карта № 27 Распространение слова хонга (хоньга, фонга, конга) и производных.

Семантический тип карт в атласе не нашел отражения.

Из всего представленного материала по данным 30 карт анализируются концепты, в основе которых лежит прибалтийско-финская лексическая манифестация, или описывается ареал прибалтийско-финского по происхождению слова.

Однако территория Архангельской области является всего лишь частью обширного региона где возможно проявление на лексическом уровне иноязычного влияния в русских говорах. Кроме того, в данном атласе отражение результатов взаимодействия севернорусских говоров с другими языками и диалектами не было заявлено, и вообще не ставилась задача более или менее полного лингвогеографического обследования неисконных данных русских говоров.

Таким образом, нам кажется весьма насущной идея осуществление Атласа субстратной и заимствованной лексики, ориентация которого на материал, вошедший в русские говоры из иноязычного континуума не вызывала бы сомнений.

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ

1. Территория обследования.

Проблема выбора ареала для лингвогеографического исследования, а также для этимологического и этнолингвистического анализа весьма сложная задача, поскольку достаточность выбранного ареала для решения поставленных целей нередко вступает в противоречие обширностью работ и длительностью их исполнения. То есть, если выбранный ареал слишком узок, то многие анализируемые явления выходят за его пределы, что резко снижает точность исследований, их научную достоверность и верификационные возможности полученных результатов; в то же время избыточно большой ареал, предназначенный для сбора данных и их изучения, может быть следствием длительной работы до такой степени, что их синхронность (что важно для лингвогеографических трудов) будет вызывать сомнение. Кроме того, при таком ареале труднее вычленять важные и нужные для анализа языковые черты, поскольку на большей территории всегда присутствует больше явлений сходных типологически, но измененных в ходе функционирования в микроговоре или явившихся результатом влияния сходной, но не тождественной языковой природы. Поскольку финно-угорское влияние, в первую очередь представлено воздействием прибалтийско-финских языков, а территория их контактного бытования со славяно-русским континуумом – это Северо-Запад России, то для этимолого-лингвогеографического обследования был выбран регион, где существовали или существуют в настоящее время носители этих языков. Общеизвестна пограничная роль крупных рек, поэтому на востоке обследуемый ареал ограничен бассейном реки Северная Двина, на юге таких естественных преград нет, здесь граница ареала, предназначенного для изучения, идет по окающим севернорусским и среднерусским говорам. В территориально-административном отношении в сферу наших интересов вошли территории Республики Карелия, Вологодской, Ленинградской, Новгородской, Архангельской областей (полностью), а также частично Псковская, Тверская, Костромская, Ярославская, Мурманская области. Сетка обследования не была статичной, а менялась в зависимости от конкретных условий. В ядерных зонах контактов она выбиралась наиболее частой (например в Заонежье было изучено около 20 населенных пунктов, что позволило выделить карельскую и вепсскую зоны влияния, более древний саамский пласт, а также зафиксировать инновационные очаги, сформировавшиеся по вторичным, сравнительно недавним иммиграционным потоком русского населения в эти районы. В полосе ранних контактов (Новгородская область) выяснялся общий остаточный прибалтийско-финский языковой ландшафт (2-3 населенных пункта на административный район), при этом учитывалось более позднее влияние языка валдайских карел. В Каргополье обследовались населенные пункты по периметру оз. Лаче и расположенные в отдалении от него, также как и в Гдовском районе на побережье Псковского

озера и в Приладожье, поскольку эмпирически было установлено, что в населенных пунктах, лежащих в непосредственной близости от крупных водоемов субстратное влияние всегда значительно сильнее, чем в населенных пунктах, вблизи которых водоемы отсутствуют, что вероятно связано с особенностями поселений финно-угоров (рыбаков и охотников) и славян (землепашцев). "Лишь в очень немногих районах рыбная ловля является у восточных славян основным способом добывания пищи" (Зеленин, 1991, 100). В Белозерье, при необходимости детального лингвогеографического обследования с наиболее частой сеткой, проводить его было довольно затруднительно, поскольку в результате затопления ряда территорий во время строительства Волго-Балтийского канала массы населения переселялись на новые места жительства или в уже существующие населенные пункты, что смазывало общую картину ареальных субстратных границ.

МАТЕРИАЛЫ И ИСТОЧНИКИ

Основной материал собирался полевым методом с 1990 по 2001 гг. Были изучены в ходе диалектологических экспедиций районы Псковской (частично), Новгородской, Вологодской, Архангельской (не полностью), Тверской (частично), Костромской (частично), Ярославской (частично) областей, Республики Карелия, всего 237 населенных пунктов (к настоящему моменту). На карте обследованные пункты сведены к 131 номеру для большей наглядности и репрезентативности (см. Обследованные населенные пункты). В начале работы над Атласом в каждом населенном пункте опрашивалось не менее двух информантов, но с течением времени найти местного жителя, который является квалифицированным диалектоносителем, стало довольно затруднительно, поэтому всякие ограничения, связанные с числом информантов, были сняты. Как видно из приведенной статистики обследования ареала, не все его части удалось обследовать в равной мере. Наибольшему вниманию, совершенно естественно, было уделено западной части Северо-Запада, где сильнее представлено прибалтийско-финское воздействие, чем на других территориях региона. Главной целью, которая стояла в ходе проведения полевого сбора материала, являлось выявление лексической манифестации заявленных концептов, а также обеспечение проверки ареала лексем (или известных уже давно и обсуждавшихся в литературе, или впервые зафиксированных и представляющих интерес для автора), поскольку основной перечень лексем неисконного происхождения вряд ли можно было серьезно пополнить. В то же время преследовались две основные задачи: 1) выявление и фиксация любого иноязычного лексического материала в ходе тематически направленных бесед; 2) сбор данных по программе-вопроснику, которые должны составить корпус материалов Атласа, включая и исконную лексику, даже, если она представляла собой русский синоним к иноязычной лексеме, так как для нас была крайне важна полная картина лексического ландшафта.

Кроме полевых данных были использованы все известные нам диалектные русские словари (см. Литература. Материалы и источники), а также картотеки СРНГ, СРГК. Следует отметить, что маршруты полевого обследования

планировались исходя из наличия собранных лексических данных в картотеках. Так в картотеке Симиной, которая является частью картотеки СРНГ, представлены богатейшие материалы по пинежским говорам Архангельской области, что позволило сделать выборки по интересующим нас вопросам.

Полевое исследование проводилось с использованием программы-вопросника, полученного эмпирическим путем. Она не повторяет Программу ЛАРНГ, а нацелена на выявление реалий, концептов, в основе которых доминирует неисконная лексическая манифестация. Хотя в редких случаях наблюдается формальное тождество вопросов. Так, например, в нашей программе имеется вопрос 'кустистая ива; заросли ивы' (в Программе ЛАРНГ – Л 55 *Ива*).

ПРОГРАММА-ВОПРОСНИК

Растительный мир

1. Кустистая ива; заросли ивы.
2. Красная смородина.
3. Багульник.
4. Кипрей.
5. Таволга.
6. Шиповник.
7. Черный гриб в виде нароста на стволе березы.
8. Молодой, менее плотный слой древесины, лежащий непосредственно под корой.
9. Сосна с толстый слоем заболони.
10. Строевая сосна.
11. Засохшая на корню сосна.
12. Стебли щавеля.
13. Незрелые ягоды (общее название).
14. Незрелые ягоды морошки.
15. Морошка.
16. Голубика.
17. Верхняя ветвистая часть ягодного кустарничка.
18. Вереск.
19. Головка клевера.
20. Хвощ.
21. Мох на деревьях.
22. Сережки березы.
23. Корень вывернутого дерева.
24. Водоросли (общее наименование).
25. Тростник.

Дикие животные

1. Нижние части ног копытных животных.
2. Заячья лапка.
3. Морда животного.

4. Выть (о волке).
5. Медвежья берлога.

Птицы

1. Сойка.
2. Самка глухаря, глухарка.
3. Сова.
4. Филин.
5. Ястреб.
6. Чибис.
7. Издавать звуки при токовании (о тетеревах, глухарях).

Наименование рыб

1. Внутренности, потроха рыбы (общее наименование).
2. Печень рыбы.
3. Жабры.
4. Верхний колючий плавник (у ерша, окуня, судака).
5. Значение слова макса.
6. Мелкая рыба малек (общее наименование).
7. Мелкий окунь.
8. Мелкий лещ.
9. Мелкий налим.
10. Мелкий сиг.
11. Хариус.
12. Плотва.
13. Уклейка.
14. Елец.
15. Налим.
16. Бычок-подкаменщик.
17. Форель (речная и озерная).
18. Лосось после нереста.
19. Косяк, стая рыб.

Земноводные, пресмыкающиеся

1. Лягушка.
2. Лягушечья икра.
3. Головастик.
4. Квакать.
5. Ящерица.

Насекомые

1. Рой мошек, мошкара.
2. Бабочка.
3. Овод.
4. Кузнечик.

Метеорологические явления

1. Мерзлый слой земли под оттаявшей сверху почвой.
2. Снег с дождем.
3. Иней.
4. Покрыться инеем.
5. Мелкий моросящий дождь.
6. Моросить (о дожде).
7. Метель, вьюга.
8. Первый тонкий лед при ледоставе.
9. Образовываться, замерзать (о первом тонком льде при ледоставе).
10. Вода, выступившая на поверхность льда.
11. Промоина, полынья.
12. Мелкий битый лед со снегом на поверхности воды.
13. Наст.
14. Тень.

Человек

1. Спутанные всклокоченные волосы.
2. Верхняя часть спины, заплечье.
3. Руки, кисти рук (бранно).
4. Большой живот, брюхо.
5. Большой палец на ноге.

Традиционная народная духовная культура

1. Черт, нечистая сила.
2. Колдун.
3. Кладбище.

Трудовая деятельность. Полеводство. Огородничество.

1. Остатки стеблей на корню на сжатом поле.
2. Шелуха, мякина, от головок льна.
3. Связка, вязанка соломы, льна, сена и т. п.
4. Большая продолговатая кладка снопов.
5. Верхний сноп в суслоне.
6. Приспособление для обмолота льна, зерновых в виде палки с изогнутым плоским концом.
7. Брюква.
8. Картофельная ботва.
9. Сорняки на картофельном поле.

Подсечно-огневое земледелие

1. Общее название подсеки.
2. Заброшенная подсека, поросшая травой, мелколесьем или кустарником.
3. Куча сучьев на подсеке, предназначенная для сжигания.

4. Несгоревшие остатки, головешки на подсеке.

Сенокошение

1. Большая округлая кладка сена с одной жердью для устойчивости посередине.

2. Большая продолговатая кладка сена с несколькими жердями, устанавливаемыми в ряд.

3. Жердь с развилкой на конце, подпирающая большую кладку сена.

4. Приспособление, которое кладется на верхнюю часть большой кладки сена для защиты от ветра и дождя в виде связанных или сплетенных ветвей (березы, ивы, ольхи).

5. Жердь, которая кладется на верхнюю часть большой продолговатой кладки сена для защиты от ветра.

6. Жердь с сучьями для сушки сена.

7. Вал скошенной травы.

8. Прошлогодняя некошеная трава, высохшая на корню.

9. Приспособление, используемое для закрепления лезвия косы на рукоятке.

10. Заболоченный сенокосный луг.

11. Часть сенокосного луга, окруженная кустами, мелколесьем.

12. Вешала в виде остова шалаша для сушки сена.

13. Подготовленное место для большой кладки сена в виде жерди, забитой в землю, колышками вокруг нее, ветками на земле.

14. Небольшая кладка сена.

15. Сенокосный луг (общее наименование).

16. Вновь выросшая трава на месте скошенной.

Ткачество, прядение

1. Две дощечки в ткацком стане, с помощью которых образуется зев продольных нитей основы.

2. Приспособление для перематывания пряжи в виде полого цилиндра, насаживаемого на ось.

3. Чесать, пушить шерсть.

4. Металлические щетки, используемые при чесании шерсти.

5. Цевка.

Рыболовство

1. Рыболовная снасть, сплетенная из прутьев, дранки и т. п. в виде вытянутой круглой корзины с воронкообразным отверстием.

2. Рыболовная снасть в виде сети, натянутой на обручи.

3. Мотня невода.

4. Сеть с крупной ячеей.

5. Поплавок из скрученной бересты.

6. Грузило сети.

7. Рыболовный закол.

8. Колотушка для глушения рыбы подо льдом.

9. Шест с развилкой для проталкивания рыболовной снасти при подледном лове.

10. Центральная веревка, к которой прикрепляют крючки перемета.

11. Приспособление в виде решетки, подставки для огня, прикрепляемое к носу лодки при ночном лове рыбы острогой.

12. Шест с дощечкой или с конусообразный пустым наконечником, которым ударяют по воде при ловле рыбы, пугая ее и загоняя в сети.

13. Деревянный поплавок над мотней невода.

14. Рыболовное орудие на налима в виде палки с крючками на конце применяемое зимой.

15. Ряд соединенных вместе сетей.

Крестьянское жилище

1. Общее название жилого строения.

2. Рыбацкая, охотничья и т. п. избушка в лесу.

3. Шалаш для охотников, рыбаков, косцов.

4. Огороженное перегородкой место в избе около печи; пространство между печью и стеной, небольшой чулан.

5. Ящик-лежанка вдоль боковой стенки печи, имеющей лаз в подполье с подъемной крышкой.

6. Жгуты из соломы для утепления дверей зимой.

7. Дранка, используемая для покрытия крыши.

8. Дверной, оконный косяк.

9. Сарай для хозяйственных нужд (коюз, шоха, гуса).

10. Ворота для изгороди, окружающей деревню.

Питание

1. Жидкость, остающаяся при сбивании масла.

2. Отходы, остающиеся при перетапливании масла.

3. Значение слова шаньга.

4. Оладья из гороховой муки, взбитой со снегом.

5. Кушанье из вареной репы или брюквы.

6. Овсяный блин.

7. Рефлексы прибалтийско-финского *kukko*.

8. Пирог из рыбы.

9. Молодая заболонь сосны, используемая в пищу.

10. Крахмал, приготавливаемый в домашних условиях.

11. Некрупная сушеная рыба.

12. Приспособление для процеживания пивного сусла.

13. Уха.

14. Настой из овсяной муки, используемый для приготовления киселя.

Водный транспорт

1. Лодка из двух скрепленных долбленых бревен.

2. Парусная лодка.

3. Настил на дне лодки.
4. Значение слова карбас.
5. Рукоять кормового весла.
6. Плот.

Транспорт

1. Настил на санях.
2. Лыжи.
3. Лыжная палка.
4. Кольцо лыжной палки.

Социальные отношения

1. Лениться, не желать делать что-либо.
2. Наем, аренда земли.

Семья. Семейные отношения

1. Отец.
2. Сын.
3. Маленький мальчик.

Болезни

1. Нарыв.
2. След от оспы на лице.
3. Умереть.

Одежда

1. Валенки.
2. Рукавицы.
3. Ветхая изношенная одежда, лохмотья.

Плотницкое ремесло

1. Пила-ножовка.
2. Деревянный гвоздь.
3. Коловорот.

Посуда

1. Ложка.
2. Кружка, чашка.
3. Деревянное блюдо для рыбы.

Домашние животные

1. Мяукать (о кошке).
2. Мычать (о корове).
3. Упрямый с норовом (о лошади, корове и т.п.).

Ландшафт

1. Значения слов согра, шохра.
2. Значения слов пенус, пендус.
3. Омут.
4. Каменистая отмель, мель.
5. Песчаная отмель, мель.
6. Болото, болотистое место.
7. Топкое место на болоте.
8. Болото, поросшее лесом.
9. Темный дремучий лес.
10. Заросли густого частого кустарника.
11. Заводь в реке, озере.
12. Залив в озере.
13. Пролив.
14. Лесное бессточное озеро.
15. Поляна в лесу.
16. Дальний, отдаленный лес.
17. Значения слова сельга.
18. Значения слова кулига.
19. Высокий обрывистый берег реки.
20. Холм, небольшая возвышенность.
21. Значения слов шакша, шокша.

СУБСТРАТ И ЗАИМСТВОВАНИЕ

Впервые термин субстрат в языкознании нового времени был введен в XIX веке итальянским лингвистом Г. Асколи, который говорил, что одной из причин языковых изменений может быть смешение языков, объяснив в 1881 году переход латинского "f" в испанское "h" влиянием иберийского субстрата (Ascoli, 1881). Как хорошо показала В. Н. Ярцева в работе "Теория субстрата в истории языкознания", идеи Асколи получили огромную популярность среди лингвистов: субстрат – влияние языков местного населения на язык пришельцев, стал считаться основной причиной, "скрытно действующей силы, определяющей пути изменения языка" (Ярцева, 1956, 8-32).

В дальнейшем выясняется, что субстрат – всего лишь результат одной из форм языкового взаимодействия. Был предложен термин суперстрат – как элемент языка пришельца, растворившегося в языке коренного населения (W. von Wartburg, 1936). В 1930-х годах Бартоли предложил называть элементы чужого языка, вошедшие в язык, при частичном смешивании в пограничных районах – адстратом. В дальнейшем появляется термин перстрат – результат культурного, опосредованного письменностью, взаимодействия языков в верхних коммуникативных сферах: религиозной, государственной, научной, литературной и т. д. (Bartoli, 1925).

Изучение иноязычной лексики в русских говорах Северо-Запада на деле сводилось к исследованию слов прибалтийско-финского происхождения, однако в отношении терминологического обозначения данного материала преобладал термин "заимствованная лексика", Lehnwörter. Действительно, нередко отрицалось понятие субстрата, как таковое, т. е. совокупность черт языковой системы, невыводимых из внутренних законов развития данного языка; следы побежденного языка в составе языка-победителя (Десницкая, 1956, 72). Кроме того высказывалась идея, что "субстрат, ... касается прежде всего фонетики и регулярно парадигматической морфологии и ..., не имеет ничего общего с лексикой как таковой" (Реформатский, 1956, 112). Отрицалась также возможность нахождения чисто лингвистических критериев, позволяющих классифицировать языковой материал как субстрат или как заимствование (Террачини, 1971, 29-31). Однако, в ходе дискуссии по теории субстрата, проведенной в 1955 году в Институте языкознания, в ряде докладов были выдвинуты критерии по разграничению субстратного влияния и заимствования. В. И. Абаев выдвинул следующие положения по их дифференциации:

а) "И субстрат, и заимствование представляют проникновение элементов одной системы в другую. Но при субстрате проникновение несравненно глубже, интимнее, значительнее. Оно может пронизать все структурные стороны языка, тогда как заимствование, как правило, распространяется на некоторые разряды лексики ... И субстрат, и родство предполагают этногенетические связи. В отличие от них заимствование ни в коей мере не связано с этногенезом".

б) "Субстрат связан с переходом с одного языка на другой ... А длительное двуязычие создает предпосылки для весьма далеко идущего смешения и взаимопроникновения двух языковых систем. Лингвистическую специфику субстрата можно объяснить только на почве двуязычия. При заимствовании, ... двуязычия не требуется" (Абаев, 1956, 59).

в) "Если в основном лексическом фонде языка широко представлены слова, не восходящие к исходной системе, чуждые ей, то первое, что должно прийти в голову, – это мысль о субстрате" (Абаев, 1956, 65). Б. А. Серебренников связывает различие субстрата и заимствования с принципиальной разницей в типах ареалов контактирующих языков; заимствование характеризуется маргинальным контактированием, т. е. "наличием контакта двух языков, расположенных на смежных территориях. Никакого глубокого проникновения масс населения, носителей одного языка, в область распространения другого языка при этом не происходит". Для субстратного влияния свойственно глубокое проникновение больших масс носителей одного языка на территорию, занятую носителями другого языка, что квалифицируется как внутрирегиональное контактирование (Серебренников, 1956, 36).

Позднее М. Э. Рут, отдавая должное приводимым выше методам выделения субстрата, призывает к разработке "новых дополнительных критериев вычленения субстратной лексики". Она предлагает следующую методику:

1. На исследуемой территории выявляется корпус лексем, этимологизируемых из финно-угорских источников или допускающих предположительное сближение с ними.

2. Выявленная лексика подвергается картографированию.

3. В выявленных зонах подвергается анализу вся заимствованная лексика, а также вся русская лексика, тематически близкая заимствованной.

В результате выявляются субстратные зоны, а слова, обнаруживающие неоднородность с основным корпусом иноязычных лексем, признаются заимствованиями для данной зоны (Рут, 1984, 39, 40).

Точно также полагает О. В. Востриков, для которого "главным приемом выявления субстратных включений следует считать географию слова, однако не саму по себе, а в сопоставлении с географией других слов" (Востриков, 1990, 77).

Резюмируя, остановимся на следующих аспектах субстрата и его дифференциации с заимствованием: 1) сущность субстрата; 2) методы его изучения; 3) проблемы разграничения субстрата и заимствования.

1) В отношении прибалтийско-финского языкового субстрата нам представляется следующее: субстратным является такое включение, которое вошло в язык в результате перехода прибалтийско-финского населения на русскую речь, т. е. его ассимиляции. Такой переход, естественно, осуществлялся через фазу билингвизма, далее через его постепенное отмирание и бытование только речи восточнославянского (русского) типа (См. также: Герд, 1979, 213). На обширной территории Северо-Запада России ассимиляционные процессы протекали в разное время. Например в Белозерье фазу билингвизма застал С. Герберштейн в отношении белозерских вепсов в первой половине XVI века: "Туземцы имеют свой собственный язык, хотя ныне почти все говорят по-русски" (Герберштейн, 1866, 118). Н. М. Каринский фиксировал завершение фазы билингвизма в значительной части ижорских поселений: "Еще севернее указанных деревень в 20 верстах от них по Оредежу, где Оредеж снова течет по Петербургской губернии, есть 10 селений корельских. Мне пришлось видеться с крестьянами одной из них ... Он сообщил, что еще недавно во всех был исключительно корельский, теперь уже русский язык в 6 деревнях из 10, что, хотя язык у них был корельский, но они всегда были русскими (православными!), и что дед его говорил только по

корельски, а он уже не знает по-корельски почти ни одного слова" (Каринский, 1898, 2). Об аналогичной ассимиляции води свидетельствует работа Я. Я. Ленсуу (Ленсуу, 1930). В наше время завершилось обрусение валдайских карел, П. Ю. Пальмэос в 1961 году нашла только 50 человек, которые могли говорить на этом карельском диалекте (Palmeos, 1961, 4). Проведенные в уже в 90-х годах мной экспедиции в Валдайский район Новгородской области позволили констатировать полную ассимиляцию этой диалектной группировки (Мызников, 1998, 41-43). Точно так же мы можем наблюдать завершение ассимиляции вепсов Вытегорского района Вологодской области (Рут, 1984, 39). В Южном Приладожье жителей деревни Лигово называли кайванами, что свидетельствует о их прибалтийско-финском происхождении (Егоров, 1998, 219). Территория Северо-Западного Прионежья ныне совершенно заселенная русским населением, в ряде сел полностью, а в некоторых частично, еще по данным переписи 1873 года представляла собой карельский языковой континуум. Причем полная ассимиляция, вероятно произошла в первой половине 20-го века, поскольку некоторые из нынешних жителей деревень севернее г. Петрозаводска 65-70-летнего возраста рассказывают, что их бабушки и дедушки были карелами (Муллонен, Мамонтова, 1997, 11). Оставляя в стороне археологические аргументы по присутствию практически на всей территории Северо-Запада прибалтийско-финских племен (См.: Макаров, 1997; Рябинин, 1997), мы можем констатировать тот факт, что ассимиляция потомков этих племен привела к вхождению в севернорусские говоры значительного объема языковых явлений прибалтийско-финского происхождения. Их можно найти во всех ярусах языка; в фонетике – "г" протетическое (Суханова, Муллонен, 1986, 43), трактуемое как результат вепсского влияния; в словообразовании – глагольные форманты *-анда-*, *-айда-* (Азарх, 1973, 203-204; Дубровина, Герд, 1974, 75-78; Они же, 1979, 343-347); в синтаксисе – обороты типа: *у него уйдено* (Маркова, 1997, 217-220; Калинова, 2000). Однако наиболее сильный след прибалтийско-финского влияния отразился в севернорусской лексике. Естественно, что на обширной территории Северо-Запада субстратные включения имеют свою специфику, так например, в Обонежье, Приладожье, в Посвирье и в прилегающих к ним районах присутствие живых прибалтийско-финских языков подразумевает их адстратное языковое влияние, в результате которого лексический субстрат, адаптированный языковой системой русских говоров, более всего соответствует этимологически тождественной лексике карельских и вепсских диалектов по форме и семантике. В ареалах, где субстрат существует в чистом виде, без адстратного воздействия, он постепенно затухает.

В диахронии нам кажется весьма убедительной схема, предложенная О. Б. Ткаченко, и основанная на социолингвистической оценке формирования субстрата: 1) сужение функций аборигенного языка; 2) увеличение числа двуязычных лиц; 3) сужение круга двуязычных лиц при параллельном увеличении числа знающих новый пришлый язык; 4) сужение круга знающих местный отмирающий язык (Ткаченко, 1989, 33). Кроме того следует отметить, что четвертая стадия характеризует состояние диалекта тихвинских карел, частично бабаевских вепсов; проведенные в эти районы экспедиции показали следующее: неплохое знание языка демонстрируют только женщины старшего поколения, лица среднего поколения чаще всего пассивно владеют языком, дети языком владеют крайне редко. Чаще всего лица старшего поколения

разговаривают со своими внуками по-русски. Однако, проводимая в настоящее время политика, направленная на сохранение и возрождение языков малочисленных народов затормозила процесс угасания языков (карельского, вепсского).

Таким образом, априори возможно построить следующую схему воздействия на пришлый язык субстратного (что можно рассматривать и как сохранение субстратных языковых реликтов):

1) ономастика (прежде всего топонимия);

2) местный диалект;

3) тайный язык (см. также Ткаченко, 1989, 34).

Хотя в штудиях, посвященных языковому субстрату, довольно часто приоритет отдавался топонимии и фонетико-грамматическим данным, несомненно, наиболее значительные материалы фиксируются на уровне апеллятивной лексики. Под лексическим субстратом нами понимается весь корпус неисконных лексем, представляющих собой результат прямых межъязыковых взаимодействий, следствие билингвизма и перехода с одного языка на другой (Абаев, 1956, 65-69). Субстратная лексика обладает рядом характеристик, присущих только ей, она статична и стабильна в пространстве, всегда отражая субстратный тип языка-донора, не выходит за границы его распространения в прошлом. Лексический субстрат не однороден и является комплексом с разными характеристиками в диахронии. Нами выделяются следующие **виды субстрата**:

1) Действительный или полный субстрат; проявляющийся в различных частях территории Северо-Запада он может соотноситься с тем или иным языковым типом, но никогда не возводится напрямую к определенным лексическим данным. Причем, нередко, весьма сложно говорить об определенном языковом типе. Так, например, мерянский субстрат можно трактовать как явление с финно-угорскими чертами, однако весьма дискуссионен вопрос о более точной соотнесенности с прибалтийско-финским типом или с исчезнувшим языком, который был близок по своим характеристикам к марийскому (Ткаченко, 1985; Матвеев, 1996, 3-21). Такой вид субстрата является наиболее ранним по времени его возникновения.

2) Неполный субстрат; представляет собой более позднее явление, его ареал не находится в зоне живых межъязыковых взаимодействий, но, представляет таковую в прошлом. Сведения об этнической и языковой ассимиляция в этих зонах, обычно, базируются на целом комплексе сведений (См.: Герд, Лебедев, 1999). Такой вид субстрата напрямую сопоставляется с материалами живых языков, хотя фиксируется вне зоны контактов, репрезентирует былое языковое взаимодействие и последовавшую за этим этническую и языковую ассимиляцию. Такой вид субстрата, по нашим данным, является доминирующим в русских говорах Северо-Запада.

3) Адстратный субстрат; фиксируется в контактных зонах и представляет собой результат недавней ассимиляции; обычно, он обладает большой интенсивностью и узкой локализацией.

Кроме того, исходя из возможности соотнесения неисконных лексических данных с тем или иным языком-источником (или группой языков) следует говорить о типе языкового субстрата. На территории Северо-Запада по русским диалектным данным выделяются следующие типы субстрата: финно-угорский (общий тип не выделяется), включающий в себя –

общеприбалтийско-финский, карельский (может подразделяться на севернокарельский, ливвиковский, людиковский), вепсский, водско-эстонский, коми-зырянский, саамский (с возможностью более дробного членения), а также балтийский и скандинавский (См.: Лаучюте, 1982, Thörnqvist, 1948).

При сопоставлении видов и типов субстрата намечается следующая картина. Для полного субстрата обычно невозможно привести языковые данные, которые определяли бы конкретный языковой тип таких материалов. Данные неполного субстрата, чаще всего, можно сопоставить с обобщенными характеристиками языковых типов, а для адстратного субстрата возможна даже конкретизация диалектного (неисконного) типа источника.

Тюркские по происхождению материалы, которые имеют фиксацию в русских говорах Северо-Запада по своим ареальным характеристикам – фиксация в различных частях региона без образования территориально-сгруппированных данных, а также ввиду невозможности опоры на какой-либо автохтонный субстратный тип исследуемого региона, трактуются нами как заимствования.

Лексические материалы в зависимости от места и времени фиксации могут иметь либо субстратную, либо заимствованную природу. Так, например, слово **соломя** 'пролив', отмечаемое под 1391 и 1505 гг. у Срезневского, представляет собой заимствованное на древнерусской почве и адаптированное по полногласному типу прибалтийско-финское *salma* 'пролив' (Мызников, 2002, 102-104). Тогда как на территории Карелии бытует более поздний и достаточно частотный вариант **са́лма** 'пролив' (Прионежский, Кондопожский, Медвежьегорский, Беломорский, Пудожский районы), что следует трактовать как единицу адстратного субстрата карельского типа, а фиксация этой же лексемы в Каргопольском районе, вне зоны живых контактов, дает возможность рассматривать ее как явление неполного субстрата общеприбалтийско-финского типа.

Кроме того, неисконная лексическая единица, бытующая, в неавтохтонном ареале, априори, трактуется нами как заимствование. Так, например, лексика прибалтийско-финского происхождения, зафиксированная в русских говорах Сибири не может рассматриваться как субстратная.

Кроме субстратной и заимствованной лексики, бытующей в русских говорах Северо-Запада, отмечаются также лексические единицы, отличающиеся по своим характеристикам от этих двух разрядов. Они имеют следующие особенности: 1) бытование в зоне этно-языковых контактов; 2) нечастотность фиксаций; 3) отсутствие ареала (нередко единственная фиксация у одного информанта); 4) отсутствие базы для существования в русских говорах (эти единицы, не представляя нового денотата, являются полными синонимами к словам исконного происхождения либо к заимствованиям, уже утвердившимся в русском языке). Такие единицы предлагается трактовать как адстратные проникновения (См.: Лотте, 1982) – результат живого, адстратного влияния смежных языков. Они обычно индуализированы и отражают специфику личностного проявления иноязычного влияния в контактной зоне, не представляя диалектные лексические особенности какого-либо диалектного континуума в целом. Адстратное проникновение всегда можно не только связать с каким-либо

определенным языковым типом, но и возвести к конкретному языку или диалекту источнику. Несмотря на то, что период существования таких единиц достаточно короток, в современной региональной лексикографии они достаточно стабильно фиксируются, хотя их подача в словарях как обычных лексических материалов, без комментариев, на наш взгляд не совсем корректна, поскольку, репрезентируя такого рода данные, информанты обычно делают ремарку: *так карелы, вепсы* и т. п. *говорят.* Примеры адстратных проникновений в различных контактных зонах, естественно, не будут однотипными, однако, непременно соблюдается их семантическое тождество и фонетическая близость к лексической единице языка/диалекта, послужившей источником. Но, если такая контактная зона представляет собой островной ареал (как русские старожильческие говоры в Литве) в иноязычном окружении, то число таких данных увеличивается, но их статус не меняется, ср. **аматóкас** 'учащийся ремесленной школы' при литов. *amatōkas* 'то же', **гáндрас** 'аист' при литов. *gañdras* 'то же', **лиюндра** 'снег с дождем, гололедица' при литов. *lijùndra* 'то же' (Лаучюте, 1982, 86-88). Чрезвычайно разнообразна тематически отмечаемая картина проникновений в русско-прибалтийско-финской контактной зоне. Фиксируются наименования растений: **кáрбола** 'клюква', представленная в Бологовском районе (Сеглино) по данным ПЛГО, явно восходит к кар. твер. *karbalo* 'клюква' (СКЯП, 88); **педáй** 'сосна' (Прионеж., СРГК, 4, 419) – из вепс. *pedai* 'сосна' (СВЯ, 405).

Отмечаются наименования предметов домашнего обихода: **вейч** 'нож' (Лодейноп., КСРГК), восходящее к вепс. *veič* 'нож' (СВЯ, 633) и **вéйчи** 'нож' (Кандалакш., КСРГК) – из кар. *veičči* 'нож' (СКЯП, 329), т. е. ареальная дистактность и незначительные, но характерные различия в форме свидетельствуют в пользу разных типов языкового воздействия.

В Словаре Куликовского отмечается слово **кóмбушки** 'четвереньки' в Петрозаводском уезде (см. также СРНГ, 14, 228), восходящее к вепс. *kombuižed* 'коленки' (С. М.), ср. также вепс. *kombuižil'* 'на коленях' (СВЯ, 222), но не фиксируемое больше нигде, только данные ПЛГО в русской речи вепсов представляют слово **кóмбушки** 'колени' в Вытегорском районе (Ошта), однако хронологическая и ареальная дистактность не позволяет их рассматривать как одну и ту же единицу в диахроническом развитии.

Зафиксированное в СРНГ под 1895 годом в Крестецком уезде Новгородской губернии слово **кéрда** 'случай' (СРНГ, 13, 84), восходящее к кар. твер. *kerda* 'раз' (СКЯП, 94) позволяет указать адстратное влияние валдайских карел, ср. также кар. валд., тихв. *k'erda* 'раз' (KKS, 2, 138).

Лексема **кáрья** 'скот', фиксируемая в Лодейнопольском районе Ереминым в 30-е годы 20 века (СРНГ, 13, 113), является проникновением из карельских диалектов, ср. кар. твер., тихв., валд. *karja* 'скот' (KKS, 2, 71).

Естественно, что фиксация проникновений в источниках характерна для современной лексикографии, хотя их подача в словарях без комментариев, как обычных лексических единиц, вряд ли может дать реальное представление о лексической системе говора, поскольку предъявляя такую лексему, информанты осознают ее иноязычность.

При фиксации названий животных в иллюстрациях обычно следует ремарка об их иноязычности. Так, в Подпорожском районе отмечается слово

ко́ндий 'медведь' (СРГК, 2, 411), восходящее к вепс. *kondĭi* 'медведь' (СВЯ, 223). На востоке обследуемого региона в середине XIX-го века представлена лексема **ши́ра** 'мышь' (Ярен. Волог., Протопопов, 1847, Опыт), – результат влияния коми языка.

Наименование пищи в качестве проникновений фиксируется нечасто, можно привести лишь слово **ли́бет** 'хлеб' (Калуйск., КСРГК), которое имеет источником вепсское *lĭibad (t)* в партитиве (СВЯ, 289).

Естественно, что проникновения представляют номинативную лексику, в подавляющем большинстве имена существительные, но иногда фиксируются единицы других частей речи. Например можно отметить наречие: **ма́хты** 'очень' (Подпорож., СРГК, 3, 207), соотносимое с вепс. *mahtte* 'очень' (СВЯ, 316).

Фиксация проникновений коллектором нередко связана с опасностью записи материала не у носителей русских говоров, а у окружающих носителей финно-угорских языков. Так фиксация таких слов как: **йгенет** 'десна' и **ве́тчон** 'поясница' (Прионеж., Алекина, 64), кажется нам записью их у вепсов, ср. вепс. *igened* 'десны' (С. М.), вепс. *veččom* 'талия, поясница' (СВЯ, 620).

Таким образом, как видно из приведенных примеров, проникновения всегда близки по форме и семантике к данным языков-источников. И хотя они фиксируются у носителей русских говоров, фонетическая, морфологическая, семантическая адаптация такого рода материала всегда минимальна, и если имеет место какое-либо несоответствие, то оно чаще всего является следствием индивидуального искажения, связанного с особенностями восприятия и попытками использовать этот новый для носителя неисконный материал в речи. Следует различать проникновение как процесс и проникновения как лексические данные. Проникновение как процесс имеет свою динамику; начало, протекание процесса, завершение, причем он непрерывен, но интенсивность его меняется в зависимости от обширности контактных ареалов и количества контактирующих индивидуумов. При интенсификации процесса ассимиляции это явление, вероятно, кратковременно может усиливаться, с тем, чтобы в дальнейшем снизится до обычных размеров.

Причем, проникновение как процесс протекает как через языковые контакты разноязычных индивидуумов, так и через билингвов, вставляющих в свою речь единицы, присущие их родному языку, которые в дальнейшем, при наличии понятийной, реальной основы могут перейти в разряд субстратных единиц.

КАРТОГРАФИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

В настоящем Атласе, в основном представлены лексические карты, основанные на ономасиологическом подходе, репрезентирующие один и тот же объект номинации. Имеется несколько семантических карт, на которых в лексических единицах выделяются различные семантические признаки сходной природы.

Основная цель данной работы – показ в пространственной проекции неисконных лексических звеньев, манифестирующих исследуемый объект номинации. Исходя из этого, именно субстратные и заимствованные данные являются главным объектом картографирования, вне зависимости от объема такого материала в общей массе картографируемых лексем.

Репрезентируются также на карте и исконные единицы, поскольку для нас крайне важно было выяснить различие в доминировании исконных и неисконных данных, манифестирующих объекты номинации из различных разделов программы-вопросника.

Знаковая система картографических средств базируется на методике репрезентации лексического материала, которая была выработана в ходе работы над картами Пробного тома Лексического атласа русских народных говоров и представлена в Проекте и ряде работ Вендиной (Вендина, 1996, 19-26; Вендина, 1998, 14-21; Вендина, 2000, 9-10).

В легенде картографируемые лексемы не несут на себе графического знака ударения, поскольку каждая карта сопровождается индексом материалов, где определен акцентологический тип для данных обследованных районов.

КАРТЫ С КОММЕНТАРИЯМИ

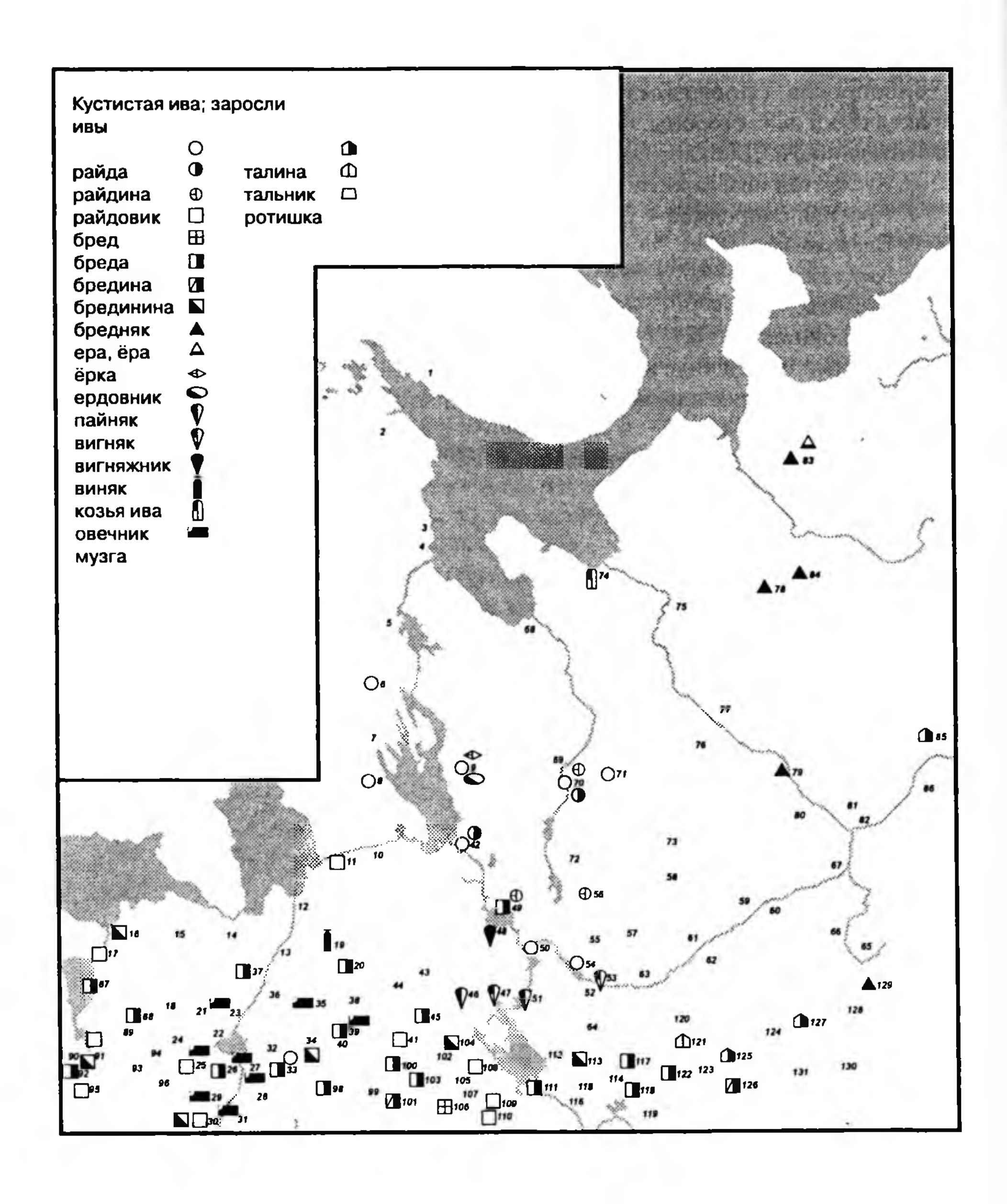
РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР

Растительный мир довольно подробно представлен в Программе ЛАРНГ – 176 вопросов (Программа ЛАРНГ, 18-26). Причем в данном случае, практически все стороны флоры были охвачены, за исключением водной растительности. Для картографирования выбраны следующие вопросы:

1. Кустистая ива; заросли ивы.
2. Красная смородина
3. Багульник.
4. Кипрей.
5. Таволга.
6. Шиповник.
7. Черный гриб в виде нароста на стволе березы.
8. Молодой, менее плотный слой древесины, лежащий непосредственно под корой.
9. Водоросли (общее наименование).

КАРТА № 1

Кустистая ива; заросли ивы



Комментарий

Произрастание на всей территории Северо-Запада России различных видов ивы – Salix без их дифференцированной номинации в говорах позволяет нам проследить названия этого растения, представленного в обыденном сознании: ива 'кустарник с гибкими ветвями и узкими листьями'. Только в печорских говорах намечается, вероятно, видовая дифференциация номинации различных пород ивы: **па́ча** 'белая ива' – **ера́** 'красная ива' (Усть-Цилем. Коми АССР. Печор. Арх., СРНГ, 25, 299), при общем названии разных видов ивы – **ера́**: "Еро́й зовем ивовый лес" (Ивашко, 1958, КСРНГ). Кроме того, отмечается вне основного ареала обследования: **ера́** 'ивовый кустарник с засохшими верхними ветвями' (Перм., Вереха), **яра** 'ивняк' (Печора, Вереха), **красноёрник** 'ивовый кустарник' (Усть-Цилем, Арх., 1953. Печор., СРНГ, 15, 182).

Калима возводит слова **ёрник, ёрка** 'мелкий малорослый, уродливый лес, особенно по тундрам и по безлесью; заморенный кустовый лес', **ера, ёрка** "общее название разных пород ивы в Запечорском крае" (Даль, Подвысоцкий) к коми *jęra* 'карликовая береза' (Kalima, 1927, 23). Ивашко представляется возможным ненецкий этимон, ср. ненец. *нерка* 'ива', *неро* 'ивняк' (Ивашко, 1958, КСРНГ). Однако непонятно, в какой связи находится материал мансийского языка, ср. манс. *нир, нирсайт* 'прут, хворостина', *нирсяхыл* 'куст' (МРС, 63) со сходными данными ненецкого. Русская лексика по форме более соответствует материалу коми языка, а по семантике ненецкого. Слово **пача** 'белая ива', вероятно, также связано с финно-угорскими данными, ср. фин. *paju* 'ива', саам. инари *poajui* 'ива', коми *бадь* 'ива', удмурт. *бадь* 'ива' (SSAP, 2, 293; КЭСКЯ, 35), однако, источник заимствования пока остается невыясненным.

Ряд картографируемых лексем представляет собой прибалтийско-финский субстрат. **Пайня́к**, ср. кар. *paju*, ливв. ген. *paju*, вепс. *paju* 'ива' (Kalima, 1915, 178; Погодин, 1904, 48), причем суффикс **-няк** является приращением уже на русской почве. Лексемы **вигня́к, вигня́жник**, которые отмечаются еще у Герасимова, Калима возводит к прибалтийско-финскому гнезду, сравнивая с фин. *viita* 'кустарник, чаща, молодой лесок' (Kalima, 1915, 85), причем **-няк** является суффиксальным наращением на русской почве, а мена *д/г* обусловлена ассимиляцией. Этимон же по его мнению следует искать в вепсских или ливвиковских диалектах. Новые лексикографические источники представляют такие данные, ср. ливв. *viidu* 'мелкий, но густой ельник', *viidakko* 'ельник' (СКЯМ), вепс. *vid'a* 'еловая чаща, молодой ельник' (СВЯ), кар. твер. *viida* 'густой островной еловый лес' (СКЯП), семантика которых не соотносится со значениями русских диалектных слов. Однако, в финских диалектах имеется следующий материал: фин. диал. *viita* 'густой молодой лиственный или смешанный лес, растущий на открытой местности (ольшаник, ивняк, березняк)', 'лиственный лес, выросший на бывшей подсеке', *viitikko, viitikisto* 'молодой густо выросший лиственный или смешанный лес', наряду с эстонским: ср. эст. диал. *viderik, vidervik* 'молодой лес из тонких деревьев' (SKES, 1754, 1755). Причем эстонские данные авторы SKES предположительно возводят к швед. *vide* 'ива', а финские со значениями, относящимися к подсеке, к древнескандинавскому – ср. др.-швед. *svidh* 'место в лесу, где валят и сжигают деревья' (SKES, 1755). На наш взгляд, в силу узкой

локализации слов **вигня́к, вигня́жник, виня́к** в белозерских и череповецких говорах данные лексемы представляют собой продукт влияния языка вепсов Белозерья, тем более, что в финских и эстонских диалектах, расположенных дистанктно от этих русских говоров, отмечается материал, который можно рассматривать как соответствующий, но не исходный для русского диалектного. Форма **виняк** является результатом ассимиляции *гн/нн/н*, широко распространенной в регионе. Маловероятно, что данные лексемы являются следствием метатезы *в/и*. Однако в Сокольском районе уже фиксируются две формы **вигня́жник** и **ивня́жник**, что, вероятно, связано с влиянием общенародного слова. Еще одно гнездо: **ра́йда, райди́на, райдо́вник**, также является прибалтийско-финским по происхождению. Погодин и Калима возводят данный материал к кар. *raida* 'ива' (Погодин, 1904, 54; Kalima, 1915, 195), SKES соглашается с их выводами (SKES, 719). На наш взгляд, бытование анализируемых лексем в зонах карельского и вепсского влияния не дает возможности разделить эти страты, логичней говорить об их смешанной карельско-вепсской природе. Слово **ра́йда** отмечалось Колосовым в прошлом веке в Валдайском уезде, в данном случае – результат влияния языка валдайских карел.

Лексемы с корнем **бред-** Фасмер трактовал как восходящие к **бреду, брести**, "потому что ива растет на сырых местах" (Фасмер, 1, 210), однако А. И. Попов отвергает всякую возможность прямой связи между словами **бред, бредина** и **брести**. Весьма достоверным кажется его предположение об "отношении данного элемента лексики к литовск. briedis 'лось', латышск. briedis 'олень', др.-прусск. braydis 'лось', так как бредина есть один из основных видов пищи этих животных... Охотоведческая практика полностью подтверждает возможность и даже высокую вероятность подобной этимологии" (Попов, 1971, 213). Ю. А. Лаучюте, однако, не включила данный материал в перечень балтизмов в славянских языках (Лаучюте, 1982). В этом же ряду стоят, на наш взгляд, слова **ове́чник** с единственной фиксацией в Онежском районе, и **ко́зья ива**, хотя и являющимся научным названием одним из наиболее распространенных видов ивы Salix capraea, но включенным в свод картографируемых лексем в силу возможного диалектного происхождения вне зависимости от общенародных данных. Лексемы **ера́, ёрка** образуют ареал влияния коми языка, вероятно они восходят к источникам, сопоставимым с коми ижем. *jẽra* 'карликовая береза' (SYRW, 77); еще Подвысоцкий относил слово **ера́** 'общее название разных пород ивы в Запечорском крае' к зырянским данным (Подвысоцкий, 42; см. также Kalima, 1927, 23; Кабинина, Матвеев, Теуш, 1999, 254, 255). Неясно, однако, место коми слова на финно-угорской почве, вряд ли сопоставляется с ним коми *ńe̮r* 'прут, хлыст, молодая сосна', *ve̮r* 'лес', *bad'-ve̮r* 'заросли ивы', *ki̮d'z-ve̮r* 'березовая роща' (SYRW, 176, 330). Но ср. коми *йӧра* 'лось' (ССКЗД, 142) и версию о источнике **бреда́**.

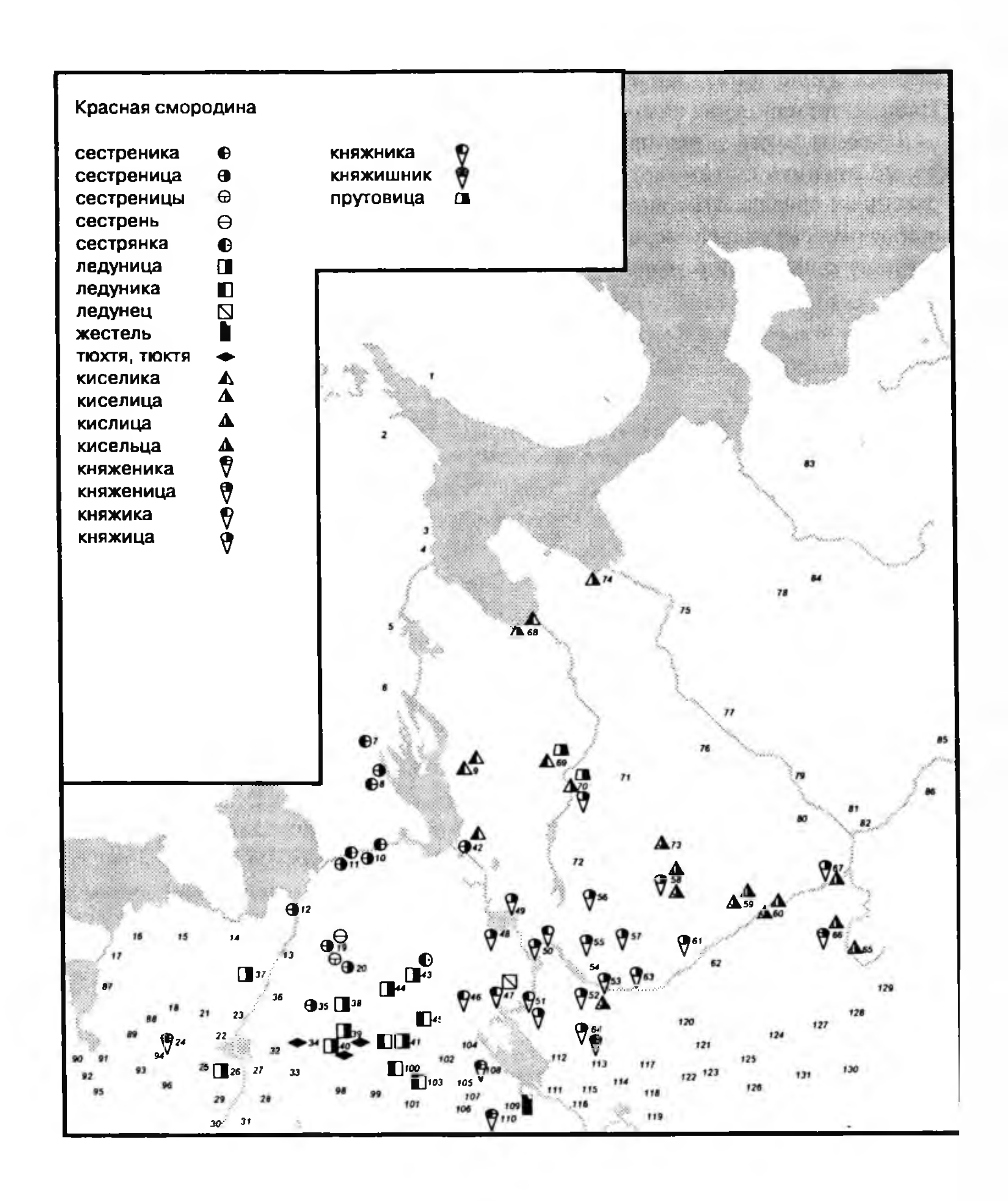
Тюрские заимствования в наименованиях ивы фиксируются только в костромских говорах (Чухломский, Парфеньевский, Межевский районы), единичное употребление отмечено в Ленском районе, это лексемы **та́ли́на, та́льник**. Е. Н. Шипова приводит в качестве источника татар., казах., кирг., алт., *тал* 'ива, верба' (Шипова, 1976, 303).

Не картографируются как не представляющие интерес в ареальном аспекте лексемы **вя́зник, луто́шка**.

Таким образом, представленный материал дает следующую картину: балтийское влияние проявляется в псковских, новгородских, тверских, ярославских, костромских говорах (лексемы с корнем **бред-**); прибалтийско-финский не однороден, карельско-вепсский – в Обонежье, Каргополье, Белозерье (лексема **ра́йда** с дериватами), вепсский – в Белозерье (лексемы **вигня́к, вигня́жник**), общеприбалтийско-финский – в Пудожском районе (лексема **пайняк**). Влияние коми языка отмечается в Пинежском, Мезенском районах (**ера́, ё́ра**), затруднительно однозначно трактовать слово **ера́** (Павинский район) из-за его довольно южной локализации.

Лексемы **музга́** и **роти́шка**, отмеченные в говорах Новгородской области, трудно оценить с этимологической точки зрения ввиду неясности западных границ их ареала, хотя вполне вероятна связь первого слова с **му́зга** 'лужа, мелкое пересыхающее озеро; пруд; сырая низина; степное озеро' (Фасмер, 3, 5), а второго с укр., белор. *рута* (Фасмер, 3, 523).

КАРТА № 2
Красная смородина



Комментарий

Включение данной реалии в свод картографируемых единиц было определено тем, что красная смородина Ribes rubrum L. произрастает в дикой природе в лесах по опушкам и по долинам рек на всей территории Северо-Запада, причем в западной части русских говоров (Смоленщина, Брянщина, Прибалтика) ее название мотивировано наличием зарослей по берегам рек – **поре́чка** (СРНГ, 30, 57, 58), хотя семантически близко к балтийскому материалу, ср. латыш. *upenes* 'черная смородина', при *upe* 'река' (ЛТРС, 205). Кроме того, обращение к данному материалу было вызвано тем, что значительная часть выявленной лексической манифестации этой реалии представлена словами финно-угорского происхождения. Основной задачей картографирования было представление ареалов лексем неисконного происхождения. Разнокорневые слова показаны знаками разной конфигурации, выдерживался единообразный показ суффиксов, фонетическия явления (неясное качество гласного в безударном слоге, вариантность акцентуации) не учитывались.

В исследуемом регионе выделяется ареал с вепсским влиянием, он определяется лексемами **сестрени́ка, сестрени́ца, сестре́нцы, сестре́нь, сестря́нка**, ср. вепс. *sestrikaine, sestrikad* 'красная смородина' (СВЯ, 506), – это западное Прионежье, Посвирье, восточное Поволховье, запад Вологодской области.

Довольно узкий ареал дают лексемы **тю́хтя, тю́ктя** – Боровичский, Окуловский, Мошенской районы Новгородской области, они, возможно связаны с кар. твер. *tuhjo* 'куст' (СКЯП, 305).

Слова **леդуни́ка, ледуни́ца, ледуне́ц** фиксируются, в основном, в говорах Северо-Востока Новгородской области и в смежных говорах Тверской и Вологодской области. Данный материал не рассматривался в этимологической литературе. Возможно его исконное происхождение, ср. **лед, леденец, ледвенец** (Фасмер, 2, 475, 549), однако в прибалтийско-финских языках сходных данных, ср. вепс. *lunzik* 'костянка' (СВЯ, 303), кар. *lintšoi, lindžoi* 'костянка' (KKS, 3, 113), кар. твер. *linčikkä* (СКЯП, 139), кар. *lindoi* 'поляника' (KKS, 3, 113), позволяют выдвинуть версию о их связи с русским диалектным материалом. Но затруднительно говорить об определенном языковом типе прибалтийско-финского языкового воздействия.

Одна лексема **жёстель**, зафиксированная в ярославских, тверских, владимирских говорах, по мнению Альквист относится к мерянскому субстрату (Альквист, 1998, 12).

Восток обследуемого региона занимает лексема исконного происхождения. Слова **кисли́ца, кисли́ка** и подобные варианты занимают обширный ареал: восточное побережье Онежского озера, Беломорье, Кенозерье, Каргополье, говоры востока Архангельской и Вологодской областей. Это единица с прозрачной исконной мотивацией.

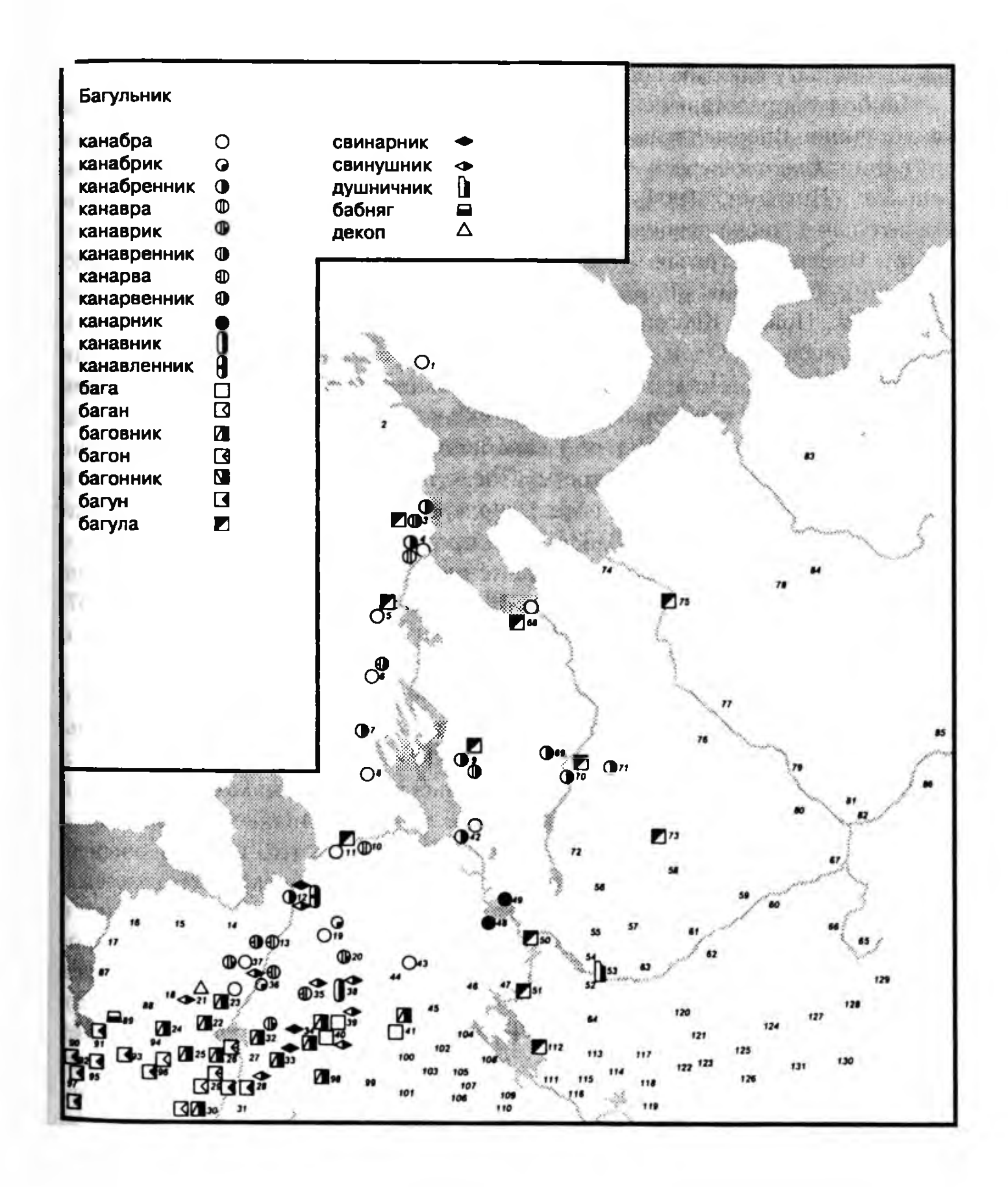
Гнездо с корнем **княж-**: **княжени́ка, княжени́ца, княжи́ка, княжи́ца, княжа́нка, княжи́шник** образуют ареал от Белозерья, распространяясь на юг и восток региона до Великоустюгского района Вологодской области. Меркулова полагает, что это слова прозрачной этимологической структуры, однако ей непонятно почему красная смородина получила название княжьей ягоды

(Меркулова, 1967, 221, 222). Действительно на первый взгляд кажется, что корень данного гнезда связан со словом **князь**, но непонятна мотивация, поскольку красная смородина по сути княжьей ягодой не является. Непонятно также, обширный и устойчивый ареал представляет собой недавнее образование или реликт более древнего языкового ландшафта, возможно и субстратного типа, ср. латыш. *knēze* 'петушиный гребень' (см.: Фасмер, 2, 265) при наименовании шиповника – **петушки́, пету́нье дерево**.

Слово **княжи́шник**, отмеченное в Солецком районе Новгородской области дает единственную фиксацию, продвинутую так далеко на запад, которую также затруднительно интерпретировать.

На Кенозере и Каргополье лексема **прутови́ца** дает довольно устойчивый ареал.

КАРТА № 3
Багульник



Комментарий

Вопрос по данному растение отсутствует в Программе ЛАРНГ, хотя багульник распространен по всей лесной зоне региона и, обладая резким, дурманящим запахом, не может не обратить на себя внимание, а, следовательно, практически всегда находится в поле зрения народной номинации. Кроме того, багульник используется в народной медицине и в домашнем быту в борьбе против грызунов, моли.

Наиболее представительный ареал имеет лексема **кана́бра** и дериват **кана́бренник**. Впервые этимологию слова **кана́бра** установил Шегрен, возводя его к фин. *kanerva* 'вереск' (Шегрен, 1852, 152), Погодин сравнивает с ливв. *kanabra* (Погодин, 1904, 99). Калима, имея в своем распоряжении значительное число вариантов: **кана́бра** 'вереск' (Новолод. Петерб., Тихв. Новг., Повен., Петрозав. Олон.); **боровая** или **сухая кана́бра** 'вереск' (Петерб.), 'багульник' (Кем. Арх., Повен., Петрозав. Олон.), 'мох на камнях' (Петрозав., Повен., Каргоп. Олон.); **канабра́** 'багульник' (Арх., Онеж. Арх.); **калабра** 'вереск' (Олон., Петерб.); **кани́бра** 'вевеск' (Петерб.); **кана́врик** 'вереск' (Новолад. Петерб.); **канобра** 'багульник' (Арх.); **боровой канарник** 'вереск' (Петерб.); **канабо́рник** 'багульник'; **кана́бреник** 'заросли багульника' (Каргоп. Олон.), 'вереск' (Петерб.), **кана́бренник** 'вереск' (Олон.), 'насаждение какой-либо лесной породы, до того густое, что трудно пролезть' (Шенк. Арх.); **кана́брик** 'заросли вереска' (Арх.), почерпнутых им из Словаря Грота-Шахматова (Слов. Акад. 1908, 334, 335), предполагает, что они соотносятся с разными этимонами, но отдает предпочтение ливвиковским данным, ср. ливв. *kanabro* 'вереск' (Kalima, 1915, 103, 104). См. также: Meckelein, 1913, 37; Фасмер, 2, 177). Лесков, имея. в распоряжении **кана́бра** 'багульник', говорит о том, что у карел так называется то же самое растение (Лесков, 1892, 99).

Действительно, различные варианты на русской почве можно связать с разными прибалтийско-финскими этимонами, так, например, лексемы **кана́бра, кана́брик** соотносятся с ливвико-людиковскими данными, а **кана́вра, кана́врик** – с собственно карельскими источниками. Однако в ареальном аспекте различные варианты не представляют собой зон с однородным распределением тех или иных лексем, что, в свою очередь предполагает смешанное взаимодействие, когда неисконная лексема, адаптированная на русской почве, может быть заимствована обратно в прибалтийско-финский континуум и т. д. Новые данные по прибалтийско-финским языкам показывают разнообразие этого гнезда, что может подтверждать предложенную версию, ср. ливв. *kanabro* 'вереск' (СКЯМ, 123), кар. *kanarvikko* 'вересковые заросли' (Ругозеро, Паданы), кар. твер. *kanarvikko* 'то же', ливв. *kanabrikko* 'то же' (Сямозеро), кар. *kanarvo* 'вереск', 'багульник' (Кестеньга, Ухта, Паданы, Валдай), кар. тихв. *kanarvo* 'вереск', 'багульник', кар. *kannarvo* 'подбел многолистный' (KKS, 2, 46), люд. *kanabr*, вепс. *kanambr*, водск. *kanebro*, эст. *kanarik, kamarik, kambarpik, kanerma*, фин. *kanerva* 'вереск', саам. терск. *kanabor* 'вереск' (SKES, 155). Авторы SKES также указывают на общий прибалтийско-финский источник слов **калабра, кана́бра, кани́бра** (SKES, 155). В SSAP выделяется значение 'багульник', как основное на русской почве, при том, что вариант **кани́бра** ими ошибочно прочитан как *kanubra* (смешение русск. (*и*) и латин. (*u*)) (SSAP, 1, 298).

Однако, в районах с возможным адстратным влиянием возможно свести тот или иной русский вариант к определенному прибалтийско-финскому типу. Лексема **кана́бра**, отмеченная в Прионежском, Вытегорском, Бабаевском, Лодейнопольском, Тихвинском, Чудовском районах явно соотносится с вепс. *kanabr'* 'вереск' (СВЯ, 176).

Лексема **кана́рник**, зафиксированная в Белозерье, возникла, скорее всего из **канарвник**.

Единицы **кана́вник, кана́вленник** представляют собой результат народной этимологии – **кана́ва** – **кана́вник**, и **кана́бренник** – **кана́вленник**.

Гнездо **ба́га, багу́н** рассматривается на славянской почве как "перенесение названия болота на растение, собственно семантическое словообразование, которому сопутствуют также формальные средства" (ЭССЯ, 1, 127).

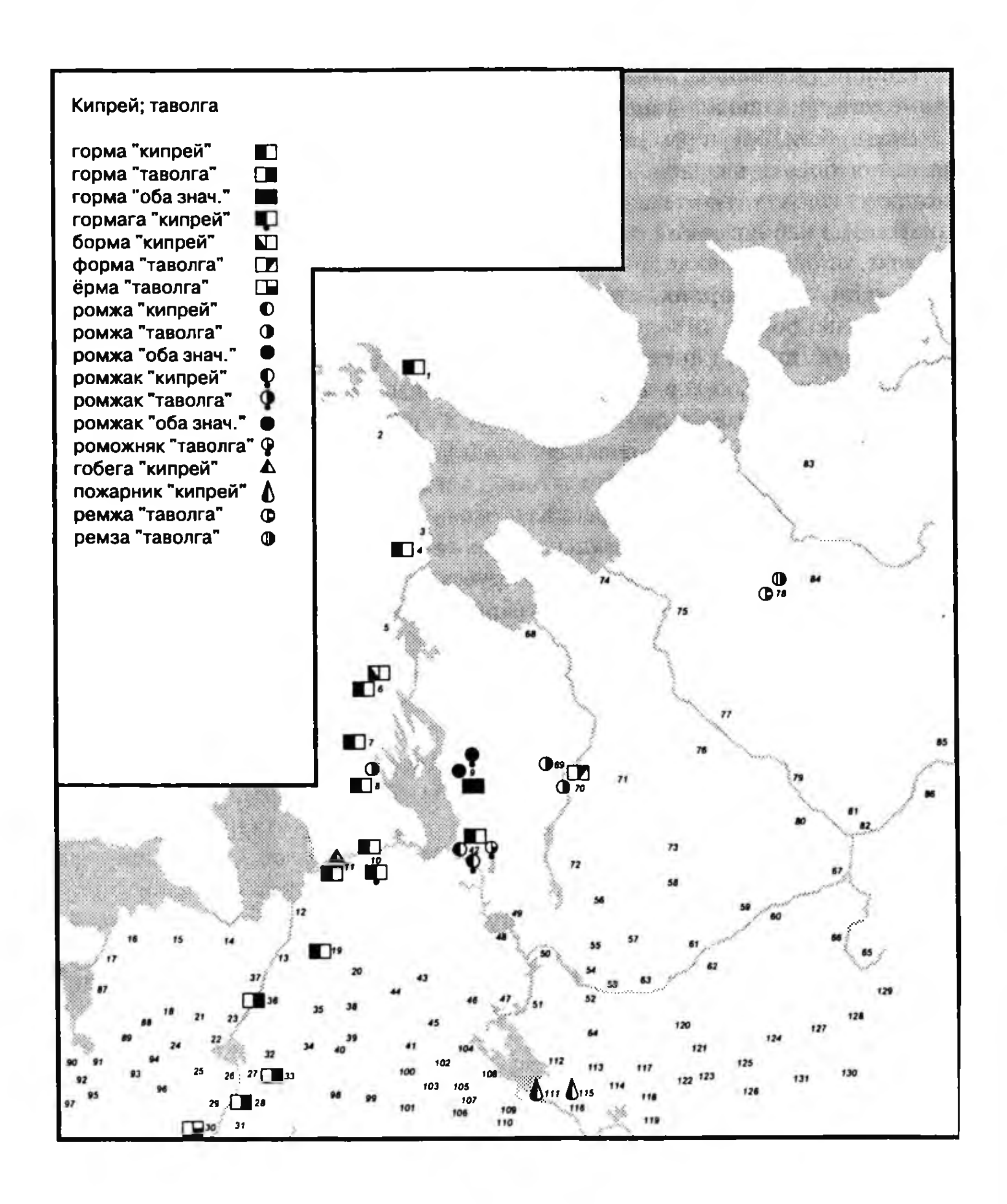
Лексема **бабня́к** также относится первоначально к гнезду с корнем **баг-** – ***багняг**.

Лексемы **свина́рник, свину́шник, душни́чник** имеют прозрачную внутреннюю форму.

Лексема **деко́п** представляет собой внутреннее заимствование из литературного языка, ср. *деко́кт* 'лекарственный отвар из трав', при латин. *decoctum*, польск. *dekokt*, нем. *Dekokt* (СРЯ XVIII в., 6, 80).

Таким образом, лексическая манифестация концепта 'багульник' представила обширный субстратный ареал (Поволховье, Приладожье, Посвирье, Обонежье, Беломорье, Каргополье, Белозерье) – гнездо **кана́бра**; часть общеславянского ареала (псковские, новгородские говоры) – для гнезда **ба́га**; а также ареал собственно русских образований (Поволховье, новгородские говоры) – лексемы **свина́рник, свину́шник**.

КАРТА № 4
Кипрей; таволга



Комментарий

В данной карте объединены две реалии кипрей – Epilobium angustifolium L., сем. ангровых и таволга – Spirea ulmaria, сем. розанных, что связано с тем, что выявленная лексика прибалтийско-финского происхождения функционирует в этих двух значениях, дифференцирующихся ареально. Поскольку главной задачей атласа является выявление и показ различных субстратных типов, и в силу незначительности, но важности материала было принято решение об объединении фактических данных для нескольких карт: 1) кипрей, 2) таволга, 3) значение слова горма, 4) значение слова ромжа. Концепция легенды карты сводится к следующим положениям: 1) значение 'кипрей' показывается заливкой правой стороны знака, значение 'таволга' – заливкой левой стороны знака; 2) разные лексемы показаны знаками различной конфигурации; 3) фонематические варианты, являющиеся частью какого-либо гнезда, показываются разной степенью заливки; 4) дериваты с субстратными корнями имеют диакритику внизу знака. Наиболее обширный материал имеет слово **го́рма**, фиксируемый в значении 'кипрей' на большей части обследуемой территории, и только в новгородских говорах оно представлено семантикой 'таволга', что, вероятно связано с полисемией на карельской почве, ср. кар. *horma* 'таволга', 'кипрей' (KKS, 1, 311). Значение 'кипрей' для возможного этимона употребляется значительно шире в прибалтийско-финских языках, ср. кар. тихв., сев. *horšma* 'кипрей' (KKS, 1, 311), кар. твер. *horma* 'кипрей, иван-чай' (СКЯП, 56), ливв. *hormu* 'кипрей, иван-чай' (СКЯМ, 72), вепс. *hörmhi̯n*, *hormehi̯n* 'кипрей, иван-чай' (СВЯ, 143), люд. *horm* 'иван-чай' (SKES, 81). Исходя из ареала можно говорить о вепсско-карельской этимологии для этого значения. В новгородских говорах по данным ПЛГО фиксируется в первом слоге "г" фрикативное, вследствие чего возможно появление варианта **йорма**, орфографическая форма **ёрма**. Вариант **фо́рма** Калима возводит к фин. *formuruoho* 'кипрей', не связывая ее саам. *foarbma* 'rumex domesticus' (Kalima, 1915, 93), на наш взгляд, вероятно развитие на русской почве, ср. русск. диал. **хонга/фонга** 'дерево, высохшее на корню', отмеченное в Красноборском районе Архангельской области (ЛААО, 61).

Дериват **горма́га**, зафиксированный в Посвирье восходит к вепс. *hormahed* 'кипрей' (СВЯ, 143).

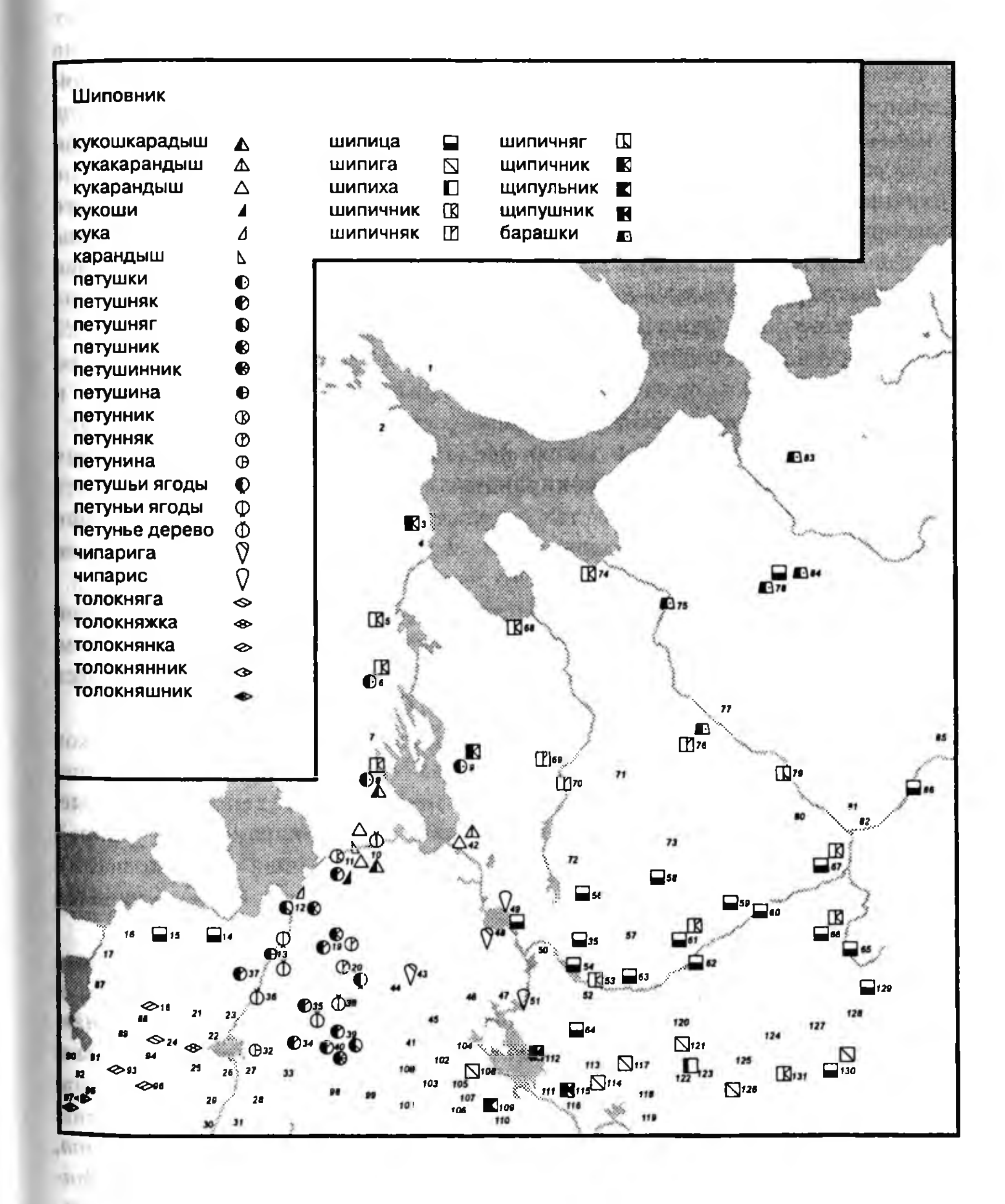
Лексема **ро́мжа**, не имела этимологической трактовки (Фасмер, 3, 500). На наш взгляд слово можно сопоставить с кар. *rožmuhein* (Сямозеро), *rožmoheinä* 'лабазник, таволга' (KKS, 5, 159), кар. твер. *rožmaheinä*, *ruožmiheinä* 'таволга' (СКЯП, 241, 245). И хотя карельское гнездо на прибалтийско-финской почве не совсем ясного происхождения, вряд ли можно говорить об обратном направлении заимствования. Весьма интересны семантические ареалы слова **ро́мжа**, оба значения фиксируются в Пудожском районе, 'кипрей' в Вытегорском (при том, что дериват **роможня́к** здесь имеет значение 'таволга'), 'таволга' – в Плесецком и Каргопольском районах. И только дериват **роможня́к** в значении 'кипрей' отмечен в удалении от восточного берега Онежского озера в Подпорожском районе.

Лексема **го́бега**, представленная в Лодейнопольском районе, вероятно, связана с **го́рма**, однако, не совсем понятно появление "б" в середине слова, хотя можно предположить следующий процесс: **го́рма** → ***горба** → ***горбега**

→ **го́бега.**

В русских говорах наименования кипрея немногочисленны, Меркулова приводит ряд названий с первой частью **иван-**, **копорка** (Арх., Подвысоцкий), **скры́пень** (Брян.), **красноголо́вник** (Краснобор. Арх.) (Меркулова, 1967, 130, 131). В КСРНГ отмечается также **ушка́нник** (Илим. Иркут., Косыгин, 1969). В ярославских говорах фиксируется лексема **пожа́рник** 'кипрей', которую, однако, вряд ли следует рассматривать как семантическую кальку, сопоставимую с фин. *palokukka* 'иван-чай', поскольку это растение обильно произрастает на лесных гарях, пожарищах (Сюрьялайнен, 1981, 33). Ср. также нем. *Feuerkraut* 'кипрей', дословный перевод пожар-трава.

КАРТА № 5
Шиповник



Комментарий

Лексическая манифестация данной реалии растительного мира довольно обширна. Однако, результаты прямого неисконного воздействия проявляются преимущественно в Обонежье, Посвирье, Приладожье, Поволховье.

Заявленная первой в легенде лексема **ку́кошкара́ндыш**, имеет фонетические варианты: **ку́кышкара́ндыш, ку́кишкара́ндыш**, которые не получили картографической разработки, а были сведены в легенде к первой единице. Все они восходят к вепсскому источнику, ср. вепс. *kukoinkaraŋg* 'шиповник' (СВЯ, 243). Вепсское слово представляет собой композит, первая часть которого – *kukoi* 'петух' (СВЯ, 242), а вторая часть *-karaŋg* не сохранилась в вепсском языке как значимая лексема, но рефлексы ее фиксируются в других прибалтийско-финских языках: фин. *karanka* 'жердь, шест', 'засохший толстый сук ели', 'прут в изгороди', кар. *karango* 'свесившаяся в реку ветвь дерева', ливв. *karango* 'сухое дерево', *karangahańe* 'высохшее на корню дерево', люд. *karangahaińe, kūzen karangahańe* 'засохшая ель' (SKES, 161), ливв. *karango* 'сухостойное дерево' (СКЯМ, 125), кар. твер. *karango* 'сухая, костлявая корова или лошадь' (СКЯП, 88), кар. *karanko* 'о ком-либо длинном и худом', *karanneh* 'кривое изогнутое дерево, растущее на болоте' (KKS, 2, 67).

Таким образом, вепсское слово целиком послужило источником для лексем: **ку́кошкара́ндыш, ку́какара́ндыш, кукара́ндыш**. А первая часть вепсского слова *kukoin-* стала основой для слов **ку́ка, ку́коши** (Лодейнопольский район), вторая часть *-karaŋg*, – для лексемы **кара́ндыш** (Лодейнопольский район).

Согласная (*ш*) в анализируемых словах, вероятно возникла на русской почве в качестве суффиксального оформления второй части лексемы, а затем, по аналогии распространилась и на первую часть – **кукош-**. Вряд ли здесь следует искать влияние вепс. *kukič* 'голубика' (СВЯ, 242).

Данное гнездо уже рассматривалось в этимологической литературе. Лесков возводит вариант **куккыш-карангыш** к ливв. *kukoin-karangaine* 'шиповник' (Лесков, 1892, 100). Калима на первое место ставит вепсские данные, анализируя материалы Куликовского: **ку́киш, кукиш-кара́нды** (р. Свирь), **ку́киш-карандыш** (р. Свирь, Петрозав.) 'плоды шиповника' (Куликовский); ср. вепс. *kukiin-karandiš, kukěin-karang* 'шиповник', при ливв. *kukoi-marju* 'плод шиповника' (Kalima, 1915, 137). См. также Фасмер, 2, 405.

Кроме того, значение первой части прибалтийско-финского композита стало основой для семантического калькирования, ср. вепс. *kukoi* 'петух' и **петушки́, петушня́к, пету́шник, петуши́нник, петуши́на, пету́нник, петуння́к**. А номинации, представленные словосочетаниями **пету́шьи, пету́ньи я́годы** и **пету́нье де́рево** являются семантическими кальками, ср. кар. твер. *kukoinmarja* 'плод шиповника' (СКЯП, 120), кар. *kukonmarja*, ливв. *kukinmuarju* 'шиповник' (KKS, 2, 419), при дословном переводе 'ягоды петуха'; кар. *kokonvarpa, kukonvarba* 'шиповник' (KKS, 2, 419), дословно: 'лоза, прут петуха', ливв. *kukoi-roagu* 'шиповник', при значении частей композита: *kukoi-* 'петух' и *roagu* 'жердь, прут, палка', 'деревина' (KKS, 5, 133).

Лексемы **чипари́с, чипари́га** фиксируются в Белозерье. Даль, отмечая варианты **чипора́с, чипоры́га** 'шиповник' в Новгородской губернии, связывает их с глаголом **чи(е)пать** (Даль, 4, 624). Вероятно сюда же относится

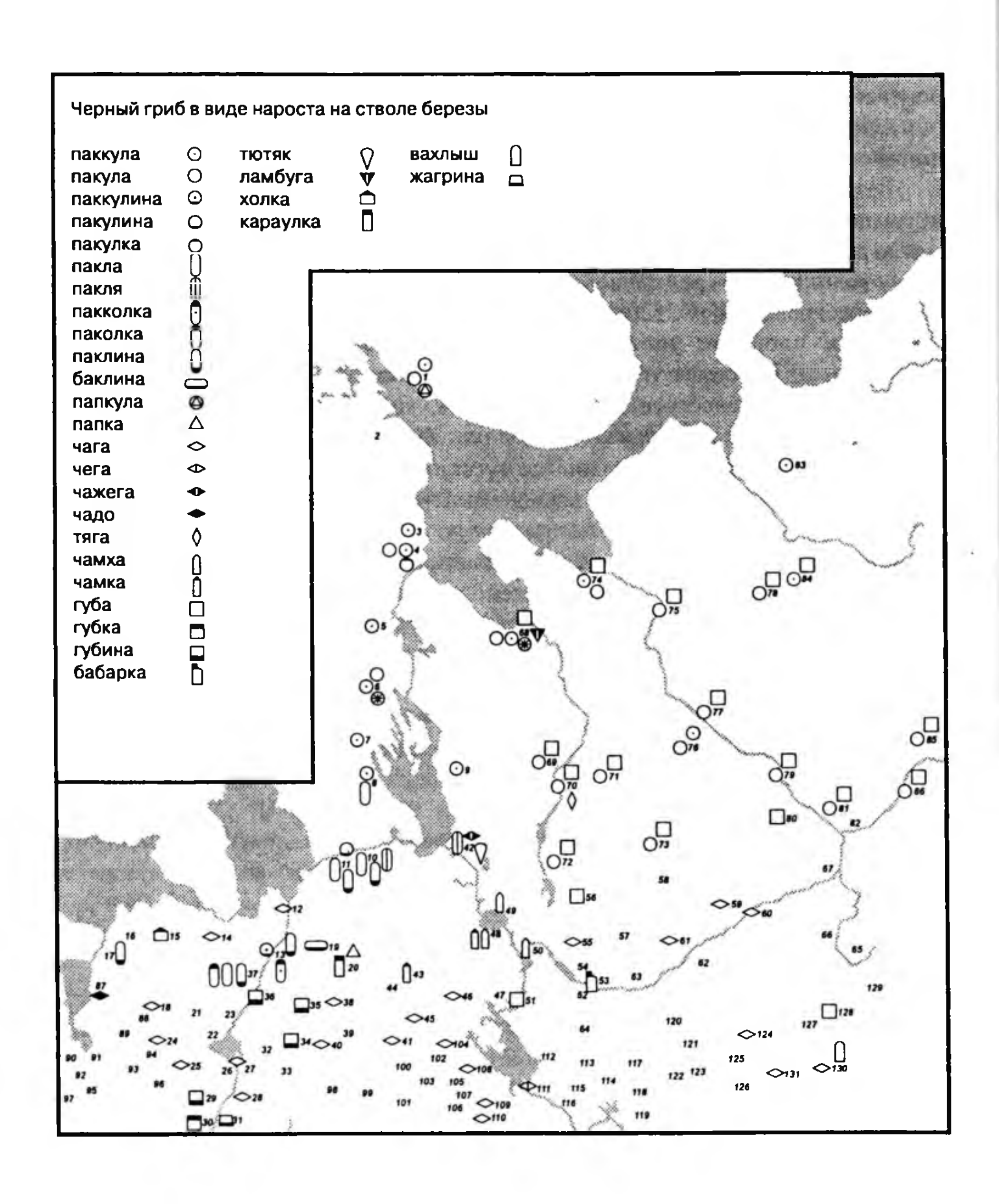
чипары́жник 'непроходимые заросли кустарника' (Шекс., КСРГК), а также **чепу́рник** 'мелкий, густой кустарник, чаща' (Вят., Васнецов, 342), Фасмер возводит его вслед за Далем к глаголам **чепать, чипа́ть** 'зацеплять, задевать' (Южн., Зап., Даль, 4, 607), при укр. *чiпати* 'зацеплять, хватать, задевать', польск. *czepić* 'хватать' (Фасмер, 4, 333). Однако, отсутствие данного наименования шиповника в других регионах позволяет сопоставить также вепсские данные, ср. вепс. *čipoita* 'щипать шерсть и т. п.', 'щипать – вызывать ощущение боли' (СВЯ, 59) русского происхождения, как возможный источник обратного влияния с мотивацией, тождественной для наименования **щипи́чник** – растение, которое щиплет.

Гнездо **толокня́га, толокня́нка** фиксируется в псковских говорах и в примыкающих к ним новгородских. Вероятно, такое наименование шиповника могло возникнуть в результате омонимического притяжения к общенародному слову **толокня́нка** – род вечнозеленых кустарников, реже небольших деревьев сем. вересковых (БЭС, 1208); это растение, напоминающее бруснику с ярко-красными плодами, употребление которых в пищу опасно для жизни (Скляров, 157), более известно под народным названием **во́лчьи я́годы**. Трудно сказать, существует ли связь с таким наименованием шиповника и кар. твер. *taiginamarja, tahaškukka* 'шиповник' (СКЯП, 293). Если неисконные данные существуют изолированно от русских диалектных, то непонятно какая лексическая единица стояла первоначально до процесса омонимического притяжения – **толокня́нка** или *taiginamarja*.

Материалы с корнем **шип-** представляют собой диалектные деривационные варианты с общерусской мотивацией, ср. **шипо́вник**. Более частотны их фиксации в архангельских, вологодских, ярославских, костромских говорах.

Лексема **бара́шки**, вероятно, обозначала первоначально наименования плодов.

КАРТА № 6
Черный гриб в виде нароста на стволе березы



Комментарий

Гриб чага (его название исключено из вопроса и наименования карты ввиду вовлеченности в анализируемые материалы) распространен на территории всего региона в местах произрастания березы. Чага отличается от других грибов-трутовиков: ложного и настоящего, имеющих подковообразную форму и плоской стороной обращенных вниз. Однако, для лингвистических задач изучения лексики возможное смешение чаги с другими трутовиками нам не кажется слишком существенным. Тем более, что информанты обычно дают информацию о произрастании чаги на березе, хотя и распространяют понятие 'чага' на грибные наросты на других лиственных деревьях: осине, ольхе.

Практически всегда в ходе полевых обследований удавалось найти то или иное наименование для рассматриваемой реалии. Это связано с тем, что этот гриб активно использовался в хозяйственной жизни и народном крестьянском быту в качестве трута, для изготовления небольших сосудов, а также как лекарственное средство. Широко бытует мнение, что настой гриба чаги помогает при лечении болезней желудочно-кишечного тракта, а также злокачественных опухолей.

Наиболее обширный ареал, репрезентирующий лексическую манифестацию данной реалии, имеет лексема **па́ккула**, а также фонетические и деривационные варианты: **па́кула, па́ккулина, па́кулина, па́кулка**. Прекрасное описание этого слова дано Подвысоцким: **пакку́ла** "губчатый нарост на березе; по его медленному, с обильным дымом горению, лесовщики жгут его на кострах для охранения от комаров; из золы паккулы делают щелок, которым самоедки после родов, а также помогающие им при родах самоучки-повивальные бабки, обмывают себе тело, – без чего не могут выходить из отводимого собственно для родов чума, так считаются нечистыми. оскверненными" (Мезен., Подвысоцкий, 116). Веске для данных Подвысоцкого приводит в качестве возможных источников коми *пакула* 'березовый гриб' и фин. *pakkula* 'трут, березовый пористый гриб' (Веске, 1890, 84). Погодин также видит этимон в финском слове (Погодин, 1904, 48). Калима на первое место ставит карельские данные, ср. кар. *pakkuli* 'гриб на березе, чага', при вепс. *pakkal* 'нарост на березе' (Kalima, 1915, 179). См. также Meckelein, 1913, 54; Фасмер, 3, 189. Ср. новые материалы: ливв. *pakkuli* 'гриб на березе, чага' (СКЯМ, 253), кар. твер. *pakkuli* 'чага', 'гриб-трутовик на гнилом дереве' (СКЯП, 197), ливв. *pakkul'i* 'образовавшийся из сока березы древесный трут, губка', люд. *pakkul'* 'нарост на березе, мягкое грибковое образование на стволе березы' (SKES, 470). Авторы SSAP рассматривают лексему фин. *pakkula* как исконное дескриптивное слово (SSAP, 2, 297).

Лексемы **па́кла, па́кля** и дериваты **па́кколка, па́колка, па́клина** также прибалтийско-финского происхождения, но, если слово **па́ккула** сводится к карельским источникам, то по сокращенной основе **пакл-** и исходя из ареала можно говорить об их вепсском источнике, ср. вепс. *пакл* 'трут; гриб-трутовик' (СВЯ, 395). Калима объясняет форму **па́кля**, отмеченную у Даля (Арх., Волог., Даль, 3, 6) влиянием гетерогенного омонима **па́кля** 'грубое волокно, отход от переработки льна, конопли и других лубяных, культур' (Калима, 1915, 179). На наш взгляд, форма **па́кла** (более частотная), бытующая в сфере влияния вепсского адстрата и субстрата в Вытегорском, Подпорожском, Прионежском,

Лодейнопольском районах является результатом непосредственного вепсского воздействия, а вариант **пáкля** возник уже на русской почве в ходе процесса омонимического притяжения.

Из русских говоров слово вошло в коми язык, ср. коми *пакула* 'березовый трутник (древесный гриб)' (КЭСКЯ, 215).

Дериват **пáклина** фиксируется в Киришском, Лодейнопольском, Подпорожском, Сланцевском, Чудовском районах, что примерно соответствует ареалу слов **пáкла, пáкля**. В НОС для лексемы **пáклина** ошибочно дается толкование "гнилое разлагающее дерево": – Гриб нарастает на гнилом дереве, паклиной зовут (Чудов., НОС, 7, 94).

Варианты **пáткула**, отмеченный в Медвежьегорскои районе (Космозеро, Черкасы) и **пáхкула** – в Онежском (Кянда), вероятно, следует рассматривать как результат диссимиляции геминаты (*кк*), однако, последний вариант можно сопоставить с фин. *pahkula, pahkura, pahka* 'небольшой наплыв, нарост на стволе дерева', при люд. *pahk* 'нарост на березе', ливв. *pahku* 'шишка, нарост на стволе', вепс. *pahk* 'нарост на дереве', водск. *pahk* 'нарост на дереве', саам. норв. *bakke*, инар. *päkki*, терск. *pahke* 'наплыв, нарост на дереве' (SKES, 455). На карте эти варианты отмечаются как единичные в пределах функционирования лексемы **пáккула**.

Лексема **бáклина**, отмеченная в Тихвинском районе, рассматривается нами как результат озвончения (*п*) - (*б*), вряд ли сюда относится саамский материал (см. выше) или **бáка** 'древесная губка, трут' (Перм., Даль, 1, 40), которое Калима возводит к коми *baka* 'гриб на березе' (Калима, 1927, 15).

Лексема **пáпкула** также, вероятно, представляет собой вариант **пáккула**, а **пáпка**, зафиксированное в достаточном отдалении от **пáпкула** (Тихвинский район и Кольский полуостров), вероятно, связана с вепс. *pahk* 'кап (наплыв на стволе дерева)' (СВЯ, 390) и является результатом омонимического притяжения; хотя в легенде отражено присутствие в корневой морфеме части **папк-**.

Лексема **чáга** фиксируется по всему региону от территории Псковской области до востока Костромской, Вологодской областей, что говорит об интердиалектном ее характере, обусловленном тем, что она является общенародной единицей. Калима возводит ее к коми *tšak* 'гриб губка' (Kalima, 1927). См. также Веске, 1890, 84; Погодин, 1904, 65; Meckelein, 1913, 68; Фасмер, 4, 310. Мищенко по материалам Лексической картотеки Топонимической экспедиции УрГУ предъявляет ряд вариантов, отсутствующих в наших данных: **шáга, чáка** (Пинежский, Виноградовский, Няндомский, Шенкурский, Коношский, Вожегодский районы), **чáча** (Мезенский, Приморский, Лешуконский, Холмогорский, Няндомский, Каргопольсклй, Вытегорский, Кирилловский, Устюжеский районы), **чава, чаба, чада, чагла, чагна** (Мищенко, 2000, 122).

Вариант **тя́га** (Каргопольский район), а также **чáдо** (Гдовский район) и **чéга** (Рыбинский район) имеют единичные фиксации. Дериват **чáжега**, отмеченный в Витегорском районе (Андома) свидетельствует о продуктивности модели R + **-га**.

Лексемы **чáмха, чáмка**, фиксируемые в Белозерье и смежных районах, фонетически и семантически восходят к саамским источникам, ср. саам. швед. *tjadna, tjana* 'гриб', лул. *tjatnā* 'древесный гриб', саам. норв. *čadna* 'гриб на

березе, трутовик', инар. *čaana*, кильд. *t'šāna*, терск. *t'šānna* 'кап, гриб-трутовик', при мар. *šin, šen* ' гриб-трутовик на березе', удм. *šeńki* 'гриб-трутовик', манс. тавд. *šinü·w* 'гриб-трутовик', при фин. *sieni* 'гриб' (SKES, 1008), по версии впервые выдвинутой Субботиной (Субботина, 1978, 77). См. также Мищенко, 2000, 125.

Лексема **ла́мбуга**, зафиксированная в Онежском районе, по другим источникам имеет варианты **ламба, ламбушка, лампуга, лампуха** с несколько расширенной географией (добавляется Плесецкий район); но не разрабатывалась этимологически (Мищенко, 2000, 121). Трудно оказать, на какой почве следует выдвигать этимологические версии, при исключении предположения о исконном происхождении анализируемого слова, хотя, исходя из ареала возможны прибалтийско-финские и саамская предварительные гипотезы. Однако, прямых соответствий по лексикографическим источникам в этих языках к настоящему времени не обнаружено, что заставляет предположить преобразование формы и семантики на русской почве. Ср. фин. *loimukoivu* 'свилеватая карельская береза' (ФРС, 333), кар. *lämpä, lämby* 'о чем-либо, изогнутом, кривом, горбатом' (KKS, 3, 225), фин. *lumpio* 'круглая при-плюснутая головка, набалдашник' (SKES, 309); фин. *lunki* 'кора березы', саам. норв. *logge: logge-muorrâ* 'дерево, которое трескается вдоль годовых колец', при морд. эрз. *leŋge* 'молодая кора липы' (возможном балтийском источнике – латыш. *lûks* 'лыко', литов. *lunkas* 'лыко'), саам. кильд. *лоŋgᵏeᵇ* 'драть бересту' (SKES, 309, SSAP, 2, 103). Но, приведенные лексические соответствия еще нуждаются в дальнейшем осмыслении, и их нельзя рассматривать в качестве этимонов.

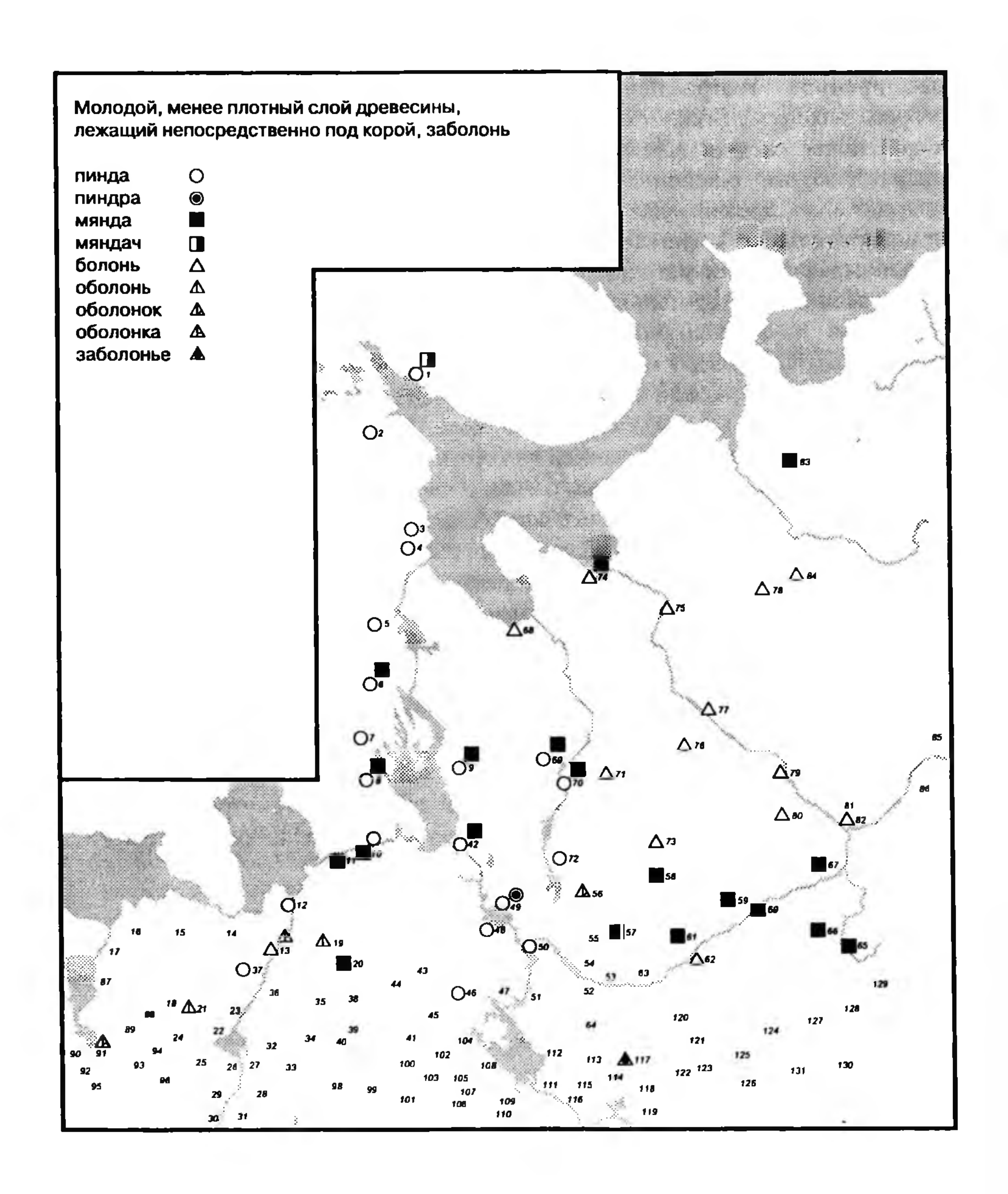
Лексема **тютя́к**, отмечаемая только в Вытегорском районе (Андома), восходит к вепс. *čustäk* 'нарыв, прыщ' (СВЯ, 66).

Отмечаются следующие исходные данные: **вахлы́ш**, ср. *вахла́к* 'шишка, желвак, опухоль' (Фасмер, 1, 280), **хо́лка**, ср. хохо́л (Фасмер, 4, 272), **жа́грина**, ср. жа́гра 'древесная губка, трут, обгорелый фитиль', чеш. *žahati* 'жечь, обжигать' (Фасмер, 2, 32), **губа́**, ср. литов. *gum̃bas* 'шишка, желвак, нарост' (Фасмер, 1, 468), которые имеют, в основном, прозрачную внутреннюю форму.

Лексемы **баба́рка** и **карау́лка**, с единичными фиксациями, не имеют к настоящему времени этимологических версий.

КАРТА № 7

Молодой, менее плотный слой древесины, лежащий непосредственно под корой, заболонь



Комментарий

В наименовании комментируемой карты заболонь фигурирует как общее название, относящееся ко всем видам деревьев, но в большинстве случаев удавалось получить лексическую манифестацию, если речь шла о заболони сосны. Это связано с тем, что сосна была одним из важных элементов в хозяйственной деятельности человека на территории Северо-Запада. Она использовалась в строительстве, информанты сообщают, что раньше предпочитали рубить избы из сосны, поскольку ель в сильные морозы могла изгибаться и выходить из пазов сруба; только из внешнего слоя древесины сосны изготавливалась дранка, из которой делали корзины, рыболовные ловушки, фильтры для процеживания сусла, при варке пива, крыли крыши домов. Кроме того заболонь молодых сосен весной использовалась в пищу, ее сдирали с деревьев острым ножом или тонкой прочной проволокой длинными полосами – **ле́ндами** (Борович., ПЛГО). При сборе материала была выявлена следующая тенденция, при неисконной (прибалтийско-финской) лексической манифестации информанты, давая сведения о наименованиях заболони, имели в виду заболонь сосны, при фиксации исконных материалов, обычно, речь шла о заболони вообще.

Задача картографирования данного материала свелась к показу ареалов трех гнезд, два из них прибалтийско-финского происхождения – **пи́нда, мя́нда**, и одно исконное – **о́болонь, боло́нь**. При фиксации исконных данных учитывались только материалы, не являющиеся единицами русского литературного языка и не совпадающие с одним из вариантов вопроса – заболонь.

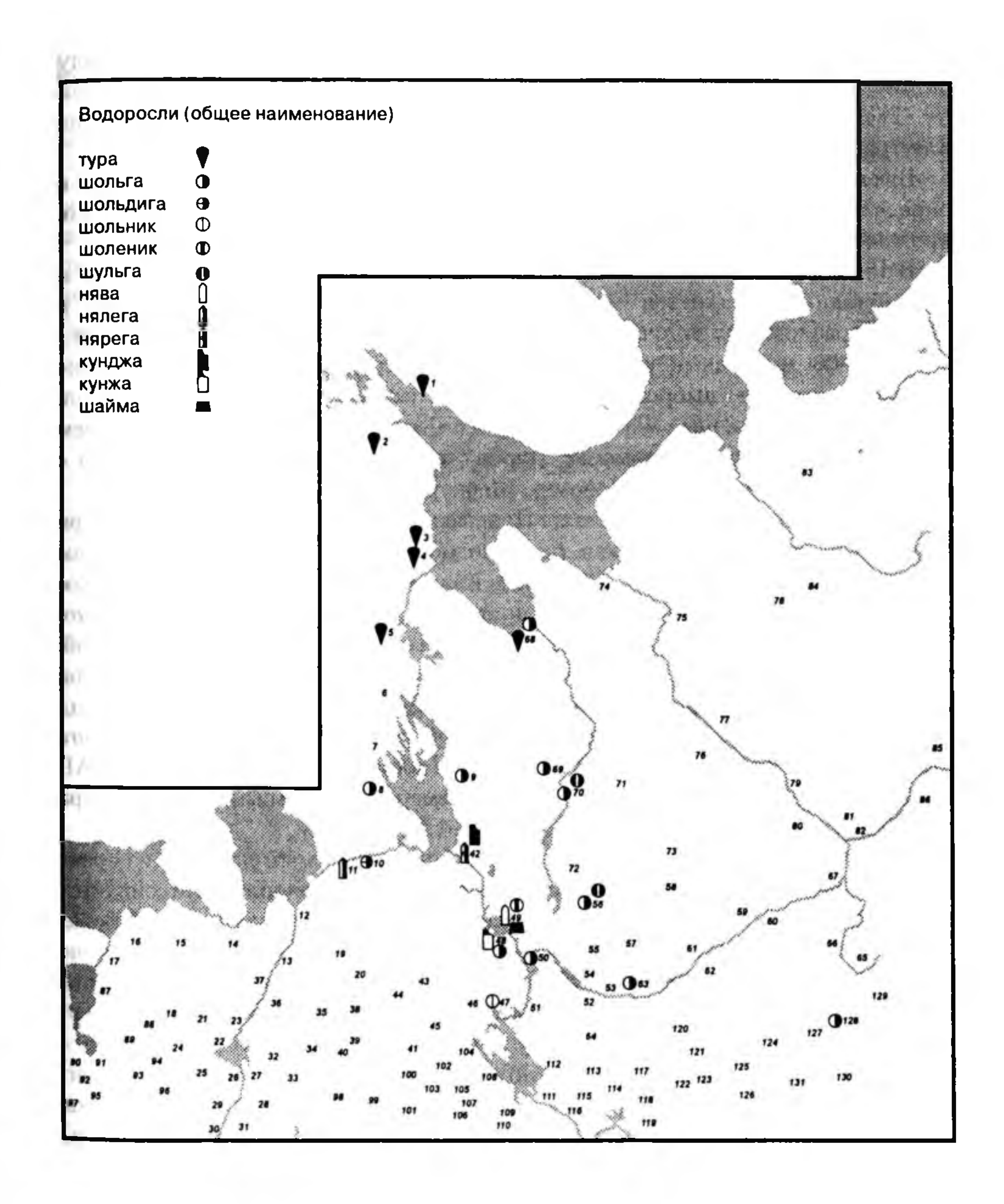
Лексема **пи́нда** отмечается в Обонежье, Посвирье, Поволховье, Белозерье, Каргополье, в западной части Беломорья. Первая ее классифицированная трактовка дана в Словаре Куликовского: **пи́нда** "нежный слой древесины преимущественно сосновых деревьев, лежащий непосредственно под корой" (Петрозав., Пудож., Вытегор., Каргоп., Заонежье, Куликовский).

Впервые слово **пи́нда** погрузил в прибалтийско-финский контекст Лесков: – "Пинда – верхний слой соснового дерева; в карельск. pinda – спина, потом верхний слой жиру на спине, напр. у свиньи, и верхний слой дерева" (Лесков, 1892, 101). См. также Погодин, 1904, 50; Meckelein, 1913, 56. Калима предлагает карельско-ливвиковскую этимологию, ср. кар. *pinda*, ливв. *pinda-* 'поверхность', при фин. *pinta* 'поверхность, наружная оболочка' (Kalima, 1915, 185). См. также Фасмер, 3, 263. Можно, однако, привести новые данные по прибалтийско-финским языкам, которые более соответствуют русским диалектным данным, ср. ливв. *pindu* 'верхний слой дерева, заболонь' (СКЯМ, 268), вепс. *pind* 'заболонь', 'сосновый брусок, из которого делают лучины для корзин' (СВЯ, 419), люд. *pind* 'поверхность дерева, воды', 'кожа животного', при эст. *pind* 'поверхность, оболочка', удм. *ped pal* 'внешняя сторона', саам. инар. *pidde* 'заболонь' (SKES, 570). Таким образом, карельские материалы, ср. также кар. твер. *pinda* 'заболонь, подкорковый слой дерева' (СКЯП, 209), кар. сев. *pinta* 'верхний слой, поверхность' (KKS, 4, 296), наряду с вепсскими можно классифицировать как источники анализируемых русских данных. Вариант **пи́ндра**, зафиксированный в Вашкинском районе (Новец, Пиксимово) по ПЛГО также относится сюда же.

Лексемы **мя́нда, мя́нда́ч** имеют ареал, который более продвинут на восток, нежели ареал лексемы **пи́нда.** В Обонежье, Посвирье, Каргополье они образуют зону совместной дистрибуции. Однако, если для слова **пи́нда** основным является значение, представленное на карте, то для слов **мя́нда, мя́нда́ч** таковое не относится к доминирующему семантическому типу; широко распространенным для них является семантика 'сосна с толстым слоем заболони'. Так, например, Чайкина отмечает фиксации лексемы **мя́нда** в значениях: 'болотная сосна', 'темноватые и водянистые слои ствола дерева', 'мелкий сосновый лес, растущий на болоте', 'болото, покрытое редким хвойным лесом', начиная с XV века (Чайкина, 1975, 32-33). У Срезневского отмечается самая ранняя датировка: – На Кондратов мох да на высокую мянду. 1462 г. (Срезневский, 2, 255); позднее по другим источникам – в 1490 г. (СлРЯ XI-XVII вв., 9, 343). Этимологические разработки слова **мя́нда** основывались на прямых соответствиях номинации сосны в прибалтийско-финских языках, ср. фин. *mänty*, кар. *mändü* 'сосна' (Шегрен, 1852, 162; Грот, 1876, 446; Веске, 1890, 83; Погодин, 1904, 156; Фасмер, 3, 30; Аникин, 2000, 384). Калима полагает, что коми *mandatš-pu* 'засохшее дерево' заимствовано из русского (Kalima, 1915, 171). Присутствие в вепсском языке, вепс. *mänd* 'рыхлая заболонь' (СВЯ, 344), значения, которое совпадает с русским диалектным, рассматриваемым нами, не позволяет с большой долей уверенности считать его возможным источником, при наличии в других прибалтийско-финских языках для этого гнезда семантики 'сосна', поскольку вепсский лексико-семантический вариант может являться обратным заимствованием. Однако, распространение лексемы **мя́нда** в указанном ареале, являющемся зоной адстратного и субстратного вепсского влияния может свидетельствовать в пользу этой версии (см. Мызников, 2001, 110), а фиксации в северно-восточных районах Вологодской области представляют результат субстрата вепсского типа.

Исконное гнездо **боло́нь** фиксируется в новгородских говорах и далее преимущественно в говорах Архангельской области восточнее р. Онега.

КАРТА № 8
Водоросли (общее наименование)



Комментарий

Лексическая манифестация анализируемого концепта представлена только неисконными материалами. При сборе данных в полевых условиях не делался упор на выяснение видовых наименований, выяснялось общее название водорослей, хотя мы отдавали отчет в том, что в действительности за ним в реальных условиях обширного региона Северо-Запада могут иметься в виду различные виды водорослей. Но такая дифференциация по виду водорослей не касается нашего материала, вследствие его направленности на интегральность наименования.

Вполне вероятно, что лексемы, образующие ареалы, привязанные к определенным водоемам: море, большое озеро, небольшое озеро, река, ручей, при тождественном сигнификате привязаны не к тождественным реалиям.

В Беломорье общим наименованием для водорослей (как морских, так и пресноводных) является лексема **ту́ра́.** Она фиксировалась уже в лексикографических источниках: **ту́ра** 'всякий морской порост' (Арх., Опыт.) **ту́ра** 'всякая морская поросль' (Помор., Подвысоцкий, 176), **тура́** 'гниющие морские растения, выброшенные сильною погодою на берег' (Арх., Доп. Опыт.), **ту́ра** 'различные морские водоросли, выброшенные на берег прибоем морских волн' (Южн. Беломорье, Дуров), **ту́ра** 'бурые морские водоросли с водянистыми пузырьками' (Ловозер., Меркурьев, 1978).

Погодин, анализируя материалы Подвысоцкого, предлагает для слова **ту́ра** карельскую этимологию, ср. кар. *tuura* 'водное растение, растущее по берегам Онежского озера' (Погодин, 1904, 63). Калима обосновывая прибалтийско-финское происхождение лексемы, приводит для сопоставления фин. *turo* 'камыш, тростник' (Kalima, 1915, 228). Авторы SKES, идя вслед за Калимой, возводят этот материал к фин. или кар., сравнивая с фин. диал. *tura* 'пучок травы в воде', 'трава, растущая на сыром, заболоченном месте', 'вид водорослей', кар. сев. *tura* 'хлам, мусор' (, 1418). Ср. также ижор. *turo* 'выброшенные на берег слизь, мусор, которые собирают для удобрений' (SSAP, 3, 335). См. также Meckelein, 1913, 66; Фасмер, 4, 123. Ареал лексемы **ту́ра́** свидетельствует в пользу севернокарельской этимологии.

Довольно обширный и, на наш взгляд, более значимый для анализ ареал образует гнездо **шо́льга́, шо́льник** с дериватами. Лексема **шо́льга́** фиксируется в Обонежье, Каргополье, Блозерье, бассейне р. Онеги, окрестностях оз. Воже, а также на территории костромской области (Пыщугский район). Ранее оно отмечалось Рыбниковым: **шольга** 'род травы с мелкими листьями' (Каргоп., Рыбников, 1864); Куликовский предлагает два варианта – **шо́льга** на Кенозере и в Прионежье (Каргоп., Петрозав.) и **ше́льга** – в Каргопольском уезде с общим значением 'растение водный полигон' (Куликовский). Фасмер говорит о неясном происхождении данных Куликовского (Фасмер, 4, 466). На наш взгляд, анализируемый материал возможно сопоставить с вепс. *šol'l'od* 'pl. водоросли', при *šol'l'paik* 'место, где растут водоросли' (СВЯ, 546). Однако смущает неясность происхождения вепской лексемы, при явно вторичном начальном [š]. Трудно сказать, относится ли сюда же лексема **шульга́**, ввиду другого типа вокализма и ударения на последнем слоге, ср. мар. *вӱдшудо* 'водоросль' (РМС, 34).

Лексема **ня́ва,** зафиксированная в Вашкинском районе, при прибалтийско-

финском характере происхождения, сопоставляется с фин. *nälvä*, эст. *nälv* 'слизь', вепс. *n'äle* 'слизь' (SKES, 412), причем, более вероятен ее вепсский источник, ср. также вепс. *näum* 'слизь, тина' (СВЯ, 372), *ńäl'ud, ńäl'od* 'водоросли' (СВЯ, 373). Лексема **ня́лега** восходит также к вепс. *näleg* 'слизь, тина' (СВЯ, 372). Вариант **ня́рега,** возможно, относится к предыдущей лексеме, поскольку мена сонорных нередкое явление в говорах Северо-Запада, хотя нельзя совсем и исключать связь с вепс. *närehu̯n* 'мокрица' (СВЯ, 373).

Лексема **ша́йма** имеет единственную фиксацию в Вашкинском районе, ее возможно сопоставить с вепс. *šahm* 'сухой мох, растущий на камнях, деревьях и т. п. (СВЯ, 542).

Лексемы **ку́нджа, ку́нжа** фиксируются в Вытегорском и Белозерском районах, при отсутствии возможных версий происхождения на русской и прибалтийско-финской почве, не исключена их саамская этимология, ср. саам. кильд. *kūᵈt's*⁽ᴬ⁾ 'гнилой, трухлявый', 'гнилушка', саам. кильд. *kuənd'*ᴬ 'растение плыун' (KOLTKS, 179, 166)

ЖИВОТНЫЙ МИР

В программе ЛАРНГ данный раздел занимает большое место – 210 вопросов, 177 – 387. Однако, он не разбит на отдельные подразделы, включающие в себя вопросы по наименованиям российской фауны. По программе ОЛА вышел 1-й выпуск 'Животный мир' (ОЛА, Вып. 1, 1988), в котором представлено 48 карт, в большинстве случает нацеленных на репрезентацию материала, не являющегося диалектным, показывающего общеславянский лексикон либо его специфику в различных славянских языках. Кроме того, в этом атласе исключен еще на стадии разработки карты-бланковки Северо-Запад России, что делает невозможным целостный анализ лексических ареалов.

Данный раздел, как крайне важный и весьма показательный при определении реалий и концептов, имеющих интересующую нас неисконную лексическую манифестацию, было решено разбить на структурно выделяемые, тематически обособленные подразделы.

Дикие животные;
Птицы;
Рыбы;
Земноводные, пресмыкающие;
Насекомые.

ПТИЦЫ

В Программе ЛАРНГ вопросам, которые посвящены птицам, уделено значительное место: с № 249 по № 348, однако многие из них являются словообразовательными, нацеленными на определение лексических манифестаций самок птиц и птенцов (Программа ЛАРНГ, 28 – 32).

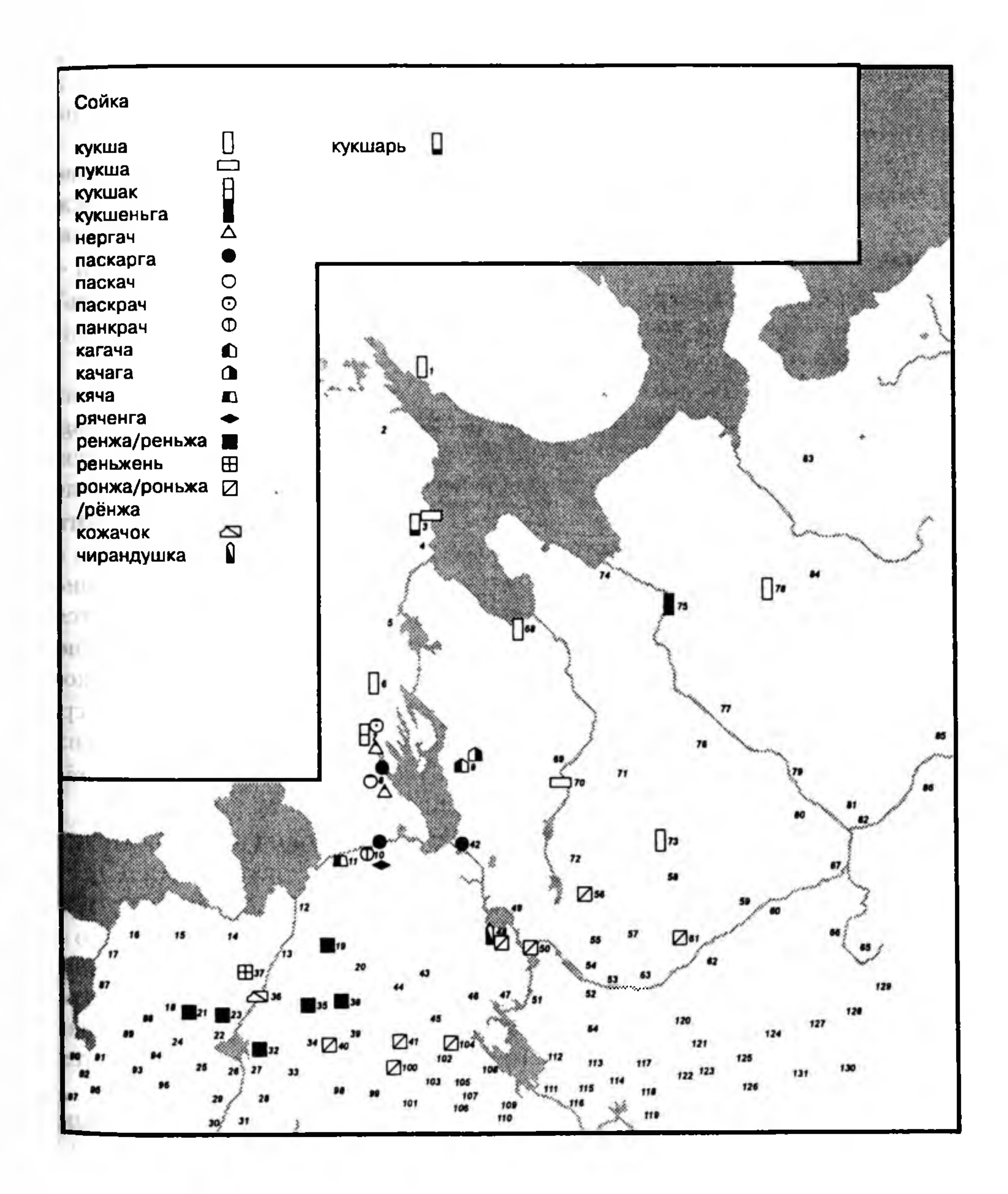
В нашей программе были представлены следующие вопросы:

1. Сойка.
2. Самка глухаря, глухарка.
3. Сова.
4. Филин.
5. Ястреб.
6. Чибис.
7. Издавать звуки при токовании (о тетеревах, глухарях).

Поскольку значительная часть неисконных манифестаций проходила на узких ареалах, не проявляя различные типы субстратов, было решено для данной работы остановиться на трех наиболее репрезентативных вопросах: 1, 2, 5.

КАРТА № 9

Сойка



Комментарий

Объектом картографирования были русские диалектные наименования сойки неисконного происхождения. Из анализа был исключен общенародный корпус ввиду совпадения материальной формы имени понятия и обозначающей его лексемы – сойка. Лексика прибалтийско-финского происхождения показана на карте знаками разной конфигурации наряду с манифестациями, являющимися балтизмами. Акцентологические варианты, а также лексемы, различающиеся мягкостью-твердостью одного из согласных на карте отдельно не выделяются.

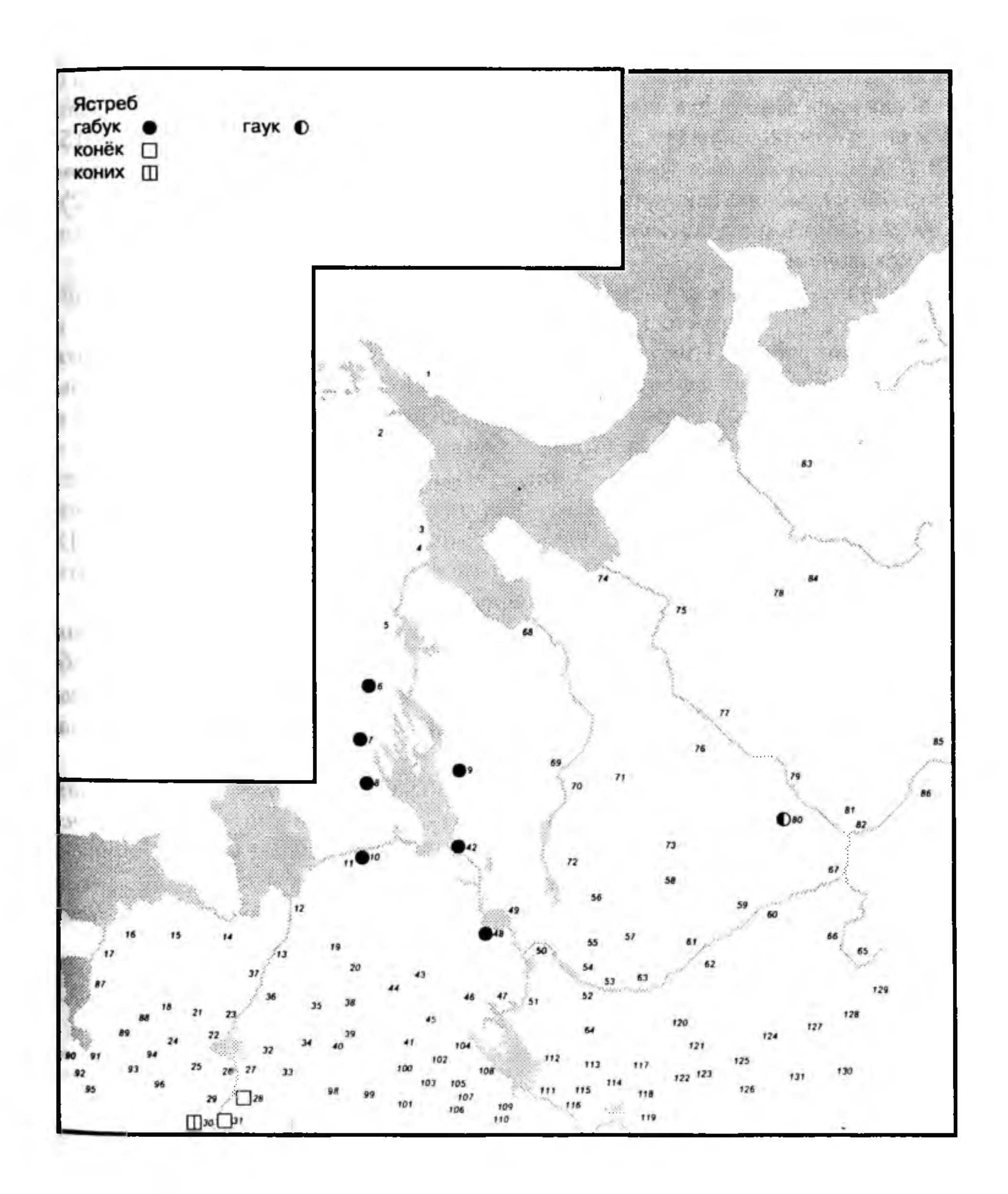
Среди слов прибалтийско-финского происхождения на почве происхождения лексем-этимонов выделяется ономатопоэтическая лексика: русск. **ку́кша** с производными – кар. *kuukšo*, ливв. *kuukša*, люд. *kukšoi*; русск. **не́ргач** – кар. *närhi*, ливв.; русск. **ка́чага** и вариант с метатезой слогов – *ча/га* – вепс. *kačatada* 'стрекотать – о сороке'; русск. **кя́ча** – вепс. *käčkta* 'скрипеть', причем и на русской почве звукоподражательный характер этих слов мог сохраняться (С. М.).

Два опорных этимона представляют собой наименования, основанные на характеристике поведения этой птицы: русск. **паскара́га** – вепс. *paskaharag*, представляющее из себя композит – *pask* 'понос, дерьмо', *harag* 'сорока'; русск. **па́скач** – вепс. *paskač* и синонимичная вепсская калька – *herеč* 'воробей', где *here* 'навоз'; на русской почве эти лексемы ощущаются по-разному, **паскара́га** имеет тенденцию к ономатопоэтической обусловленности, тогда как **па́скач**, в значениях 'воробей', 'сойка' явно получил мотивацию через переосмысление форманта – *скач*. В то же время варианты **па́скрач, панкра́ч** стремятся получить внутреннюю форму, основанную на ономатопоэтической базе. Одно слово **ря́ченга**, явно звукоподражательного характера как на прибалтийско-финской, так и на русской почве, было заимствовано из балтийских языков, ср. литов. *strāzdas*, латыш. *strads*, затем адаптированная в прибалтийско-финских языках лексема, ср. фин. *rästäs* 'дрозд', кар. твер. *ratsakka* 'сорока', вепс. *räč* "сойка", люд. *rä(tšni)*, вошла в говоры Посвирья (SKES, 742).

Ряд вариантов с корнем **ренж-/реньж-, ронж-/роньж-** относятся к балтийским заимствованиям, ср. латыш. *ruoze* из **ranžе* 'дятел', литов. *rąšis* 'ореховка' из **ranžis* (Преображенский, 1914; Фасмер, 3, 500; Буга, 2, 535; Лаучюте, 90). Слово **ронжа** 'сойка' отмечается в Слов. Акад. 1847, кроме того в красноярских, амурских, пермских говорах; в значении 'кедровка' фиксируется в тобольских, томских говорах (КСРНГ). В обследованном регионе данное балтийское заимствование бытует в Приильменье, Поволховье, на южном берегу Белого озера. В Посвирье уже фиксируется лексика вепсского происхождения, в Заонежье, Беломорье – карельского.

Лексема **чиранду́шка** является отглагольным субстантивом, образованным уже на русской почве, ср. **чи́рандать** 'чирикать, болтать', при вепс. *čiraita* 'говорить без умолку тараторить' (СВЯ, 59). См. также Лысова, 2001, 83. Таким образом, и данное слово входит в ряд ономатопоэтической лексики, однако, в отличие от первой группы (см. выше) с мотивацией как на прибалтийско-финской, так и на исконной почве.

КАРТА № 10
Ястреб



Комментарий

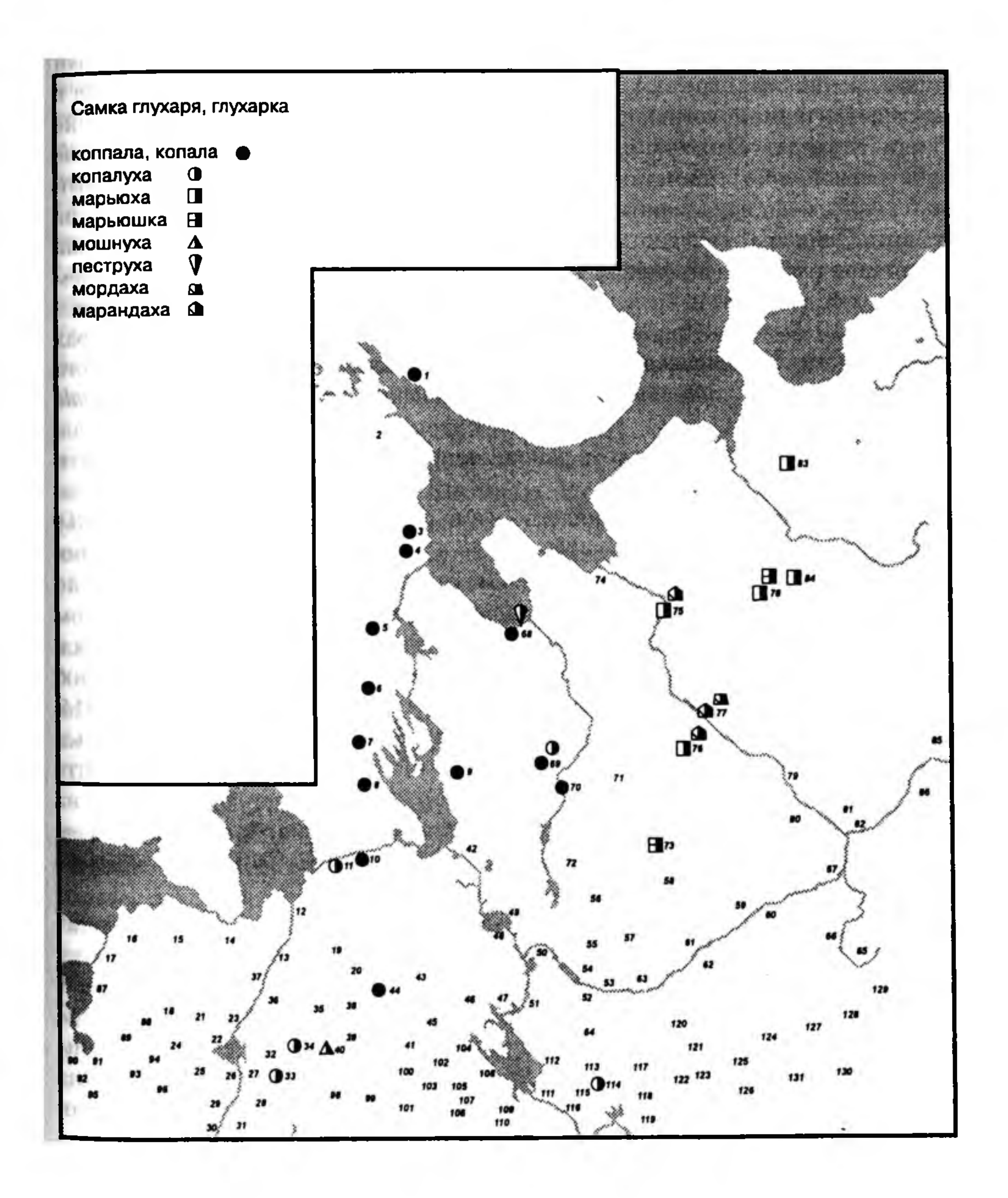
На данной карте выявляется только один ареал субстратного влияния в Обонежье и Белозерье, в основе которого лежит вепсское воздействие. Лексема **га́бу́к** устойчиво фиксируется в большинстве населенных пунктов отмеченных районов, причем следует отметить, что и в словаре Куликовского отмечается этот же ареал: Вытегорский, Пудожский, Петрозаводский, Олонецкий уезды и Заонежье. Консонантизм русского слова (*б*) соотносится с вепсским, ср. вепс. *habuk* 'ястреб' (СВЯ, 101), а для северного Обонежья нельзя исключать и людиковские источники, ср. люд. *habuk* 'ястреб' (Kalima, 1915, 88), фин., кар. *haukka*, эст. южн. *haugas, havvas* 'ястреб', при германском источнике прибалтийско-финского гнезда, ср. др.-верх.-нем. *habuh* (SKES, 62). Стабильность ареала слова **га́бу́к** лишь подчеркивает его субстратное происхождение.

Вариант **гау́к** представлен Е. С. Николаевой по данным лексической картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета в Устьянском районе (Николаева, 1998, 120). Вряд ли его следует сопоставлять с кар. *haukka* (см. выше), скорее всего данная форма связывает говоры бассейна р. Устье с говорами Белозерья, где зафиксировано выпадение [*в*] в интервокальной позиции: кроатки – кроватки, остроина – островина, дроа – дрова, быали – бывали, короа – корова (Мызников, 1999, 40). Причем следует отметить, что такая форма могла возникнуть в случае заимствования русскими говорами этого ареала более ранних вепсских данных (до перехода [*v*] в [*b*]). Кроме того, в пользу некарельской этимологии свидетельствует и то, что только в вепсском языке усекается основа с выпадением конечного гласного.

Вне региона обследования в вятских говорах фиксируются данные влияния коми языка: *вара́ш* 'ястреб' (Уржум. Вят., 1882, СРНГ, 4, 45), *вора́ш* 'ястреб' (Вят., Васнецов. СРНГ, 5, 98), при коми *варыш* 'ястреб', удм. *варыш*, мар. *вараш, вäраш* 'ястреб', манс. *vōrēs* 'хищная птица' (КЭСКЯ, 47). См. также: Kalima, 1927, 20; Фасмер, 1, 351.

Представленные на юге Новгородской области материалы **конёк, коних** 'вид ястреб', вероятно, сближаются со славянскими данными, ср. *ка́нюк, ка́ня* 'полевой коршун с неприятным криком' (Даль), укр. *каню́к, ка́ня*, белорусск. *ка́на*, болг. *ка́няк* 'коршун', сербохорв. *ка̏ня* 'лунь, сарыч', словен. *kánja*, чеш. *káně*, польск. *kania* 'коршун' (Фасмер, 2, 183); однако, ср. водск. *kana-hauk* 'ястреб', фиксируемое в смежном иноязычном ареале (VKMS, 86).

КАРТА № 11
Самка глухаря, глухарка



Комментарий

Основным объектом картографирования представляемого материала, является лексема **ко́ппала** с вариантами. По данным лексикографических источников ее ареальная дистрибуция чрезвычайно широка – от русских говоров Беломорья до Приамурья (см. СРНГ, 14, 214, 282). Еще В. И. Даль, давая варианты **ко́пала, копалу́ха** 'самка глухаря', отмечает их неисконный характер – корел.(ское) (Даль, 2, 159). Поскольку дериват **копалу́ха** вошел в охотничью терминологию, где трактуется как общеупотребительное название самки глухаря (Словарь охотника-природолюба, 61), довольно часто вне субстратной зоны влияния (Беломорье, Обонежье, Каргополье) данный материал имеет иррадиации, связанные с воздействием терминосистемы на говоры. Однако в отмеченных выше регионах доминирующая лексема **ко́ппала** устойчиво и стабильно фиксируется, что несомненно связано с воздействием карельских диалектов, ср. кар. *koppala*, ливв. *koppala*, люд. *koppal* 'глухарка' (Kalima, 1915, 128). Причем имеющиеся фиксации в новгородских говорах (Валдайский и Окуловский районы) также связаны с влиянием карельского языка субстратной природы – это ареал валдайских карел, ср. кар. твер. *koppalo* 'глухарка' (СКЯП, 113), кар. валд. *koppал* (KKS, 2, 318). Материал, отмеченный в Чагодощенском районе территориально довольно близок к тихвинским карелам.

Отсутствие лексемы **ко́ппала** и её вариантов в Южном Прионежье (вепсская зона влияния) связано с тем, что в вепсском языке для обозначения глухарки употребляется слово вепс. *емäмесоі* (СВЯ, 79), хотя и карельская по происхождению единица (людиковская) фиксируется в прионежском диалекте вепсского языка – вепс. *коррал* 'глухарка' (СВЯ, 224). Имеющиеся к настоящему времени этимологии повторяют общекарельскую версию Калимы: Матвеев, 1959, 14; Сало, 1996, 92; Фасмер, 2, 317; Аникин, 1997, 314. Итконен, все же допускает возможность саамского влияния, ср. саам. кильд. *kuəɔpel* (Itkonen, 1932, 63), что вполне возможно в отношении варианта *ко́ппель* 'самка глухаря' (Арх., 1849, СРНГ, 14, 288). Следует отметить, что на финно-угорской почве данное гнездо преставлено широко, ср. саам. швед. *kåppel*, саам. лул. *kåhppēl*, манс. *kàlà·m* (SKES, 217; SSAP, 1, 401), мар. *кувылчо* 'самка глухаря' (СМЯ, 3, 71).

Лексема **марью́ха** и дериват **марью́шка** преставляют собой результат поиска внутренней формы на русской почве ранее неисконного материала. Хотя еще Преображенский, не сомневаясь в ее исконном характере, сопоставляет с именем Марья (Преображенский, 1, 512), но Фасмер уже не считает этимологию слова **марьюха** ясной (Фасмер, 2, 577). Весьма интересны версии, предложенные в статье Лысовой (Лысова, 2001, 78–88). Она предлагает в качестве источника кар. твер. *marjanšüöjä* 'тетерев' с пометой поэт. (СКЯП, 156) и прозрачной внутренней формой 'едок ягод'. Далее она восстанавливает промежуточную форму, которая должна быть непосредственным источником для русского слова – **marja/e/š-v*, где *v* конечный гласный. Однако, известно, что карельский консонантизм шипящих, [š] в данном случае, описывается как явление довольно позднее, редко переносимое на русскую почву. Чаще всего на территории Архангельской области по течению р. Онега и восточнее фиксируется лексика с более ранним

[s], ср. *сяньга* 'стерня, жнивье' в Онежском районе по ПЛГО, при ливв. *sängi* 'жнивье, остатки стеблей на сжатом поле' (СКЯМ, 359), вепс. *säŋg* 'жнивье' (SKES, 1168), но кар. сев. *šänki*, кар. твер. *šängi* 'жнивье' (KKS, 5, 628). На наш взгляд поиск нужной семантики в сходным звукотипах не должен основываться на значениях, репрезентирующих источники питания птиц; в этом случае мы не получим номинацию, основанную на дихотомии самец – самка, а видовые наименования. Самка глухаря, отличаясь от самца окраской оперения и размерами, естественно должна была иметь дифференцирующую ее номинацию, на наш взгляд, связанную с ее полом. Кроме того, ареал лексемы **марьюха** – это северо-восток Архангельской области, где в топонимии доминирует основа *чухч* – 'глухарь' саамского происхождения (Матвеев, 2001, 85), исходя из этого возможно предположить, что наименование самки глухаря имеет сходную природу, ср. саам. лул. *mår'sē*, саам. норв. *moar'se*, саам. инар. *mŵərsse* 'невеста, зазноба, молодая жена', при кар. *moršien*, *moržein*, фин. *morsian*, вепс. *muržäin*, *muržei*, *morža* 'молодая жена (до рождения первого ребенка)'; причем прибалтийско-финское гнездо балтийского происхождения, ср. литов. *marti* 'молодая жена (до рождения первого ребенка)', латыш. *marša* 'золовка' (SKES, 348; Fraenkel, 1, 412).

Следует отметить, что наименования глухарки по предложенному типу отмечаются в финно-угорских языках, ср. хант. *neŋlŏk* 'глухарка', дословно – жена глухаря (OSTW, 1, 474), мар. *ава сузо* 'глухарка', дословно – мать глухаря (РМС, 1999, 64), коми *энь дозмор* 'глухарка', при *энь* 'самка' (ССКЗД, 109); коми *дозмӧр* 'глухарка' не имеет этимологической версии на почве коми языка (КЭСКЯ, 94).

Однако нельзя исключать и того, что первичными являются данные **ма́режа, ма́режь,** не отмеченные по ПЛГО, но зафиксированные ЛК ТЭ в Холмогорском районе (Лысова, 2001, 87). Но их можно трактовать как варианты к **марья́жка** 'милая, дорогая' (Шадр. Перм., СРНГ, 17, 380), в свою очередь являющимся производным от **марья́ж** 'брак, свадьба', ср. фр. *mariage* (СРЯ XVIII в., 12, 76).

Лексему **маранда́ха** Лысова предалагает рассматривать как единицу ономатопоэтического происхождения, отглагольный субстантив, образованный от восстановленного глагола **марандать* (Лысова, 2001, 84), однако, вряд ли глухарка могла получить номинацию, в основе которой лежит глагол звучания, издавания каких-л. звуков, в силу ее скрытного образа жизни; ср. манс. *мансин* 'глухарь' (МРС, 81).

Довольно затруднительно представить этимологическую версию для лексемы **морда́ха,** хотя очевиден ее неисконный характер.

Исконные лексемы **мошну́ха, пеструха** имеют спорадические фиксации, хотя слово **мошни́к** 'глухарь' имеет устойчивый и достаточно обширный ареал.

НАИМЕНОВАНИЯ РЫБ

В Программу ЛАРНГ вопросы, касающиеся наименований рыб вошли в довольно небольшом количестве, исходя из достаточно обоснованного опасения в невозможности лингвогеографического изучения этой лексичесой группы на обширной территории Европейской части России. Действительно, территориальная дистрибуция единиц лексической манифестации по вопросам наименований рыб часто связана с определенным водным бассейном, а не с выделенной для обследования сетью населенный пунктов. Причем, если лексика прочих тематических групп распространяется по миграционным/колонизационным потокам, то для названий рыб нередко можно зафиксированить распространение по течению рек. В качестве примера движения лексики данной группы в южном направлении можно привести лексемы **турба́к** 'рыба голавль' (Луж. Петерб., КСРНГ), **турбе́нь** 'вид рыбы' (НОС, 11, 72), рассматриваемые нами как деривационные варианты, ср. фин. *turpa, turvas, turpas, turpakka,* эст. *turb* 'голавль' (SKES, 1426). Вариант **турба́к** фиксируется в русских говорах Дельты Дуная, куда оно пришло с Северо-Запада России через посредство донских говоров (Гриценко, 1964; Мызников, 1999, 37; Он же, 2001, 105). Вряд ли сюда относится слово **тури́к** 'рыба тунец', отмеченное у казаков-некрасовцев и возводимое к тур. *torik* (Сердюкова, 1969), а также **турбу́к, тура́** 'рыболовная сеть', с фиксациями в Словаре русских говоров Одесщины (СРГО, 2, 231).

Исходя из выше изложенного, вопросы Программы ЛАРНГ были нацелены на общую номинацию широко распространенных названий рыб: карпа, налима, окуня, пескаря, плотвы, щуки (Программа ЛАРНГ, 1, 34), и только два вопроса имеют ориентацию на наименование невзрослых особей: щуренок, мелкая рыба (общее наименование). Однако, как показывает опыт полевых исследований наиболее разнообразна и интересна лексическая манифестация, представляющая ответы на вопросы, которые относятся к видовым наименованиям рыб начального периода их жизни. Именно поэтому таким вопросам в нашей программе отведено значительное место. Однако в ряде случаев, ввиду трудностей по сбору диалектных данных приходилось отказываться от картографического воплощения таких концептов, как, например, 'небольшой сиг': **перля́к** (Кемский район Карелии), **полу́шка** (Онежский района), **сала́га** (Духнова Гора Гдовского района), **сала́к** (Островцы Гдовского района), **салачо́к** (Мда Гдовского района). Кроме того, в нашу программу были включены вопросы наименованиям частей тела рыб. Таким образом, для базисного сбора диалектных данных были задействованы следующие вопросы:

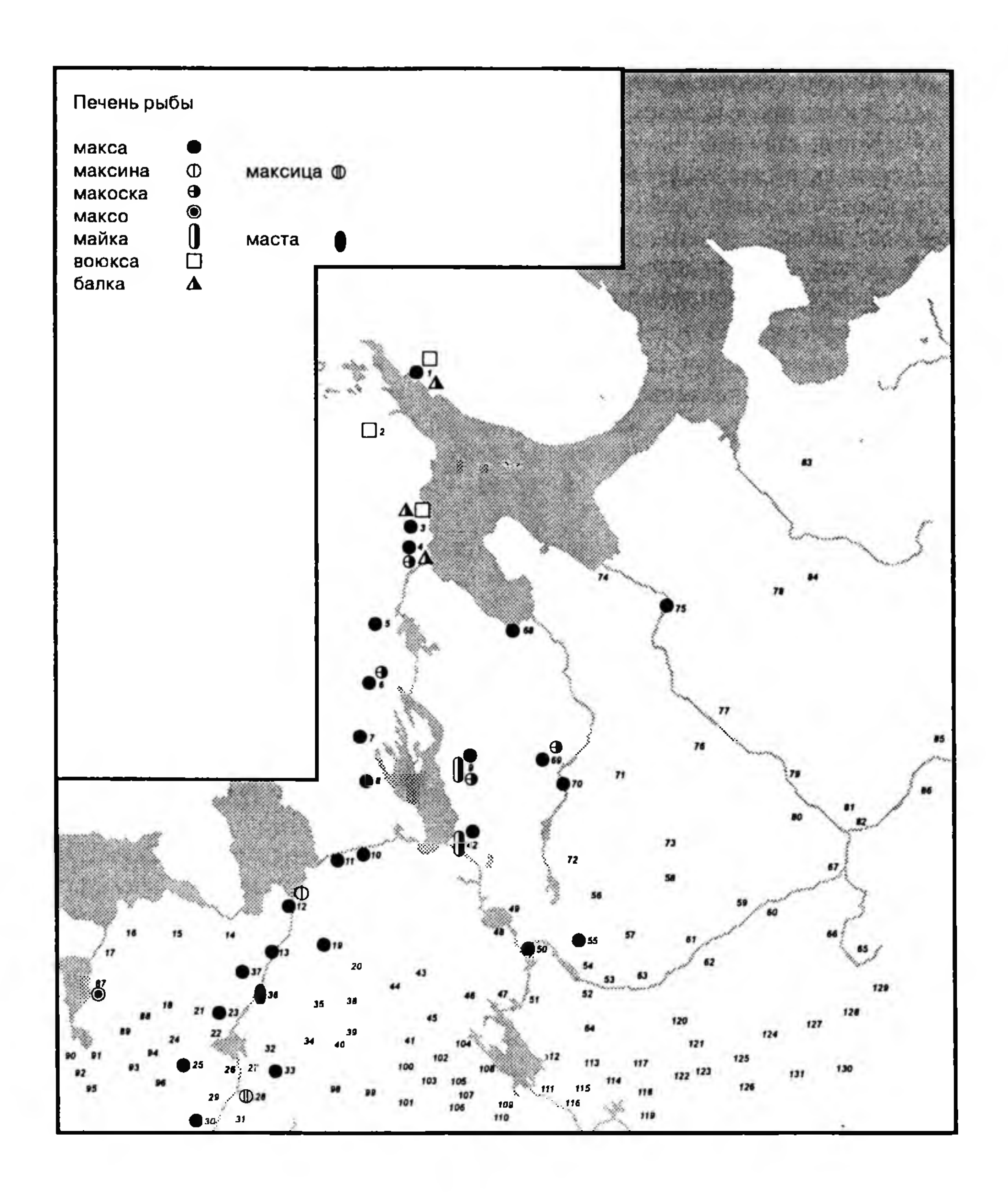
1. Внутренности, потроха рыбы (общее название).
2. Печень рыбы.
3. Жабры.
4. Верхний колючий плавник (у ерша, окуня, судака).
5. Значение слова макса.
6. Мелкая рыба, малек (общее наименование).
7. Мелкий окунь.
8. Мелкий лещ.
9. Мелкий налим.

10. Мелкий сиг.
11. Хариус.
12. Плотва.
13. Уклейка.
14. Елец.
15. Налим.
16. Бычок-подкаменщик.
17. Форель (речная и озерная).
18. Лосось после нереста.
19. Косяк, стая рыб.

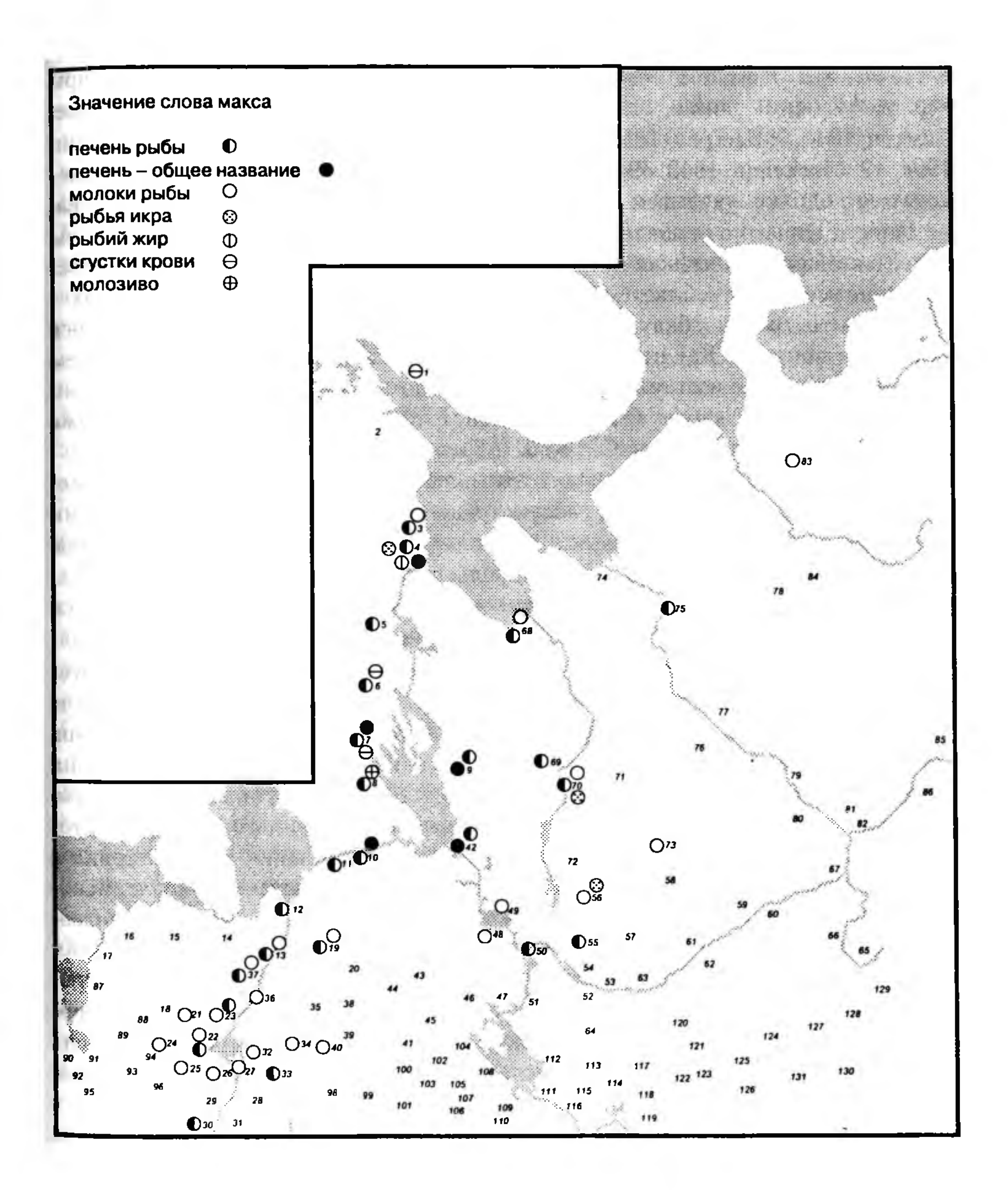
Ввиду того, что наши изыскания ориентированы на народные знания, использование латинской ихтиологической номенклатуры представляется нам излишним.

В настоящей работе из представленных выше вопросов имеют картографическое воплощение лишь 5 из них: 2, 5, 8, 11, 19.

КАРТА № 12
Печень рыбы



КАРТА № 13
Значение слова макса



В наименованиях печени рыбы доминирует лексема макса с деривационными вариантами: **ма́ксица, мако́ска, максо́**, однако, распространение этого слова в различных лексико-семантических вариантах гораздо шире, нежели при номинации печени рыбы. Слово известно начиная с XVII века: **ма́кса** 'рыбья печень (преимущественно налимья), молоки, потрохи' (1667 г., СлРЯ XI – XVII вв., 9, 12). Калима возводит эту лексему к ливв. *maksu*, вепс. *maks*, при кар. *makša*, фин. *maksa*, эст. *maks* 'печень' (Kalima, 1915, 160). См. также: Castren, 1844, 9; Шегрен, 1852, 159; Веске, 1890, 23; Лесков, 1892, 101; Погодин, 1904, 42; Meckelein, 1913, 49; Матвеев, 1959, 15; Аникин, 1997, 383, 384. Исследователи, однако, указывая на прибалтийско-финский характер слова **ма́кса**, не говорят ничего о семантической дифференциации и вариантности, ни тем более о конкретных языках-источниках. Следует отметить, что на Севере России чаще всего употребляется в пищу печень налима, а в поморских районах – также печень трески и белуги. Поэтому при опросах информантов требовалось уточнение вопроса: 'Как называется печень налима? печень трески? и т. п.' Тем не менее учитывая возможность обобщения до общего наименования печени рыбы в название карты был превнесен гиперонимический характер, уже отраженный в словарях (см. СРГК, 3, 188).

Делая попытку более детального этимологического анализа, следует отметить, что широкая территория распространения лексемы **ма́кса** с вариантами делает практически невозможным выделение конкретного языка-источника, однако совершенно очевиден ее докарельский характер: в современных карельских диалектах, исключая ливвиковский и людиковский, фиксируется форма *makša* (KKS, 3, 260, 261). Весьма знаменателен тот факт, что в прибалтийско-финских языка соответствующие слова имеют общее гиперонимическое значение 'печень, печенка' по данным лексикографических источников, тогда как цитатный материал нередко фиксирует контекстуальные значения: 'печень налима', 'печень коровы' и т. п. В русских говорах имеется тенденция семантической дифференциации, основанной на сужении значения, нередко терминологического характера. Исходя из выше изложенного, можно трактовать русскую диалектную семантическую дифференциацию как материал с двойственными характеристиками, являющимися результатом прибалтийско-финского влияния и исконными поздними инновациями, причем лингвогеографический анализ реалии 'печень рыбы' и ареальный анализ семантики слова **ма́кса** позволяет выявить и определить тип тех и других. Так распространение лексемы **ма́кса** показывает ее достаточно широкий ареал, причем этот ареал не совпадает с лексической манифестацией по реалии 'печень рыбы', последний гораздо уже и отмечается в говорах Обонежья, Поволховья, Каргополья, карельского Беломорья, со спорадическими фксациями в Приильменье, Подвинье, восточном Белозерье. Для гдовских говоров характерная лексема **максо́** 'печень рыбы'. Выявление ареально привязанной семантики позволяет выявить зоны с более сильным влиянием субстрата, где наблюдается тенденция сохранения общего прибалтийско-финского значения слова **ма́кса** 'печень, печенка' – южное Прионежье и Посвирье (Вытегорский, Пудожский, Подпорожский, Кондопожский районы), что без сомнения связано с вепсским влиянием (субстратного и адстратного типа), которое

свидетельствует о сравнительно недавнем обрусении населения этого региона. В зонах с более сильной долей славянского воздействия происходит терминологизированное сужение значение – 'печень рыбы', распространившееся по русским миграционным потокам по Сибири по Якутии и Дальнего Востока. В новгородских говорах наблюдается фиксация значения для лексемы **макса́** – 'молоки рыбы', что, вероятно, следует рассматривать как инновацию, поскольку отсутствует соответствующий лексико-семантический вариант в прибалтийско-финских языках, хотя, возможно в данном случае трактовать его как особенность приильменского субстрата, ср. ижор. *maksa* 'внутренности животных' (IMS, 294), тем более, что ударение в слове **макса́** 'молоки рыбы' на втором слоге, зафиксированном в Батецком, Шимском, Солецком, Волотовском, Парфинском, Окуловском, Маловишерском, Боровичском районах, по-видимому связано с водским типом, ср. водск *mahs*, инес. *mahzà mahsà* 'печень' (VKMS, 164), знаком *à* автором словаря обозначались долгие гласные, а долгота гласного в речи могла послужить на почве русских говоров основой для переноса ударения.

Значение 'сгустки крови' находит соответствия в карельских диалектах, ср. кар.: *Veri maksoilleh on* (Кровь свернулась), не выводимое, однако, авторами KKS в качестве значения (KKS, 3, 261). Сюда же, вероятно, примыкает значение 'молозиво', зафиксированное только в Прионежском районе.

Значение 'рыбий жир' вызвано особенностями употребления реалии, ср.: 'Макса печенка тресковая, из которой вытапливается сало или тот благодетельный жир, который известен едва ли не каждому под именем трескового. Арх.' (Шейн, 1873).

Карта № 12 представляет суженную заданной семантикой картину финно-угорскго ландшафта, давая четыре различных гнезда, корень **макс-**, конечно, доминирует. Слово **ма́йка,** хотя и входит в эту лексико-семантическую группу, этимологически восходит к вепс. *maik* 'молоки рыб', при вепс. *maid* 'молоко' (СВЯ, 318, 316), а сдвиг значения уже произошел на русской почве.

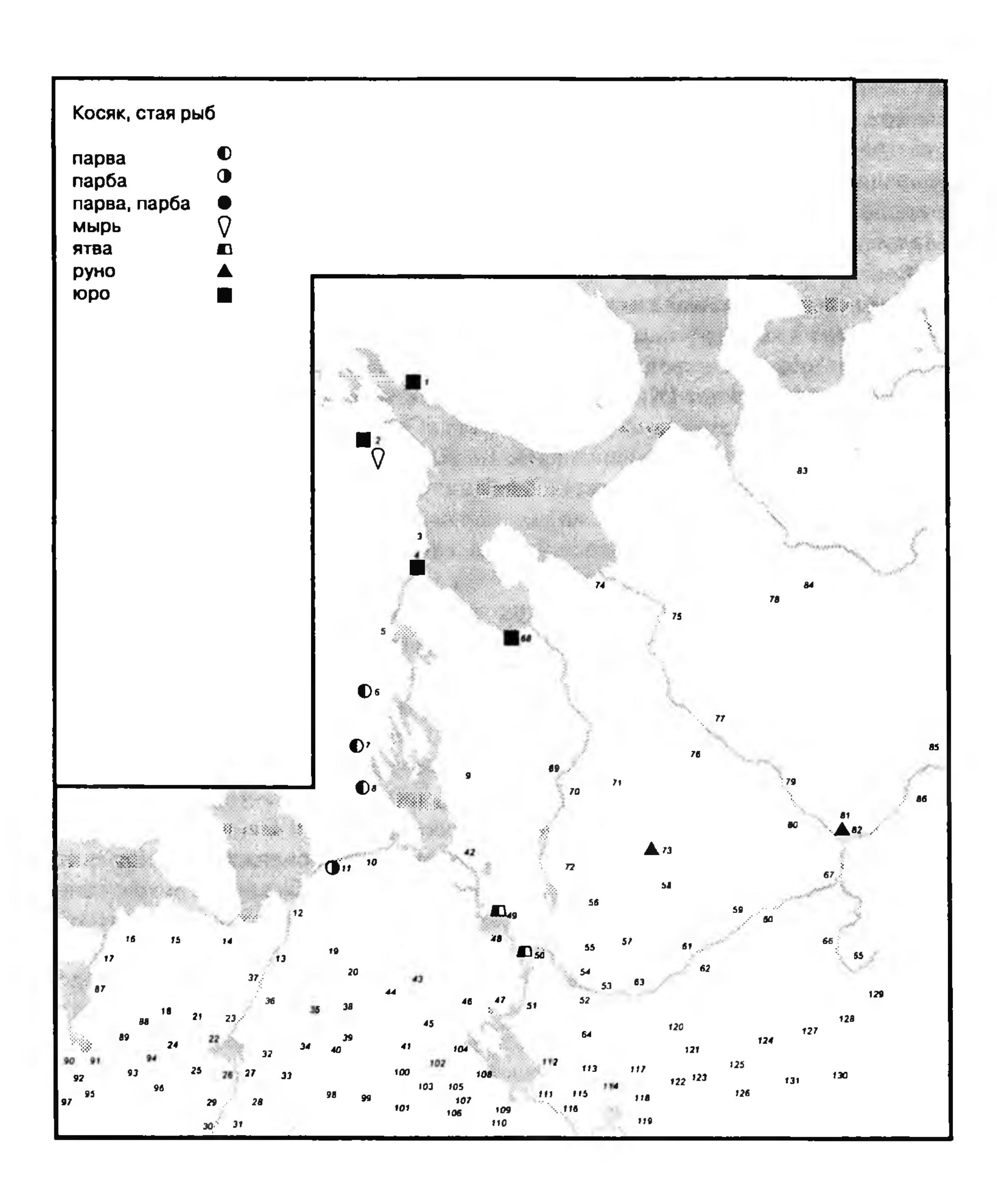
Лексема **ба́лка**, отмечаемая на Кольском полуострове и в карельском Беломорье, не рассматривалась в этимологической литературе. Для данного слова можно предложить две версии его происхождения. Первая основана на цвете здоровой рыбьей печени: – В рыбе всякая бывает балка, бывает красная, черная, бывает белая, у рыбы тоже расстройства бывают, белая она лучше всего (Севмор., СРГК, 1, 36). Ср. фин. *valkea* 'белый', саам. питим. *væl'gâd* (SKES, 1621). Вторая версия базируется на том, что с печени трески, семги часто вытапливали жир, ср. саам. инар. *vålkkå*, фин. *valkka* 'жир на лопатке у оленя, жир' (SKES, 1621).

Еще одна лексема саамского происхождения **во́юкса** имеет значительно больше фиксаций в лексикографических источниках, ср. саам. *vuivas* 'печень', *vuọija, vùij* 'жир, растопленный или расплавленный' (Itkonen, 1931, 50). Ср. также саам. швед. *vuoija* 'жир' (WWLM, 153), саам. норв. *vuoggjâ*, при фин., ливв., люд., вепс. *voi*, эст. *või* 'масло' (SKES, 1803).

Таким образом на карте № 12 представлены ареалы общеприбалтийско-финского влияния – **ма́кса**; вепсского – **ма́йка**; и саамского – **ба́лка** и **во́юкса**.

На карте № 13 нашло отражение только прибалтийско-финское влияние и своеобразие освоения лексемы макса русскими говорами в семантическом плане.

КАРТА № 14
Косяк, стая рыб



Комментарий

Предметом картографирования на данном материале являются сугубо диалектные единицы. Общенародная лексика, полученная в ходе полевых исследований, не учитывается и не вносится в индекс материалов. Среди неисконных данных доминируют лексемы **па́рва, па́рба** с довольно широким ареалом от Беломорья до Посвирья. Совершенно бесспорна их карельская этимология, причем вариант с [*б*] скорее всего возник на русской почве, ср. ливв. *parvi* 'стая' (СКЯЬб 257), кар. твер. *parvi* 'стая птиц' (СКЯП, 200), кар. *parvi* 'косяк, толпа, стая, ватага' (KKS, 4, 170), люд. *parvi* 'то же', при саам. кольск. *parva* 'косяк, стая рыбы', швед. диал. *parw* 'косяк, стая рыбы' из фин. *parvi*, либо эст. *parv* 'косяк, стая рыб' (SKES, 498), при соответствии в обско-угорских языках, ср. хант. *părə*, *pŏr* 'стая рыб, птиц' (SSAP, 2. 319), Следует отметить, что обширная дистрибуция русского диалектного материала не позволяет выделить этимологическую доминанту, хотя можно совершенно исключить вепсское воздействие, ср. вепс. *parveh* 'стая, косяк (рыб)' (СВЯ, 402). Первую этимологию, основываясь на материалах Куликовского: 'парва, парвочка говорят о рыбе, когда она стадно идет в реку лии залив' (Петрозав., Заонежье, Куликовский), – предложил Погодин, возведя к фин. *parvi* 'стая, косяк' (Погодин, 1904, 49). Калима, совершенно справедливо предпочитает кар. *parvi* 'то же' (Kalima, 1915, 181). См. также: Meckelein, 1913, 55; Фасмер, 3, 205.

Лексема **мырь**, отмеченная в Лоухском районе, вероятно, связана с саамским влиянием, ср. саам. *viєrra* 'клубок, узел'(KOLTKS, 747), мена [*в*] - [*б*] - [*м*] известна в данных говорах.

Лексема **юро́** фиксируется только в русских говорах Беломорья. Этимология этого слова имеет несколько версий. На наш взгляд справедливо Преображенский разделяет **юр, на юру́** 'на высоком, одиноком, не защищенном от ветров месте' и **ю́рок, ю́ркий** 'проворный, живой' и **юрба́** 'толпа, гурьба', причем последнее он связывает с гнездом **гурьба** (Преображенский, 129, 130). Фасмер, рассматривая данный материал в одной этимологической статье, сомневается в его исконности, так как, по его мнению, если считать это слово исконным, тогда следовало бы ожидать вост.-слав. у-'. Поэтому он предлагает для сопоставления тюркские данные: чагат. *üjür* 'стадо', казах., тел., алт. *ür* 'толпа, стадо', татар. *öjör* 'толпа, куча, отряд' (Фасмер, 4, 531). См. также Шипова, 429, 430. Аникин, на наш взгляд, не совсем оправданно рассматривает в одной связи **юро́к** 'мелкая сушеная рыба' и **юро́к** 'купа, кипа, куча, связка', полагая, что **юро** 'стая рыб' праслявянского происхождения (см. также: ЭССЯ, 8, 198, 199; Топоров ПЯ 3, 94, 95), сюда же он относит **юровая яма** 'глубокое место с сильное течением, обычно на повороте реки, предназначенное для рыбной ловли' в говорах Иркутской области (Аникин, 2000, 719).

Даль предполагает, что **юро́к** 'вообще купа, кипа, куча; пук, связка, беремя; стая, стадо, косяк' связано с зырян. **юр** 'голова' (Даль, 4, 689), при том, что сходная лексика фиксируется в уральских языках, ср. коми ижем. *юрок* 'косяк, стая рыб' (ССКЗД, 453), саам. терск. *jurra, jura* 'косяк, стая рыб или птиц' (Itkonen, 1958, 76), ненец. *юра* 'косяк рыбы' (РНС, 119). Ненецкие данные как и коми языка Аникин считает заимствованиями из русского языка.

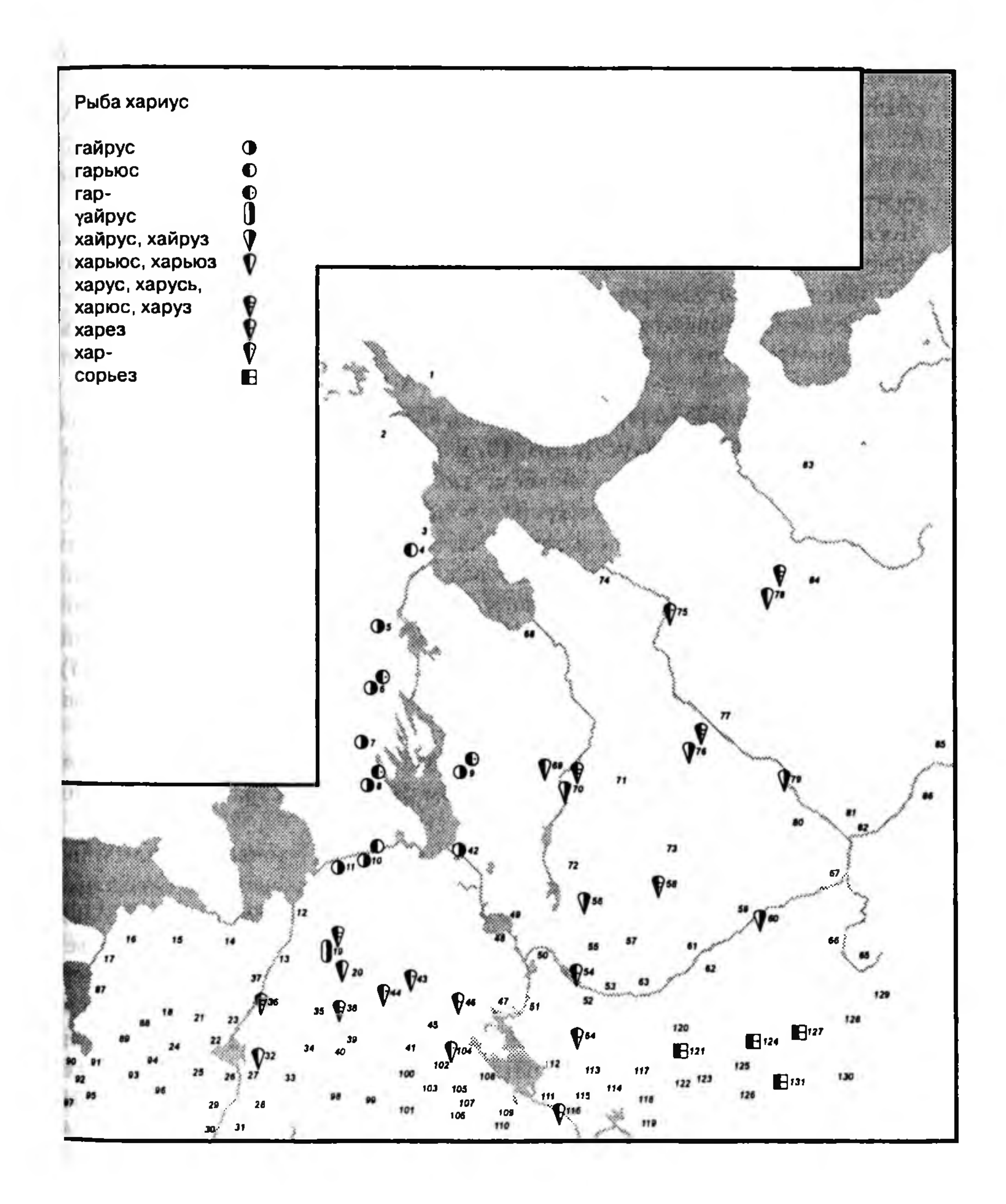
Таким образом, лексема **юро́** 'стая рыб', вероятно имея исконную основу, сопоставляется со сходными тюркскими, саамскими, ненецкими и материалами коми языка. Маринальность ареала русского слова и его сравнительная изолированность (ср. **юры́** 'большие комья земли на пахотном поле', НОС, 12, 120) основывается на архаичности лексикона беломорских говоров.

Лексема **я́тва** по нашим данным фиксируется в говорах Белозерья. В Словаре Даля представлены сходные материалы: **ятва́** (новг.), **я́тво** (волог.) 'стая, косяк рыбы, руно, юрово; густой ход рыбы' (Даль, 4, 703). Не вызывает сомнения их общеславянский характер, ср. болг. *я́то* 'вереница, рой', сербохорв. *jȁto* 'стадо, вереница, множество, сутолока' (Фасмер, 4, 567).

Лексема **руно́** отмечается в говорах Архангельской области. По данным СРНГ широко употребляется на Урале, в Сибири, Забайкалье, Приамурье, на Камчатке (СРНГ, 35, 265). Вероятно, сюда же относится материал XVII века: Купил он ... тритцет рун табаку (1664 г. СлРЯ XI – XVII вв., 22, 256). Слово, вероятно, исконно, однако не имеет достоверных сопоставлений на славянской или балто-славянской почве; Откупщиков выводит **руно** (вероятно в значении 'овечья шерсть') как глагольный дериват от **рвать** (Откупщиков, 2001, 35), но еще Фасмер развел **руно** 'толпа, косяк, множество (рыб, овец)' и упоминаемое выше на два омонима гетерогенного характера (Фасмер, 3, 518).

Таким образом, лексическая манифестация на исследуемый концепт имеет субстратную природу только в Обонежье, Посвирье, отчасти в Беломорье (варианты **па́рва, па́рба**), саамское влияние, возможное ввиду северной географии слова, остается в качестве этимологической версии для которой нужны дополнительные исследования (лексема **мырь**). Лексема **юро́** послужила источников для соответствующих слов в смежных языках.

КАРТА № 15
Рыба хариус



Комментарий

Несмотря на то, что характер вопроса – наименование рыбы, подразумевает его лексико-словообразовательное картографическое оформление, в пределах данного материала была предпринята попытка его рассмотрения преимущественно с фонетической точки зрения. Абсолютно все манифестирующие лексемы представляют собой единицы финно-угорского происхождения, причем даже в русский литературный язык вошло слово прибалтийско-финской природы – **хариус** 'пресноводная рыба сем. лососевых' (БАС; МАС; Ожегов; Росс. Целлариус 1771), а также вариант **ха́рюз** (устар. БАС). Первая фиксация в памятниках письменности варианта **харьюс** относится к концу XVI века (1588 г., см Шмелев, 1961, 191).

Поскольку начальные звуки [г], [γ], [х] и [с] представляют собой на почве севернорусских говоров результаты влияния различных финно-угорских типов, именно этот дифференцирующий признак был положен в основу знаков различной конфигурации. Не столь существенные для данной карты другие фонетические либо фонемные различия показывались заливкой внутри знака.

Варианты с начальным [г], на наш взгляд восходят к данным вепского типа, ср. вепс. *hargos, harguz* 'хариус' (СВЯ, 107), причем они являются источником как для диалектных русских лексем, так и для современных вепсских материалов, т. е. являются отражением вепсского субстратного влияния. О характере произношения вепсского звука, который послужил основой для русского диалектного [г], свидетельствовал еще П. Успенский, указывавший, что звук, обозначенный им 'г'. произносится средне между [г] и [х] (Успенский, 1913, 4). М. Зайцева характеризует звук [*h*] как щелевой звонкий, ларингальный твердый в составе фонем вепсского языка (Зайцева, 1981, 24). В настоящее время под влиянием русского языка звонкий фрикативный характер вепсской фонемы [*h*] постепенно утрачивается.

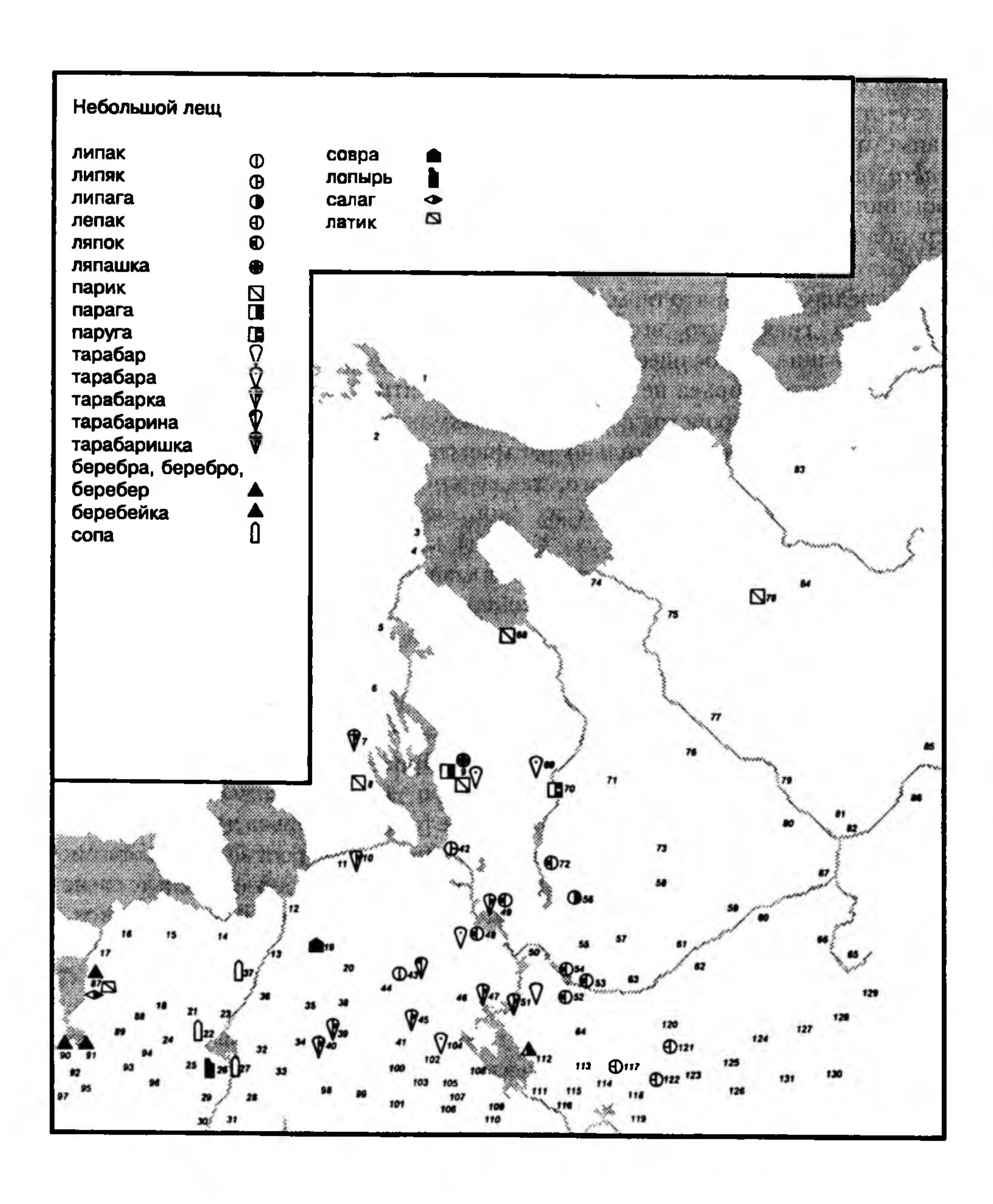
Вариант с начальным [г] фрикативным, зафиксированный в Тихвинском районе, скорее всего является результатом живого адстратного влияния смежных вепсских диалектов.

Варианты с начальным звуком [х], вероятно, восходит влиянию карельского типа. Обычно карельский [*h*] описывается как щелевой согласный с артикуляцией менее напряженно, чем русский [х] (см. Рягоев, 1977, 30). Причем к субстратному карельскому влиянию (как, например в Каргополье) добавляется адстратное влияние валдайских, тихвинских, тверских карел, ср. кар. сев. *harjuš* 'хариус' (, 1, 176), люд. *hard'uz* 'хариус' ливв. *harjus* 'то же', при фин. *harjus* 'то же' (SKES, 58). В этимологической литературе исследователи идут вслед за Калимой, который сопоставляет варианты с начальными [г] и [х] с вепсскими данными (Kalima, 1915, 237). См. также: Погодин, 1904, 64; Meckelein, 1913, 67; Фасмер, 4, 222; Матвеев, 1959, 18; Аникин, 2000, 614. Только Герд предположил, что у форм с начальным [г] был иной субстратный источник (Герд, 1988, 11). Если рассмотренные выше варианты представляли различные субстратные типы прибалтийско-финской природы, то вариант с начальным [с] репрезентирует субстратное влияние иного финно-угорского типа.

Востриков возводит лексему **сорьез**, зафиксированную на реке Унже к мерянским субстратным данным (Востриков, 1990, 84), имеются также

Востриков возводит лексему **сорьез**, зафиксированную на реке Унже к мерянским субстратным данным (Востриков, 1990, 84), имеются также сходные материалы в Словаре Даля: **сóриус, сóрьез** 'рыбка из рода форелей (хариус?)', отмеченные в Костромской губ. (Даль, 3, 281). Однако авторы SKES высказывают предположение о скандинавской основе прибалтийско-финского гнезда, ср. общегерм. **harzus*, прасканд. **harriuz*, при норв. совр. *harr* (SKES, 58), скандинавские данные сопоставляются с балтийским, ср. литов. *kirszlŷs* (EONDS, 273). Но в прибалтийско-финском языке-основе звук [*h*] еще отсутствовал, и когда в него вошли наиболее древние, германские заимстования, он заменялся на [*k*]: фин. *kana* 'курица' из герм. **hana*, фин. *kakra* 'овес' из герм. **hagr* (Хакулинен, 1, 45), по времени заимствования речь обычно идет о рубеже новой эры. В балтийских заимствованиях, которые хронологически более ранние, чем звук [*h*]-позднего происхождения из **š* прибалтийско-финского языка-основы (Хакулинен, 1, 45). И таким образом, если предположить, что герм. **harzus* послужило источником прибалтийско-финского гнезда, то его можно трактовать как достаточно позднее заимствование, относящееся к первым столетиям новой эры; но, в таком случае, лексема **сóрьез** не относится к прибалтийско-финскому гнезду, если оно германского происхождения, поскольку распад финно-волжского языка-основы произошел значительно раньше (примерно 1 тыс. до новой эры). Исходя из выше изложенного, также спорна и версия происхождения прибалтийско-финских данных из фин. *harja*, кар. *harja*, вепс. *harj* 'грива, гребень, щетина (лошади, петуха, свиньи), как полагают авторы SSAP ввиду того, что у хариуса большой спинной плавник (SSAP, 1, 141, 142). Но и это прибалтийско-финское гнездо неисконно – оно балтийского происхождения, ср. литов. *šerŷs* 'свиная щетина', латыш. *sars*, *saris* 'свиная щетина', 'грива лошади' (SSAP, 1, 142), причем балтийские данные сопоставляются со славянскими, ср. русск. **шерсть** (Fraenkel, 975). И в этом случае лексема **сóрьез** остается изолированной, поскольку балтийское влияние было позже распада финно-волжской языковой общности. Приведенные выше аргументы действенны, если прибалтийско-финское гнездо *harjus* неисконного происхождения (германского), то начальное [*с*] слово **сóрьез** довольно трудно объяснить исходя из традиционных фонетических соответствий финно-угорских языков. Начальный [*h*] в прибалтийско-финских языках в словах германского происхождения сохраняется без изменений. В том числе и в саамских диалектах, хотя в словах исконного лексикона рефлексом финно-угорского **š* являются: фин. [*h*], саам. [*s*], мар. [*š*], при более раннем мар. **s*, ср. фин. *haapa* 'осина', саам. норв. *suppe*, мар. *шопке* 'осина' (SKES, 46; Грузов, 1969, 154; Sebestyen, 1943, 60). И только при исконности гнезда *harjus* возможны для слова **сóрьез** фонетические сопоставления с ранними данными марийского либо мордовского типа. Поэтому кажется не очень обоснованным мерянская версия происхождения слова **сóрьез**, поскольку по утверждению Ткаченко, процесс перехода [**š*] в [*h*] был единым для прибалтийско-финских языков и мерянского языка (Ткаченко, 1985, 76).

КАРТА № 16
Небольшой лещ



Комментарий

Выбранный для обследования концепт является весьма актуальным и имеет повсеместно лексические манифестации. Не включалось в материалы для картографирования и в общий индекс данных общенародное слово **подлéщик**, как широко распространенный синоним к неисконным данным, которые представляют для нас особый интерес. Наиболее значительную территорию распространения имеет гнездо **лепáк, ляпóк, липáк** и др., которое можно сопоставить с данными финно-угорских языков. Вариант **липáк** имеет соответствие в вепсском языке, ср. вепс. *l'ipak* 'подлещик' (СВЯ, 292), сюда же, вероятно относятся варианты **липáга, липя́к**, тем более, что их ареальная дистрибуция (Вытегорский, Бабаевский, Вожегодский районы) представляет собой зону вепского адстратного и субстратного влияния. Вариант **ляпóк** по типу вокализма сближается с коми-зыр. *ляпа* 'подлещик' (ССКЗД, 213), которое авторы КЭСКЯ сопоставляют с удм. *ляпа* 'сом', далее общеперм. **l'apa* 'вид какой-то рыбы' (КЭСКЯ, 166), Шебештьен сравнивает с мар. *ловал, лавал* 'лещ', эст. *labakas*, саам. норв. *laeppadak* (Sebestyen, NyK, XLIX, 54). Востриков отмечая варианты **ляпóк, лепáк** в Белозерье, утверждает, что в Костромской области эти слова знают только галичские раболовы (по нашим более поздним данным – гораздо шире) и связывает их с коми-зырянским влиянием (Востриков, 1982, 30). Однако, непонятна этимология этого гнезда на финно-угорской почве, приводимые сопоставления требуют уточнения и дальнейшего исследования.

Гнездо, состоящее из вариантов **пáрик, парáга, пáру́га** сопоставляется преимущественно с карельскими данными, ср. ливв. *parikka* 'небольшой лещ', кар. *parikka* 'вид рыбы, похожий на язя' (Суоярви), фин. диал. вост. *parkki* 'небольшой или худой лещ; небольшая рыба, похожая на леща', ливв. *parkoi* 'малек леща', *parikku* 'вид рыбы', при фин. диал. *partti* 'небольшой лещ', 'небольшая рыбка, похожая на леща' (SKES, 497). Ср. также кар. *parikka* 'Blicca bjoerkna' (Суоярви, Сямозеро) (KKS, 4, 162), кар. *paroli* 'рыба, напоминающая леща' (KKS, 4, 164), ливв. *paruli* 'подлещик' (СКЯМ, 257). Авторы SSAP, рассматривая гнездо фин. *partti*, к которому относят и приведенные выше варианты, говоря о неясной этимологии, предлагают сравнение с фин. *pasuri* 'небольшой лещ', которое бытует в восточных финских диалектах (SSAP, 2, 318, 322).Следует отметить, что в русских говорах фиксируется значительное число сходной лексики: **парáк** 'рыба подкаменщик' (Вельск. Волог., Иваницкий, 1883); **парáка** 'рыба, не пригодная для пищи' (Свердл., 1965, СРНГ, 25, 215); **парачóк** 'небольшой окунь' (Беломор. КАССР, 1968, СРНГ, 25, 218); **парýн** 'мелкий лещ' (Онеж., СРГК, 4, 40); **парýшка** 'лещ' (Кирил., СРГК, 4, 401) Однако возможно ее этимологизирование и на русской почве, ср. русск. **парить.**

Лексема **лóпырь**, имея основной вариант **лóпарь** 'бычок, подкаменщик' с фиксациями в Медвежьегорском районе (Кефтеницы, Шуньга, Сенная Губа, Падмозеро, Шильтя, Великая Нива), ПЛГО; 'малек налима' – в том же районе (Кажма, Шуньга), КСРГК, восходит к прибалтийско-финским источникам, ср. фин. *lopperi, loppero* 'густера' (SKES, 303). См. также Kalima, 1915, 155; Фасмер, 2, 518. Авторы SSAP не уверены в направлении заимствования (SSAP, 2, 93). Вряд ли имеет отношение к северным данным слово **лупи́рка** 'мелкая рыба,

густера' (Южн., Даль, 2, 278), сопоставляемое с тюркскими источниками (Фасмер, 2, 534).

Лексема **сала́г** отмечается в Гдовском районе, имея в качестве основного варианта **сала́к** с семантикой 'небольшой сиг', связанной, вероятно, с эст. *salakas*, ген. *salaka* 'молодой язь' (Веске, 1890, 21). В н. п. Ветвенник Гдовского района зафиксировано слово **ла́тик**, имеющее в качестве источника эстонский тип, ср. эст. *latikas* 'лещ' (ЭРС, 249). Калима возводит также к эст. *latikas, latik* 'лещ' и лексему **ла́тик** 'густера', отмеченную Пушкаревым на Онежском озере (Kalima, 1915, 150).

Остальные лексические данные, несмотря на обширность и упорядоченность ареалов, не имеют к настоящему времени достовеных этимологических версий.

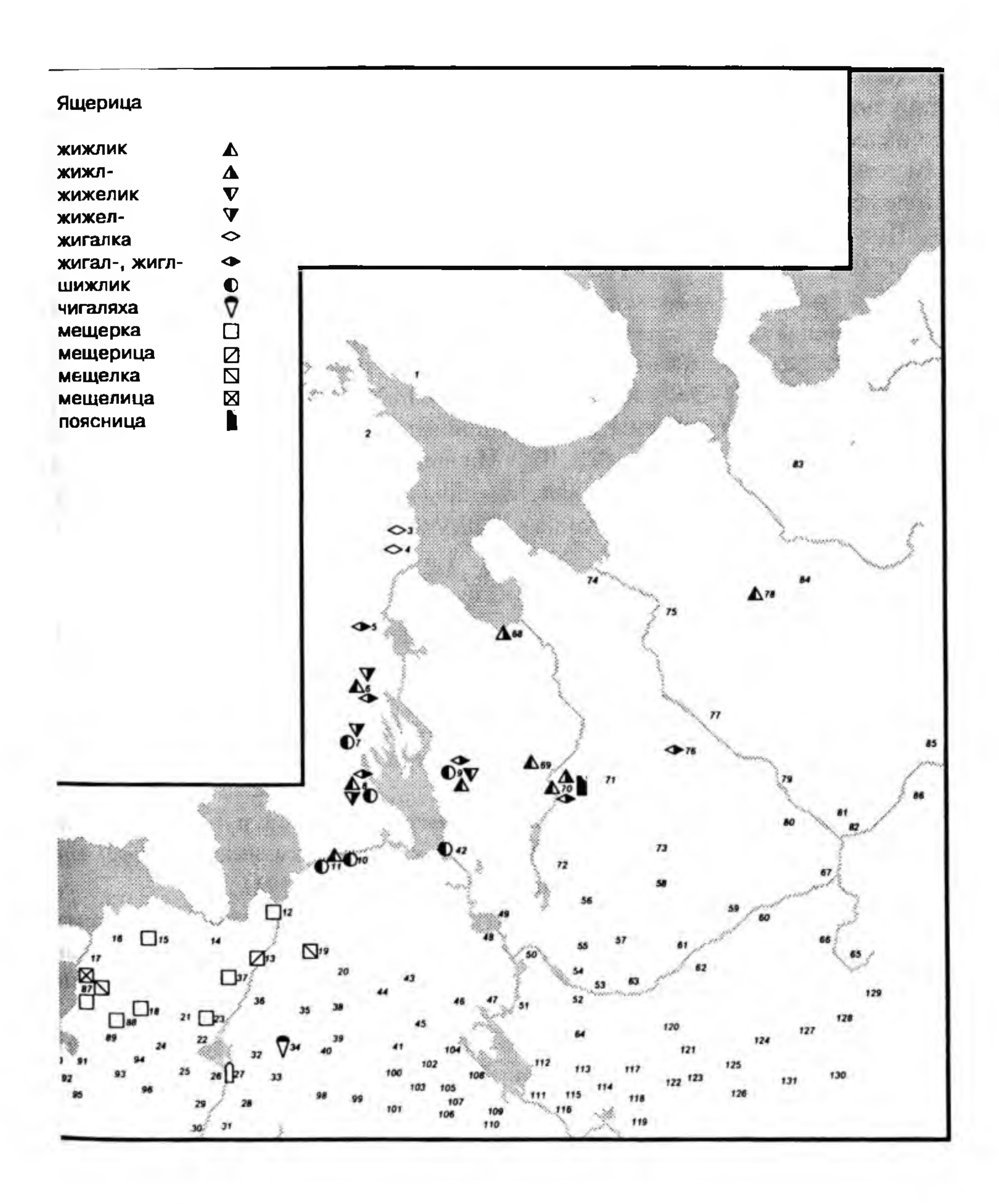
ЗЕМНОВОДНЫЕ, ПРЕСМЫКАЮЩИЕ

Для данного раздела были выбраны для обследования следующие вопросы:

1. Лягушка.
2. Лягушечья икра.
3. Головастик.
4. Квакать.
5. Ящерица.

Для картографирования был выбран 5-й вопрос.

КАРТА № 17
Ящерица



Комментарий

Лексические материалы, представляющие концепт данной карты в своем большинстве отражают довольно сложное переплетение прибалтийско-финских материалов с местными русскими, что отмечал еще А. И. Попов (Попов, 1972, 10, 11). Это относится к лексемам **жи́желик, жи́галка, ши́жлик.** Калима оперирует данными, представленными в словарях Куликовского и Подвысоцкого, ср. **ши́жлик, жи́желик** 'ящерица' (Олон., Пудож., Вытегор.), **жи́жлик** (Лодейноп., Вытегор., Пудож., Каргоп.), **жижле́ц, жижелю́ха, жежелю́ха, жигалю́ха, жиглу́ха** (Петрозав.), **жижлу́ха** (Пудож.), **жиглу́ха** (Каргопол.), **жига́лка** (Повен., Куликовский), **жега́льница** 'ящерица' (Шенк., Подвысоцкий, 43).

При этом он предлагает вепсско-карельскую этимологию. ср. вепс. *šižlik*, ливв. ген. *šižiliusku, čižiliusku*, кар. ген. *čižiliušku, čižiliuhku, čičeliuhku*, люд. *tšidžliusk* 'ящерица', причем формы с корнем **жиг-**, по его мнению возникли на русской почве как результат народной этимологии, ср. **жигать** 'жалить', хотя фин. *sikalisko* соотносится с этим типом консонантизма при фин. литер. *sisilisko* (Kalima, 1915, 247). См. также Шегрен, 1852, 146; Meckelein, 1913, 35; Фасмер, 4, 437. Лесков для лексемы **ши́жлик** приводит карельский этимон, ср. кар. *šižilihkö* 'ящерица' (Лесков, 1892, 102). На наш взгляд, только лексема **ши́жлик** имеет прямые соответствия в вепсско-карельских диалектах, ср. вепс. *šihlik, šižlik* 'ящерица' (СВЯ, 543), ливв. *šižliwhku* 'ящерица' (СКЯМ, 362), люд. *šiželikko, šižlik* 'ящерица' (SKES, 1043). Трудно сказать, является ли ливв. *žižlivškoi* 'ящерица' источником русских форм **жижл-, жижел-,** исходя из того, что озвончение на ливвиковской почве [*š*] – [*ž*] не носит регулярного характера, и возможно озвончение на русской почве с обратным заимствованием в дальнейшем.

Лексема **чигаля́ха**, отмеченная в Окуловском районе, скорее всего, представляет собой результат влияния языка валдайских карел, ср. кар. твер. *čidžilüška* 'ящерица' (СКЯП, 27).

Анализируемое гнездо имеет широкое распространение в финно-угорских языках, ср. водск. *süsälikko*, эст. *sisalik*, ливск. *sižälikki*, саам. инар. *tažaleggi*, мар. *šəγəžäls̑*, коми *dźodźul*, хант. *sõs̑əl* 'ящерица' (SKES, 1043, 1044).

При картографировании не учитывались деривационные варианты, поскольку они не расширяя ареал той или иной корневой морфемы, только представляли дополнительный материал. Кроме того, не разрабатывались картографически фонетические варианты **ши́злик, жи́злик.**

В ОЛА (ОЛА, 1, 1988) на карте № 30 (Ящерица) представлены данные, которые не совпадают с нашими. Лексема **жи́жлик** зафиксирована в Прионежском районе (№ 552 Ладва), Подпорожском (№ 550 Усланка, № 551 Плотично), в Вытегорском (№ 568 Замошье), в Каргопольском (№ 569 Гаврилово); по нашим данным в Прионежском районе (Ладва, Педасельга), в Подпорожском (Заозерье, Курпово, Пидьма, Согиницы, Ульино, Усланка, Шеменичи, Юксовичи, Яндеба), в Вытегорском (Андома, Ерино, Иванчево, Казаково, Мегра, Ошта, Ундозеро) отмечается вариант **ши́жлик**, явно восходящий к вепсскому этимону. Для Каргопольского района наши, более обширные данные, подтверждают бытование лексемы **жи́жлик**, она

фиксируется в Каргопольском районе (Архангело, Сорокинская, Пекшмозеро), в Пудожском (Авдеево, Гакукса, Каршево, Пелусозеро, Куганаволок, Песчаное, Римское), в Медвежьегорском (Челмужи), Плесецком районе (Майлахта). В Онежском районе (№ 534 Тамица) фиксируется лексема **кижлика**, по ПЛГО – **жижлуха**.

Гнездо **мéщерка** отмечается в ареале от гдовских говоров до Поволховья. В ОЛА основа *meš-* возводится к *myš* (ОЛА, 1, 1988, 128). Это указывает, скорее всего, на его новгородский автохтонный характер.

Лексема **пояснúца**, отмеченная в Каргополье, в настоящее время не имеет этимологических версий. См. СРНГ, 31, 48.

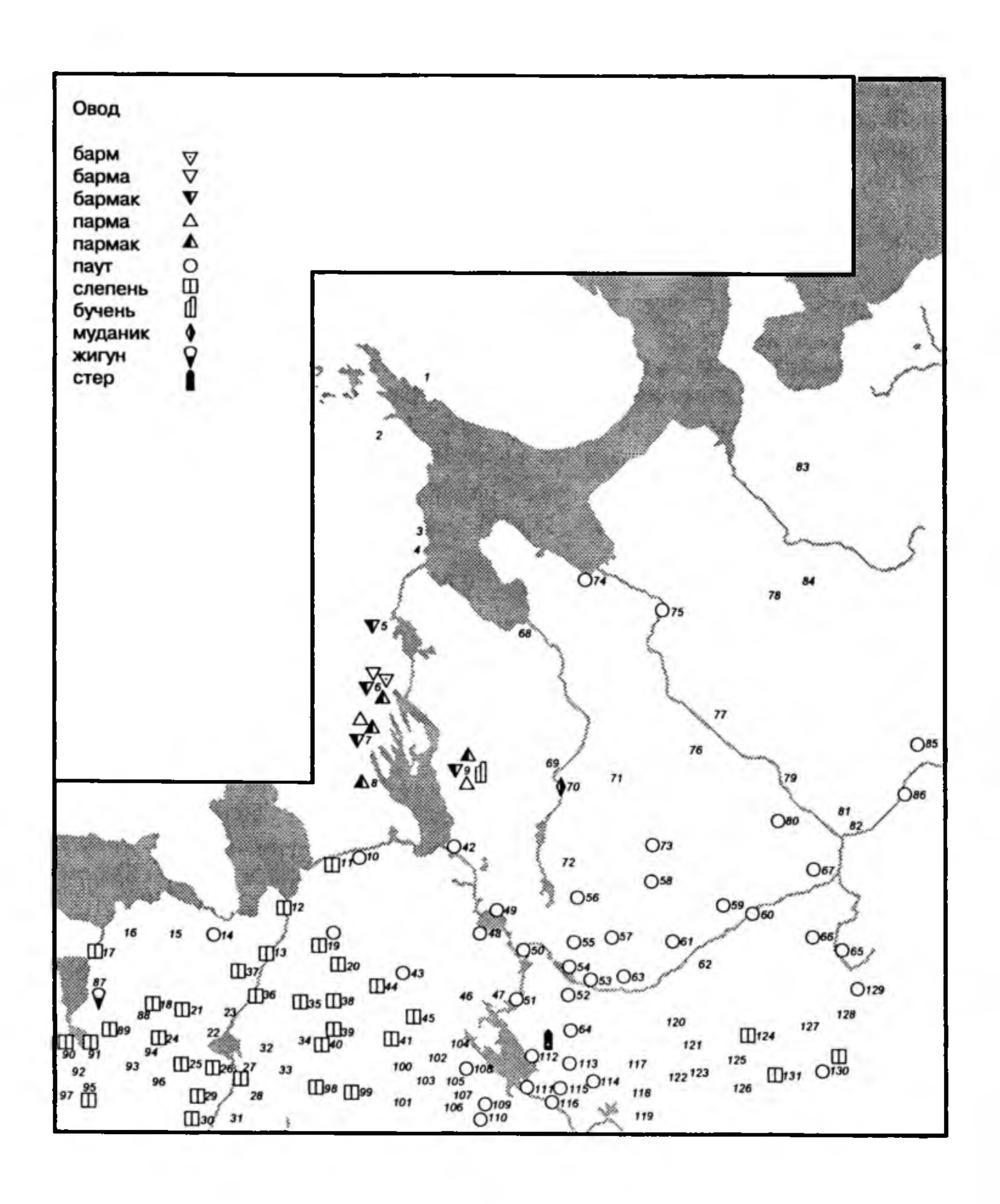
НАСЕКОМЫЕ

Данная подгруппа не столь многочисленна, как некоторые другие, тем не менее, она крайне важна при выделении субстратных ареалов. В нее включены следующие вопросы:

1. Рой мошек, мошкара.
2. Бабочка.
3. Овод.
4. Кузнечик.

В данной работе картографируется 3-й вопрос.

КАРТА № 18
Овод



Комментарий

Объектом при сборе материала были виды крупных слепней, которые в народе называют оводами, при этом диалектоносители полагают, что это правильное научное название, к которому они предлагают диалектные синонимы. Мелкие виды слепней, имея такое же наименование слепень, отличаются размерами и окраской, и поэтому для них фиксируются также и диалектные синонимы, которые не были включены в сферу нашего внимания. Таким образом, материалы, полученные для этой карты представляют собой наименования крупных настоящих слепней (рода Tabanus и Hybomitra) (Насекомые, 208).

Неисконная лексическая манифестация отмечается в Обонежье. Наиболее близка к карельским этимонам лексема **па́рма**; Калима предлагает ряд соответствий: кар. *poarma*, люд. *puạrmad* (pl.), вепс. *parm*, при фин. *parma*, *paarma* 'слепень, овод', водск. *pārmas*, эст. *parm* 'то же' (Kalima, 1915, 181). Ср. также: Погодин, 1904, 183; Meckelein, 193, 55; Фасмер, 1, 127. Причем для деривата **парма́к** Фасмер предлагает финскую этимологию (Фасмер, 3, 208). Даль, фиксируя вариант **па́рман** 'овод' (Коровы от пармана дрочатся) в Олонецкой губернии, делает помету – корелс.(кое) (Даль, 3, 15). Слово широко представлено на финно-угорской почве, ср. ливск. *pārmaz*, саам. норв. *poarmmo*, морд. эрз. *puromo*, мокш. *purə̂m*, мар. *parmə̂m* 'овод, слепень' (SKES, 449).

Лексемы с начальным [*б*] не имеют сопоставимых данных на прибалтийско-финской почве, ср. также кар. *poarma* 'овод, слепень' (KKS, 4, 358), ливв. *puarmi* 'слепень' (СКЯМ, 284), кар. твер. *puarma* 'слепень' (СКЯП, 220), вепс. *parm* 'овод, слепень' (СВЯ, 401), ижор. *pārma* 'слепень, овод' (IMS, 391). Однако трудно сказать, произошло ли озвончение уже на русской почве или связано с влиянием саамских данных, ср. самм. норв. *boar'mo* (SSAP, 2, 281).

Вариант **па́рман**, отмеченный Далем, Куликовскому кажется сомнительным, при слове **парма́к** он пишет, что "у Даля, вероятно, ошибочно, па́рман" (Куликовский; СРНГ, 25, 229).

В новгородских и псковских говорах доминирует лексема **сле́пе́нь**. По версии энтомологов, это наименование связано с тем, что в момент сосания крови это насекомое теряет осторожность, становясь как бы слепым (Насекомые, 208).

Наиболее оширный ареал образует лексема **пау́т** – От Приладожья, Посвирья, южного Прионежья через Белозерье, Пошехонье до р. Северная Двина. Ее происхождение возможно объяснить на исконной почве (Фасмер, 3, 219; Преображенский, 2, 27, 28).

Слово **бу́чень**, зафиксированное в Пудожском районе, является отглагольным дериватом ср. **буча́ть** 'жужжать' (Фасмер, 1, 256).

Лексемы **жигу́н, стер, муда́ник** также являются исконными.

Таким образом, неисконный ареал прибалтийско-финского происхождения отмечается только в Обонежье, за исключением его южной части, при доминировании исконных, ареально дифференцированных данных.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

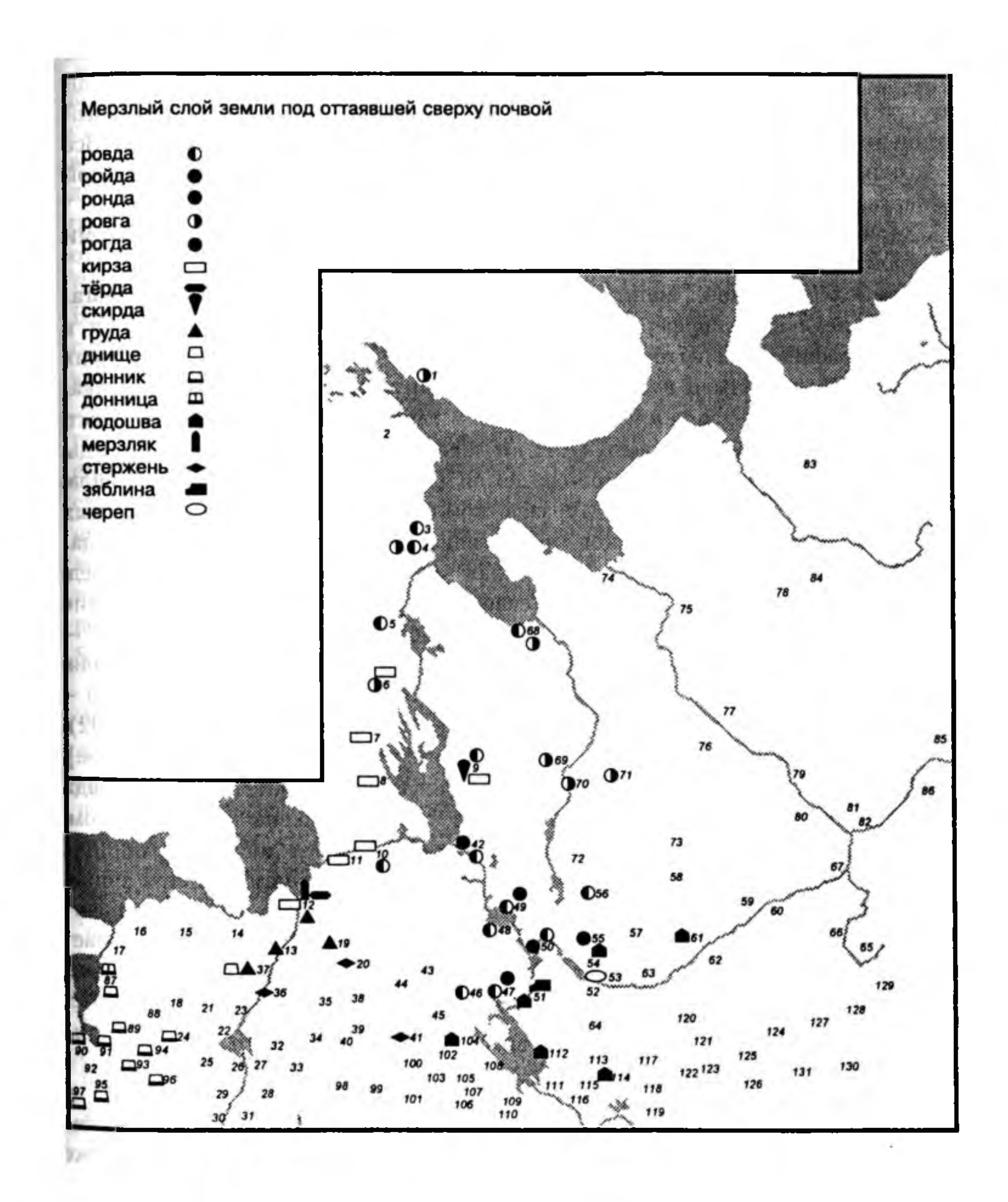
В Программе ЛАРНГ довольно много места, посвящено метеорологическим явлениям №№ 530–648 (Программа ЛАРНГ, 42–48), 118 лексических, лексико-словообразовательных и семантических вопросов. Однако, практическая работа по анализу уже собранных данных показывает совпадение некоторых ответов на вопросы, имеющие в основе, вероятно, одно понятие, ср.: *Л 570 Дождь со снегом* и *Л 588 Мокрый снег с дождем*. Был проделан анализ материалов по этим вопросам, квалифицированным как дублетные, с рекомендациями их нераздельного картографирования (Глебова, 2001, 178–185).

Наша цель при исследовании метеорологической сферы была разделена на две задачи: первая – эмпирическое выявление концептов с неисконными лексическими манифестациями; вторая – поиск концептов, представляющих специфику языкового сознания носителей русских говоров Северо-Запада. Программа ЛАРНГ данного раздела по охвату лексической репрезентации метеорологических явлений практически безупречна, однако и в ней выявляются некоторые лакуны. В работе Комягиной ЛААО среди девяти карт метеорологической тематики две представляют вопросы, отсутствующие в Программе ЛАРНГ: *№ 73 Распространение слова ярой* и *№ 74 Мелкий лед в воде при ледоставе* (Комягина, ЛААО, 12).

Таким образом, в нашу программу по сбору данных были включены следующие вопросы:

1. Мерзлый слой земли под оттаявшей сверху почвой.
2. Снег с дождем.
3. Иней.
4. Покрыться инеем.
5. Мелкий моросящий дождь.
6. Моросить (о дожде).
7. Метель, вьюга.
8. Первый тонкий лед при ледоставе.
9. Покрываться, замерзать (о первом тонком льде при ледоставе).
10. Вода, выступившая на поверхность льда.
11. Промоина, полынья.
12. Мелкий битый лед со снего на поверъности воды.
13. Наст.
14. Тень.

КАРТА № 19
Мерзлый слой земли под оттаявшей сверху почвой



Комментарий

Основной задачей, которая стояла при картографировании данного материала, было выделение ареалов, с заданным концептом, который представляет специфику языкового сознания носителей русских говоров Северо-Запада. И в этой связи можно констатировать, что, например, псковские говоры и каргопольско-лачские гораздо ближе к друг другу, чем говоры бассейна р. Онеги и р. Северной Двины. Поскольку в последний отстутствует не только лексическая манифестация, но и сам заявленный концепт (по нашим данным и данным лексикографических источников). Все это свидетельствует о различном происхождении говоров Архангельской области, а также о различной степени субстатного языкового воздействия.

Значительная часть зафиксированной лексики является единицами прибалтийско-финского происхождения.

Наиболее обширна манифестация гнезда **ро́вга, ро́йда, ро́нда, ро́вга, ро́гда**. Ареальная дифференциация этих вариантов довольно сложна, и в лексикографических источниках замечены неточности при географических пометах. Так, например, в Словаре Даля фиксируются варианты **ро́вга, ро́вка, ро́вда** 'поддина, лед в земле под почвой, в глубине; вечный мерзлый пласт, который никогда не оттаивает' (Арх.) и далее: ровда земляная вода, мокредь, выступающая весною в ростополь из земли' (Орл.). Уж ровда из земли пошла, оттого и сыро (Даль, 4, 99). Мурзаев, компилируя данные всех известных лексикографических источников, представляет эти же варианты: **ровга, ровда, ровка** 'почвенный лед; земля, охваченная вечной мерзлотой; береговой лед, покрытый первой весенней водой (северные обл.); в Карелии – испарение снега и вообще влаги в первые весенние солнечные дни; в Орл. обл. – грунтовая вода, весенняя лужа' (Мурзаев, 1984, 482). Но помета Орл. у Даля, превратившаяся в Орл. обл. у Мурзаева, скорее всего, является опечаткой – должно быть Олон., на что обратил внимание еще Калима (Kalima, 1915, 292).

При картографировании гнезда **ро́вда** не учитывалось [ў неслоговое], которое еще бытует в речи старшего поколения, фонетические варианты **ро́вда** и **ро́ўда**, также как и **ро́вга** и **ро́ўга**, на карте отражены одним знаком. Этимологические изыскания по этому материалу имеют давнюю традицию. Грот впервые связал его с прибалтийско-финским влиянием, сравнив с фин. *routa* 'мерзлая земля' (Грот, 1876). Погодин необоснованно относит вариант **ро́вга** к фин. *rouhkea* 'ломкий, хрупкий' (Погодин, 1904, 55). Калима указывает на карельский источник, ср. кар. *rouda* 'мерзлота, мерзлый слой почвы', однако, для него не ясно взаимоотношение вариантов **ро́вга** и **ро́вда** (Kalima, 1915, 203). Сало впервые разграничила указанные выше варианты, как следствие различного языкового влияния, **ро́вда** она связывает с кар. *rouda*, а **ро́вга** – в вепс. *roug* 'мерзлота, мерзлая почва' (Сало, 1966, 236).

На наш взгляд, в этом материале тесно переплетены более раннее общеприбалтийско-финское влияние с поздним воздействием уже обособленных языков этой группы. Так, варианты **ро́вда, ро́уда,** вероятно, являются рефлексами общеприбалтийско-финского ландшафта, они фиксируются как в зонах сегодняшнего карельского, так и вепсского влияния, при естественно наложении современного кар. *rouda* 'мерзлота' (Ругозеро, Паданы, Суоярви, Тихв., KKS, 5, 172), хотя, конечно, нельзя исключать и того,

что вариант **ро́вда**, как более ранний, получил широкое распростарение на русской почве в результате миграционных процессов. Однако фиксация варанта **ро́вда** в зоне вепсского влияния, ср. вепс. *roug, ruug* 'мерзлота, мерзлая почва' (СВЯ, 481), все-таки говорит о двуслойности прибалтийско-финского влияния. Обобщая данные современных приблатийско-финских языков, ср. кар. твер. *rowda* 'мерзлота, мерзлый слой земли' (СКЯП, 241), ливв. *rowdu* 'мерзлота, мерзлая – обычно весной', вепс. сев. *roud, ruud* 'мерзлота' (SKES, 850), можно говорить, что вепсские материалы (исключая северный диалект) стоят особняком. Поэтому, совершенно очевидно, что вариант **ро́вга** связан с вепсским влиянием более позднего времени (см. выше), причем в Беломорье дистрибуция вариантов **ро́вга, ро́вда** наиболее пестра: Дождь пройдет – скорее ровга выйдет (Колежма), Роўга выходит, можно пахать землю (Нюхча); при отмеченном варианте **ро́вда** в Сум. Посаде и в Вирме (ПЛГО; Сало, 166, 235). Вариант **ро́гда**, не отмечаемый ранее, фиксируется преимущественно в Белозерье и связан, вероятно, с особенностями языка белозерских вепсов либо с довепсским субстратом. Вариант **ро́йда** вторичен, он связан с **роўда**, так же, как, скорее всего и **ро́нда**.

Следует отметить, что прибалтийско-финское гнездо *routa* не исконного происхождения, а является результатом балтийского влияния, ср. литов. *grúodas* 'смерзшаяся грязь' (Фасмер, 3, 488; Thomsen, 1890, 173). Попов связывает финский материал со славянским: чеш. *hrouda* 'глыба, ком', польск. *gruda* 'глыба' (Попов, ЗНП, 850). Авторы SKES указывают на возможное контаминационное воздействие балтийских и прибалтийско-финских данных на русские говоры, что, на наш взгляд вряд ли возможно ввиду имеющих результатов прямого балтийского влияния (см. анализ лексемы **груўда**) (SKES, 850).

Лексема **ки́рза**, представленная в говорах Приладожья, Посвирья, Западного Прионежья и Заонежья, является результатом влияния ливвиковского типа, ср. ливв. *kirzi* 'слой промерзлой почвы под оттаевшей землей; мерзлота' (СКЯМ, 143), Калима приводит ливв. *kirzi* 'заморозок на почве, замерзшая земля' (Kalima, 1915, 118). Данные прибалтийско-финских языков, ср. фин. *kirsi* 'мерзлота', эст. *kirs* 'мерзлота', ливск. *kīrt`*, *kīrk`* 'тонкий слой льда', люд. *kirz* 'мерзлота', при саам. норв. *girsi* 'мерзлота' из фин. (SKES, 200), также являются результатом балтийского влияния, ср. литов. *skir̃sti* 'покрываться снегом', *apskir̃sti* 'замерзать, покрываться льдом' (SSAP, 1, 372).

Еще одно слово прибалтийско-финского происхождения – **тёрда**, зафиксировано в Волховском районе (Шахново) и представляет собой субстратную единицу карельско-финского типа, ср. фин. *kerte* 'тонкая корка на снежной поверхности', при вепс. *kerteh* 'кожа, пленка' (SKES, 185), кар. *kerteh* 'отколовшаяся или обломавшаяся часть от большой части чего-л., обломок, кусок чего-л.', 'тонкий слой или пленка', 'тонкая пленка льда' (KKS, 2, 138), ср. также вепс. *kerteh* 'поверхностный слой кожи, эпидермис', 'пленка, налет', 'пенка на молоке' (СВЯ, 196), фин. *kerte* 'крепко замерзший снежный наст', сопоставляемое с хант. вост. *kärtəɣ*, хант южн. *kärtəm* 'тонкий снежный наст' (SSAP, 1, 348). Чередование [*к*] - [*т*] в севернорусских говорах перед гласными переднего ряда имеет и другие примеры, ср. **ти́рза** 'осенняя или весенняя грязь на улице' (Заонеж., Куликовский).

Лексема **груўда**, бытующая в Волховском, Киришском, Тихвинском,

Чудовском районах, представляет результата прямого батийского влияния, ср. литов. *grúodas* 'мороз, мороз без снега', 'замерзшая грязь на дороге', литов. жем. *grūts, grouts*, при литов. *grúodis* 'декабрь' с соотвеотствиями в славянских языках: др.-рус. *grudenь* 'ноябрь', польск. *grudzień* 'декабрь' (Fraenkel, 1, 173).

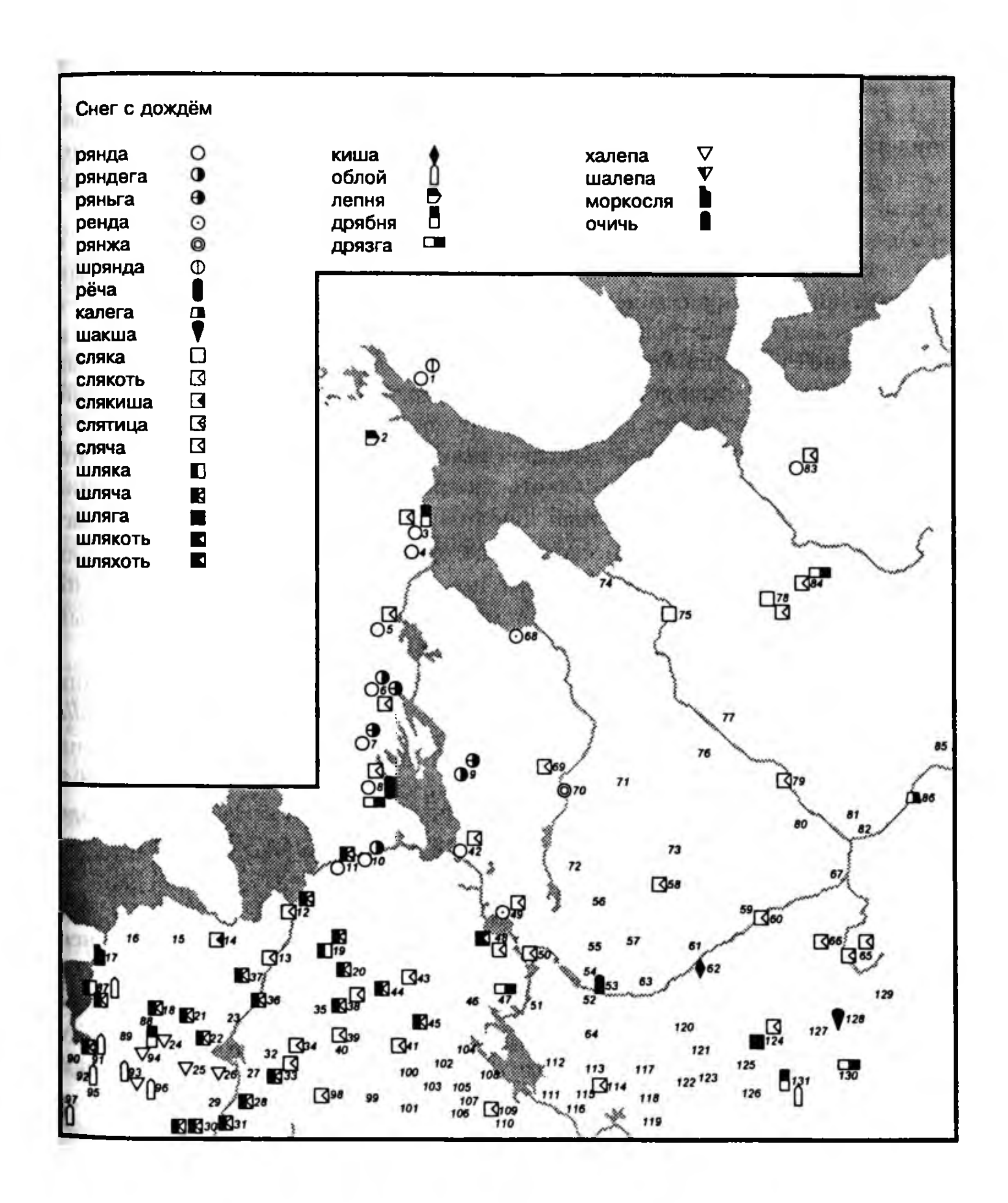
Таким образом, основные субстратные типы представлены прибалтийско-финскими и балтийскими языками, причем прибалтийско-финские данные репрезентируют более древнее балтийское влияние.

Лексема **скирда**, зафиксированная на Водлозере (Пудожский район), возможно, представляет субстрат саамского типа; вряд ли следует ее сопоставлять со скандинавскими данными, ср. швед. *skare* 'снежный наст' (EONDS, 710).

Исконная лексическая манифестация представлена в псковских говорах (**днище, донник**), ярославских, вологодских говорах (**подошва**), в новгородских говорах восточнее р. Волхов (**стержень**).

В большей части говоров Новгородской области, при наличии сходных климатических условий для всего региона, не удавалось не только зафиксировать лексику, но в ряде случаев и анализируемое понятие, например: Земля еще не отошла сиять. Хвойнин. (Василево) Новг. Преимущественно прибалтийско-финский тип отражается в говорах Беломорья, Каргополья, Обонежья, Посвирья. В Волховском районе в Приладожье фиксируется прибалтийско-финский тип наряду с исконным: **тёрда, мерзляк** (Шахново), в н. п., расположенных не вблизи от водных акваторий представлен балтийский тип: **груда** (Верховина), который также представлен в говорах Поволховья; в бассейне р. Паши отмечается прибалтийско-финский (карельский) тип: **кирза** (Рыбежно). Также смешанный тип бытует в Череповецком районе: **зяблина, ровда, ронда**. По данным ПЛГО зафиксированы варианты слов, не отмеченные ранее в источниках: **ройда** (Харовский р-н), **рогда** (Белозерье).

КАРТА № 20
Снег с дождем



Комментарий

Материалы данной карты представляют собой лексику, которая по материалам лексикографических источников является многозначной. Однако при полевых исследованиях они фигурировали в качестве единиц лексической манифестации на заявленный концепт. Поэтому значение рассматриваемого концепта субстратных лексем будет включаться в более широкий анализ зафиксированных лексико-семантических вариантов.

Наиболее значительный субстратный ареал представляет гнездо **ря́нда, ря́ндега, ря́ньга, ря́нжа, шря́нда**, прибалтийско-финского происхождение, которое, в свою очередь, можно дифференцировать по отдельным субстратным типам.

Лексема **ря́нда** довольно часто представляет собой полисемант с семантической доминантой 'снег с дождем' и периферийными значениями 'мокрый снег', 'сырая холодная погода', 'дождливая погода', 'ливень' с нечастотными фиксациями. На наш взгляд, вариативность форм и значительное развитие полисемии свидетельствует о влиянии из различных прибалтийско-финских источников. Например, совокупность практически не разделяемых на отдельные значения семантических компонентов 'снег с дождем; мокрый снег; сырая холодная погода' находит соответствие в вепс. *ränd* 'сырая холодная погода, слякоть, мокрый снег', так же как и значение 'ливень' сопоставимо с вепс. *ränd* 'проливной дождь' (СВЯ, 489). Дериват **ря́ндега** также тяготеет к вепсскому типу, хотя возможно его развитие и на русской почве, а лексема **ря́нда**, кроме приведенных вепсских соответствий, сопоставляется с общекарельским типом, ср. кар. *rändä*, кар. сев. *räntä* 'мокрый снег, снег с дождем, сырая погода' (KKS, 5, 234).

У этимологов, разрабатывающих данное гнездо, имелись в распоряжении только лексемы **ря́нда** и **ря́нжа**. Калима вариант **ря́нда** возводил к кар. *rändä*, при фин. *räntä* 'снегопад' (Калима, 1912, 90), тогда как Погодин реконструирует вепс. **ränža* в качестве источника этой формы (Погодин, 1904, 57). См. также: Грот, 1876, 472; Meckelein, 1913, 62; Фасмер, 3, 58. Сало предполагает заимствование **ря́нда** из ливв. или люд. (Сало, 1966, 228).

Вариант **ря́ньга**, вероятно, восходит к более позднему карельскому типу, ср. ливв. *ränne* 'слякоть' (СКЯМ, 322), при фин. *ränne* 'мокрый слякоть снег слякоть', люд. *ränne* 'сырая погода осенью' (SKES, 913), *ŕäńńä* 'мокрый снег (KKS, 5, 234).

Вариант **ря́нжа** можно трактовать как результат влияния ливвиковского типа, ср. ливв. *ränžu* 'грязный, слякотный (о погоде)' (СКЯМ, 322), *ränd'žü* 'то же' (SKES, 913), ср. также кар. сев. r*äntšä* 'мокрый снег' после утраты затвора смычного карельского звука.

Следует отметить, что прибалтийско-финское гнездо *räntä* также имеет неисконные корни, ср. литов. *drẽngti* 'моросить, идти, падать (о снеге с дождем мокром снеге)' (SSAP, 3, 126).

Лексема **шря́нда**, зафиксированная на Кольском полуострове, вероятно является результатом развития на русской почве.

Слово **рёча** в ином значении 'человек, промокший насквозь под дождем фиксируется в Беломорском районе. Однако, несмотря на то, что этот фак

расширяет географию данной формы, мы можем рассматривать его как вторичное явление. Первая фиксация лексемы **рёча** 'мокрый снег, выпадающий нередко осенью или весною' отмечается в Петрозаводском уезде Куликовским. Калима возводит данные Куликовского к кар. *rötšä* 'мокрый снег, слякоть' (Kalima, 1915, 198). Погодин не обоснованно сопоставляет с фин. *riettä* 'грязь, конструируя ливв., вепс. кар. *rieča* (Погодин, 1904), Сало видит источник в кар. *röčča* 'дождь со снегом, слякоть, ненастная погода' (Сало, 1966, 241). Фасмер повторяет версию Калимы (Фасмер, 3, 478).

На наш взгляд, для данной лексемы довольно трудно определить тип прибалтийско-финского источника, предпочтительней говорить о вепсско-карельских источниках, ср. вепс. *röč* 'грязь, слякоть' (СВЯ, 491), ливв. *röčč* 'мокрый снег, снег с дождем' (СКЯМ, 322), *röttša* 'то же' (KKS, 5, 254), люд. *röt's* 'снег с дождем', фин. диал. *rötsä* 'мокрый снег, слякоть', 'развезшаяся дорога' (SKES, 929).

Лексема **шáкша**, зафиксированная в Пыщугском районе, представляет собой семантическую периферию, основной лексико-семантический вариант **шакшá**, отмечаемый в Межевском, Пыщугском, Никольском районах, имеет значение 'снег, смешанный с водой, месиво из мокрого снега на весенней дороге, грязный сырой снег' (Востриков, 1981, 42). Он, вероятно, соотносится с **шáкша** 'слякоть, грязь на дороге', бытующем в Кондопожском районе. Однако, сопоставимость этих данных на финно-угорской почве не означает их происхождение от общего источника. Вариант **шакшá** можно рассматривать как сравнительно поздний результат влияния марийского типа, ср. мар. *шакше* 'мерзкий' (РМС, 279), удм. *шакшы* 'неряшливый, грязный, дурной, нехороший, поганый' (УРС, 339). Но непонятно место предполагаемых этимонов на марийско-удмуртской почве, также как и отношение к рассматриваемым данным материала из другой предметно-понятийной сферы: **шáкша** 'жидкость, остающаяся при сбивании масла' (см. соответствующую карту), который относится к карельскому влиянию.

Гнездо **сля́ка, шля́ча** с дериватами имеет практически повсеместное распространение в регионе, эти данные сопоставляются с польск. *śląkwa* 'дождливая погода, снег вперемешку с дождем' (Фасмер, 3, 682).

Лексема **ки́ша**, отмеченная в Бабушкином районе, имеет более частотный вариант **ки́жа**, зафиксированный в иных значениях: 'снег, выпавший на оттаявшую землю', 'первый снег', 'осеннее ненастье с дождем и снегом' в Нюксенском, Тарногском, Бабаевском районах (СВГ, 1987, 55), по СРНГ – в сходных значениях, в основном, в вологодских говорах (СРНГ, 13, 202). Фасмер слово **ки́жа** производит от **кидáть** (Фасмер, 2, 230), ср. также варианты **ки́дега, кидь, ки́та, кить, ки́тча, ки́ча** в сходных значениях с севернорусской и сибирской географией (СРНГ, 13, 243). Варианты **кидь, кить** действительно объясняются с помощью внутриславянских ресурсов (ЭССЯ, 13, 252, 254; Аникин, 2000, 287). Ср., однако прибалтийско-финское гнездо, фин. *kide* 'снежинка', *kiteet, kidut* 'мелкие снежинки, образующиеся во время сильного мороза', ливв. *kidei* 'морозная погода', люд. *kide* 'лед, замерзающий на земле осенью после дождя', вепс. *kidegi, kidä* 'сильный мороз, в который сани плохо скользят по дороге', 'дорога по льду', эст. *kidu* 'маленькая снежинка', *kiduhang* 'наст, выдерживающий человека' (SKES, 187), вепс. *kiđe, kiđegi* 'состояние санного пути в сильный мороз (когда плохое скольжение)' (СВЯ, 203). Ни у

авторов SKES, ни SSAP нет сомнений в неисконности прибалтийско-финских данных (SSAP, 1, 352), но имеющиеся обширные славянские данные, ср. польск. *okiść*, чеш. *okyd*, словац. *okyd'*, укр. *окидь*, белорусск. *кид* 'снег на ветвях деревьев', 'иней', 'весенние заморозки' (ОКДА, 99), позволяют подтвердить славянскую основу вариантов **кид-, кид-**. Варианты **ки́тча, ки́ча** вполне возможно сопоставить с мар. зап. *kətšä* 'дующий навстречу ветер со снегом в холодную погоду' (SSAP, 2, 352). Вариант **ки́жа** имеет соответствие в коми языке, ср. коми-зыр. *кижа* 'изморозь', 'иней', 'мелкий сухой снег, падающий в морозы' и возводится к русским данным (КЭСКЧ, 123), но в отношении варианта **ки́ша** вероятна также и версия марийского влияния. Ср., однако, уйгур. *ķiжа* 'иней' (ЭСТЯ, 2000, 230).

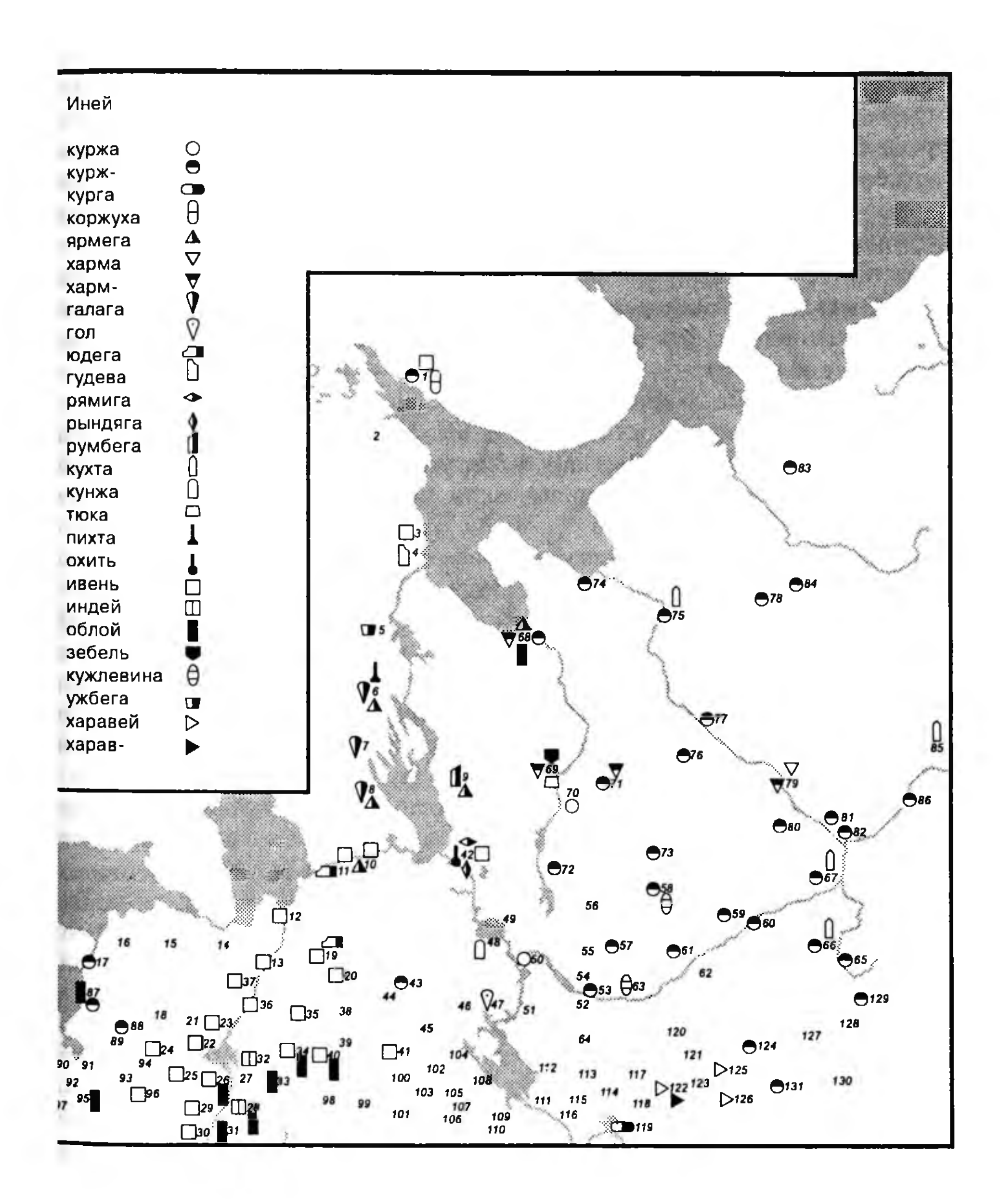
Лексема **обло́й** имеет фиксации в западных новгородских и псковских говорах и сопоставляется со славянскими материалами, ср. белорусск. *абло́й* 'изморозь', укр. *облі́й* 'протаявший, покрытый водою снег', ст. чеш. *obloj* 'помои' (ЭССЯ, 28, 19).

Лексема **о́чичь**, имеющая единичную фиксацию, вероятно связана с коми-зыр. *чита, читас* 'изморозь' (КЭСКЯ, 308), префиксация, вероятно, произошла уже на русской почве. Нельзя и исключать того, что это слово восходит к **кить** (см. выше).

Варианты **ха́лепа, ша́лепа** отмечаются в юго-западном Приильменье. Ареал **ха́лепа** 'зимняя непогодь, мокрый снег, лепень, дребня' (Южн., Зап., Калуж.), представляемый Далем (Даль, 4, 557), в нашем регионе, вероятно, представляет северо-восточную периферию (юго-западные районы Новгородской области и смежные с ними районы Псковской). На данном этапе исследования для этого гнезда довольно затруднительно представить какую-л. этимологическую версию, отсутствуют они и в Словаре Фасмера (Фасмер, 4, 217, 218).

Также трудно судить о происхождении слова **ка́лега**, зафиксированного в Вилегодском районе. Если предположить, что формант *–га* появился на русской почве, то эту лексему возможно сопоставить с прибалтийско-финскими данными, ср. фин. *kalea, kalhea* 'прохладный, холодный', при саам. лул. *kāllō*, саам. норв. *gallo* 'холодная погода', саам. вефс. *gāал'ио* 'дождливая погода летом' (SKES, 147). Нельзя исключать и другие сходные материалы, ср. фин. *kaljakka* 'холодный', 'скользкий, ледяной (о земле)' (SSAP, 1, 285), однако, фиксация лексемы **ка́лега** на востоке региона делает аргументацию этих версий весьма сомнительной.

КАРТА № 21
Иней



Комментарий

Материалы к данной карте в некоторых случаях для ряда корневых морфем имеют значительное число деривационных вариантов, ареальное распределение которых разрозненно и нерегулярно. Поэтому, для упорядочения и обобщения лексических данных было принято решение не представлять графически деривационные варианты, ограничившись репрезентацией только корневой морфемы. Таким образом, имеет графическое отражение лексема **ку́ржа** и корневая морфема **курж-**, в лице которой представлены следующие дериваты: **куржа́к, ку́ржеве́нь, ку́ржевица, ку́ржёви́на, куржо́вина, куржеве́тина, ку́ржева, куржема́**; также лексема **ха́рма** и корневая морфема **харм-**, отражающей дериваты **хармоха́, ха́рмовина, хармови́на**; и **харав́ей** и дериваты **ха́равесь, ха́раветь.** Кроме того, не включались для разработки регулярные фонетические варианты: **ермега́** (см. **я́рмега**), **харове́й, хорове́й** (см. **харав́ей**). Также не учитывались данные, имеющие единичные фиксации: **харм, харбови́на**, поскольку в этом же районе отмечается частотная лексема **ха́рма**.

Гнездо **ку́ржа** с дериватами занимает наиболее значительно место в обследуемом регионе, но в основном, в восточной ее части (Архангельская, Вологодская области). В макроструктуре русских говоров ареальная дистрибуция имеет только севернорусский характер, включая русские говоры Сибири (см. СРНГ, 16, 123-125).

Погодин предположил финское происхождение данного гнезда, ср. фин. *kuura* 'иней', что оспорил Калима, ввиду отстутствия в финском языке в этимоне фонемы, сопоставимой с русск. [*ж*] (Kalima, 1913, 77, 78). Фасмер предпочел трактовать этот материал как приставку **ку-** и корень **ржа** 'ржавчина' (Фасмер, 2, 425). Такое членение, по мнению Вахроса, выглядит искусственно (Вахрос, 1965, 333). Аникин предлгает отделять слова типа **ку́ржа** 'иней' от диалектизмов типа **коржави́на** 'ржа, ржавчина', **коржа́ва** 'ржавое болото' (Аникин, 2000, 329; ЭССЯ, 11, 120). Вахрос возвращается к идее Погодина о прибалтийско-финском источнике, вероятно, карельского типа, кар. **kuurža* (Вахрос, 1965, 333). На наш взгляд, возведение гнезда **ку́ржа** к этимону карельского типа вряд ли может иметь серьезную аргументацию, поскольку преимущественное распространение охватывает районы восточнее реки Онеги, т. е. между прибалтийско-финским континуумом и ареалом русского диалектного гнезда отстутствует зона контактов, что возможно только в том случае, когда русские данные восходят к иному, причем чаще всего, субстратному типу. И прибалтийско-финские источники могут рассматриваться как соответствия этого субстрата. Таким образом, гнездо **ку́ржа** можно рассматривать как субстрат прибалтийско-финского типа, приводя в качестве сопоставления следующие данные: фин. *huuru, huura, huurre* 'иней, туман', ижор. *huurre* 'иней', кар. *huuru* 'пар, туман', *huura* 'туман, мгла', *huurre* 'иней' (SSAP, 1, 195), при основе кар. ген. *huurt* – (KKS, 1, 353), фин. *kuura*, ливв. *kuuru* 'иней' (SKES, 251), ливв. *huwre, huwreh* 'иней' (СКЯМ, 80) Коми-зыр. *куржӧвина* из русск. (КЭСКЯ, 147).

Гнездо **ха́рма** восходит к карельско-финскому типу, ср.: фин. *härmä*, эст. *härm*, люд. *härm* 'иней' (SKES, 99), ижор. *härme* 'иней' (IMS, 82), кар. *härmy* (KKS, 1, 392), кар. твер. *härme, härmä* 'иней' (СКЯП, 65), ливв. *härmu* 'иней'

(СКЯМ, 86), при водск. *ärmä* 'о желтеющей склизкой воде', ливск. *ärmä* 'иней, гололед' (SKES, 99), водск. *härm* 'иней, изморозь', 'тонкий слой чего-л.' заимствовано из ижор. (Цветков, 1995, 59). Матвеев, имея в своем распоряжении только варианты с начальным [*x*] полагает, что их богатство возникло на русской почве, справедливо не исключая в качестве первоисточника восстанавливаемое по модели **härmäh* (Матвеев, 1995, 32).

Лексема **ярмега** соотностится с гнездом **харма** на прибалтийско-финской почве, ее фиксация на территории Обонежья и Посвирья позволяет предположить, что данная единица может являться результатом вепсско-саамского влияния, ср. саам. норв. *ærbme* 'мелкие снежинки', *ærmo* 'туман со снегом', при саам. лул. *häremu* 'дождь, перемежающийся с выпадением измороси', которые восходят к источникам финского тпа (SKES, 99), при исторически первичном саамском варианте *sîna* 'иней на земле' (KOLTKS, 498), финскому [*h*] довольно регулярно соответствует саамское [*s*], ср. фин. *hirvas* и саам. *sârves* (SKES, 77). Бытование лексемы **ярмега** преимущественно в зоне вепсского воздействия позволяет возводить ее к вепсскому источнику, а начальный [*j*] объясняется следующим образом: на территории с вепсским субстратно-адстратным воздействием начальное прибалтийско-финское [*h*] субституируется русским [*г*] (см. карту **хариус**), с карельским – фонемой [*x*]. Но в случае, если вепсская реконструкция будет репрезентирована диалектной формой **γярмега*, то возможна утрата начального [*γ*] с заменой на [*j*] (См.: Аванесов, 1949, 163; Кузнецова, 1975, 92).

Следует отметить, что прибалтийско-финское гнездо является результатом балтийского влияния, ср. латыш. *sar̃ma*, литов. *sarma* 'иней, замерзшая роса' (SKES, 99).

Лексема **галага**, зафиксированная в западном Прионежье, неплохо разрабатывалась в этимологической литературе. Погодин соотносит ее с фин. *halla* 'заморозки', предлагая, что русская форма на *–га* восходит к вепс. **hallaga* (Погодин, 1904, 21, 22), против чего возражал Калима, отдавая предпочтение карельско-вепсской этимологии: кар. *halla*, вепс. южн. *hal*, вепс. сев. *hala* 'иней', при водск. *алла*, эст. *hall* ливск. *ala* 'иней' (Kalima, 1915, 90). Ср. также: люд. *халли, халле*, ливв. *халли* 'иней', вепс. сред. *хал*, при саам. лул. *suolne* 'роса', саам. норв. *suol'dne* 'роса; туман над водой или землей в холодные летние ночи или осенние вечера' (SKES, 51). Ареальная дистрибуция свидетельствует в пользу этимологии Калимы, ср. также: вепс. *халла, халл* 'заморозки' (СВЯ, 103), кар. тихв. *halla* 'заморозки' (KKS, 1, 157), кар. твер. *halla* 'заморозок, утренник' (СКЯП, 45), ливв. *hallu* 'заморозки' (СКЯМ, 57). Прибалтийско-финские данные неисконны, они также восходят к балтийским источникам, ср. латыш. *sal'na* 'мороз, иней', литов. *šalnà* 'иней, слабый мороз' (SKES, 51).

Лексема **гол**, отмеченная в Череповецком районе, возможно, связана с вепсским влиянием. ср. вепс. *халл* 'иней, заморозок' (СВЯ, 103), а оглубление произошло уже на русской почве, ср. **лахта** 'залив' в Обонежье и **лохта** в Белозерье (см. о чередовании [*a*] - [*o*] Матвеев, 1968, 121-126). Однако, не исключена вероятность того, что слово **гол** связано с исконными русскими данными, ср. **гололед**.

Лексема **юдега** имеет вариант **гудега**, зафиксированный в диалектных источниках в сходных значениях: 'густой в виде снега иней на деревьях' (Арх., Подвысоцкий, 35), 'замерзшие испарения над дверями жилого помещения или

от дыхания человека, или животного' (Арх., Второе Доп.). Куликовский отмечал слово **ю́дега** 'иней' на р. Свири (Куликовский). Калима варианты Подвысоцкого и Куликовского возводил к кар. *huueh*, ген. *huudehen; huuveh* 'иней', при фин. *huude*, эст. *ūde* 'иней' (Kalima, 1915, 93, 94), причем. он указывал на возможную ошибку Погодина, который выводит их из вепс. **hundege*, правильно **huudege* (Погодин, 1904, 23). Фасмер повторяет этимологию Калимы (Фасмер, 1, 470). На наш взгляд, в данном случае, возможно разграничение вариантов **ю́дега, гу́дега** с точки зрения их происхождения. Вариант **ю́дега** бытует в сфере вепсского влияния, ср. вепс. *hüud* 'иней', *hüde* 'иней' (СВЯ, 132, 137). Вариант **гу́дева**, отмечаемый в Беломорском районе, и соотносящийся с ним **гу́дега** (см. выше), сопоставляются с кар. сев. *huuveh* 'иней': *mettšä on huudehessa* – лес в инее (KKS, 1, 354), однако, начальное [*г*] на русской почве при источнике прибалтийско-финского типа с [*h*], чаще всего свидетельствует о вепсском воздействии.

Лексемы **ря́мига** и **ры́ндяга**, зафиксированные в Вытегорском районе, вероятно, представляют саамское влияние, ср. самм. *rèŋŋᵉ*, лат. *rēnna* 'иней на окне' (KOLTKS, 431), хотя для первой единицы возможна связь со словом **я́рмега** (метатеза фонем первого слога).

Еще одна лексема **ру́мбега**, отмеченная в смежном Вытегорскому Пудожском районе, также вероятно имеет в качестве этимона саамский источник, ср. саам. кильд. *rums*, ген. *rummas* 'туман, пар' (KOLTKS, 454), но непонятно место этой единицы в саамских диалектах и в финно-угорских языках. Вряд ли связаны с русским диалектным словом фин. *romppe* 'прибрежный лед' (записи Ленрота), 'глыба льда', ливв. *rompeh* 'глыба льда' (SKES, 832), так же ливв. *huwrme* 'иней' (СКЯМ, 80).

Лексема **пи́хта**, бытующая в Заонежье, имеет вариант **пихка́**, зафиксированный на Кольском полуострове, хотя и несколько в ином значении 'подмытый волною и вследствии этого затвердевший снег на проложенной по берегу моря дороге' (Подвысоцкий, 122; СРНГ, 27, 57), что позволяет сопоставить их с саамскими данными, ср. саам. *péɔʒʒ̧ᵉ* 'иней' (KOLTKS, 361).

Также через саамское воздействие можно объяснить лексему **ку́нжа**, отмеченную в Белозерье, ср. саам. *kunna* 'пепел, зола', *kūnisǐst* 'в пепле, в золе' (KOLTKS, 165).

Слово **коржу́ха**, с фиксацией в Терском районе, представляет собой результат обратного заимствования, ср. саам. *kōržev* 'иней, морозные узоры на оконном стекле' (KOLTKS, 149) из русск. **ку́ржа, ку́ржевень** (об их происхождении см. выше).

Лексема **ку́хта**, отмеченная на востоке региона, представляет результат влияния другого финно-угорского типа, ср. коми-зыр. верхневычегод, вымск., нижневычегод., присыктывкар. *тукта*, лузсколет. *кукта*, верхневычегод. *купта*, верхнесысол. *пукта* 'густой косматый иней, косматая изморозь, слежавшийся снег (на сучьях деревьев)' (ССКЗД, 380); см. также: Матвеев, 1959, 27; Аникин, 2000, 314, 315. Возможно, что коми-зырянские данные являются производными от глагола, ср. коми-зыр. *туктыны* 'набухать, набухнуть, разбухнуть', при удм. *туктаны* 'застрять на верху' (КЭСКЯ, 285).

Гнездо **ха́равей**, фиксируется Востриковым в значении 'иней на деревьях,

юявляющийся после оттепели в сильный мороз; иней от дыхания человека, кивотного' в Антроповском, Парфеньевском, Галичском районах (Востриков, 1981, 39). На финно-угорской почве эти данные сопоставляются с гнездом ка́рма (см. прибалтийско-финские соответствия), однако, довольно трудно определить их субстратный языковой тип. Если предположить вторичное расширение основы по полногласному типу *харв – харав-*, а для фонемы [*в*] чередование [*м*] – [*в*], то вероятно сведение гнезда **ха́равей** к прибалтийско-финскому субстратному типу. Отсутствие звука [*h*] в марийском языке даже не ставит вопроса о возможности субстрата подобного типа в качестве источника анализируемого гнезда, ср. фин. *harava*, мар. *шорвондо* 'грабли' (Грузов, 1969, 158). См. также Востриков, 1981, 39, 40.

Весьма примечательна лексема **у́жбега**, зафиксированная автором в 2001-м году в Сегежском районе (первоначально в нашем распоряжении имелся только глагол **обу́жить**, что и вызвало предположение о существовании субстантива, который и был обнаружен. Данная единица восходит к карельским источникам, ср. кар. сев. *usva ušva, užva* 'иней', 'очень легкий сухой снег', 'туман' (SKES, 1555), ливв. *udžu, udžve* 'иней, изморозь', 'инистая мгла' (СКЯМ, 402), кар. твер. *užva* 'иней' (СКЯП, 320), люд. *udžve* 'иней', при саам. норв. *osve* 'мокрый, липкий снег', фин. *usva* 'туман, густой туман', 'толстый слой инея' (SKES,1554, 1555). Озвончение [*в*] – [*б*] произошло уже на русской почве.

Лексемы **тю́ка** и **курга́** имеют единичные фиксации. Первая рассматривается как единица прибалтийско-финского происхождения, сопоставляемая с фин. *tykkä* 'снег, висящий на верхушке и ветвях дерева', *tykky* 'хлопья снега, собравшиеся на верхушке дерева', *tykki* 'снег на ветвях деревьев' (SKES, 1447). Калима приводит материалы с другой семантикой, которая вряд ли может соответствовать русским диалектным: фин. *tykkä, tykkö* 'большой кусок, колода' (Kalima, 1915, 229). Фасмер повторяет версию Калимы (Фасмер, 4, 134).

Лексему **курга́** ввиду акцентуации на последнем слоге и фиксации на юго-востоке региона, на наш взгляд, следует отделять от гнезда **ку́ржа**; вполне возможно ее сопоставление с тюркскими источниками, ср. пратюрк. **qyraγu*, тур. *kyra[γ]y*, тувин. *xyra* 'иней' (СГТЯЛ, 36), тур. *куршä* 'твердо замерзший снег, который с трудом тает', татар. *кырау* 'заморозки, утренник' (Радлов, 2, 1436). Исходя из сходства тюркских данных с гнездом **ку́ржа** Шипова, основываясь на материалах Даля: **ку́ржа, куржа́к, ку́ржевина, ку́ржевень** 'осадок мерзлых испарений на бороде, одежде, на дверях и пр., изморозь, иней, опока' (Сев., Вост.), 'кит, мерзлые блестки в воздухе' (Сиб.) (Даль, 2. 166), делает предположение о его тюркской основе (Шипова, 1976, 212), что можно поставить под сомнение. Однако не исключена вероятность того, что тюркское гнездо *кырав, кырагу* 'иней', ср. гагауз. *кырч* 'изморозь, наледь, иней' (ЭСТЯ, 2000, 230, 231), став источником для единицы **курга́**, основа которой в косвенных падежах **курж-**, позднее стала таковой и в номинативе. Но ареальная дистрибуция грезда **ку́ржа** – севернорусские говоры и севернорусские в своей основы говоры Сибири, делают эти версию мало достоверной.

В новгородских говорах и на смежных территориях доминируют исконные данные: **и́вень, и́ндей, обло́й**; отмечаются также лексемы, имеющие единичные

фиксации: **зе́бель, кужлеви́на**.

Таким образом, лексические манифестации анализируемого концепта репрезентируют следующие типы субстратного влияния:

1. саамский – **ря́мига, ры́ндяга, пи́хта, ку́нжа, коржу́ха** (Вытегорский, Пудожский районы, Заонежье, Белозерье, Кольский полуостров);

2. коми-зырянский – **ку́хта** (восток Вологодской и Архангельской областей);

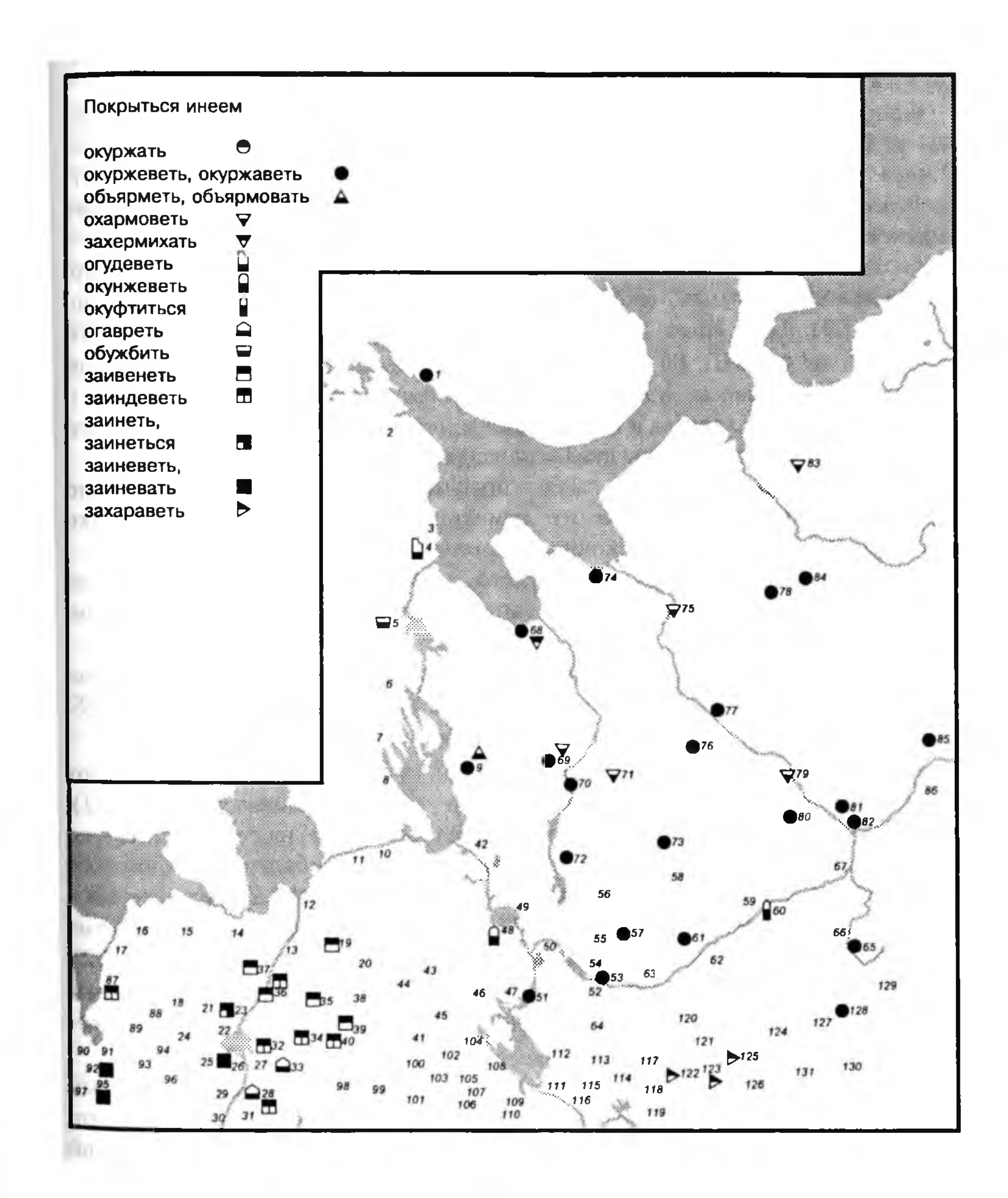
3. вепсский – **ю́дега, я́рмега, га́лага, гол** (западное Прионежье, Посвирье, Белозерье);

4. карельский – **ха́рма, у́жбега** (Поонежье, Беломорье, Каргополье);

5. тюркский – **курга́** (юг Костромской области).

Гнездо **ха́равей**, вероятно, представляет субстрат прибалтийско-финского типа.

КАРТА № 22
Покрыться инеем



Комментарий

Материалы данной карты, совершенно естественно, связаны с картой, где рассматриваются наименования инея. И поэтому корневые морфемы на обеих картах обозначаются знаками одинаковой конфигурации. По-разному только используется заливка внутри знаков, на карте 'Иней', она, в основном. показывает суффиксальное оформление лексемы; на карте 'Покрыться инеем' служит для выделения глагольных префиксов.

Одной из главных задач репрезентации материала на обеих картах была задача показа соотношения ареалов неисконных субстантивов и глаголов. Общее число неисконных этимологических гнезд карты 'Иней' – 17, анализируемой карты – 9 гнезд. Только один глагол **ога́вреть** не имеет зафиксированного производящего субстантива, а напрямую связывается с соответствующими прибалтийско-финскими существительными, ср. кар. *hauru* 'холодный туман' (KKS, 1, 189), ливв. *hawru, höwru* 'водяной пар' (СКЯМ, 89), люд. *hauru* 'иней, туман в сильный мороз', кар. твер. *höwrü* 'водяной пар' (СКЯП, 66), при эст. *aur* 'пар', саам. норв. *hewru* 'пар; густой поток снежной массы, поднимаемый (ветром) с земли' (SKES, 62, 101). Причем, фиксация глагола в Валдайском и Демянском районах предполагает, в данном случае, воздействие диалекта валдайских карел.

Все отмечаемые глаголы имеют префиксы, поэтому уже изначально затруднительно говорить об их неисконном происхождении. Однако некоторые из них имеют неисконные глагольные соответствия.

Лексема **огу́деветь**, при сущ. **гудева́**, сопоставляется с кар. *huuvehtuo* 'покрываться инеем' (KKS, 1, 354), при вепс. *hüudeta* 'покрываться инеем' (СВЯ, 137).

Также имеет прибалтийско-финское глагольное соответствие лексема **обу́жбить**, при сущ. **у́жбега**, ср. кар. *udžvoittuo*, кар. твер. *užvauduo* (SKES, 1555), *užvewduo* 'покрыться инеем, заиндеветь' (СКЯП, 320).

Глаголы **оха́рмоветь, захе́рмихать,** при сущ. **ха́рма и хермиха** (этот субстантив отмечается Матвеевым по р. Онеге) (Матвеев, 1995, 32), представляют не только различные производящие основы на русской почве, но и опосредованно, разные способы адаптации прибалтийско-финского источника, ср. кар. *härmä* – русск. **харма – оха́рмоветь**, а также русск. **херма** и далее **хермеха, хермиха** (Матвеев, 1995, 32). Эти глаголы имеют неисконные соответствия, ср. кар. *härmätä, härmäytyö* 'покрываться инеем' (KKS, 1, 392), кар. твер. *härmäwdüö* 'покрываться инеем, индеветь' (СКЯП, 65), ливв. *härmävüö* 'покрываться инеем' (СКЯМ, 86), однако, вряд ли они могут рассматриваться в качестве этимонов.

Глаголы **объя́рметь, объя́рмовать** (а также **объя́лмовать**, который трактуется нами как сомнительный вариант по данным КСРГК) имеют, вероятно, в качестве производящей основу **ярм-**, при зафиксированной лексеме **я́рмега**; скорее всего их следует рассматривать как образования на русской почве.

Глагол **оку́фтиться** имеет в качестве корневой морфемы фонетический вариант **куфт-**, который имеет преимущественное распространение в русских говорах Урала и Сибири (см. СРНГ, 16, 181), и также, вероятно, образован на русской почве.

Глаголы **оку́ржать, оку́ржеветь, оку́ржа́веть, оку́нжеветь, захараве́ть** не имеют соответствий на иноязычной почве и являются исконными образованиями.

О соотношении ареалов субстантивов и глаголов с одним и тем же неисконным корнем можно сказать следующее: для слов с узкой локализацией характерно совпадение ареалов (**у́жбега – обу́жбить, ку́нжа – оку́нжеветь, ха́равей – захараве́ть**); для лексем с фиксациями на обширной территории доминирует тенденция сужения ареала глагола по сравнению с субстантивом (**курже́вина, куржа́к** отмечаются в Гдовских говорах, а глагольная лексика с этим корнем отстутствует; **я́рмега** фиксируется в четырех районах Обонежья и Беломорья, глаголы **объя́рметь, объя́рмовать** – только в одном Пудожском; сходное соотношение наблюдается для пары **ку́хта – окуфтиться**). Только в паре **ха́рма – оха́рмоветь** наблюдается преобладание глагола, как ареалообразующей единицы.

Глаголы с исконными корнями также, как и субстантивы, доминируют в новгородских и псковских говорах.

ЧЕЛОВЕК

Наличие неисконных слов в тематической группе лексики, обозначающей части тела, принимается рядом исследователей за доказательство их субстратного происхождения (см. Рут, 1984, 31-41). Естественно, что закрепление таких слов в русских говорах возможно только в случае их специализации, выражающейся часто в негативной экспрессивности, ср. **кя́рза** 'бранно о лице человека' (Прионежье, ПЛГО), при вепс. *kärz* 'морда животного', 'некрасивое, безобразное лицо' (СВЯ, 264). Если слово неисконного происхождения в говорах является дублетом к исконной лексеме, то уход его на периферию языкового сознания неизбежен. Так, лексема **ко́мбушки** 'четвереньки', 'колени', зафиксированная в Петрозаводском уезде Куликовским (Куликовский), уже не фиксируется в СРГК, хотя по данным ПЛГО еще имеет точечный ареал в южном Прионежье. Это слово восходит к вепс. *kombuižed* 'коленки' (С.М.), *komb* 'колено' (СВЯ, 222).

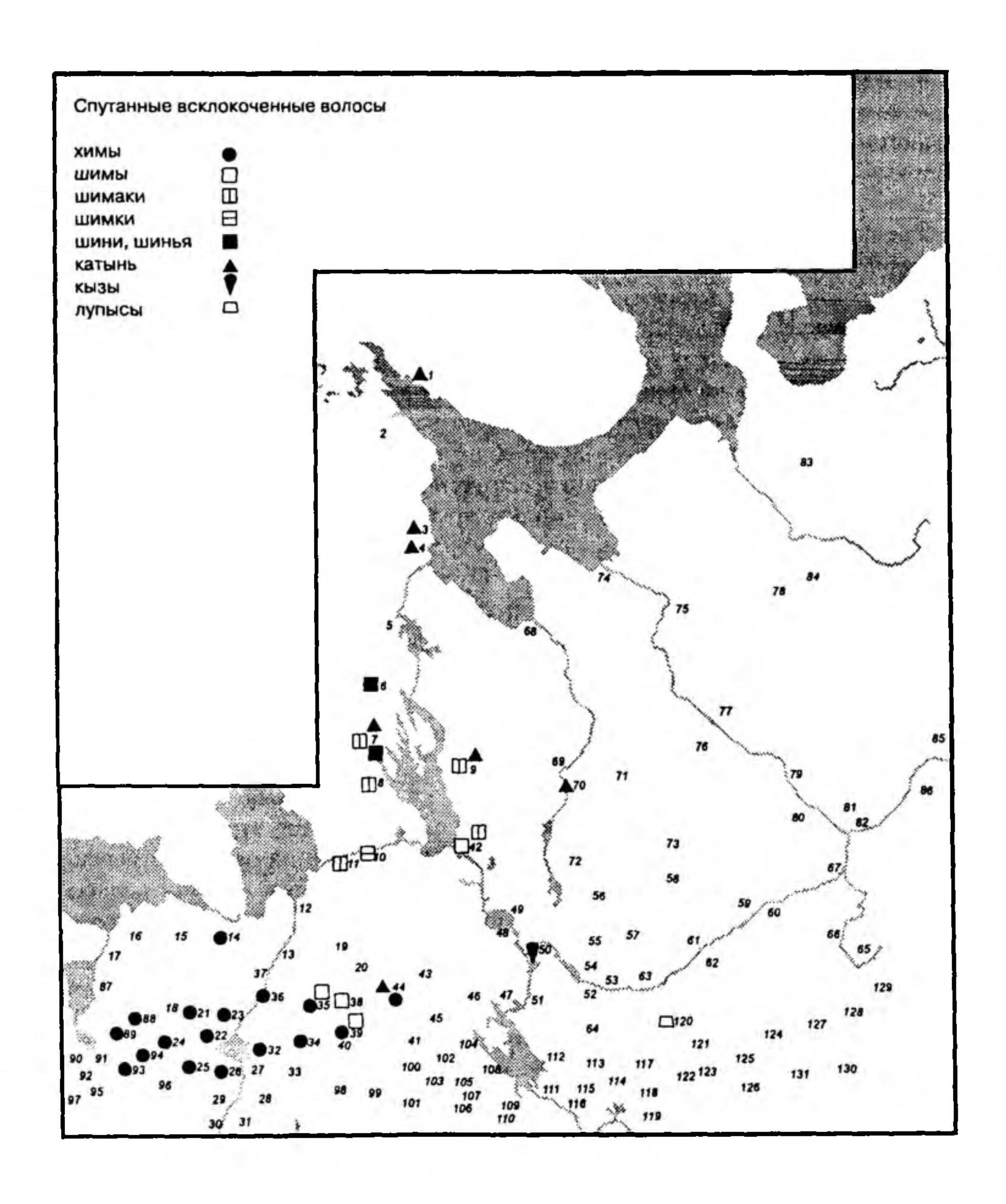
Кроме того, ряд неисконных наименований частей тела человека можно рассматривать как проникновения (см. Введение), ср. **лё́гушка** 'подбородок' (Прионеж., Кондоп., Алекина, 1975, 64), при вепс. *l'eüg, l'öug* 'подбородок' (СВЯ, 305), фин. *leuka*, люд. *leug*, кар. *leuga* 'подбородок' (SKES, 288); **ве́тчон** 'поясница' (Прионеж., Кон-доп., Алекина, 1975, 64), при вепс. *veččom* 'талия, поясница' (СВЯ, 620), ливв. *vüöčin* 'пояс, талия' (СКЯМ, 443); **и́генет** 'десна' (Прионеж., Кондоп., Алекина, 1975, 64), при вепс. *igened*, ливв. *igened*, люд. *igened* 'десны' (SKES, 101). Причем, тот факт, что все эти лексемы отсутствуют в СРГК, а значит и не представлены в КСРГК, дает возможность предположить о записи этих слов у носителей прибалтийско-финских языков, либо у недавно ассимилированных прибалто-финнов, сохранивших еще какую-то часть лексикона.

В Программе ЛАРНГ в данном разделе заявлено 109 вопросов. Для наших целей было выбрано несколько вопросов, лексическая манифестация по которым хотя бы в какой-то мере была неисконной.

1. Спутанные всклокоченные волосы.
2. Верхняя часть спины, заплечье.
3. Бранно. Руки, кисти рук.
4. Большой живот, брюхо.
5. Большой палец на ноге.

Для картографирования выбраны вопросы 1, 2, 3.

КАРТА № 23
Спутанные всклокоченные волосы



Комментарий

Сходный вопрос в Программе ЛАРНГ выглядит следующим образом: *Л 1023 Волосы на голове*, что предполагает номинацию без какой-либо коннотация, что резко сужает, на наш взгляд, круг данных, представляющих лексическую манифестацию концепта, поскольку выявляемые материалы обычно обладают экспрессивностью, преимущественно с отрицательной коннотацией. Кроме того, заявленной нами для обследования реалия предполагает наличие других внелингвистических признаков, таких как: излишняя длина волос, их неухоженность, отсутствие прически, взлохмаченность, растрепанность и т. п. При номинации на исконной почве может активизироваться один из приведенных выше (или сходный) признаков, но поскольку набор их достаточно разнообразен и трудно сводим к ареально значимым единицам, было решено отказаться от введения в корпус индекса материалов данных исконного происхождения.

Наиболее значительный ареал образует лексема **хи́мы**, она фиксируется в новгородских, псковских говорах. У Фасмера слово **хи́мы** не анализируется. Строгова, опираясь на оригинальные полевые данные, рассматривает его как единицу, происхождение которой основано на метонимическом переносе по следующей схеме: **хи́ма, хи́мка** 'простак, глуповатый' откуда **хи́мы** 'волосы', с возможным обратным воздействием, с другой стороны – **хим** 'загорбок, шея' и **хи́мы** 'волосы' с вероятной взаимообусловленностью. Причем совершенно справедливо делается вывод об автохтонности лексемы **хи́мы** в новгородских говорах (Строгова, 1966, 33-43). Отсутствие прямых лексических сопоставлений в смежных языках действительно, на первый взгляд, делает обоснованной исконную версию происхождения анализируемого слова. Однако, рассматривая предположение Строговой о возможной взаимосвязи **хи́ма** 'простак' и **хи́мы** 'волосы ', следует отметить, что первый апеллятив связан с антропонимом Хима, Фима, уменьш. к Ефим, Серафим, Анфим (см. Справочник личных имен народов, 534, 537), а фиксация его в орловских говорах (в дистантном ареале, к тому же где фонема (*ф*) позднего происхождения) только подтверждает наше предположение, что лексемы **хи́ма** 'простак' и **хи́мы** 'волосы' являются гетерогенными омонимами. Вторая версия Строговой о метонимическом переносе: **хим** 'загорбок, шея' – **хи́мы** 'волосы' также вызывает у нас сомнение ввиду отсутствия прямой смежности, кроме того первая лексема фиксируется только у Даля в Курской губернии без подтверждения другими источниками (Даль, 4, 564). Таким образом, этимологические версии, направленные на исконность данного материала не обладают достаточно убедительными аргументами.

На наш взгляд лексемы **хи́мы, ши́мы** являются взаимосвязанными вариантами на финно-угорской почве, т. е. сопоставление начальных согласных невозможно на исконной базе. Напротив, прибалтийско-финскому (*h*) позднего происхождения соответствует (**s̆*) языка-основы, саамское (*s*), мар. (*s̆*), например, фин. *honka* 'сосна', саам. *saggem*, мар. *s̆enge* (Sebestyen, 1943, 5-7), фин. *haapa* 'осина', саам. *suppe*, мар. *шонке* (Грузов, 1969, 154). См. Хакулинен, 1953, 45.

При рассмотрении саам. *seăm* 'борода' (KOLTKS, 481) в качестве опорного этимона и включении сюда русских данных, получаем закономерные

фонетические соответствия: (*s*) саам. *seäma*, (*h*) прибалтийско-финское **hima* – русск. **хи́мы**; и (*š*), которое для русск. **ши́мы** может иметь двоякую гетерогенную основу. Распространение гнезда **ши́мы** 'длинные растрепанные волосы' – преимущественно Обонежье, при том, что в других значениях его ареал более широк, ср. **ши́ма** "верхний сноп на копне, на бабке, крестце, суслоне; крыша, покрышка" (Костром., Даль, 4, 652), **шима́х** 'пучок конских волос' (Р. Индигирка, Чикачев, 1990, 166), **Ши́ма** "прозвище" (Черепов., Герасимов, 1910), **расшимо́тить** 'растрепать (волосы)' (Курбск., ЯОС, 1989, 128), **на шима́к** 'к черту' (Онеж., КСРГК), возможно трактовать как субстрат мерянского (мари) типа, а вепс. *šimakad* 'растрепанные волосы' (ПЛГО) как вторичные данные.

Кроме того, фиксация лексемы **ши́мы** в Обонежье может свидетельствовать и о прибалтийско-финском влиянии, ср. кар. *šiima* 'леска на удочке', кар. твер. *siima* 'конский волос' (KKS, 5, 364), люд. *šim* 'леска на удочке'; первоначально леску плели из конского волоса, что и могло послужить основой русской единицы **ши́мы** 'волосы'. Причем, прибалтийско-финское гнездо скандинавского происхождения, ср. швед. диал. *sīma* 'веревка' (SKES, 1015).

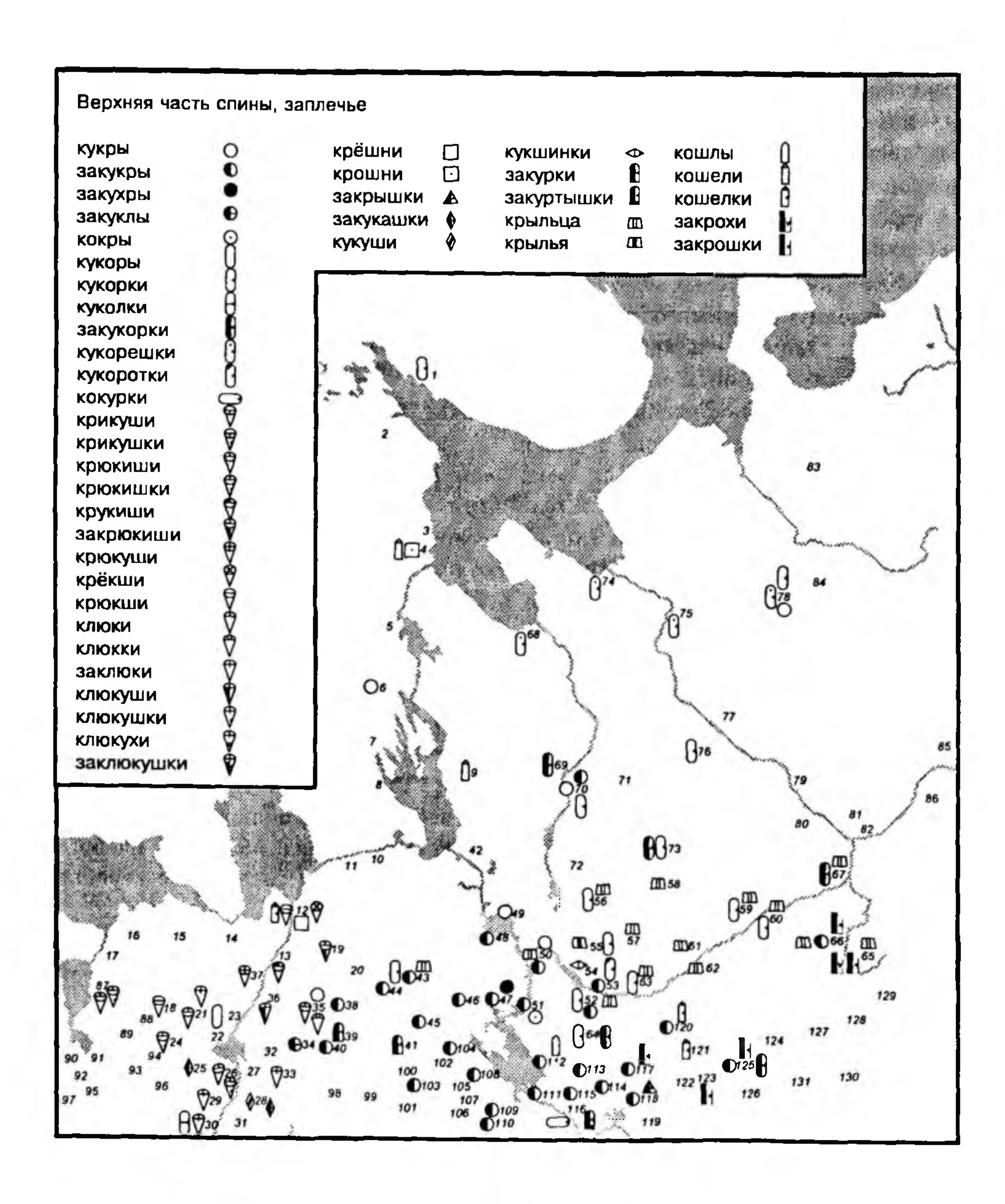
Лексема **ка́тынь** фиксируется в Обонежье, Беломорье, Каргополье. Ввиду отсутствия мотивации на русской почве возможно предположить ее неисконное происхождение, ср. люд. *tukaine*, вепс. *tukaine* 'волос', при фин., кар. *tukka* 'волосы', саам. кольск. *tọəkkʼ* 'грива лошади' (SKES, 1386). Русская форма могла возникнуть в результате метатезы первых слогов, формант *-ынь*, первоначально, вероятно, соответствовал прибалтийско-финскому суффиксу *-ine*. Однако, данная версия носит предварительный характер, требуются дополнительные исследования.

Лексема **кы́зы** отмечается в Кирилловском районе. Несмотря на единственную фиксацию ее можно сопоставить с тюркскими данными, ср. алт., казах., тур. *кыл* 'конский волос' (ЭСЧЯ, 297), исходя из того, что на тюркской почве возможно чередование (*р*) - (*з*), ср. чуваш. *хыр*, хак. *хазы* 'сосна' (ЭСЧЯ, 315), при заимствованном удм. *кыз* 'ель' (УРС, 164). Хотя, безусловно, в данной версии слабым местом является то, что на тюркской почве доминирует *qyl*, *gyl* (СГТЯЛ, 196), при вторичности (*з*) из (*р*) (Рясянен, 1955, 153; Щербак, 1970, 55, 86); т. е. русское **кы́зы** должно было пройти следующие ступени: **кыры* - **кылы*, что требует дальнейших разысканий.

Лексема **лу́пысы**, отмеченная в костромских говорах, сопоставляется с коми *лӧвгӧн* 'волоски, ворсинки на теле человека' (ССКЗД, 200), хотя и эта версия также носит предварительный характер.

КАРТА № 24

Верхняя часть спины, заплечье



Комментарий

Материалы для данной карты было довольно легко собирать в полевых условиях, поскольку на заплечье различными способами носили маленьких детей, практически в любом населенном пункте можно было найти информанта, который бы представил для данного концепта лексическую манифестацию. Наиболее распространенными и ареально значимыми являются лексемы **ку́кры, заку́кры**, рассматриваемые в этимологической литературе. Лесков лексему **кукры**, трактуемую им как "плечи таскать на кукрах", возводит к кар. *kukkuri* 'верхняя часть плеч' (Лесков, 1892, 100). Калима, предлагая к карельским данным эст. *kukru* 'затылок', сомневается в правильности подобных сопоставлений (Kalima, 1915, 138). Фасмер, на наш взгляд, весьма справедливо говорит об обособленности слов **ку́кры** и **ку́корач, ку́карач** 'на четвереньках' (Фасмер, 2, 406, 407).

Семантически ближе к русским данным прибалтийско-финского гнездо: ср. фин. *kyyry, kyyrä, kyyrö, kykrä* 'горб', кар. *kügrä* 'горб', эст. *küür* 'горб, шишка', ливск. *kīr, kür* 'горб', саам. норв. *guwre* 'человек со сгорбленной спиной', которое авторы SKES рассматривают как дескриптивное (SKES, 258). Причем в финском языке имеется лексема *kuuru*: *olla kuurussa* 'горбиться', рассматриваемое как скандинавское заимствование, ср. швед. *kura* 'горбиться', а вопрос сопоставления фин. *kyyry* и *kuuru* не поднимается (SSAP, 1, 459). Предлагаемый Лесковым карельский источник входит в гнездо, где доминирует иная семантика, ср. фин. *kukku* 'коническая вершина', *kukkura* 'холм, гора', эст. *kukal* (ген. *kukla*) 'затылок', эст. южн. *kukru* 'затылок' (SKES, 233), ливв. *kukkuri* 'верх, вывешивающийся из кошеля, мешка с ягодами, грибами и т. д.; ворох; горушка' (СКЯМ, 162), кар. твер. *kukkura* 'гребень кровли' (СКЯП, 120), кар. сев. *kukkura* 'крутая гора' (KKS, 2, 418). На прибалтийско-финской почве данное гнездо предлагается рассматривать как источник балтийских лексем, ср. латыш. *kukurs* 'горб', литов. *kukurài* (pl.), *kukùre* 'верхняя часть спины; горб' (SKES, 233; SSAP, 1, 429). Френкель в балтийское гнездо, литов. *kaũkaras, kawkū̃ras* 'возвышенность, пригорок', 'вершина горы' сводит литов. *kaũkas* 'шишка, желвак', 'приспособление, при помощи которого рыболовная сеть протягивается подо льдом', *kaũkos* 'железы', *kukā̃rai* 'верхняя часть спины около плечей', *kùkštara* 'верхняя часть спины', латыш. *kukurs* 'горб', *kùkums* 'горб', 'нарост', сопоставляемое с *kukt* 'изгибаться', 'отвесить глубокий поклон', литов. *kùkti* 'нагибаться', русск. **кукры** 'плечи', **кука** 'кулак' и далее германские данные, ср. готск. *hauhs* 'возвышенность' (Fraenkel, 1, 230), однако отсутствуют сопоставления с прибалтийско-финскими данными.

Скандинавское гнездо, в числе единиц которого швед. *kura* 'горбиться' (см. выше), послужившее источником для финского слова, вряд ли связана с анализируемыми русскими данными, ср. также норв. диал. *kûra* 'лежать спокойно' (EONDS, 424).

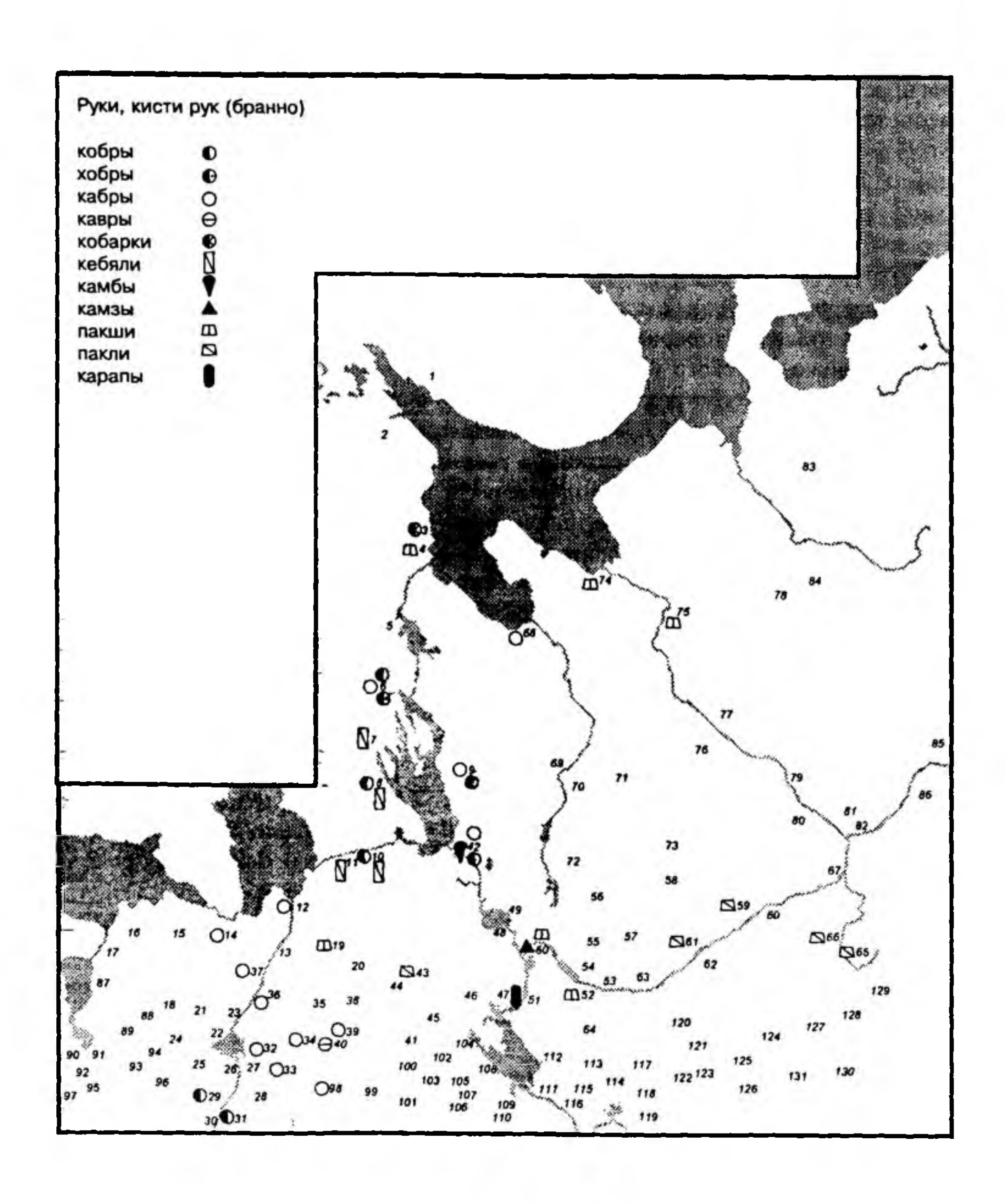
Исходя из приведенных выше материалов, можно резюмировать следующее: лексема **ку́кры**, фиксируемая на обширной территории Северо-Запада, но со спорадическими фиксациями, не может рассматриваться как результат прибалтийско-финского воздействия, поскольку, обычно, следствием такого влияния является устойчивый западный ареал подобной

лексемы, отсутствующий в данном случае. Слово **ку́кры** отмечается в шести районах, однако доминирующий дериват **заку́кры** значительно расширяет ареал безафиксальной лексемы, делая его довольно устойчивым и практически сплошным в говорах Белозерья и Пошехонья. Но фиксация карельских данных, ср. кар. сев. *kykrä* 'горб', ливв. *kygrä* 'то же' (KKS, 2, 509), не проясняет направление заимствования. Все же можно говорить о том, что карельские и русские сопоставляемые лексемы близки по форме и семантике.

Выделяемое нами гнездо **ку́корки** и другие варианты и дериваты, обозначаемые знаком одной конфигурации, близки фонетически к гнезду **ку́кры**, однако непонятно, представляют ли они соотносимые варианты или лексема **ку́корки** репрезентирует балтийское влияние, ср. латыш. *kukurs* 'горб' (см. выше). В отношении лексем **ку́куши, закука́шки** по фиксации их в новгородских говорах возможно сопоставление с литов. *kaũkas, kaũkos* (см. выше).

Прочие лексемы представляют собой вторичную семантику, первичные значения к наименованиям различных заплечных сумок, носилок, ср. **кро́шни** "род заплечных носилок для охотничьих трофеев в виде доски или куска бересты, обтягивающей черемуховую дужку" (Волог., СРНГ, 15, 290); **кошлы́, кошели́**; вероятно, также соотносятся **крю́киши** и **клю́ки**.

КАРТА № 25
Руки, кисти рук (бранно)



Материал, который был получен при ответе на вопрос данной карты, представляет собой не просто наименование рук, но и отрицательную коннотацию этих единиц, являющейся неотъемлемой их частью. Поскольку для большинства данных форма единственного числа омонимична слову литературного языка – **ко́бра** 'змея', а в речи для искомых материалов более распространена форма множественного числа, было принято решение о ее репрезентации на карте.

Наиболее значительное место среди полученных данных занимает гнездо **ко́бра**. Калима возводит этот материал к кар. ген. *kobra*, вепс. *kobr*, при фин. *koura* 'рука, пригоршня' (Kalima, 1915, 120). См. также: Веске, 1890, 111; Лесков, 1892, 100; Погодин, 1904, 24; Mackelein, 1913, 41; Фасмер, 2, 268. Сюда же относится вариант **хо́бры**, отмеченный в Медвежьегорском районе (Космозеро, Загубье), а также **коба́рки**. Весьма серьезные затруднения вызывает трактовка варианта **ка́бры**, вокализм которого – (*а*) на месте прибалтийско-финского (*о*) уже рассматривался как результат воздействия финно-угорского субстрата неприбалтийско-финского типа, ср. коми *кабыр* 'кулак' (Мызников, 1999, 38), исходя из того, что на тот период времени основным ареалом для формы **ка́бра** рассматривались новгородские говоры. Позднейшие, более детальные полевые исследования показали наличие такого типа вокализма в Поволховье, Обонежье, Беломорье, в бассейне р. Онеги, заставляет скептически относиться к ранее выдвинутой версии. Но и на русской почве объяснение формы с (*а*) вызывает затруднения, известен переход (*а*) прибалтийско-финского в (*о*) на русской почве: *lahta* - *лахта* - *лохта* (см. Матвеев, 1968, 123), но не в обратном направлении.

Материалы современных прибалтийско-финских языков представляют форму с (*о*), ср. вепс. *kobr* 'горсть, пригоршня', 'ручища, лапа' (СВЯ, 212), ливв. *kobru* 'горсть, пригоршня, пясть', 'рука, пятерня' (СКЯМ, 147), кар. твер. *kobra* 'кисть руки, рука', 'горсть, пригоршня, пясть' (СКЯП, 107), кар. сев. *kopra* 'пригоршня, ладонь' (KKS, 2, 318), люд. *kobr* 'рука. горсть', водск. *kobra* 'то же', при хант. *kùwr* 'рука, пригоршня' (SKES, 226). Однако, в диахронии возможно чередование (*а*) - (*о*) на прибалтийско-финской почве, ср. фин. *palaa*, *polttaa*, эст. *põlema* 'гореть', фин. *sana*, эст. *sõna* 'слово' (Steinitz, 1944, 123), что позволяет трактовать вариант **ка́бра** как субстратную единицу прибалтийско-финского типа.

Лексема **ке́бяли** фиксируется в Кондопожском, Прионежском, Подпорожском, Лодейнопольском районах, кроме того отмечается в СРГК в значении 'руки' (СРГК, 2, 338). Такое толкование вряд ли отражает суть этого слова, поскольку по нашим данным оно фигурирует в речи с негативной экспрессивной окраской. В СРГК зафиксированы также варианты **кибя́ли** (Лодейноп.) и **ке́бали** (Прионеж., СРГК, 2, 338).

Исходя из ареала и формы материала можно говорить о вепсско-ливвиковской этимологии: вепс. *käbäl* 'нога, лапа (некоторых животных)' (СВЯ, 259), ливв. *käbäl* 'лапа', 'неодобрительно о руке, ноге человека' (СКЯМ, 172), люд. *käbäl*, при фин. *käpälä*, водск. *čäpälä*, саам. кильд., терск. *kieppele* 'лапа' (SKES, 261).

Лексема **ка́мзы** имеет фиксацию в Кирилловском районе (СРГК, 2, 234).

Несмотря на дистрибуцию в Белозерье, вряд ли она связана с вепс. *kahmā* 'пригоршня', *kamahl, kahmal* 'то же' (СВЯ, 175), при фин. *kahmalo*, саам. кольск. *koammer* 'пригоршня', морд. эрз. *komoro*, коми *kamyr* 'то же' (SKES, 140). Более вероятно сопоставление с саам. кольск. *keāma*, ген. *keābmman* 'рука у запястья', при кар. *kämmen* 'ладонь, рука, пятерня' (KKS, 550). ливв. *kämmen* 'ладонь' (СКЯМ, 173), кар. твер. *kämmen* 'ладонь' (СКЯП, 127), люд. *kämmen'*, вепс. *kämen'*, водск. *čämmäl*, эст. *kämmäl* 'ладонь', хант. *kŏmən* 'пригоршня' (SKES, 260).

Лексема **ка́мбы** отмечается только в Вытегорском районе (Казаково). Вероятно данное слово связано с прибалтийско-финским материалом, ср. фин. *kampi* 'кривая ручка серпа, ручка, за которую вращают точило, дверная ручка'. Однако авторы SKES полагают, что в финском языке это слово не исконно, сравнивая его с литов. *kam̃pas* 'угол внутренний и наружный', латыш. *kampis* 'кривое дерево', сербохорв. *kȁmba* 'часть ярма, помещаемая на шею быка', нем. австр. *Kampe, Kamp* 'вид хомута, который надевают на шею свиньи для ее провода через ограду', предполагая первоисточик на германской почве (SKES, 154).

Карельский материал однотипен с финским, ср. кар. *kamppi* 'скоба, на которую навешивается висячий замок', 'связывающая скоба', 'деревянный крючок, которым опускают засов двери', 'о худом человеке или животном' (KKS, 2, 43).

Вероятно, что русское слово **ка́мбы** восходит к прибалтийско-финскому влиянию.

Лексема **па́кши**, кроме фиксации в трех районах (см.), отмечается в другом значении в новгородских говорах – **па́кша** 'левая рука' (НОС, 7, 90). Она рассматривается на исконной почве (Фасмер, 3, 189). Сюда же, вероятно, относится и слово **пакли**.

Лексема **кара́пы** может быть связана с гнездом **ка́бра, ко́бра**, но не исключено и исконное ее происхождение.

ТРАДИЦИОННАЯ НАРОДНАЯ ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

В Программе ЛАРНГ представлено 509 вопросов по этой теме.

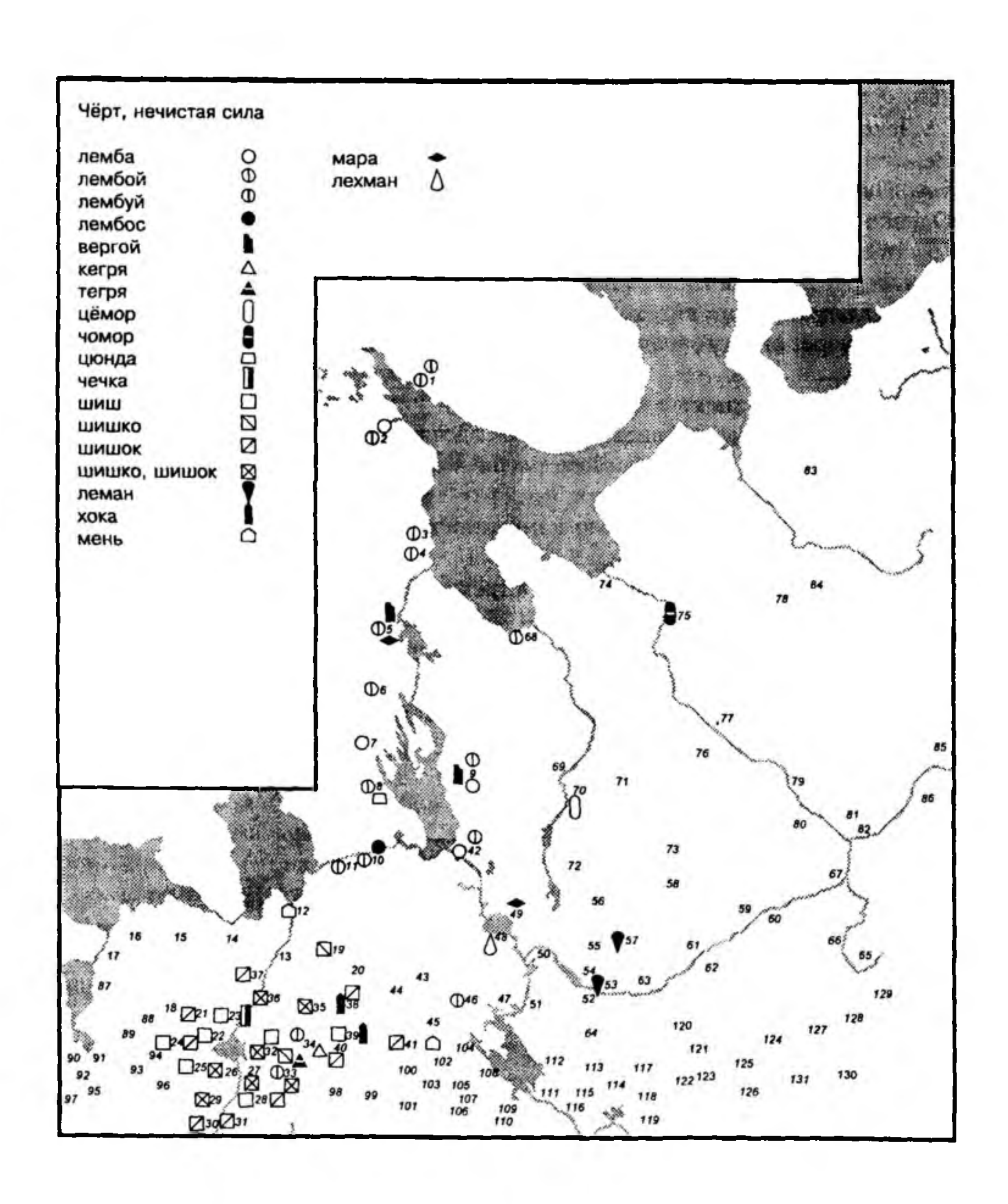
Для наших целей было использовано несколько вопросов:

1. Черт, нечистая сила.
2. Колдун.
3. Кладбище.

Для репрезентации данных на карте был выбран 1-й вопрос.

КАРТА № 26

Черт, нечистая сила.



В ходе полевых исследований было довольно затруднительно получать лексическую манифестацию по данному концепту. Нашей задачей было получение общих недифференцированных номинаций. Но, обычно, информанты избегают разговоров на подобные темы, поэтому не во всех обследованных населенных пунктах удавалось выяснить наличие каких-либо интересующих нас материалов. Вполне вероятно, что статус слов, обозначающих нечистую силу, сильно различается в зависимости от лексической единицы и связанной с ней мифологией. Исходя из лингвогеографических задач при сборе лексики мы не уделяли внимания внешнему виду, характеристике негативной функциональности и другим особенностям изучаемого объекта, а были сконцентрированы на выявлении лексических данных, которые соответствовали бы вопросу программы. Поэтому для нас были несущественными, например, такие характеристики: – Шиш все в курятнике живет, и ноги у него куриные, а сам он страшен для кур (Валд., НОС, 12, 95), главное, что информанты относят это существо к нечистой силе: – Раньше черта называли шишом (Солец., Демян., Крест., НОС, 12, 95). Довольно часто, зафиксированные данные имеют не просто отрицательную коннотацию, а используются в составе бранных выражений: **на ле́мбой след** (Вытегор., ПЛГО).

Интересующие нас неисконные манифестации, исследуемого концепта, фиксируются в западной части региона, доминируют среди них прибалтийско-финские данные.

Наиболее широкий ареал имеет гнездо **ле́мба, ле́мбой, ле́мбуй, ле́мбос** с фиксациями в Беломорье, Обонежье, Посвирье. Калима, имея в распоряжении только материалы Подвысоцкого и Куликовского, справедливо говорит об их прибалтийско-финском характере, ср. ливв. *lemboi*, люд. *l'emboi̯*, кар. *lembo*, *lempo* 'злой дух, дьявол' (Kalima, 1915, 152). См. также: Грот, 1876, 471; Шегрен, 1852, 157; Лесков, 1892, 100; Погодин, 1904, 40; Meckelein, 1913, 48; Фасмер, 2, 480. Ср. также ливв. *l'emboi* 'черт' (СКЯМ, 182), вепс. *lemboi* 'черт' (СВЯ, 283); эти данные, вероятно, послужили источником для варианта **ле́мбой**, а для варианта **ле́мба** более близок этимон кар. *lembo* 'черт, дьявол', 'ругательство – черт, дьявол' (KKS, 3, 60). Лексема **ле́мбос**, вероятно, можно сопоставить с фин. *lemmas*, имея в виду, что это слово не является этимоном, а только репрезентирует сходную форму (SKES, 286).

Более узкий ареал имеет лексема **ве́ргой**, отмечаемая в Заонежье и Пудожском районе. Она фиксируется также и в лексикографических источниках, репрезентируясь, обычно, в бранных выражениях: – Пой в ве́ргой (Заонежье, Куликовский, СРНГ, 4, 125); – Ве́ргой тя носит (Медвежьегор., СРГК, 1, 173); – Неси тя ве́ргой (Пудож., СРГК, 1, 173); – Пой к ве́ргою (Медвежьегор., СРГК, 1, 173).

Калима сопоставляет слово **ве́рга** с фин. *verkanen* 'черт' (Kalima, 1915, 85). См. также Фасмер, 1, 293. Авторы SKES видят в качестве источника кар. **verka*, **verga*, хотя и делают оговорку, что в восточной Карелии не отмечается карельское соответствие финского слова (SKES, 1706). Причем, последнее не исконно на прибалтийско-финской почве, а восходит, в свою очередь, к скандинавским источникам, ср. др.-сканд. **dverga*, швед. *dvärg* 'карлик, гном'

(SKES, 1706), норв. *dverg* 'карлик' (EONDS, 122).

Лексемы **ке́гря, те́гря** фиксируются на территории Новгородской области (Валдайский, Окуловский районы), а **ке́гря** 'старый мужчина, старик' – в Боровичском районе (НОС, 4, 38). Данный материал связан с влиянием валдайско-карельского диалекта, ср. кар. твер. *kegri* 'ряженый в древний осенний праздник, связанный с завершением аграрного цикла' (СКЯП, 93), 'страшилище, которым пугают детей' (SKES, 178), кар. *kekri* 'старый осенний праздник, кекри, окончание полугодия в прошлом', 'человек, наряженный пугалом', 'изображение старика, помещенное в углу избы на празднование кекри' (KKS, 2, 119, 120). Отмечается также фин. *kekri, keyri, köyri, köyry* 'бог у карел', однако, не ясно имеют ли эти данные какое-либо отношение к анализируемому материалу (SKES, 178).

Вариантность (*к*) - (*т*) перед гласными переднего ряда имеет достаточное распространение в русских говорах Северо-Запада.

Лексема **цю́нда**, фиксируемая также у Куликовского в значении 'домовой' (Куликовский), сопоставляется с фин. *synti, syndi*, кар. *sündi*, водск. *sünti* 'грех' (SKES, 1146), которые восходят к скандинавским источникам, ср. швед. *synd* 'грех', при саам. инар. *suddo* (SKES, 1146).

Лексема **хо́ка**, отмечаемая в Мошенском и Хвойнинском районах, вероятно, связана с кар. *hökki* 'дурак, болван, простофиля' (KKS, 1, 403).

Лексемы **цё́мор, чо́мор**, фиксируемые в Каргопольском и Холмогорском районах, не имеют достоверных версий. Так, вряд ли удовлетворительна версия Абаева, сопоставляющая слово **чо́мор** 'леший' с осет. *c'ammar* 'гнусный, мерзкий', тюрк. *čamur*, курд. *čamur* 'грязь' (Абаев, 1, 329), также как и предположение Погодина о связи с коми *t'šum* 'чум, палатка', против чего выступал Калима (Kalima, 1912, 93). Бытующее в удорском диалекте коми языка слово *чӧмер* 'черт, дьявол' (ССКЗД, 417) ничего не проясняет с точки зрения направления заимствования.

Гнездо **шиш** с дериватами, имеет широкий ареал в новгородских говорах, а также в смоленских (Добровольский) и донских (Миртов). Прибалтийско-финская версия его происхождения, эст. *sišš* 'разбойник, грабитель' (Марков, РФВ, 73, 102) не подтверждается, поскольку фин. *sissi*, эст. *siss* 'партизан, разбойник', по мнению авторов SKES восходят к русск. **шиши** (SKES, 1045). Причем латыш. *sisis* 'убийца, разбойник' из эст., а польск. *szysz* 'партизан, разбойник', коми *šiš* 'бродяга' из русских источников (SKES, 1045).

Трудно сказать, относится ли к гнезду **шиш** лексема **че́чка**, опосредованная фонетическим воздействием вепсского типа: русск. **шиш** – прибалтийско-финское **sis*; или **ши́шко** и кар. тихв. валд. *šiško* 'нечистый, черт' (KKS, 5, 399), при соответствиях консонантов: фин. (*s*) - кар. (*š*) - вепс. (*č*). Наличие иного типа вокализма в слове **че́чка**, оставляет эту версию под вопросом.

Лексему **мень**, вероятно, можно сопоставить с балтийскими данными, ср. литов. *menà* 'дух' (Fraenkel, 435), однако фиксация только в одном районе (Волховском) требует уточнения данной этимологии.

Лексему **ма́ра** следует рассматривать на славянской почве, ср. **мара** 'наваждение, привидение, призрак' (XVII в., СлРЯ XI-XVII вв., 9, 29), польск. *mara* 'сновидение, призрак', укр. *мара́* 'призрак, привидение' (Фасмер, 2, 571); при наличии сходного германского гнезда, ср. англо-сакс. *mare* (анг. *night-mare*

'кошмар'), швед. *mara*, норв. *mare* 'кошмар', из герм. франц. *cauchemar* (EONDS, 498); кроме того, из скандинавских источников слово вошло в фин. *mara* 'кошмар', саам. *marrā* (SKES, 334).

Трудно сказать, являются ли сопоставимыми данными лексемы **лéман** и **лéхман**. Зеленин высказал предположение о связи слова **лéман** с **лéмбой** (см. выше), как табуистическое преобразование (Зеленин, 1930, 100) ср., однако, **лáман** 'леший (Олон., Шадр. Перм., Новг., СРНГ, 16, 252). Лексема **лéхман** 'леший' фиксируется также в брянских говорах (СРНГ, 17, 29), что дает возможность рассматривать ее на восточнославянской почве. Таким образов, лексическая манифестация концепта 'черт, нечистая сила' репрезентирует неисконные данные, в основном, прибалтийско-финского типа (**лéмбой, вéргой, кéгря, хóка**), одна лексема балтийского происхождения (**мень**). Выделяются новгородские говоры, где доминирует гнездо **шиш**.

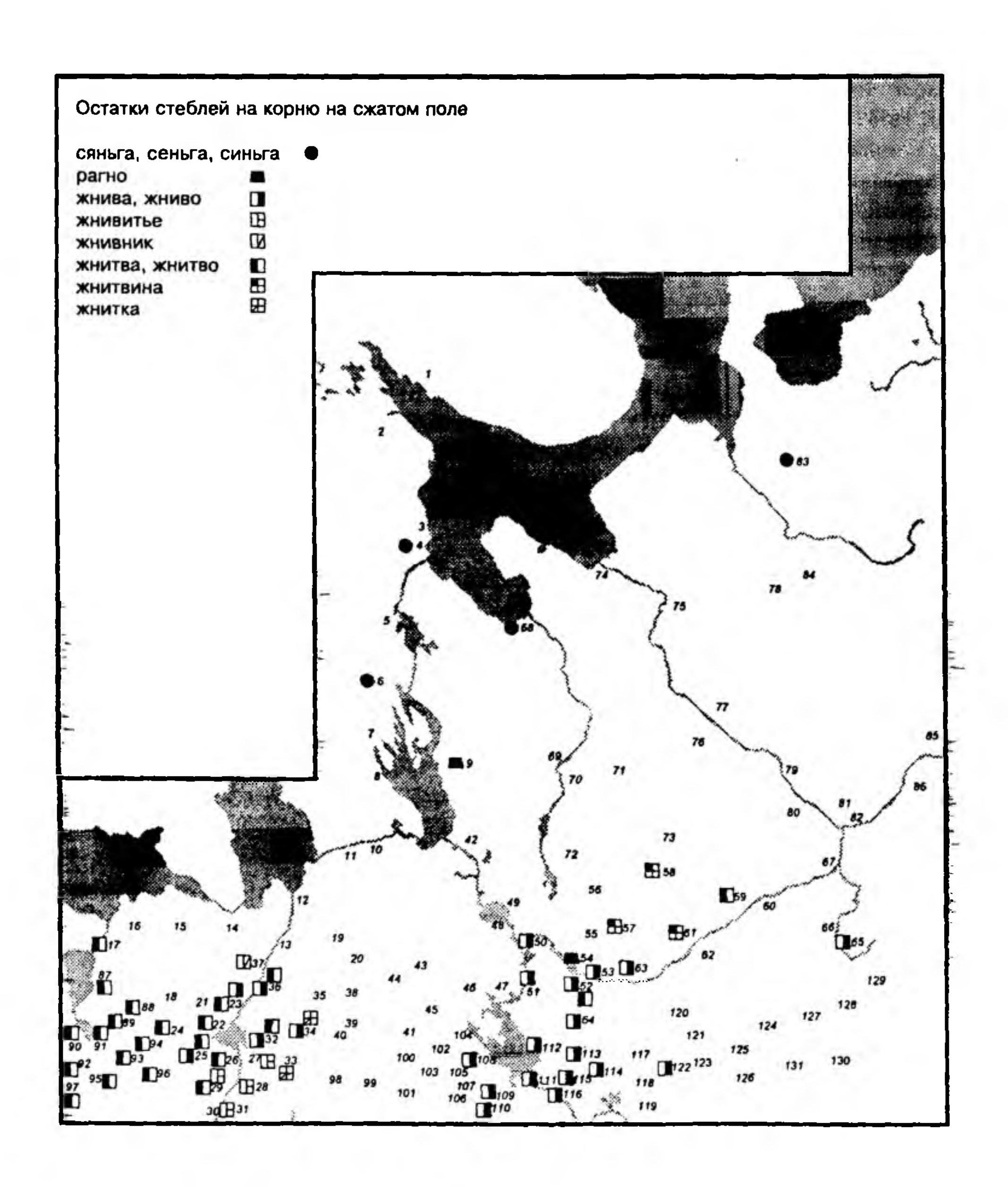
ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПОЛЕВОДСТВО, ОГОРОДНИЧЕСТВО

В данной сфере отмечается сильное влияние русского (восточнославянского) языкового континуума на финно-угорские языки (Калима, 1952), как цивилизации преимущественно земледельческой в отличие от рыболовецкой и охотничьей финно-угров. Однако и в этой тематической группе имеется немалое число неисконной лексики, на базе которой можно выделить реалии с субстратной и заимствованной лексической манифестацией. Естественно, что таковых не должно быть много, поскольку заданные специфические цели исследования предполагают значительно меньший объем программы-вопросника, нежели при полной разработке данного раздела. В Программе ЛАРНГ тема Полеводство насчитывает 359 вопросов, Огородничество – 155 (Программа ЛАРНГ, 122-151). В нашей работе использовались для сбора данных следующие вопросы:

1. Остатки стеблей на корню на сжатом поле.
2. Шелуха, мякина от головок льна
3. Связка, вязанка соломы, льна, сена и т. п.
4. Большая продолговатая кладка снопов.
5. Верхний сноп в суслоне.
6. Приспособление для обмолота льна, зерновых в виде палки с изогнутым плоским концом.
7. Брюква.
8. Картофельная ботва.

Картографируются вопросы: 1, 2, 3, 7, 8.

КАРТА № 27
Остатки стеблей на корню на сжатом поле



Комментарий

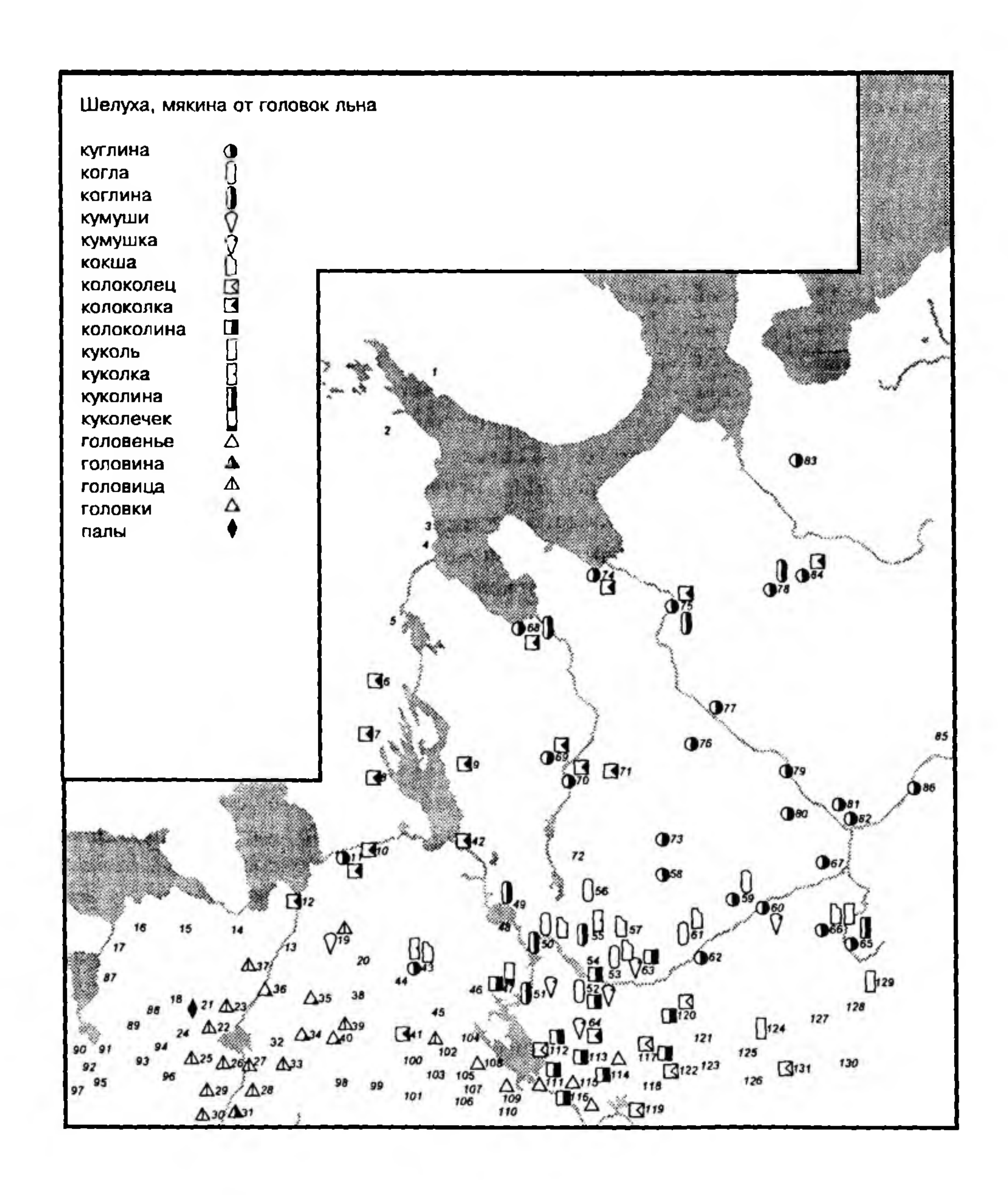
Неисконных материалов к данной карте крайне мало, но фиксация их показывает субстрат недавнего образования, поскольку влияние в сельскохозяйственной сфере неисконных данных не может быть значительным по времени. Такого рода единицы довольно быстро заменяются соответствующими русскими синонимами. Доминируют среди материалов данные русского происхождения – гнезда **жни́ва, жни́тва**. Субстратные единицы представляют лексемы прибалтийско-финского происхождения.

При картографировании лексемы **ся́ньга** не учитывалось различие в вокализме (*е*) и (*и*), которое возникло на русской почве, все варианты с различным типом вокализма подаются на карте под одним знаком. Вариант **ся́ньга** зафиксирован в Онежском районе (Анциферов Бор), **се́ньга** – в этом же районе (Кянда), а также в Мезенском (Азополье) и Беломорском (по ПЛГО и КСРНГ). Отмеченный Калимой вариант **се́ньга** возводится автором к ливв. *sängi* 'жнивье', при кар. *šängi*, люд. *šäng'*, фин. *sänki*, водск. *sänči* 'жнивье' (Kalima, 1915, 216). Авторы SKES указывают на общеприбалтийско-финский источник русского слова, сравнивая финский материал с мари *šänge* 'сухой сук на кусте или сухом дереве', оказавшем влиянии на чуваш. *šangê* : *tip-š*. 'хворост' (SKES, 1168). Действительно гнездо **ся́ньга** восходит к источникам, ливвико-карельского типа, где сохранилась более ранняя фонема (*s*) без перехода в (*š*), ср. ливв. *sängi* 'жнивье, остатки стеблей на сжатом поле', *sängeh* 'в жатву, во время жатвы' (СКЯМ, 359), кар. *säng* 'жнивье, стерня' (KKS, 5, 628), вепс. *sän'g'* 'жнивье' (СВЯ, 537). В Медвежьегорском районе (Сенная Губа) фиксируется микротопоним *Ви́лиси́ньга*, в котором вторая часть *-синьга*, вероятно, также относится к анализируемому материалу. Часть *Вили-* восходит к вепс. *vil'l'* 'хлеб в зерне или на корню' (СВЯ, 634), при фин. *vilja* (SKES, 1764), причем прибалтийско-финские данные – славянского происхождения, ср. др.-русск. *обилие* 'хлеб, продовольствие, урожай на корню' из **объ-виль* (Попов, 1972, 6, 7).

Лексема **ра́гно́** отмечается в Усть-Кубенском районе, она восходит к вепсским источникам, ср. вепс. *rahnotez* 'жнивье', *rahnda* 'жать', *rahnik, rahnoi* 'жнец', *rahnmii̯ne* 'жатва' (СВЯ, 461). Авторы SKES соотносят вепс. *rahnda*, люд. *rahnoda* 'жать' с фин. *rahnoa* 'раскалывать чурбан на лучины' и эст. *rahnata, rahnada* 'ударить кулаком, толкнуть', характеризуя все прибалтийско-финское гнездо как дескриптивное (SKES, 714). Вероятно основа лимнонима *Ра́гнозеро*, зафиксированного в Пудожском районе, связана с анализируемым материалом.

Таким образом, материалы данной карты показывают доминирование исконных лексем, а нечастотные фиксации прибалтийско-финских единиц указывают на ареалы наибольшего субстратного влияния.

КАРТА № 28
Шелуха, мякина от головок льна



Лен был такой культурой, которая выращивалась в обследуемом регионе практически повсеместно; реже культивировалась конопля. До сих пор информанты помнят весь трудовой процесс, связанный с обработкой льна, и предъявляют лексику, обозначающую его этапы и тем или иным образом манифестирующей специфику его реалий. Для того, чтобы получить семена льна, требовалось обмолотить его головки, остатки семенной коробочки льна, в силу того, что их часто употребляли в пищу, и получали различного рода номинацию. Причем, у прибалтийско-финских народов и севернорусского населения приемы, способы культивирования и обработки льна были схожими. Задачей, которая стояла при анализе полученного материала и картографической его репрезентации, было выявить лексику иноязычного происхождения и попытаться ареально проследить ее различные типы.

Впервые лексема **куму́ши** и дериват **ку́мушка** трактуются как единицы вепсского происхождения, ср. вепс. *kumud* 'обмолоченные головки конопли или льна, шелуха' (СВЯ, 245), включенное авторами SKES в прибалтийско-финский пласт, ср. фин. *kulmud* 'мусор, сенные остатки', *kolmut* 'остатки сена, листьев', кар. *kulmu, kulmuš* 'защитные листья, окружающие семя конопли' (SKES, 234). Ареал его довольно широк – от Тихвинского района, далее лакуна, до Нюксенского. Следует отметить, что формант *-ш-* в этих лексемах может быть связан с вепсским влиянием, ср. ном., pl. *вепс. *kumužed*, но нельзя отвергать и деривацию на русской почве.

Лексемы **ко́кша, ко́кошъ**, фиксируемые в вологодских говорах, также вероятно связаны с прибалтийско-финскими данными. Однако, мотивация русских диалектных данных, невозможна на исконной почве и не представлена на прибалтийско-финской. Ср. кар. твер. *kokšata* 'разбить, раскокать', 'сделать что-либо с шумом, грохотом', 'резать (о скоте, птице)', *kokšuttaa* 'бить, разбивать (обычно о посуде)' (СКЯП, 110), кар. (Суоярви) *kokšata* 'сделать что-либо быстро или неожиданно', 'ударить' (KKS, 2, 289). Таким образом, существительные, образованные от глаголов прибалтийско-финского происхождения проявились на русской диалектной почве, что позволяет говорить о субстрате карельско-вепского типа, ср. также вепс. *kokšta* ' долбить, выдалбливать' (СВЯ, 220).

Лексемы с корнем **колокол-** уже обсуждались в литературе. Калима для слова, **колоко́лка** (по Словарю Куликовского) предлагал вепсскую этимологию, ср. вепс. *кацкал* с тем же значением, при русской основе вепсской единицы (Kalima, 1915, 125). Ср. также вепс. *каикол, коикол* 'головка льна или конопли с семенами' (СВЯ, 188). Сюда же, семантически относится ливв. *čülkü* 'головка льна с семенами' (СКЯМ, 40), кар. *kaukelo* 'раковина жемчужницы' (KKS, 2, 106). Хотя имеется ливв. *kalkkalo* 'колокольчик' (SKES, 149), кар. *kalkkalo* 'бубенчик, колокольчик' (KKS, 2, 32). Причем взаимосвязь и вариативность значений 'колокол, колокольчик' и 'головка льна' наблюдается на ливвиковской почве, ср. ливв. *čülkü* 'головка льна' из ливв. *t'iugu* 'колокольчик, бубенчик', фин. *sylkky, syltti* 'семенная коробочка льна или конопли', люд. *t'šülk* 'головка льна' (SKES, 1145). Ср. также водск. *калккалę* 'головка льна' (SKES, 149).

Фасмер идет вслед за Калимой (Фасмер, 2, 294). Следует отметить, что

деривационные варианты данного материала образуют разные ареалы, восходящие, вероятно, к различным субстратным и русским диалектным основам. Так, например, фиксируемое в западной части ареала слово **колоко́лка** (говоры Обонежья, Каргополья, Посвирья, южного Приладожья, онежские говоры), явно соотносятся с вепс. *kaukал*. Тогда как варианты **колоко́лец, колоко́лина** фиксируются в ярославских, костромских, вологодских говорах восточное р. Шексны, что может свидетельствовать вообще либо о исконной природе данного материале в этом ареале, либо о его более интенсивном русском освоении.

Еще один ряд лексических манифестаций прибалтийско-финской основы варьируется в корнях **кугл-, когл-**. Романов, видимо, не совсем обосновано возводил слово **куглина** к швед. *kugge* 'зубец' и *lin* 'лен' (Романов, КСРНГ, рукопись). Калима, присоединяя к этим корням еще и **кукл-**, говорит о карельско-вепсском влиянии, приводя, однако финское соответствие, ср. фин. *kouhlo, kouhlot* (pl.) 'головки льна' (Kalima, 1915, 138). См. также Фасмер, 2. 405. Семантически неточное соответствие предлагает Погодин: фин. *kuhilas* 'суслон, байка' (Погодин, 1904, 35). См. также Meckelein, 1913, 44. На наш взгляд, лексемы **ку́коль, ку́колка, ку́колина, куколе́чек** представляет собой гнездо, славянское по происхождению, ср. русск. **ку́коль** "сорная трава, плевел", укр. *кукíль*, болг. *ку́къль*, белорусск. *ку́коль*, сербохорв. *ку́кољ* (Фасмер, 2, 406). Вариант **ку́клина** "семенные головки льна, или одна шелуха, лузга их, остающаяся по околотке льна вальков, кичигой" явно контаминационного характера, но фиксация его только у Даля без географической пометы делает возможным включение этого слова, в систему этимологического анализа, так как, отмеченная ниже в гнезде **куколь** лексема **куклина** "льняная лузга" (Вят., Даль, 2, 217) подтверждает данные без арельной привязки.

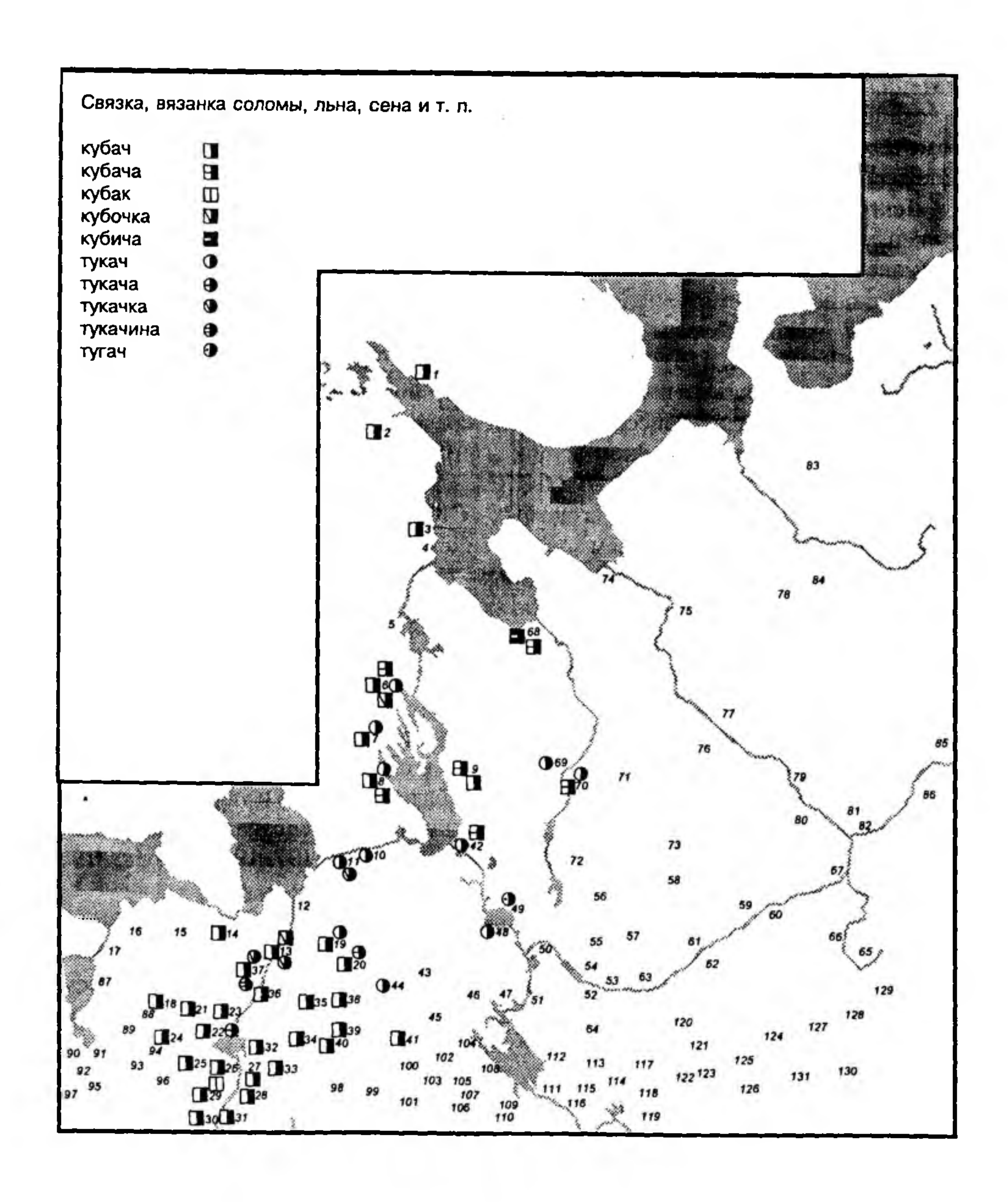
Приведенные Калимой финские материалы, как возможный источник, не приводятся уже в более поздних прибалтийско-финских источниках. Вряд ли кар. *keyhnä, köyhnä, köonä* 'шелуха', 'перхоть' (KKS, 2, 157) может сопоставляться с корнем **когл-** по фонетическим соображениям. Однако при наличии прибалтийско-финского субстратного **kuhlo* и **kohlo*, как соответственно преобразованных вариантов карельского и вепсского типов при фин. *kuohlo*, возможно предположить для корня **кугл-** первый тип в качестве источника и для корня **когл-** – второй. Ареалы лексем с этими корневыми морфемами не совпадают, **кугл-** занимает северо-восточную часть обследованного региона, а **когл-** – более локален, он фиксируется в Белозерье, Прикубенье, бассейне р. Шексны, что подтверждает его вепсский тип.

В новгородских говорах, а также тверских и ярославских для номинации данной реалии используется гнездо лексем с корнем **голов-**.

Таким образом, лексическая манифестация представляет субстратный карельский тип широкого распространения – **куглина**; локальные вепсские типы: **куму́ши, ко́гла, ко́глина**; локальный тип обратного влияния – **колоко́лка**. На юге региона фиксируются номинанты только славянского происхождения.

Лексема **па́лы** имеет единичные фиксации в Батецком районе, определение ее этимологической природы в настоящее время вызывает затруднение.

КАРТА № 29
Связка, вязанка соломы, льна, сена и т. п.



Комментарий

Материалы к данной карте имеют традиция возведения их к прибалтийско-финским источникам, т. е. лексемы **кýбáч** и **тýкáч** с другими дериватами представляют прибалтийско-финские данные, при том, что исконные наименования нами не принимались в расчет и не вносились в общий индекс материалов, поскольку только в зонах прибалтийско-финского влияния материал опирался на понятийную закрепленность и непосредственную связь с хозяйственной реалией, а в районах с доминированием исконных данных, отмечалось значительное разнообразие сходных хозяйственных реалий с многочисленными дроб-ными, разномотивированными наименованиями.

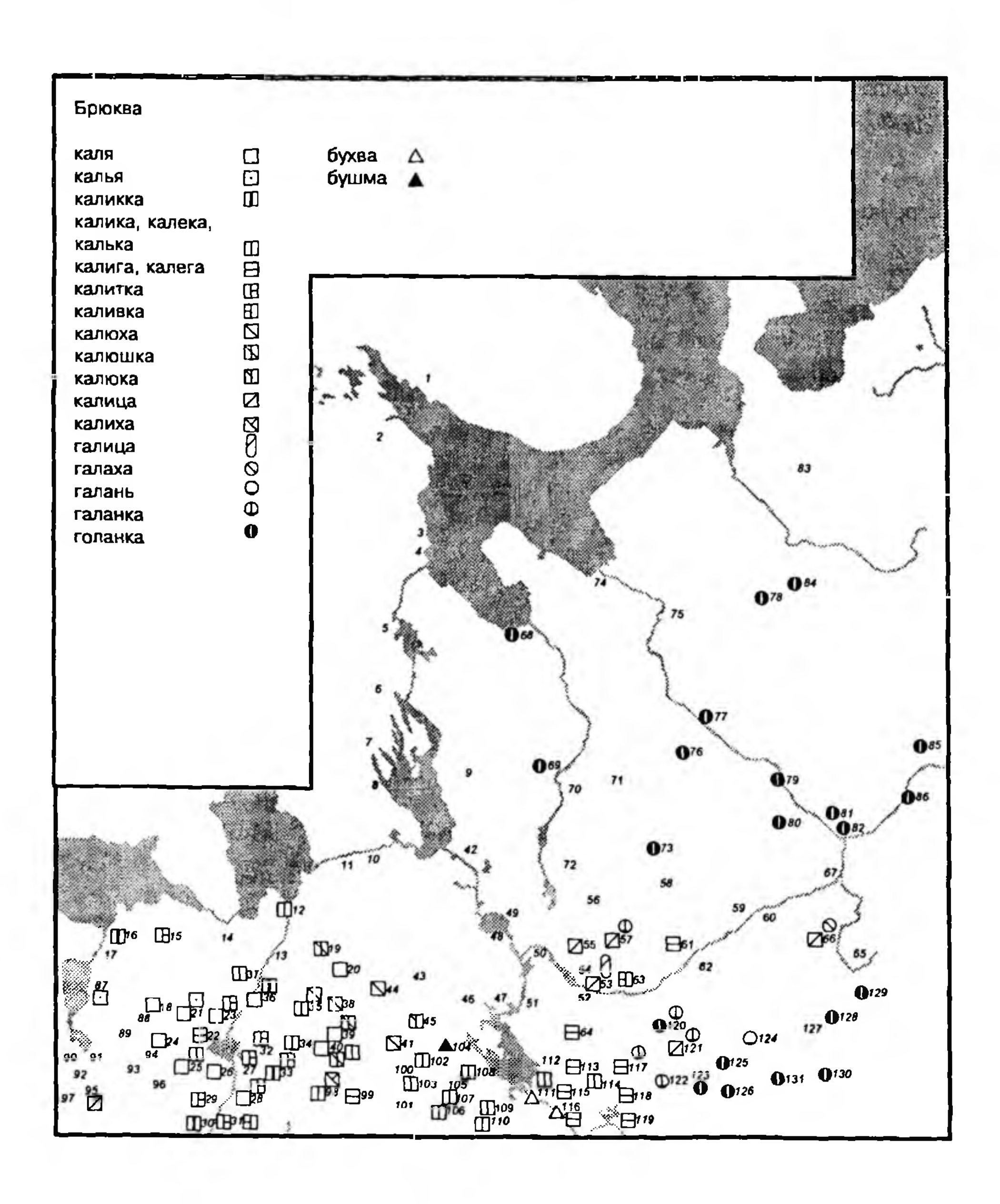
Лексема **тýкáч** 'сноп, связка, охапка соломы или льна' впервые фиксируется Куликовским в Петрозаводском, Олонецком, Лодейнопольском, Каргопольском уездах (Куликовский). Калима приводит для сопоставления карельско-вепсские материалы, ср. кар., ливв. ген. *tukku* 'куча, груда', люд. *tuk*, вепс. *tukk* 'связка соломы' (Kalima, 1915, 227). Фасмер повторяет версию Калимы (Фасмер, 4, 116). Новые данные по прибалтийско-финским языкам позволяют уточнить этимологию Калимы, но крайне незначительно: на первый план выходят вепсские данные, ср. вепс. *tuk, tukk* 'вязанка, охапка (сена, соломы, веников)', 'ком кусок' (СВЯ, 582), при ливв. *tukku* 'куча', 'большое количество, множество' (СКЯМ, 388), кар. твер. *tukku* 'куча, груда', 'скопление людей, животных, насекомых' (СКЯП, 307), фин. *tukko, tukku* 'куча, груда', 'связка, пучок'; причем прибалтийско-финское гнездо, по мнению авторов SKES мотивировано исконным глаголом, фин. *tukkia* 'затыкать, закрывать, набивать' (SKES, 1387, 1388). Однако, не следует обходить и другие сходные русские данные: **тюк, тючóк, тючитка, тючúща** "связка, вязанка, кипа; увязанный, закупоренный сверток товара" (Даль, 4, 462), которые возводятся к тюрк. **tük* 'связка, кипа' (Фасмер, 4, 134; Шипова, 340), но являются источником для контаминационных образований, ср. **тюкачóк** 'охапка соломы' (Каргоп., КСРГК), **тючóк** "кучка, скошенная в один мах" (Арх., Даль, 4, 462). Трудно судить о сопоставляемости прибалтийско-финского и тюркского гнезд, ср. однако фин. *tukka* 'волосы' и фин. *tukko* 'куча, груда, связка, пучок' (SKES, 1386, 1387), и тюрк., чаг. *tük*, тур. *tüj* 'волосы' (СГТЯЛ, 197, 198) и тюрк. **tük* 'связка, кипа'.

Лексема **кубáч** имеет значительно больше фиксаций, чем **тýкáч**, доминируя в новгородских говорах, отмечается в Обонежье и Беломорье. Ее варианты и дериваты представляют собой единицы нечастотного употребления, причем даже для лексемы **кубáк** можно предположить развитие от **кубáч**, а не непосредственно от прибалтийско-финских этимонов: *кубáч – куб- ач – куб + áк.*

Анализируемый материал имеет фиксации в памятниках письменности: **кубача, кубачь** "сноп; большая связка соломы из нескольких обмолоченных снопов" в архиве Онежского Крестного монастыря под 1669 г. (СлРЯ XI-XVII вв., 8, 102). Калима возводит диалектные данные к кар. *kubo* 'сноп', 'связка', 'ноша' (Kalima, 1915, 134). См. также Фасмер, 2, 395, 396;. Погодин, 1904, 34; Meckelein, 1913, 44. Ср. современные данные по прибалтийско-финским языкам: кар. сев. *kupo* 'пучок, связка', 'пучок, связка соломы', кар. твер., тихв. *kubo* 'то же' (KKS, 2, 461), кар. твер. *kubočči* 'связка обмолоченной соломы'

(СКЯП, 118), ливв. *kubo* 'сноп, связка (льна, соломы и т. п.)' (СКЯП, 150), ижор. *kupo* 'вязка соломы, вязанка прутьев, лучины' (IMS, 210), водск. *kupo* 'связка соломы, сена', 'пук сучьев, цветов' (VKMS, 128), эст. *kubu*, эст. южн. *kubo*, *kobu* 'связка соломы, лучины, хвороста', ливск. *ku'в* 'пучок, связка, вязанка лыка', фин. *kupo* 'связка соломы, льна' (SKES, 243). Авторы SKES трактуют прибалтийско-финский материал как балтийский по происхождению, сравнивая с литов. *gubà* 'стог сена', 'укладка из снопов', латыш. *guba* 'куча, ворох', при саамских данных из финского, ср. саам. норв. *guppa* 'куча, стог', 'большая куча ягеля', 'стог со стожаром' (SKES, 243). На балтийской почве субстантивы являются производными от глаголов, ср. литов. *gaũbti* 'покрывать, укутывать, закутывать, выводить свод', латыш. *gubât* 'сгребать сено в копны, зерно в гурты' (Fraenkel, 1, 140).

КАРТА № 30
Брюква



Комментарий

Данный вопрос традиционно включается в исследования по русской диалектной лингвогеографии. Имеется подобный вопрос в Программе ДАРЯ: *172 Брюква, ка́лика, ка́лига, тебе́ка, бу́ква, не́мка, бу́шма* ... Если известны особые названия разных сортов брюквы, то приведите их с объяснениями (Программа ДАРЯ, 134). В Программа ЛАРНГ по теме "Огородничество" при вопросе *7076 Брюква* (указать, если возможно, сорт) представлено в качестве примера свыше ста наименований брюквы, которые почерпнуты из лексикографических источников (Программа ЛАРНГ, 1, 147). Одна из этих единиц **ка́ли**, отмеченная только в СРНГ (СРНГ, 12, 352), при указанном источнике – "Краткий ярославский областной словарь" (КЯОС), является результатом опечатки, ср. в КЯОС: **ка́лига** 'брюква' (КЯОС, 83), что и представлено в КСРНГ. Таким образом, не следует сопоставлять фин. *kaali* 'капуста' (ФРС, 181) и единицу, появившуюся в результате недоразумения.

Кроме того, имеются карты по этому концепту в изданных лингвогеографических источниках: в "Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы" (АРНГЦВ) – карта № 212 Диалектные названия брюквы, где в материалах есть лексемы, совпадающими с нашими данными: **бу́хва, бу́шма**.

В 3-м выпуске ДАРЯ (ДАРЯ, вып. 3. Лексика, 1997) представлена карта № 58 *Названия брюквы*, в легенде которой имеется 53 лексемы, однако схематично-ареалъная подача материала затрудняет его включение в наши разработки, но дает понимание географического распространения заявленных лексем.

В "Лексическом атласе Архангельской области" также имеется карта № 116 *Брюква*, на которой даны ареалы 6-ти лексем (ЛААО, 150).

При сборе материала в полевых условиях нас интересовали только диалектные данные, поэтому лексема **брю́ква**, как общенародная единица, и лексема, являющаяся вопросом и возможным ответом на вопрос, не была включена в общий индекс материалов.

Наиболее распространенными среди наших данных являются лексемы, образующие в этимологическом плане гнездо **ка́ля, ка́ликка**. Предваряя анализ его происхождения, следует отметить, что в финно-угорских языках, наименования брюквы довольно часто являются заимствованными единицами, ср. кар. твер. *bukva, muglu, n'emka* 'брюква' (СКЯП, 22, 164, 176), ливв. *br'ukvu* (СКЯМ, 29), кар. *ṕrukva*, кар. твер. *b́rykvä* 'брюква' (KKS, 4, 465), коми *калига* 'брюква', *галанка, бруква* 'брюква' (ССКЗД, 75), причем, большей частью из русского языка или из скандинавских языков, ср. фин. *lanttu* 'брюква' из др. швед. *planta* 'росток, растение' (SKES, 275). Калима, анализируя варианты **ка́ликка** (Петерб.), **ка́лика** (Пск., Петерб., Новг., Смол.), **ка́личина** (Пск., Твер.), **кали́ца** (Волог.), **ка́лига** (Перм., Пск., Твер., Вят.), **кали́га** (Том.), **ка́лива** (Новг., Пск., Твер.), **ка́ливка** (Пск., Влад., Твер.), **ка́лижка** (Пск., Твер.), **ка́лега** (Уфим., Волог., Костром., Новг., Прем., Вят., Тобол.), **калега́** (Волог.), **ка́лека** (Новг., Петерб.), **ка́левка** (Петерб., Твер.), **ка́лигва** (Пск., Твер.), **ка́ляга** (Вят.), **каля́га** (Перм.), **ка́литка** (Новг., Твер.), **ка́лия** (Новг.), **ка́ля** (Петерб., Новг.) с общим значением 'брюква' делает предположение о их эстонском источнике, ср. эст. *kālik* 'брюква', при том, что эстонское слово так же как и фин. *kaali* 'капуста'

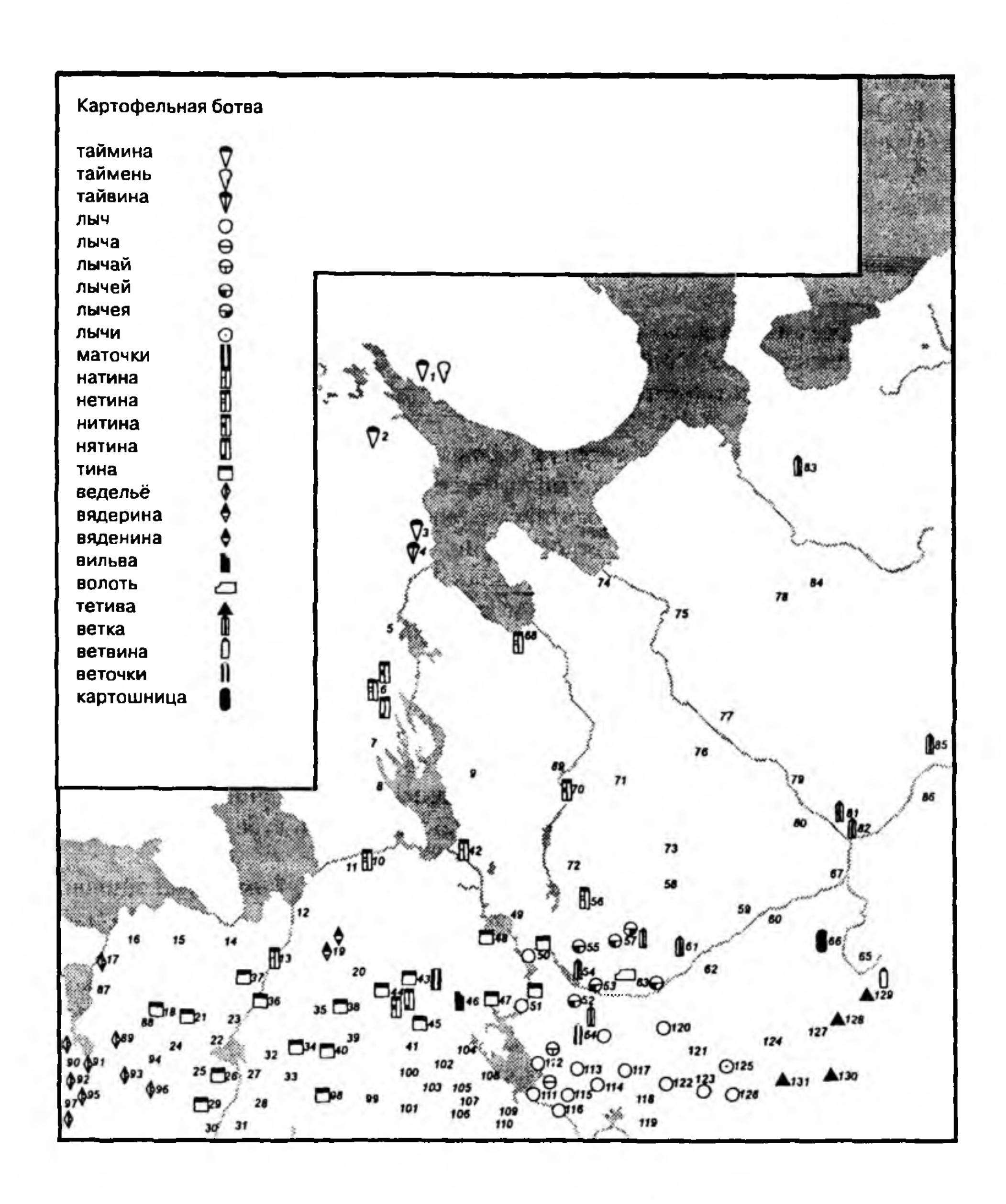
представляют собой германское заимствование (Kalima, 1915, 100). Фасмер просто повторяет материалы Калимы (Фасмер, 2, 167). В прибалтийско-финских языках это гнездо представлено только в эстонском и финском языках, ср. фин. *kaali* 'капуста', 'о ботве брюквы, репы, картофеля', эст. *kaal, kaalikas*, эст. южн. *kaalik, kaalits* 'брюква', при скандинавских источниках, ср. др.-швед. *kal, kaal* 'капуста', др.-норв. *kål* 'капуста', 'о больших овощах', которые, в свою очередь, восходят к латин. *caulis* 'стебель, стебель капусты', греч. *kaulós* 'то же' (SKES, 134; SSAP, 1, 263). Хотя на скандинавской почве это гнездо возводится и к др.-англосакс. *câl, câwel*, при англ. *cole* и далее уже латинско-греческие источники (EONDS, 342).

Таким образом, возвращаясь к предмету нашего анализа, можем констатировать, что только эстонские данные, эст. *kaal, kaalikas* 'брюква' имеют сходную форму и семантику с данными русских говоров. Однако, широкое распространение лексем **ка́ля, ка́ликка** и других вариантов в русских говорах, в том числе и курских, нижегородских, калужских, смоленских (см. СРНГ, 12, 352-355; ДАРЯ, вып. 3, карта № 58), ставит под сомнение направление заимствования. Вполне возможно, что первичным является вариант **ка́лива**, который можно рассматривать как отглагольный субстантив от глагола **кали́ть**, ср. например, **кали́ть** 'сушить в жаркой печи' (СРЯ XVIII в., 9, 214). Это наименование могло возникнуть в результате способа приготовления брюквы, который нередко заключался в подсушивании брюквы, нарезанной тонкими ломтиками, т. е. намечается такая модель: **кали́ть – *ка́ливо – ка́лива** (ср. **мочи́ть – мо́чиво** 'лен, конопля, холст и т. п., вымачиваемые при обработке в воде. Пск., Твер., СРНГ, 18, 319). Сходная модель реализуется в номинации слова **ку́рник** 'пирог с любой начинкой' от глагола **кури́ти** (Лутовинова, 1997, 151-157). Такого же рода модель существует и в прибалтийско-финских языках, ср. ливв. *hawdu* 'выпаренная в печке репа или брюква' при *hawduo* 'парить в печке' (СКЯМ, 61), вепс. *haudad, houdad* 'выпаренная в печке репа или брюква' при *hautta, houtta* 'парить в печке' (СВЯ, 111); и кар. *haudnikka* 'репа испеченная в земле при помощи горячих камней' мотивировано глаголом *hautuo* 'парить молоко, репу и т. п. в печи' (KKS, 1, 190, 191), а не субстантивом *hauda* 'яма', как полагает Пальмеос (Пальмеос, 1982, 4). Таким образом, вполне возможно, что в эстонском языке отмечаются результаты германского влияния, реализуемого в лексемах с семантикой 'капуста' и русского – с семантикой 'брюква'. Однако, такие единицы как **ка́лика, ка́ликка**, возникли уже на прибалтийско-финской почве, а в русских говорах (преимущественно новгородских) являются обратными заимствованиями. Причем лексема **ка́литка** могла возникнуть на карельско-валдайской почве, где нами было зафиксировано изменение геминаты (*кк*) в сочетание (*тк*), например: *pakkula* – **па́ткула**, luzikka – **лу́зитка, ка́ликка – ка́литка**, кроме того, возможно и влияние омонимического притяжения, ср. **кали́тка** 'выпечное изделие'.

Еще один большой, но менее значительный ареал образует лексема **гола́нка** с прозрачной внутренней формой – из Голландии (Фасмер, 1, 427). Варианты с вокализмом на (*а*) связаны с ее утратой.

Для слова **бу́шва**, по нашим данным **бу́хва** и **бу́шма**, Фасмер предлагает исконную этимологию – **бу́хнуть** (Фасмер, 1, 256). Однако, ср. коми *кушман*, удм. *кушман* 'редька' (КЭСКЯ, 148), мар. *ушман* 'брюква', чуваш. *кашман* 'общее название корнеплодов' (ЭСЧЯ, 103).

КАРТА № 31
Картофельная ботва



Данный вопрос в виде "листва картофеля, свеклы" представлен в Программе ДАРЯ (№ 178), но отсутствует в 3-м выпуске (ДАРЯ, вып. 3. Лексика. 1997).

Несмотря на то, что огородничество как у русского так и у финно-угорского населения, получило развитие довольно поздно, все же отмечаются языковые контакты и в этой сфере.

В Беломорье фиксируются лексемы **та́йми́на, та́ймень, та́йбина**, восходящие к карельским источникам, ср. кар. *taimen* 'росток, саженец' (ILKS, 143), люд. *taimen*, вепс. *taimen* 'то жэ' (SKES, 1197, 1198), кар. твер. *taimen* 'рассада' (СКЯП, 291), ливв. *taimen* 'рассада' (СКЯМ, 373), при фин. *taimi*, эст. *taim*, водск. *taimi* 'то же' (SKES, 1198). Причем следует отметить, что основное значение на прибалтийско-финской почве 'росток, саженец', вероятно, ранее доминировало и на русской почве, ср. **та́йбина** 'молодая ботва картофеля' (Лапино Беломорского района); **та́ймина** 'всходы, ростки картофеля, репы' (Ковда, Княжая Губа Кандалакшского района). Однако, в настоящее время большая часть фиксаций данного материала имеет значение 'картофельная ботва'.

Единственная фиксация лексемы **вильва́** (Вороново Кадуйского района) делает недостоверной любую этимологическую версию, но все-таки следует сопоставить с этим словом прибалтийско-финские данные, близкие к нему по форме, ср. ливв. *vil'l'a*, люд. *vil'*, вепс. *vil̄'*, фин. *vilja* 'хлеб на корню' (SKES, 1763, 1764).

Значительный ареал имеет лексема **лыч** с дериватами – это вологодские, ярославские, костромские говоры, что позволяет предположить влияние коми языка, ср. коми *лыч* 'ботва (редьки, репы и т. п.)', 'жилка листа, черешок листа' (ССКЗД, 209), при том, что авторы КРОЧК трактуют слово **лыч** 'ботва (картофеля, репы, брюквы)' как диалектное (КРОЧК, 291). Смущает также то обстоятельство, что картофель получил распространение у коми только с середины XIX века, а по данным конца XIX века наивысший удельный вес посадок картофеля в Коми крае был в Вологодской губернии (Народы Поволжья и Приуралья, 61).

Лексема **на́тина** и вариант **ня́тина**, представленные на карте, традиционно рассматриваются на общеславянской почве, ср. укр. *нать, нати́ня* 'то же', белорусск. *націна*, словен. *nȃt*, чеш., словац. *nat'*, польск. *nać* (Фасмер, 3, 48). Имеющиеся прибалтийско-финские данные трактуются как славянско-русское заимствование, ср. фин. *naatti*, кар. *noatti*, ливв. *ńoat't'i*, люд. *nuat̄'*, вепс. *nat'*, водск. *nätt* 'ботва' (SKES, 363). См. также: Веске, 189, 188; Mikkola, 1894, 145; Фасмер, 3, 48; Kalima, 1952, 128; SSAP, 2, 201.

Варианты **не́ти́на, ни́тина**, вероятно, также следует рассматривать на русской почве. Сюда же, скорее всего, примыкает лексема **тина**, с преобладающими фиксациями в новгородских говорах, возникшая в результате переразложения: *натина – на- тина – тина*. В ЭССЯ праславянское **natь* интерпретируется как образование, возникшее на основе переразложения: **na-tina – nat-ina* - **natь* (Варбот, 1984, 200, 201; ЭССЯ, 23, 187).

Лексемы **ведельё, вядери́на, вядени́на**, представляемые картографически

как варианты, образуют ареал на территории псковских говоров и на р. Ояти (Тихвинский район). Ввиду сложности их анализа, было решено отразить на карте фонетический тип вокализма. Данное гнездо не исследовалось в этимологическом плане. На наш взгляд, вряд ли возможно его этимологизировать на исконной почве. Исходя из ареала вполне вероятна балтийская версия, ср. литов. *vītis* 'картофельная ботва', 'усы хмеля', *vytìnė* 'хлыст, прут, розга', 'ус ползучего растения' (Fraenkel, 2, 1268).

Лексема **тети́ва**, отмеченная в костромских говорах, вряд ли может сопоставляться с русск. **тетива́** 'бечева, струна, стягивающая концы лука', 'туго натянутая веревка, бечева, трос в некоторых снастях., орудиях', 'боковая наклонная балка лестницы, в которую вделываются концы ступеней' (БТС, 1321), праслав. **tetiva* сравнивают с литов. *tiñklas* 'сеть' (Фасмер, 4, 53). Ареал этого слова дает возможность предположить его субстратный финно-угорский характер, ср. фин. *tyvi* 'нижняя часть дерева, пень', эст. *tüvi* 'нижняя часть дерева, растения, соломины', эст. диал. *tüi, tüü, tive* 'обрубок чего-либо', 'жнивье', мар. *tüŋ* 'комель дерева, основание носа', при венг. *tő̈, töve-* 'комель дерева, ствол', 'нижняя часть чего-либо' (SKES, 1464, 1465). Однако форма и семантика сопоставляемых финно-угорских данных достаточно трудно накладывается на русские материалы, что делает эту версию весьма сомнительной; т. е. этимология лексемы **тети́ва** еще требует дальнейших исследований.

В бассейне р. Сухоны, Северной Двины, Мезени фиксируется лексема **ве́тка** и дериваты.

Таким образом, лексическая манифестация по заявленному концепту позволила выделить карельскую зону влияния (**та́йми́на**), коми ареал (**лыч**), территорию с доминированием балтийского влияния (**ведельё**), а также русский ареал общеславянского происхождения (**на́тина**), к последнему относится и лексема **во́лоть**, ср. укр. *волот* 'метелка', словен. *lât* 'метелка, колос' (Фасмер, 1, 344).

ПОДСЕЧНО-ОГНЕВОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Древние формы земледелия, отразившиеся в практиковании подсеки, сохранились на территории Северо-Запада России до 30-х годов XX века, несмотря на многочисленные запреты, как у русского, так и у финно-угорского населения. Имеется значительное число работ, посвященное историко-этимологическому изучению данной тематической группы, однако лингвогеографическое изучение, основанное на анализе материала, собранного по определенным вопросам на выбранной территории, не проводилось. В "Программе собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров" совершенно оправдано для общерусской территории имеется два вопроса по подсечно-огневому земледелию: "пашня на месте сведенного леса" и "расчищать пашню из-под леса" (СПб., 1994, с. 127).

В Программе сведений для составления Диалектологического атласа русского языка концептуальные вопросы отсутствуют, приведены только два семантических вопроса, относящихся к подсечному земледелию: № 261 *Нива – поле? огород? росчисть?*; № 267 *Ляда, лядина – низкое болотистое место, заросшее лесом? неудобная земля, пустошь* (Программа ДАРЯ, 1947. С. 142).

Ориентация на выявление неисконной лексики не могла привести к значительному числу вопросов по данной тематической группе.

В основном, лексическая манифестация с ареальным эффектом удавалась для 4 вопросов.

1. Общее название подсеки.
2. Заброшенная подсека, поросшая травой, мелколесьем или кустарником.
3. Куча сучьев на подсеке, предназначенная для сжигания.
4. Несгоревшие остатки, головешки на подсеке.

Картографируются первые три вопроса.

Сбор материала на столь обширной территории имел свою специфику. На территории с наибольшим субстратным влиянием понятийно-реальная сфера этой системы земледелия прекрасно репрезентируется на уровне языка, имея детализированную терминологическую систему. Это, в первую очередь, относится к Обонежью, где наряду с апеллятивной лексикой, фиксируется значительный пласт микротопонимов прибалтийско-финского происхождения, восходящий к лексемам, с семантикой, относящейся к подсечному земледелию.

Так, например: **áгма** 'угодье' Онеж. (Кянда), КСРГК, при кар. беломор. южн. *aho* 'десятилетний, смешанный лес, выросший на подсеке', 'подсека', 'лиственный лес, выросший на заброшенной подсеке', кар. твер. 'безлесное место, сенокос в лесу', кар. тихв. 'участок под подсекой, впоследствии заброшенный' кар. Суоярви *aho* 'разработанная и выжженная подсека' (KKS, 1, 7); **гýмежи** 'поле' Петрозав., Куликовский, СРНГ, ср. вепс. *haumeh, houmeh* 'подсека', 'подсечное поле' (СВЯ, 111), кар. *halmeh, halme* 'подсека, заброшенная подсека' (KKS, 1, 158), люд. *halmeh* 'подсека' балтийского происхождения, ср. литов. *želmũ, žalmuo* 'побег, отросток, саженец' (SKES, 52).

В ряде случаев микротопонимы представлены композитами с первой неисконной частью, второй опорный топоформант указывает на соотнесенность с лексикой подсечного земледелия – **нúва**:

Сю́рнива. Медвежьегор. ПЛГО, ср. вепс. *sur* 'большой' (СВЯ, 527); **Ка́нзанива**. Пудож. (Каршево), ПЛГО, ср. вепс. *kanz* 'семья' (СВЯ, 178); **Ша́рьханива**. Маловишер. (Сосницы), ПЛГО, ср. кар. (Сямозеро, Суоярви) *šarhata* 'чистить, резать, обрубать' (KKS, 5, 291); **Па́рсканье** 'поле в лесу' (Прионеж., КСРГК), вероятно связано с вепс. *parz'* 'бревно' (СВЯ, 402), ливв. *parzi* 'бревно' (СКЯМ, 257), при фин. *parsi* 'матица', 'половая доска' (SKES, 406); сюда же вероятно относится **па́рсельга**, хотя в КСРГК оно представлено как апеллятивная единица 'место, очищенное от леса и предназначенное для вспашки' (Кондоп., СРГК, 4, 399). Следует отметить, что топомины неисконного происхождения (в нашем случае преимущественно прибалтийско-финского) имеют более широкие и достаточно устойчивые аре-алы, нежели апеллятивная лексика. В прошлом практика расчистки леса под пашню имела более широкие границы, выходя за пределы собственно лесной зоны с распространением у разных народов. Об этом свидетельствует разнообразная топонимия: ср. **Лиды**, деревня (Каширский район Московской области – возводимое к литов. *lyda* "обрабатываемое поле на месте вырубленного леса" (Невская, 1977; Поспелов, 2000); **Тылай**, правый приток р. Луза (Прилузский район Коми) из коми *тылаю* "река с подсекой, росчистью" (Афанасьев, 147), ср. **поты́лить** 'сжечь' (Ветл. Костр., СРНГ, 30, 321); **Ошняк**, деревня (Спасский уезд Казанской губернии) – от татар. *ышна* 'подсека' (Халиков, 1995, 29).

На территории Северо-Запада устройство подсеки активно практиковалось как у русского, так и прибалтийско-финского населения, причем способы ее устройства во многом были сходны. Для выбора участка находили смешанный или лиственный лес (предпочтительнее) на возвышенном месте, помечали его, делали зарубки на деревьях: **ве́рги** (Петрозав. Олон., Куликовский), вепс. *virg* 'затеска или другой знак на дереве, указывающий дорогу, место' (СВЯ, 635), ливв. *virgu* 'подтеска, затес' (СКЯМ, 436). Осенью, реже весной или летом, деревья и кустарники вырубали, складывали в кучи: кар. твер. *robivo* 'куча сухих сучьев' (СКЯП, 239), ливв. *rohjo* 'костер из хвороста, сучьев' (СКЯМ, 310), затем сжигали в больших кострах: ливв. *robl'o, roijo'* (СКЯМ, 310, 311), вепс. *verand, verang* 'костер при сжигании подсеки' (СВЯ, 624), кар. *roiro* (KKS, 5, 149), кар. сев. *ropivo* (KKS, 5, 155), фин. *rovio, ropio, rovi* на следующий год. Участок вспахивали сохой, вокруг него выкапывали канаву, чтобы огонь не перекинулся на окружающий лес. Горящие стволы деревьев перекатывали шестами так, чтобы зола равномерно ложилась на землю. Участок огораживали изгородью: русск. диал. **ру́жега** (Пудож., Шайжин), при ливв. *ružeikko* 'кустарник, валежник', ливв. *huwhtaidu, lamaidu* 'изгородь из сваленных деревьев' (СКЯМ, 80, 177), *umbiaidu* 'замкнутая изгородь вокруг подсеки' (СКЯМ, 404), расчищали от камней, которые складывали в кучи: русск. диал. **ри́жи** 'вал из камней' (Медвежьегор. Челмужи, ПЛГО), ср. кар. твер. *rižu* 'хлам, мусор' (KKS, 5, 125, 126), **ро́вница** 'груда, куча камней, собранных с пашни' Медвежьегор. (Палтега, Кажма, Толвуя, Шуньга, Великая Нива, Лисицино, Тявзия, Падма, Скурнино, Космозеро, Фомино, Падмозеро, Черкасы, Белохино, Ламбасручей; Пудож. (Бураково, Песчаное, Колгостров, Римское, Авдеево), Сегеж. (Валдай, Вожма Гора); Кондоп. (Лодмозеро), ПЛГО. "Куча камней на поле". Заонежье, Рыбников. При кар. сев. *raunivo* (KKS, 5, 42), фин. *raunio* 'большая куча камней на поле', фин. диал. *raunnio, rounio, roumio*, водск. *raunio*, причем прибалтийско-финское гнездо

скандинавского происхождения, ср. древненорв. *hraun* 'куча камней, каменистая почва' (SKES, 749). Другие прибалтийско-финские синонимы: ливв. *kobareh* (СКЯМ, 147), *kiviruopas* 'груда камней' (СКЯМ, 145), кар. твер. *kiviruopaš* (СКЯП, 105), ижор. *müttü* (IMS, 324), *röükkü* (IMS, 498) не повлияли на русскую лексическую систему подсечно-огневого земледелия.

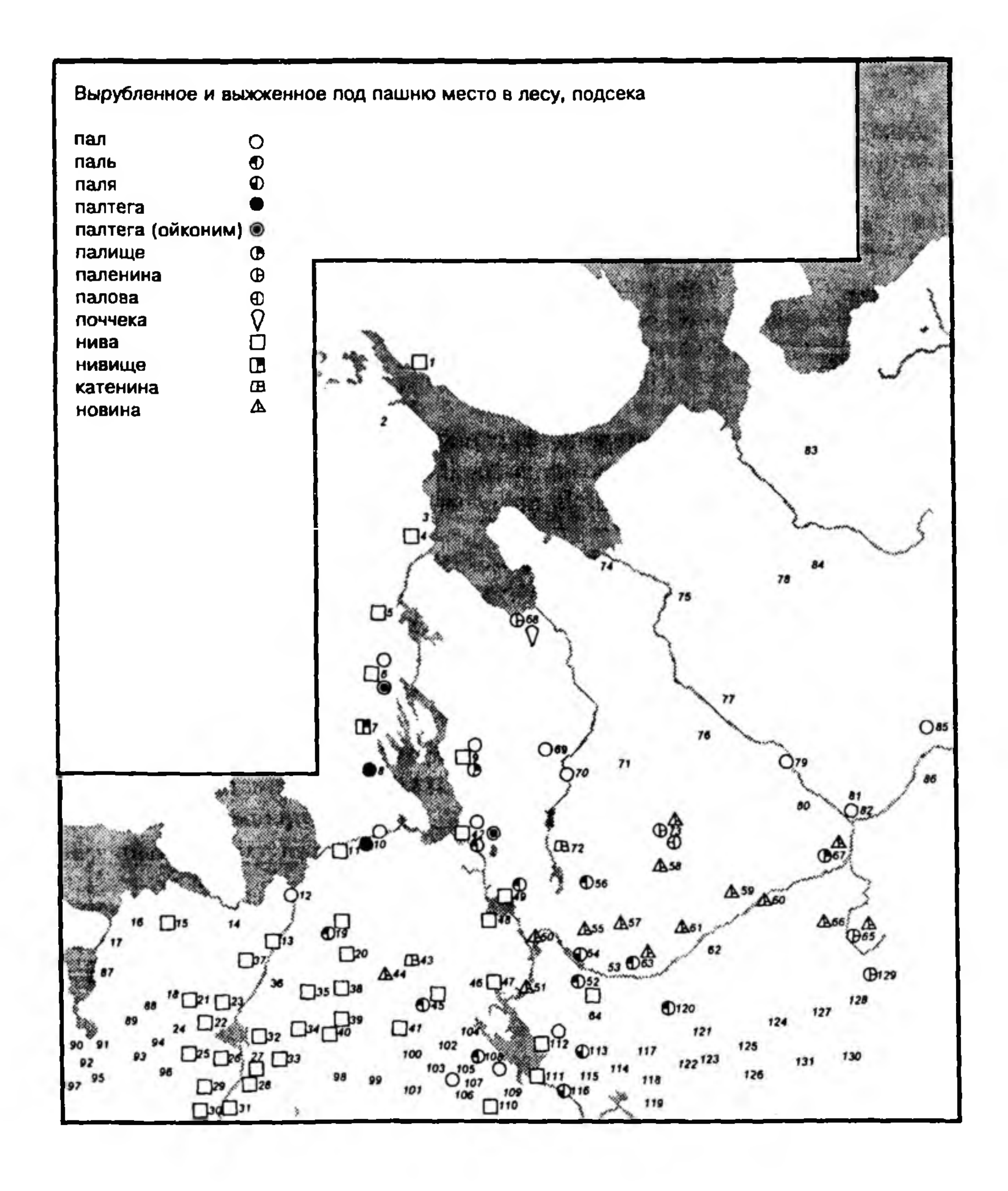
Кроме того, в Заонежье при сжигании подсеки использовали специально вырытые ямы с водой, в которой тушили загоревшую одежду – **ла́мбины**, ср. ливв. *lamni* 'глухое лесное озеро' (СКЯМ, 177), люд. *ламb, ламbik, ламмеп* 'речной плес', при саам. кильд. *lāmp* 'болото' (SKES, 274); несгоревшие остатки – **чи́лики**, выжигали повторно собранными головешками (Логинов, 1993, 20). Последняя лексема представляет собой, вероятно, саамский субстрат, ср. саам. швед. *šila*, при фин. *hiili* 'уголь' (SKES, 73).

Сеяли в зависимости от местных условий и традиций рожь, овес, ячмень, лен, репу, брюкву.

Приведенные сопоставления русских диалектных и прибалтийско-финских данных в большинстве своем не носят общерегионального характера, номинации их узко ареальны и не репрезентируют ни понятий, ни реалий, которые бы подлежали лингвогеографическому обследованию.

КАРТА № 32

Вырубленное и выжженное под пашню место в лесу, подсека



Комментарий

В картографируемые материалы был включен ойконим **Па́лтега**, как расширяющий ареал гнезда **пал**. В то же время не принимались во внимание лексемы **ля́да, ляди́на**, имеющие значительные фиксации по лексикографическим источникам в значениях "участок в лесу, расчищенный под посев; подсека" (СРГК, 3, 175), "участок леса, приготовленный под пашню" (НОС, 5, 62), но совершенно не отмеченные по данным ПЛГО.

Для общего названия подсеки доминирует слово **ни́ва** общеславянского характера, ср. укр. *нива*, болг. *нива*, серборхорват. *њива*, словен. *njîva*, чеш. *niva*, словац. *niva*, польск. *niwa* (Фасмер, 3, 72), ЭССЯ, 25, 134-137. Данная лексема образует устойчивый ареал на территории новгородских говоров и смежных с ними псковских. говорах Приладожья, Поволховья, Обонежья (частично), Белозерья (частично), западной части Беломорья (Карельский берег), что вероятно отражает в регионе места первичной славянской колонизации и дальнейших ранних миграций. Следует отметить, что в Кондопожском районе преобладает фиксация деривата **ни́вище**.

Гнездо **пал, паль, па́ля** представляет в регионе один из самых значительных ареалов: Поволховье, Посвирье, Обонежье, Белозерье, районы озер Лаче, Кубенско-го, бассейн р. Мологи, Сухоны, Вычегды, верховьев Северной Двины. Данный материал возможно рассматривать как на исконной, так и на прибалтийско-финской почве. В прибалтийско-финских языках сходное субстантивное гнездо мотивировано глаголами, ср. кар. сев. *palo* 'сожженная или приготовленная для сжигания подсека' (KKS, 4, 140), ливв. *palo* 'пал, пожог, сожженная подсека' (СКЯМ, 254), кар. твер., тихв. *palo – ozrua kyl'vet't'ih paloih* (ячмень сеют на подсеке – KKS, 4, 140), вепс. *рало* 'огнище, сожженная подсека' (СВЯ, 398), люд. *рало* 'пожог, подсека', эст. южн. *palò* 'сухое песчаное, поросшее вереском место', фин. *palo* 'выжженное место в лесу, пожог', при морд. мокш. *paloms* 'гореть', эрз. *paloms* 'гореть' (SKES, 472). По версии SKES соответствующее гнездо в обско-угорских языках развивалось по принципу энантиосемии, ср. манс. *pāl'-, pōl'-* 'остывать, замерзать, покрываться льдом', *pōį* 'наст, бельмо на глазу', хант. енис. *poį* 'наст', при венг. *fagy* 'мороз, холод, иней' (SKES, 472). Однако авторы SSA уже такого сопоставления не проводят (SSA, 2, 298).

Следует отметить, что слово **пал** фиксируется преимущественно в северно-русских говорах, даже по памятникам письменности оно не выходит за пределы севернорусского региона, в Сл.РЯ XI-XVII вв. представлено в материалах Свирского монастыря (20 км от г. Лодейное поле в н. в.) и Антониево-Сийского монастыря (90 км. от г. Холмогоры в н. в.) (Сл.РЯ XI-XVII вв., 14, 131), поэтому несмотря на то, что мотивирующая основа, особенно для таких слов как **пали́ще, палени́на**, может быть русск. **пали́ть**, вполне вероятно говорить о консервирующем влиянии прибалтийско-финских языков, либо рассматривать представленную безаффиксальную лексику как результат контаминационного прибалтийско-финско-русского взаимодействия.

Лексема **па́лтега** в качестве наименования подсеки фиксируется в Прионежском и Подпорожском районах, кроме того как ойконим отмечается в Медвежьегорском и Вытегорском районах. Ввиду отсутствия фиксаций

возможного, но отсутствующего в СВЯ **palontego* 'устройство подсеки', ср. сходную модель: вепс. *hiu inant'ego* 'сенокос' (СВЯ, 120), данная лексема, как название подсеки, вероятно, является результатом метонимического переноса от микротопонима, ср. кар. *palte* 'склон горы', – *Palttiez on huuhta meil, paltties heityt toizeh palttieh nossah* – на склоне у нас подсека, один склон заброшен, другой поднимаем (KKS, 4, 143). Ср. также вепс. *paute, poude, paude* 'склон, косогор' (СВЯ, 404), ливв. *paltt'e* 'безлесный склон горы', 'край поля или леса', формант *-га*, скорее всего можно сопоставить с люд *paltteged* 'склон' (SKES, 476), см. также ПФГЛК, 70.

Лексема **по́ччека**, отмеченная в Онежском районе (в легенду вынесена фонетическая форма, поскольку орфографическая не отражает реального произношения), имеет сходные фиксации в вятских говорах: **по́дчек, по́дчека** (СРНГ, 28, 247). Они сопоставляются о материалами коми языка, ср. коми удор. *потчек* 'подсека, росчисть' (ССКЗД, 389) и могут трактоваться как обратное заимствование.

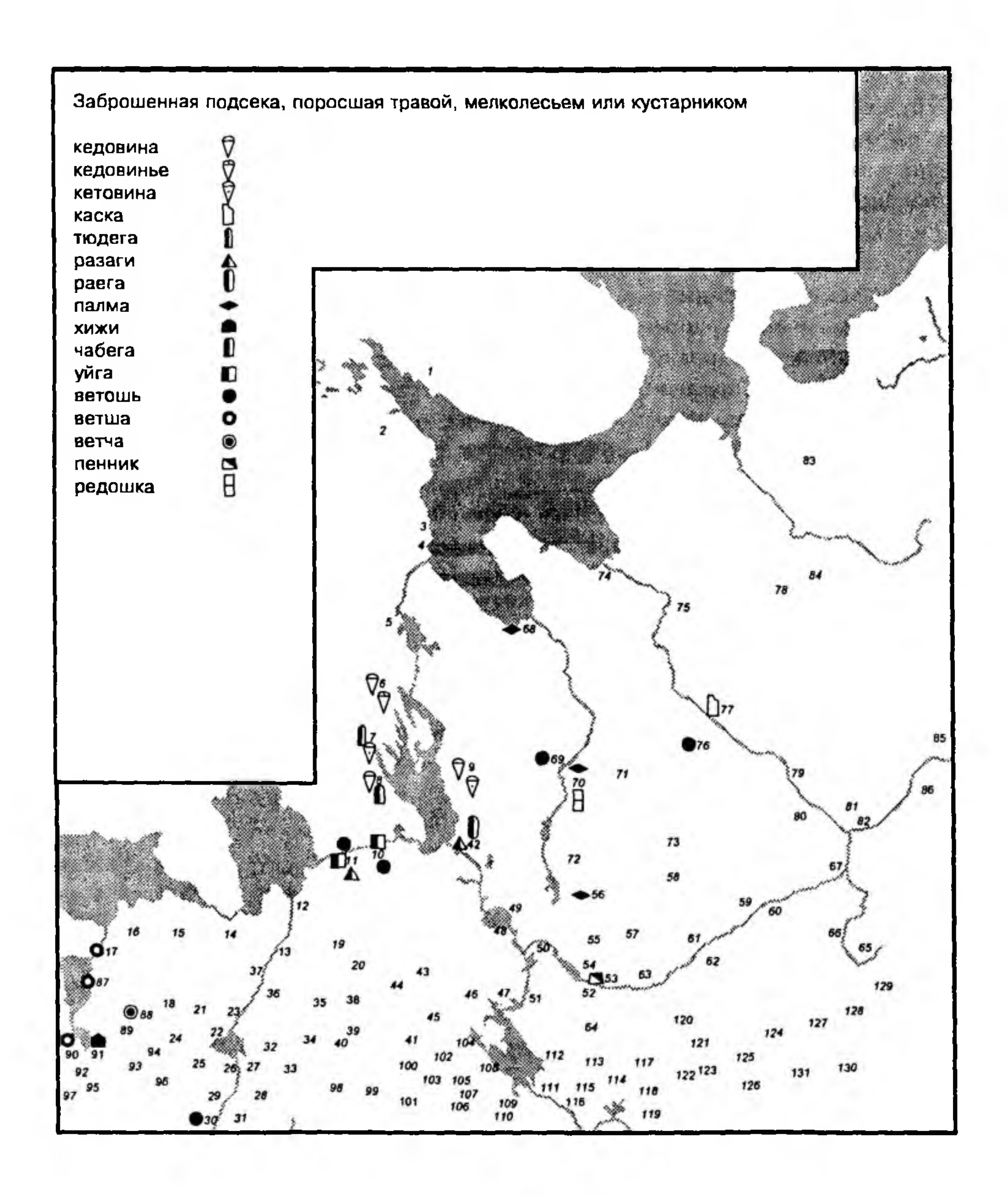
Лексема **новина́** занимает значительный ареал в вологодских говорах. Даль разграничивает бытование этого слова в южнорусских и севернорусских говорах: **новина́** "земля, никогда еще не паханая или снова задерневшая; новна́я земля, новь непашь, залог, целина; она в южных и юго-восточных губерниях идет под пшеницу; в прочих, ее почти и нет, кроме из-под лесу, но она тогда зовется чищобой, подседкой, починком, кулигой и пр." (Даль, 2, 566).

Лексема **катени́на** не отмечалась ранее в лексикографических источниках, она образована от глагола **ката́ть**, при сжигании на подсеке бревен и крупных сучьев их переворачивали, "катали" шестами, она имеет спорадические фиксации.

Таким образом, лексическая манифестация анализируемой реалии представляет доминирование исконных данных, а также пласт контаминационных материалов (гнездо пал), иноязычные по происхождению единицы занимают незначительное место (**па́лтега**).

КАРТА № 33

Заброшенная подсека, поросшая травой, мелколесьем или кустарником



Общие наименования подсеки представляют, в основном, данные исконного происхождения, тогда как в отношении заброшенных подсек наблюдается совершенно другая картина. Это связано с тем, что подсечные участки после использования по основной полеводческой функции не выпадали из сферы хозяйственной деятельности крестьянина, а уже служили для каких-либо других целей. Заросшие мелколесьем и кустарником подсеки нередко использовались как место выпаса скота. Таким образом, опосредованные уже другой функциональной принадлежностью, наименования подсек сохранились в ряде говоров Северо-Запада до настоящего времени. Причем по ранним диалектным материалам прослеживается этимологически первичное значение 'подсека', восходящее к тому или иному субстратному типу. Например: **каска** "срубленный для подсеки лес, подсека" (Лесков, 1892, 99), **ка́шка** 'расчищенный под посев лесной участок, который после снятия нескольких урожаев вновь запускается под лес' – в Выборгской губернии (Слов. Акад. 1909); а более поздние данные уже являются материалами к комментируемой карте, ср.: **Каска** – поскотина, пасут скот там, болото, трава, травы много. **Каска** – поле, лес, пойду в каску наломаю прутьев. Пинеж., Симина. Исходя из консонантизма вариантов **ка́ска** и **ка́шка** можно сделать вывод об их различных источниках, первая единица представляет субстрат вепсско-ливвиковского типа (довольно условно, в силу невозможности прямых сопоставлений), ср. вепс. *kaśk* 'подсека' (СВЯ, 183), ливв. *kaski* 'подсека, пожог' (СКЯМ, 127), при фин. *kaski* 'участок обычно лиственного леса срубленный и сожженный для пашни', 'подсека'; вторая – результат более позднего карельского влияния, ср. кар. *kaški*, люд. *kašk* 'подсека' (SKES, 168). В эстонском и водском языках сохранилось более старое значение 'береза' – эст. *kask*, водск. *kahtši*, при удм. *kiśpu*, коми *kidź* 'береза' (SKES, 168).

Лексемы **ча́бега, ра́заги, у́йга** представляют результат вепсского воздействия, ср. вепс. *čapatez* 'вырубка' (СВЯ, 55), вепс. *razagat* 'подсека, оставленная на второй год не спаленной и не очищенной' (СВЯ, 464), вепс. *uig* 'заболоченный луг, вдающийся в лес' (Kalima, 1915, 231), *uig* 'закоулок пожни' (СВЯ, 598); причем их ареальная дистрибуция – Обонежье и Посвирье также свидетельствует в пользу вепсского происхождения.

Несколько больший ареал занимает лексема **кедо́ви́на** с вариантами, репрезентирующая карельское влияние, ср. кар. *keto* 'пар, поле под паром' (KKS, 2, 152), *kytö* 'выжженный болотистый участок, пожог' (KKS, 2, 539), ливв. *kedo* 'подсека со стерней', люд. *kedo* 'пожог, подсека после первого урожая зерна' (SKES, 186), хотя Калима классифицирует этот материал как результат финского воздействия, ср. фин. *kytö* 'подсека' (Kalima, 1915, 119).

В данной лексико-семантической группе значительная часть русского диалектного материала наследует специализированное значение прибалтийско-финских этимонов, но это не касается единичных фиксаций: **тю́дега** (Кулмукса Кондопожского района), ср. кар. сев. *tüveus* 'край пожоги', вепс. южн. *tüveduz* 'край ложбины, подсеки' (SKES, 1465); **хи́жи** (Псковское озеро), ср. эст. *hiiz'* 'роща, кустарник' (Kalima, 1915, 237).

Лексема **ра́ега** представляет один из ряда вариантов: **ра́ека, ра́ек, ра́яка, ра́йка**, которые фиксируются в основном значении 'мелкий смешанный, чаще

лиственный лес' и только в Вытегорском районе отмечается для варианта **ра́йка, ра́ега** с семантикой 'заброшенная подсека'.

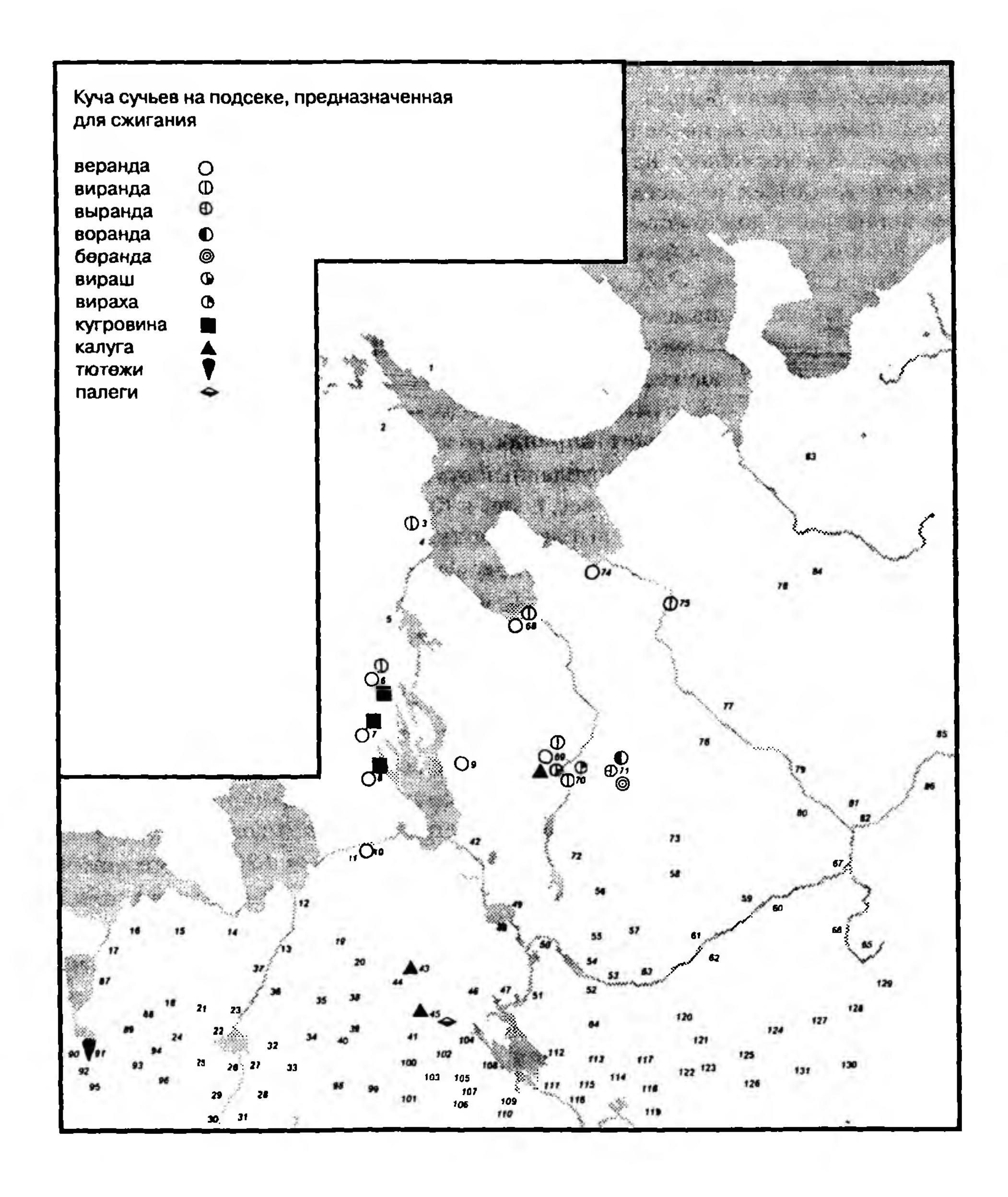
Однако, на прибалтийско-финской почве карельские данные дают значение, заявленное на карте, ср. ливв., люд. *rajakko* 'заброшенная подсека', при вепс. *rajak* 'плохой, смешанный лес на подсеке' (СВЯ, 462; SKES, 722).

Лексема **па́лма**, фиксируемая по р. Онеге и оз. Воже может быть рассмотрена как на прибалтийско-финской, так и исконной почве (см. **пал**).

Как видно, из представленных материалов наибольшая фиксация данных отмечается в Обонежье, что говорит об их концептуальной значимости для этих говоров и сильном прибалтийско-финском субстрате.

Русские по происхождению данные не образуют коррелирующих ареалов, а фиксируются от базисного новгородско-псковского ареала в восточном направлении, лексема **ве́тошь** и варианты.

КАРТА № 34
Куча сучьев на подсеке, предназначенная для сжигания



Комментарий

Как уже отмечалось выше, способы и приемы устройства подсеки у прибалтийско-финского и славянского населения были схожи (особенно в зонах интенсивных контактов в прошлом или настоящем). Таким образом, после выбора участка и помечания его зарубками (вергами), осенью, реже весной или летом, деревья и кустарники вырубали и складывали в кучи, которые затем сжигали в больших кострах на следующий год. Естественно, что анализируемая реалия, как необходимая часть хозяйственного процесса имеет номинации на почве прибалтийско-финских языков, а затем и русских говоров. Но поскольку на обширной территории Северо-Запада методы устройства подсек не могли быть едиными у русского населения, данная реалия не имеет повсеместных лексических манифестаций. Ее репрезентация, в основном относится к Обонежью, Посвирью, Беломорью, Каргополью, бассейну р. Онеги.

Наиболее устойчивые и частотные фиксации имеет лексема **вера́нда** в Медвежьегорском районе (в 12 нас. пунктах), Пудожском, Кондопожском, Прионежском, Подпорожском районах по данным ПЛГО. Кроме того по материалам АОС она отмечается в Онежском, Плесецком, Приморском районах (АОС, 3). Вариант **вира́нда**, имеющий сходный ареал, дается Подвысоцким в значениях "нарубленный сухой хворост" в Онежском уезде и "распаханное на месте, где был лес, поле" в Кемском уезде (Подвысоцкий, 18; СРНГ, 4, 292). Вариант **выра́нда** фиксируется только по данным лексикографических источников (Куликовский, СРНГ, 5, 339), но только в АОС с точной географической пометой: **выра́нда** "большая куча веток, сучьев и т. п., предназначенная для сжигания на месте, очищенном от леса под пашню" в Няндомском районе (Ступино) (АОС, 8, 133).

Калима возводит данные Подвысоцкого и Куликовского к люд. *verand* 'куча хвороста в поле', но дает не совсем точный эквивалент, фин. *rovio* 'костер' с иллюстрацией из люд.: – Rižut kerätou̯ verandō peldol, nurmel poltetau̯ (Хворост собирают в кучи на поле, на лужайке сжигают) (Kalima, 1915, 87). На наш взгляд, вепс. *verand* 'костер при сжигания подсеки', входящее в гнездо вепс. *viritada* 'зажигать, разжигать', *vir'itez* 'растопка' (СВЯ, 635, 636), также может являться источником русского диалектного слова. Ср. также ливв. *viritä* 'разгореться, загораться, зажигаться', *virites* 'растопка' (СКЯМ, 436), фин. *virittää* 'разжигать' (SKES, 1783). Фасмер повторяет версию Калимы (Фасмер, 1, 318). Лексема **вира́ха**, согласно Калиме, также связана с предыдущим материалом (Kalima, 1915, 87). Следует отметить, что ранее лексема **вира́нда/вера́нда**, вероятно, имела более широкий ареал, об этом свидетельствуют данные гидронимии, ср. Веранда – река в Подпорожском районе (ПЛГО, СГБРС, 2), Верандозеро, Верандручей в бассейне р. Свири (СГБРС, 2), Вирандозеро – в Беломорском районе (ПЛГО), Веронда – река в Новгородской области (Агеева, 1989, 213).

Лексема **ку́гровина** также фиксируется в Медвежьегорском районе (Кефтеницы, Никонова Губа, Падмозеро, Фомино, Черкасы, Шуньга), но в населеных пунктах, которые не фигурируют как место бытования слова **вера́нда**, а кроме того, в Кондопожском и Прионежском районах. Вероятно, эта

единица является результатом прибалтийско-финского влияния, ср. фин. *kuhja, kuhjo* 'стог сена', водск. *kuhja* 'стог, скирда', эст. *kuhi* 'ворох, куча, груда, кипа, стог', связанное с фин. *kuhilas, kyhläs*, кар. *kuilaš*, ливв. *kuhl'as* 'суслон, бабка', вепс. *kuh'ilaz* 'то же'; возможно, это гнездо восходит к герм. **skūilaz*, швед. *skyl* 'суслон, бабка' (SKES, 231; SSAP, 1, 425). Деривация произошла на русской почве, вряд ли – ровин(а) восходит к ливв. *rohjo* 'костер из хвороста, сучьев', *robl'o* 'большой костер' (СКЯМ, 310). Ср. также фин. *kyäs* 'суслон', *kyky* 'то же', *kykö, kykkö* 'то же' из балтийских источников, ср. литов. *kūgis* 'большой стог, скирда' (SKES, 258).

В СРГК слово **кýгровина** дано с неверным толкованием "веранда" в общенародном значении, тогда как информанты, приводя в качестве синонима лексему **верáнда**, имели в виду ее диалектное значение 'куча сучьев на подсеке': – Кугровина и веранда одно и то же (Медвежьегор., СРГК, 3, 49).

Лексема **калýга** фиксируется в Плесецком, Бабаевском, Устюженском районах, первый расположен на удалении от двух последних. В тематически близком значении однокоренное слово **калýжье** отмечается уже в источниках XIX века – "выкорчеванные пеньки, мелкие, и обгоревшие сучья и т. п. в лесу (на лесных подсеках, на лесосеках)" (Бурнашев, СРНГ, 12, 368).

Калима, оперируя материалами Куликовского – **калýжина** "большой кусок, обломок дерева (Олон., Куликовский; Вытегор., СРНГ, 12, 368), предлагает вепсскую этимологию, ср. вепс. *kaluine*, мн. *kaluižed* 'дубинка' и *kalu* 'сожженное дерево на поле', при ливв. *kalu* 'дубинка', с возможной связью русск. диал. **калýжина** 'болото' (Kalima, 1915, 101, 102). Фасмер совершенно справедливо разделяет гетерогенные омонимы **калýга, калýжа** 'болото, топь, лужа', общеславянского происхождения и представленное выше прибалтийско-финское гнездо. К материалам Калимы добавляются новые данные, подтверждая вепсско-карельскую этимологию, ср. ливв. *kalu* 'щепка, щепа, чурка' (СКЯМ, 122), кар. *kalut* 'высохшая часть дерева, хворост, палка, сук, щепка', 'несгоревшие остатки ветвей на подсеке' (KKS, 2, 39), люд. *kalu* 'наполовину сгоревшие остатки деревьев на подсеке'. Авторы SKES полагают, что прибалтийско-финское *kalu*, праформа **kalvu* 'сухая палка, часть дерева' соотносится с саам. швед. *kalwo* 'предмет, вещь', хотя и не исключают того, что ливв.-люд.-вепс. *kalu* может быть единицей не входящей в это гнездо. Действительно, карельско-вепсское значение данного слова отличается от финского, ср. вепс. *kalu* 'палка' (СВЯ, 175), и фин. *kalu* 'вещь, предмет, инструмент', при вепс. *kaluižed* 'палки, палочки' (С.М.) ливв. *kalu* 'щепка' явно соотносятся с русскими данными.

Непонятно, однако, в какой связи в вепс. *kalu* 'палка' находится русск. **кол**, стар.-слав. *колъ* и ливв. *kalu* 'щепка' с литов. *skalà* 'щепка' (Фасмер, 2, 285), этот вопрос обходят как авторы SKES, так и Фасмер.

Лексема **тютежи́**, несмотря на сходство формы и семантики со словом **тю́дега**, представляет собой в этимологическом плане самостоятельную единицу (см. комментарий к карте 'заброшенная подсека, поросшая травой, мелколесьем или кустарником'). Ранее фиксировалась лексема **тютижи** с толкованием "способ удобрения земли посредством сжигания хвороста, покрытого дерном" (Пск., Живая старина, 1890, 60). Калима возводит эти

данные к эст. *kütis*, ген. *kütise* 'сжигание, пожога', при эст. *kütma* 'топить, жечь', фин. *kyteä* 'быть раскаленным, гореть, тлеть' (Kalima, 1915, 229). См. также Фасмер, 4, 138. Далее на прибалтийско-финской почве сюда входят следующие данные: люд. *küdödä*, вепс. *küdoda* 'тлеть', водск. *tšuttä* 'выжигать лес под пашню', затем швед. *kytta* 'выжигать под пашню' из финского; балт. нем. *kütten* 'расчищать, выжигать землю под пашню' из эстонского; латыш. *kutēt* 'выжигать подсеку' также из эстонского (SKES, 256).

Лексема **па́леги**, имеющая единственную фиксацию в Устюженском районе, соотносится с гнездом **пал** (см. карту 'подсека').

Таким образом, все данные, представленные на карте, являются результатом прибалтийско-финского влияния.

СЕНОКОШЕНИЕ

Заявленный для анализа раздел отсутствует в Программе ЛАРНГ, хотя этот вид трудовой деятельности крайне важен для сельских жителей Северо-Запада и до сих пор практикуется в довольно архаичных формах. К тому же сбор материала по данной теме не вызывает никаких трудностей, поскольку не существует информанта, для которого не были бы актуальны понятия данного раздела. Первоначальное полевое исследование носило этно-лингвистический характер, т. е. сначала устанавливалась и анализировалась реалия, а затем лексика ее обозначающая. В дальнейшем был выработан вопросник по этой теме для лингвогеографического обследования региона. Он включил в себя следующие вопросы:

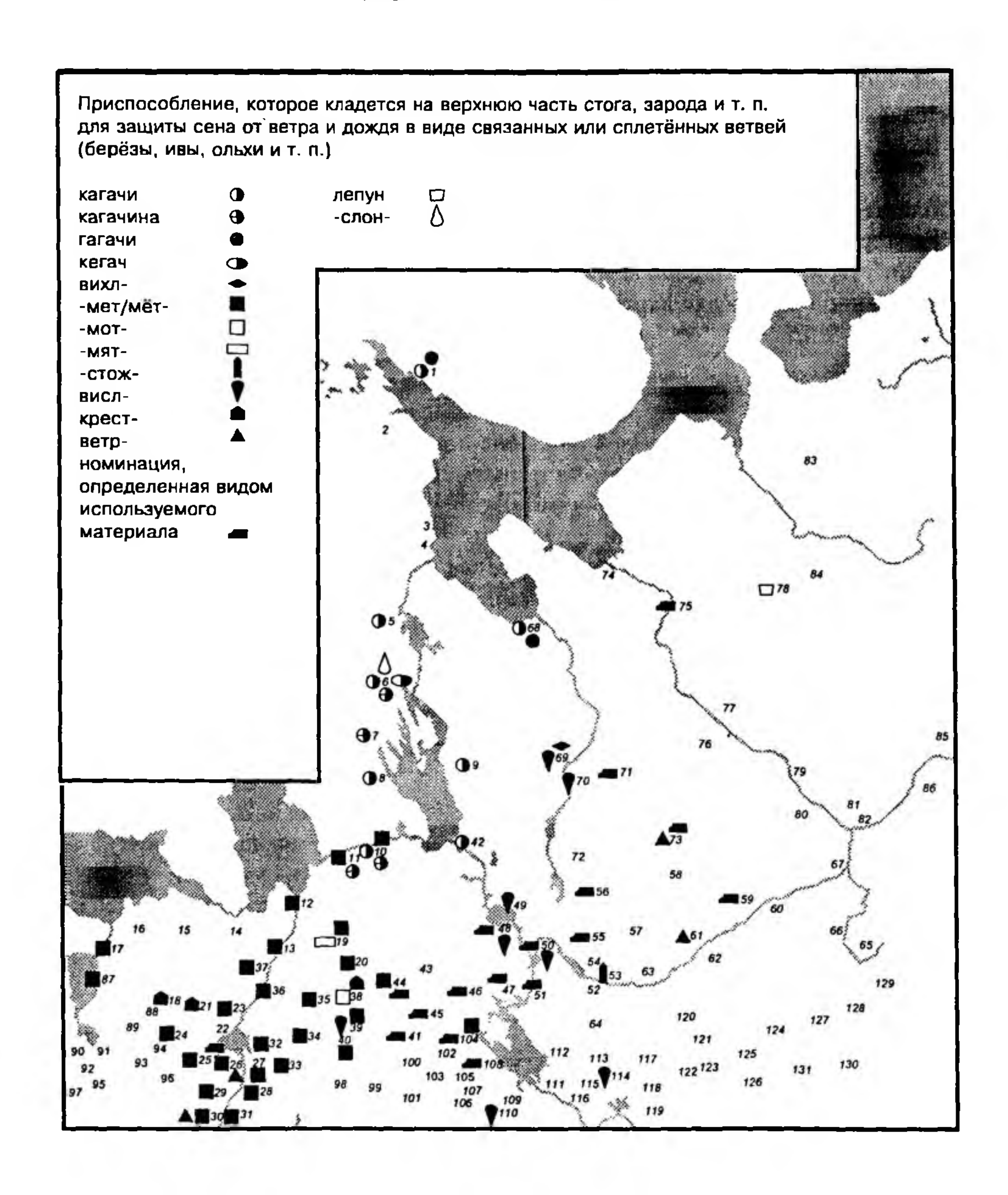
1. Большая округлая кладка сена с одной жердью для устойчивости посередине.
2. Большая продолговатая кладка сена с несколькими жердями, устанавливаемыми в ряд.
3. Жердь с развилкой на конце, подпирающая большую кладку сена.
4. Приспособление, которое кладется на верхнюю часть большой кладки сена для защиты от ветра и дождя в виде связанных или сплетенных ветвей (березы, ивы, ольхи).
5. Жердь, которая кладется на верхнюю часть большой продолговатой кладки сена для защиты от ветра.
6. Жердь с сучьями для сушки сена.
7. Вал скошенной травы.
8. Прошлогодняя некошеная трава, высохшая на корню.
9. Приспособление, используемое для закрепления лезвия косы на рукоятке.
10. Заболоченный сенокосный луг.
11. Часть сенокосного луга, окруженная кустами, мелколесьем.
12. Вешала в виде остова шалаша для сушки сена.
13. Подготовленное место для большой кладки сена, в виде жерди, забитой в землю, колышками вокруг нее, ветками на земле.
14. Небольшая кладка сена.
15. Сенокосный луг (общее название).

16. Вновь выросшая трава на месте скошенной.

В ходе полевого обследования удалось установить, что для большинства концептов их лексическая манифестация носит исконный характер, что является фактором, исключающим такого рода данные из сферы нашего обследования. Для одной реалии были выявлены неисконные материалы недавно вошедшие в лексическую систему русских говоров. Это 'вешала в виде основа шалаша для сушки сена' со следующими фиксациями: **регеля́** (Лодейноп., Кондоп., Прионеж., ПЛГО), **ригеля́** (Каргоп., Подпорож., Медвежьегор., ПЛГО. Волх., СНРГ, 35, 101), **ределя́** (Бокситогор.), **риделя́** (Волх., ПЛГО). Рихтер отмечает, что "название редель и реалия широко распространено в северных районах Псковской области и в Ленинградской области и является сравнительно поздним эстонским заимствованием" (Рихтер, 1968, 177), однако, она не приводит эстонское соответствие, ср. эст. *rehala* 'гумно, молотильня, крытый ток' (ЭРС, 453).

В данной работе для картографирования были выбраны вопросы 4, 6, 8, 9.

КАРТА № 35
Приспособление, которое кладется на верхнюю часть стог, зарода и т. п. для защиты сена от ветра и дождя в виде связанных или сплетенных ветвей (березы, ивы, ольхи и т.п.)



Комментарий

Главным критерием при картографировании данного материала было выделение лексем прибалтийско-финского происхождения; показ под обобщающими знаками деривационных вариантов, представляющих корневые морфемы исконного происхождения.

Для исконной лексики за основу был взять показ корневой мотивирующей морфемы, с внесением под один знак деривационных вариантов, что было обусловлено аффиксальной разнородностью материала с повторяющейся корневой морфемой. Так, под одним знаком подаются следующие лексемы: **оме́тье, оме́тья, оме̋тки, оме́тина, оме́тины, обме́тья, обме́тка, обме́тина, обме́тинье, обме́тинки, поме́тина, поме́тины, переме̋тка, переме̋ты, переме̋тины**. Под знаком другой конфигурации имеется следующий набор деривационных вариантов: **висля́г, висля́ги́, висля́к, висля́ки́, ви́сла, ви́слени**. Лексема **вихлёц** выделена из этого ряда и рассматривается как неисконная, ввиду наличия в этом же регионе (№ 69, Плесецкий район) слова **ви́хлус** 'соломенный жгут, служащий прокладкой для утепления входных дверей дома' (Мезен., Лешукон., Арх., АОС, 4, 111), что могло послужить основой для контаминационного влияния; хотя нельзя исключать того, что лексема **вихлёц** связана с глаголом вихлять. Также под одним знаком представлен материал, номинация которого опосредованно передает название ветвей: **ви́цы, сучéчки, лоза́**; название кустарников: **ви́твинки, и́твинки, раки́та, олéшина, олéшник**. Под этим же знаком подается лексема **лутóшки**, в ЯОС она имеет несколько значений: 'прут, хворостина, розга', 'изгородь, сделанная из лутошин', 'кора, содранная с ивы' (ЯОС, 6, 19).

Материал прибалтийско-финского происхождение фиксируется, главным образом, в Обонежье, Посвирье, Беломорье, это лексема **ка́гачи́**, имеющая длительную историю отражения в различного рода источниках. Данное слово в силу того, что оно обозначает реалии сельскохозяйственного производства, часто не совсем адекватно понималось собирателями и толкователями диалектной лексики. На наш взгляд, в Словаре Подвысоцкого автор допустил ошибку, поместив следующее толкование слова **кага́ч**: "Устраиваемый над стогом сена естественный навес: стог складывается между двумя деревьями (преимущественно березами, как более гибкими), а потом стягивают над стогом верхи деревьев и привязывают их к воткнутому в середину стога колу" (Онеж.), СРНГ, в силу своей специфики и толерантности к источникам, организует материалы, прекрасно изложенного и понятного описания Куликовского ("Две ветки, связанные вершинами и положенные на стог сена; ряд таких попарно связанных ветвей кладут поперек вершины стога с той целью, чтобы ветер не разносил сено") и ошибочного конструкта Подвысоцкого как двухступенчатую иерархию значений, что на самом деле является по-разному понятым изложением представления об одной и той же реалии. Причем если из первоисточника (Словаря Подвысоцкого), домысливая, еще можно уловить суть реалии, то опосредованное переложение СРНГ, нас такой возможности уже лишает, ср.: "Кага́ч. Естественный навес над стогом сена, устраиваемый из ветвей деревьев, под которыми расположен стог" (СРНГ, 12, 297). Крестьяне обследуемого региона заготавливали 5, 6 стогов сена или 7, 8 заколин (продолговатая укладка сена), при этом шла нещадная

борьба против зарастания сенокосных лугов (пожень); любая древесная растительность ежегодно вырубалась и сжигалась. Для того, чтобы устраивать стога по методу Повысоцкого крестьянин должен был терпеть на своих сенокосных угодьях 10 – 12 попарно растущих деревьев, причем довольно высоких (высота стога 5 – 6 метров), а значит дающих значительную тень и следовательно снижающих высоту травостоя. На наш взгляд это не соответствует реалиям севернорусской крестьянской жизни.

В СРГК 1-е значение слова **ка́гач** также не совсем правильно отражает реалию: "Два ствола, шеста, связанные верхушками или концами для укрепления стога сена"; ср. иллюстрации: Кагачи, две березки срубят, вершиночками завяжут и на стог сверху, чтоб сено не увивало, это качаг и будет. Подпорож. Это вот когда стог мы мечем, две вицы вместо свяжем, да через стог перекинем, чтобы сено ветер не разбрасывал, это кагачи. Медвежьегор. Ср. 2-е значение: "Покрытие из веток на стог сена как защита от дождей" (СРГК, 2, 310). В данном случает одна и та же реалия, по словам информантов, отражает полифункциональность и разноплановость производственной жизни, лексикографы, незнакомые с реалией, дают в словаре контекстуально выводимые различные значения, исходя из высказываний информантов, которые в объяснениях подчеркивают разные стороны, характеризующие реалию.

Таким же образом можно представить значение, данное в Слов. Акад. 1907 и отраженное в СРНГ: '**Ка́гача.** Палка, дубина, кол. Я как взял ка́гачу да начал ей лупить'. Вытегор. Олон. (СРНГ, 12, 297). Кроме того, сомнения в достоверности ряда толкований подтверждают также данные языков-источников, семантическое тождество соотносимых слов из языков-доноров и слов в языках-реципиентах – это основная черта, характеризующая языковую ситуацию в Обонежье, где и фиксируется преимущественно слово **ка́гач** (см. ниже).

Калима возводит данное слово к кар. *kahatšu* 'тонкие, в два пальца толщиной березовые ветки, которые надевают на стожар, чтобы ветер не уносил сено' (Kalima, 1915, 98). Ср. также: ливв. *kahačču* 'связанные прутья, которые кладут на сметанный стог сена, ветреница' (СКЯМ, 116), вепс. *kahač* 'связанные прутья, которые кладут на сметанный стог сена' (СВЯ, 166), кар. сев. *kahattšu* 'сплетенные верхушки ветвей, которые кладут на стог, надевая их на стожар и прижимая сено' (KKS, 2, 3). На наш взгляд, вряд ли стоит возводить слово **ка́гачи́** к одному источнику, нельзя исключать и вепссколиввиковское влияние (см. также: Мызников, 1995, 22). Вариант **га́гачи**, вероятно, можно трактовать как недавнее новообразование, определенное современными фонетическими процессами, вследствие неясности внутренней формы.

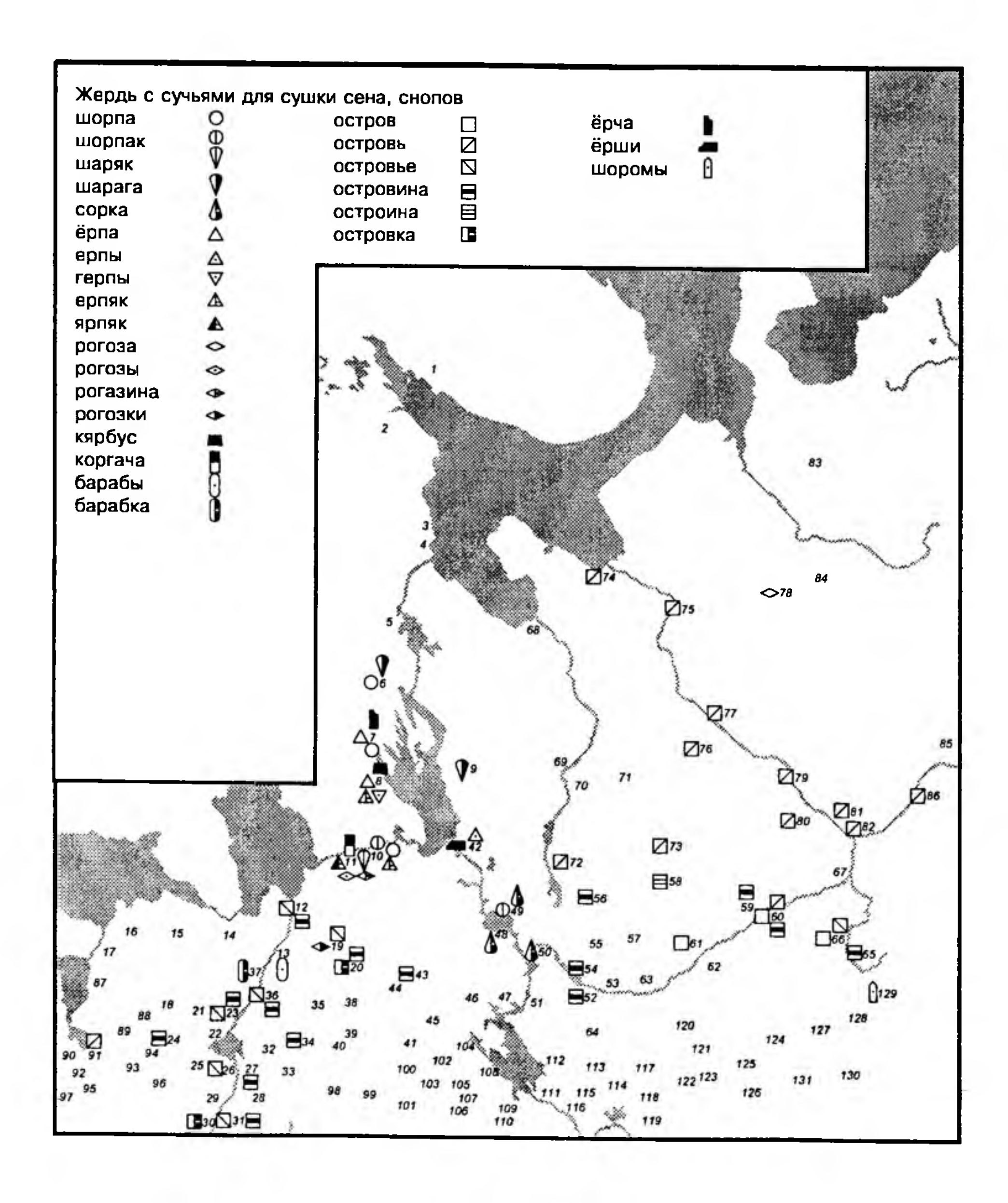
Лексема **лепу́н**, зафиксированная в пинежских говорах, а также на Среднем Урале (см. СРНГ, 16, 366), имеет соответствия в коми-зырянских диалектах, ср. коми удор. *ляпӧй, ляпей*, ижем. *ляпыш* 'ветви, длинные хворостины, связанные вершинами и положенные на стог сена в качестве гнета (для защиты от бури, ветра)' (ССКЗД, 131), однако, непонятно место этого гнезда на почве коми языка.

В Белозерье преобладают лексемы с корнем **висл-**, которые имеют спорадические фиксации в западных новгородских и ярославских говорах по р. Сить.

Наиболее частотны слова с корнем **–мет/мёт-**, отмечаемые в Поволховье, Приладожье, Приильменье, в ловатских, гдовских говорах. Вероятно, первоначально данный материал был связан со словом **омёт** 'стог сена', в дальнейшем потерял связь с мотивирующей лексемой и стал непосредственно связываться с первообразующим глаголом **метать** (и для слов **омёт**).

Лексема **ке́гач**, имеющая единственную фиксацию в Кузаранде Медвежьегорского района (ПЛГО), вероятно, является вариантом к **ка́гач**, но нельзя исключать и того, что она отражает результат влияния другого прибалтийско-финского гнезда, ср. вепс. *kego* 'стог, скирда', 'гроздья рябины, нанизанные на прут для хранения зимой' (СВЯ, 190), кар. сев. тихв. *kego* 'стог, скирда' (KKS, 2, 119), кар. твер. *kego* 'стог' (СКЯП, 93), ливв. люд. *kego* 'стог', при фин. *keko* 'стог, скирда, муравейник' (SKES, 178).

КАРТА № 36
Жердь с сучьями для сушки сена, снопов



Комментарий

Представленная для анализа реалия представляет собой отражение специфики жизни сельского населения на территории Северо-Запада. Ближайшие земельные угодья обычно использовались под пашню, несколько отдаленные разрабатывались под подсеки, а под сенокосы брались удаленные, нередко заболоченные участки, окруженные лесом. Сушение сена в таких условиях было нелегкой задачей, поэтому получила распространение на территории Северо-Запада кладка сена с несколькими стожарами, часто суковатыми, и с большим количеством подпор удлиненной формы – **за́колье, за́колина.** Сено в **за́колье** можно было складывать не полностью просушенным, поскольку в такой кладке оно продувалось ветром и не портилось. Однако в дождливое лето необходимо было ускорить процесс сушения сена, для этой цели использовались суковатые жерди (обычно из хвойных деревьев), которые втыкали в землю и на них накладывали не полностью просохшее сено. Такого рода жерди с сучьями могли использоваться в **за́колье** в качестве стожара, не меняя при этом своего наименования. Таким образом, описанная реалия, в силу хозяйственной необходимости, широко бытовала среди населения Северо-Запада.

Иногда, жердь с сучьями ставилась в центр **за́колья**, как центральный стожар, приобретая функциональную специфику наряду с особенностями наименования. При получении такого ответа мы отводили лексику его репрезентирующую не только от картографирования, но и от включения индекс материалов. Устройство **за́колья** с суковатым центральным стожаром, в основном, характерно для Обонежья, где эта реалия имеет следующие лексические манифестации: **рога́тка** – в Медвежьегорском районе (Великая Губа, Великая Нива, Космозеро, Кузаранда, Палтега, Петры, Сенная Губа, Челмужи, Шуньга), в Вытегорском районе (Мегра), в Подпорожском (Шустручей), в Лодейнопольском (Имоченицы), а также **рога́ч** – в Медвежьегорском районе (Ламбасручей), **рога́тина** – В Пудожском районе (Пяльма) по данным ПЛГО.

Лексическая манифестация анализируемой реалии довольно многообразна. Однако практически на всей обследованной территории, исключая Белозерье, Обонежье, доминирует гнездо **остро́вь** с вариантами **остро́в, остро́вье, остро́вина, остро́йна, остро́вка** исконного происхождения.

Прочие лексемы, представляющие номинацию анализируемой реалии, имеют соответствия в прибалтийско-финских языках, что позволяет рассматривать их как данные иноязычного воздействия.

Лексемы **шо́рпа, шорпа́к,** отмеченные в Медвежьегорском, Кондопожском, Подпорожском, Вашкинском районах, фиксируются также и в других значениях: 'один из зубьев вил', 'острие рыболовного крючка'. В Словаре Куликовского имеются следующие материалы: **шо́рпы, шорпаки́** (Вытегор., Лодейноп.), **шурпаки́, шурпачи́** (Повен.) в значениях 'колючки', 'сучки', 'зубья вил' (Куликовский). Калима возводит данные Куликовского кар. *čorppa*, при люд. *t'šorpad*, кар. *tšorppa* 'зубец, зубцы вил (Kalima, 1915, 248). Лесков, представляя слово **шорпаки** (без удар.) 'сучки, неровности на какой-либо поверхности', говорит о его тождестве с кар. *šorpakko* или *šorpu* (Лесков, 1892, 102). Фасмер

идет вслед за Калимой (Фасмер, 4, 468). Однако география данного гнезда, в особенности фиксация лексемы **шорпáк** в северном Белозерье, позволяет предположить доминирование влияния вепсского типа, ср. вепс. *šorp* 'острый выступ на чем-л. (зуб, зубец, сучок и т.п.)', 'раздвоение копыта', *šorpad* 'сучки мутовки' (СВЯ, 546), при ливв. *šorppu* 'зуб, зубец вил, бороны' (СКЯМ, 366), кар. *šorppa* 'развилина, развилка, раздвоенный сук', 'ножка скамейки' , 'зуб, зубец' (KKS, 5, 488), фин. *sorppa* 'зубец вил, мутовки, остроги', 'наименование орудия труда с развилкой' (SKES, 1081). На прибалтийско-финской почве гнездо фин. *sorppa* рассматривается как исконное (SSAP, 3, 202). Не относятся сюда кар. сев. *soapra* 'стог сена' (KKS, 5, 454).

Лексема **шарáга**, отмечаемая в Пудожском районе (Пяльма, Песчаное) , в Медвежьегорском (Загубье, Челмужи) и **шаря́к**, бытующая в Подпорожском районе (Согиницы), может сопоставляться с кар. *šoara* 'развилка, развилина, раздвоенный сук' (KKS, 5, 454), кар. твер. *šuara* 'развилина, раздвоенный ствол или сук; разветвление', *šuarakkah* 'развильем, в виде развилки', 'клином' (СКЯП, 279), ливв. *šuaru* 'развилина, раздвоенный сук' (СКЯМ, 366), кар. тихв. *šuara* 'развилина, раздвоенный сук'; т. е. на русской почве выделяется корневая морфема *шар*[*а*]-, а формант *–га* является поздним наращением либо отражением кар. *šoarakko* 'о сучковатом дереве', 'о дереве с многочисленными развилинами' (KKS, 5, 455). Лексема **шаря́к**, вероятно, также как и **шарáга** репрезентируют ранний карельский вокализм, без дифтонгоидности **šara*, ср. фин. вост. диал. *saara* 'развилина, раздвоенный сук', 'дорожная развилка, люд. *suar, šoare* 'развилка (на дереве, у дороги)', вепс *sara, sarak* 'развилина (раздвоенный ствол или сук)', 'развилье сохи', 'один из отростков рогов лося' (СВЯ, 497).

Лексема **сóрка**, распространенная в Белозерье, территории, где в апеллятивной лексике доминирует вепсское влияние, однако, сходный материал не зафиксирован в вепсских источниках, при весьма вероятном его прибалтийско-финском характере, ср. фин. *sorkka* 'развилка', 'зубцы мутовки, вил, мотовила, остроги' 'сошник сохи' 'зубец мотыги', 'ручка на рукоятке косы' (SKES, 1079), при фин. *sorkka* 'двупалое копыто' (РФС, 581), кар. твер. *šorkka* 'нога животного', 'пренебрежительно о ноге человека', 'ножка мебели, некоторых предметов утвари' (СКЯП, 277), ливв. *šorkku* 'нога (обычно о ноге животного)' (СКЯМ, 341), кар. сев. *šorkka* 'голень', 'о ноге человека' (KKS, 5, 485), люд. *sork, sorkke* 'часть ноги ниже колена у человека и животных', водск. *sorged* 'копыта, ноги животного', эст. *sõrg* 'то же', ливск. *sẽrga* 'расщеп копыта' (SKES, 1079). Однако не исключена возможность того, что лексема **сóрка** представляет саамский субстрат, ср. саам. кильд. *sūrre*, терск. *sīrre* 'развилка, развилина, щель' (KOLTKS, 535), саам. лул. *suörrē* 'место какой-л. развилки, развилка дорог', саам. норв. *suorre* 'зубцы вил' (SKES, 47). Семантически довольно близок к русскому слову и вепс. *sarak* 'развилина (раздвоенный ствол или сук)' (СВЯ, 497), не является проблемным и различие в типе вокализма [*а*] – [*о*], поскольку в этом ареале довольно часто прибалтийско-финскому [*а*] соответствует русское диалектное [*о*], ср. вепс. *laht*, русск. **лохта** 'залив'. Матвеев, выделяя в топонимах топоосновы **сара, сора** настаивает на их саамском происхождении (Матвеев, 1968, 123).

Лексема **ёрпа** и ее варианты **ёрпа, ерпя́к, ярпя́к, ге́рпы** фиксируются в Посвирье и в южной части Обонежья. Фонематический вариант **терпя́к**, отмеченный на той же территории в Подпорожском районе (Курпово) по данным ПЛГО не картографировался. Возможно сопоставить данный материал с ливв. *häräkeh* 'кол с недорубленными сучьями (приспособление для сушки сена)' (СКЯМ, 86), кар. твер. *häräkeh* 'кол с недорубленными сучьями (для устройства вешал при сушке гороха, сена); подпорка к изгороди' (СКЯП, 65), кар. *häräkeh* 'кол с сучьями, на который кладется сено для сушки' (KKS, 1, 394). Однако, при сходстве семантики прибалтийско-финских лексем с русскими диалектными смущает не полное фонетическое соответствие, кар. [*к*] и русск. [*п*], тогда как такого рода варьирование отмечается только в гдовских говорах.

Лексема **кя́рбус** фиксируется в Прионежском районе (Ладва) по данным ПЛГО (см. также СРНГ, 16, 210). Она имеет прямое соответствие в вепсском языке, ср. вепс. *kärbuz* 'жердь с сучками для сушки сена, снопов' (СВЯ, 262), ср. также фин. *kärväs* 'высохшее сучковатое дерево, используемое как подставка для просушки сетей', эст. *kärbis, kärväs* 'сучковатое дерево, используемое в качестве приспособления для сушки сена, гороха' (SKES, 262). Из эстонского языка слово вошло в латышский язык, ср. латыш. *kērpas* 'сучковатое дерево, на котором сушат горох, хлеб', 'вешала' (SKES, 263).

Лексемы **бара́бы, бара́бка** отмечаются в среднем течении р. Волхов, в Чудовском районе (Серебряницы) и Киришском (Клинково) по материалам ПЛГО. Кроме того, в НОС дается слово **бара́бки** 'приспособление для сушки сена, составленное из четырех палок, связанных вместе сверху' (Чудов., НОС, 1, 32). В СРГК представлено слово **бара́бка** в значении 'небольшой стог сена' при иллюстрации: – Я одна тридцать барабок (! М. С.) могла сделать. Барабку наметала, да вот плохо сохнет (Чудов., СРГК, 1, 39); что можно принять за неточность в толковании. Исходя из ареала данный материал можно сопоставить с вепс. *barb* 'ветка, сучок дерева или куста' (СВЯ, 41), ср. также кар. твер. *varba* 'ветка, прут, стебелек кустистого растения' (СКЯП, 326), ливв. *barbu* 'ветвь, прут' (СКЯМ, 24), люд. *barb* 'прут, ветвь', фин. *varpa* 'прут, ветвь' (SKES, 1656).

Лексема **ёрча** также имеет небольшой ареал – Кондопожский район (см. СРГК, 2, 28), восходит она к карельским источникам, ср. кар. *häršа* 'находящийся внутри бабки суковатый кол, который не позволяет снопам развалиться' (KKS, 1, 393). Вокализм однако, более соответствует вепс. *hörč* 'жердь с сучками для сушки сена, снопов' (СВЯ, 142). Вероятно сюда же относится слова **ёрши, ёрши,** [*ш*] появилась в результате контаминации с русск. **ёрш**.

Лексема **ко́ргáча** (вероятно мн.) имеет фиксации в Лодейнопольском районе (Тененичи): – На коргача вешали, ветром выдувало сено. Там же. Возможно, она преставляет субстрат вепсского типа, но в настоящее время затруднительно привести сопоставимые данные.

Гнездо **рого́за** можно сопоставить с материалами прибалтийско-финского происхождения, ср. вепс. *rag* 'шест', 'хворостина, большой прут' (СВЯ, 460), ливв. *ruagahaine* 'небольшое деревце с редкими листьями или сучьями,

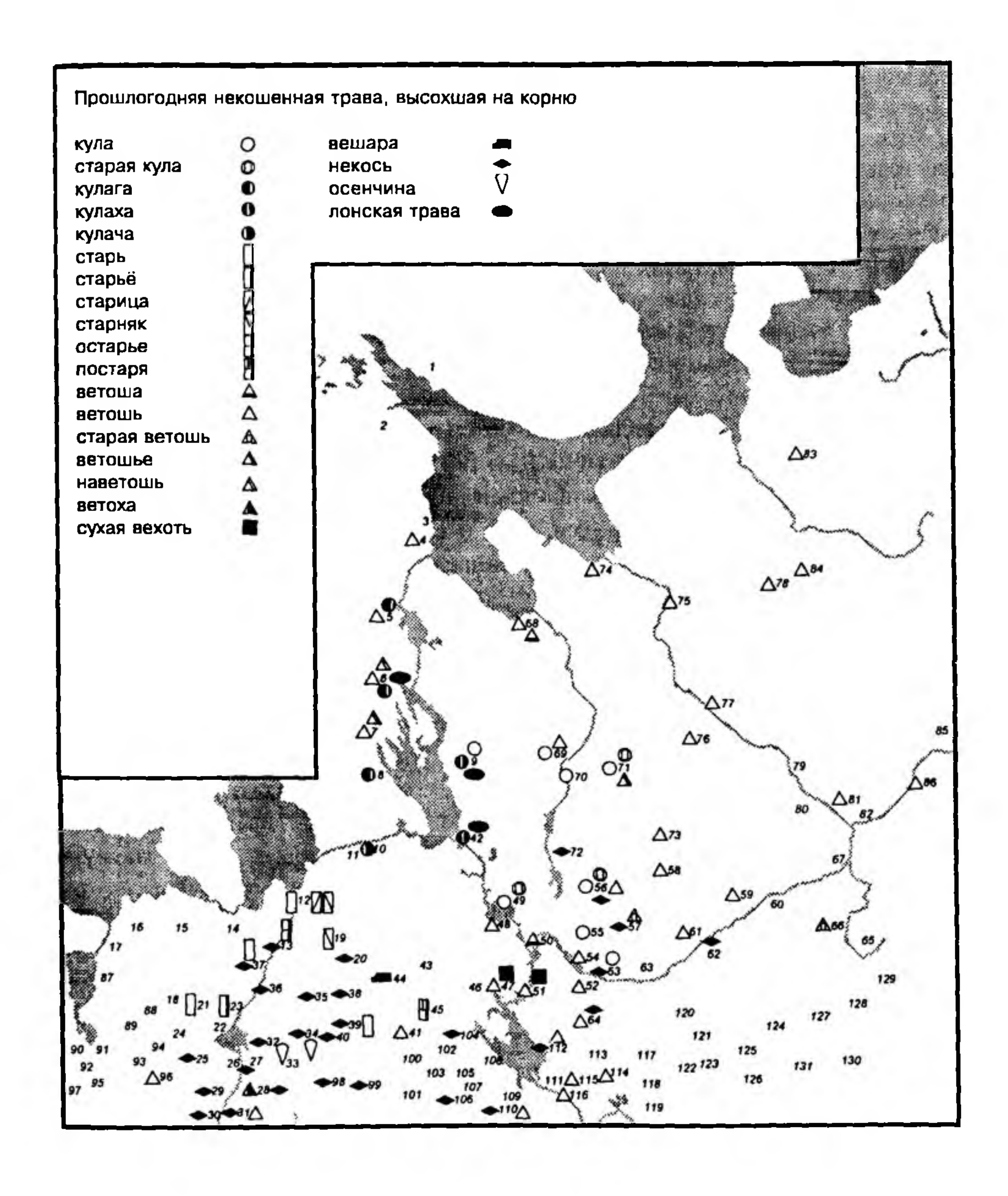
хворостина', *ruagu* 'тонкая палка, прут, удилище', 'длинная палка, вбитая во дно озера, верхний конец которой торчит над водой' (СКЯМ, 314), фин. диал. *raaku* 'колодезный шест', эст. *raag* 'хворостина, прут; голая без листьев ветка', 'жердь', ливск. *rōgə̂z* 'хворостина, прут, срубленный кустарник', водск. *raka* (pl. *ragad*) 'хворостина', 'ветка хвойного дерева', люд. *ruag* 'удилище', 'тонкая ветка', 'заостренный кол'. Причем, прибалтийско-финское гнездо – скандинавского происхождения, ср. др.-швед. *raa* 'жердь, на которую прикрепляют ловчую сеть', 'рея парусного судна', совр. швед. *rage, raga* 'сухое или чахлое дерево' (SKES, 701). Если предположить метатезу первых слогов лексемы **рогóза**, то можно его сопоставить с фин. *karahka* 'молодая ель', 'ветвь молодой ели', 'ветка ели или вообще хвойного дерева', 'полузасохшая ель', при саам. швед. *karek* 'сук, ветка', 'побег, отросток' (SKES, 161). Несмотря на неубедительную прибалтийско-финскую версию, весьма сомнительна также связь этого материла с русск. **рогóз** 'болотное растение' (Фасмер, 3, 490).

Лексема **шорóмы** зафиксирована в Павинском районе (Мундор Заболотный). В Словаре Даля *шорóмы* трактуются как 'составленные в козлы жерди для просушки в поле гороха в китинах; шиши' (Перм., Сиб., Даль, 4, 662). Калима рассматривает это слово как заимствование из коми *śorem, šorom* 'копна хлеба, скирда' (Kalima, 1927, 50), ср. также коми луз., печор., присыктывкар., среднесысол. *сёрӧм*, верхневычегод. *сёрем*, лет. *сёром*, верхнесысол. *шӧром* 'скирд, скирда, долгая кладь сена' (ССКЗД, 334). Авторы производят коми слово из *сёр* 'перекладина' или из *сёрйины* 'складывать', что, по их мнению, означало 'кладь, кладуха', далее сопоставляя с удм. *сюрыны* 'скирдовать' (КЭСКЯ, 254). Коми-перм. *šorom* 'скирда' рассматривается как обратное русское заимствование (SYRW, 265). Слово **шорóмы** и другие сходные его варианты широко представлено в говорах Урала и Сибири, ср. **шарóм** 'шест с сучьями, на которое мечут сырое сено, горох' (Ср. Прииртышье, ССПР, 3, 331). См. также Фасмер, 4, 467; Матвеев, 1964, 309, Аникин, 2000, 706.

Таким образом, лексическая манифестация данной реалии может быть дифференцирована на три пласта: исконный (**островь** с вариантами); прибалтийско-финского происхождения (большая часть лексем) и результат влияния коми языка (**шорóмы**).

КАРТА № 37

Прошлогодняя некошеная трава, высохшая на корню



Неисконный материал, который представляет номинацию данного концепта, является данными прибалтийско-финского происхождения. На русской почве они сводятся в гнездо **ку́ла** с дериватами **ку́лага, ку́лаха** и словосочетанием **старая ку́ла**. В Словаре Куликовского зафиксированы следующие варианты: **ку́ла, ку́лага, ку́лача, ку́лоха, ку́лога** "прошлогодняя трава, лежащая под снегом" (Куликовский, СРНГ, 16, 51, СРГК, 3, 54), Поскольку фонетические варианты с различным типом вокализма отмечаются в одних и тех же населенных пунктах, что и опорные лексемы, заявленные в легенде, при картографировании такого рода различия в форме слова во внимание не принимались. Так варианты **ку́лоха, ку́лога** на карте сведены к лексемам с вокализмом на [*а*].

Данный материал имеет и традицию этимологической интерпретации. Погодин возводит его к фин. *kulo*, ливв. *kulo* 'прошлогоднее сено' (Погодин, 1904, 37). Калима предлагает карельско-ливвиковскую этимологию: кар. *kulo*, ливв. *kulo* 'прошлогодняя трава' (Kalima, 1915, 140), полагая, что дериваты возникли уже на русской почве. Новые данные по прибалтийско-финским языкам более точно передают их реальную семантику, ср. ливв. *kulo* 'прошлогодняя трава на корню' (СКЯМ, 163), вепс. *kulo* 'прошлогодняя трава' (СВЯ, 244), кар. твер. *kulu* 'сухая прошлогодняя трава' (СКЯП, 121), ижор. *kulo* 'старое сено' (IMS, 217), кар. сев. *kulo* 'о сожженной солнцем, оставшейся нескошенной или слишком поздно скошенной траве' (KKS, 2, 426, 427). Авторы SKES анализируя данный материал в контексте межъязыковых контактов и принимая во внимание латыш. *kūla* 'засохшая прошлогодняя трава', 'старая шерсть животного', 'старая шкура змеи' не исключая возможность балтийского заимствования в прибалтийско-финские языки, предпочитают следующее направления заимствования: латыш. – ливск. *kūl*, *kūl-àina*; при саам. норв. *gullo* 'прошлогодняя трава' из фин. (SKES, 234, 235). Но авторы SSAP уже более определенно говорят о балтийской основе прибалтийско-финского гнезда, приводя соответствия латыш. *kūla* 'высохшая прошлогодняя трава', литов. *kūlė́* 'пожар, горение зерновых', *kūlė́ti* 'пахнуть горелым' 'чадить' (SKES, 1, 432). Френкель также склоняется к балтийской основе прибалтийско-финского гнезда (Fraenkel, 1, 306).

Бессуфиксальный вариант **ку́ла** фиксируется на восточном побережье Онежского озера, в Каргополье, северном Белозерье, в окрестностиях озер Воже, Кубенского, что можно рассматривать как результат влияния общеприбалтийско-финского типа. Деривационные варианты **ку́лаха, ку́лага** отмечаются в Посвирье, на западном побережье Онежского озера, в одном из населенных пунктов Заонежья; вероятно форманты *–га, -ха* представляют специфику адаптации неисконной корневой морфемы на почве русских говоров этого ареала.

Лексема **ку́лача**, бытующая в южном Прионежье (Вытегорский район), а также в Пудожском районе (Шала, Водлозеро) имеет соответствие в средневепсском диалекте, ср. вепс. шимозер. *kulačud* 'высохшая болотная трава' (ПЛГО).

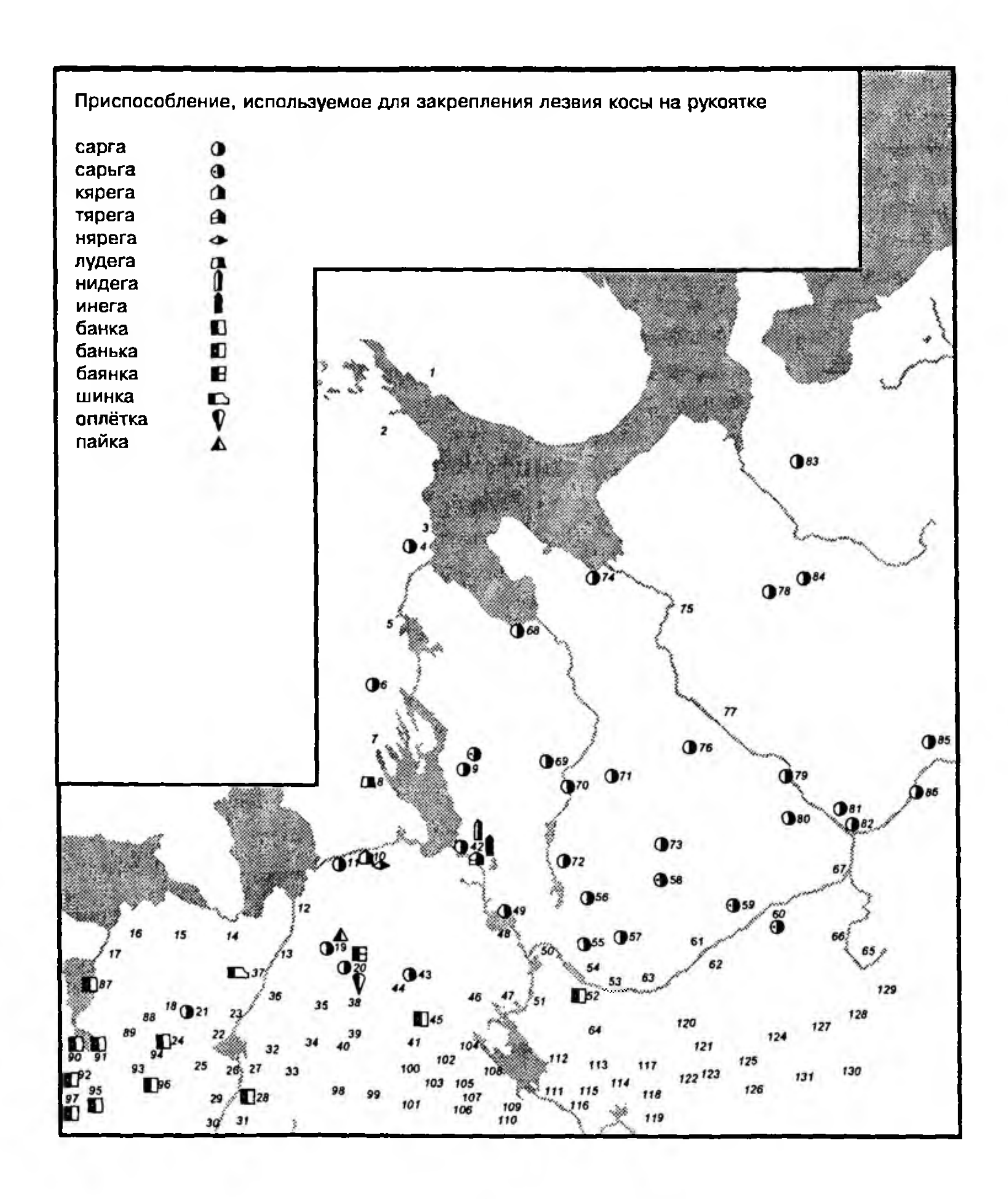
Исконная лексика представлена большим объемом данных. Слово **не́кось**

широко представлено в новгородских говорах и далее на восток по р. Мологе, Шексне, в бассейне озер Кубенского, Воже, по р. Сухоне.

Лексема **вéтошь/вё́тошь** фиксируется в Заонежье, Беломорье, в бассейне р. Онега, южном Белозерье, по рр. Шексна, Пинега, Сев. Двина, а также на крайнем западе обследуемого региона – в псковских говорах, при широком распространении в говорах Сибири, Урала (см. СРНГ, 4, 198, 199). Герд относит лексему **вё́тошь** к словам, которые связывают говоры к югу от Пскова и прионежско-заонежские говоры (Герд, 1972, 189). Однако на макроструктуре русских говоров северно-западного региона видно, что ареал данного слова в Заонежье составляет часть маргинального севернорусского ареала, а распространение лексемы **вё́тошь** в псковских говорах достаточно изолированно и малочастотно (по ПОС фиксируется только в двух районах). Таким образом, фиксация слова **вё́тошь** на крайнем западе и северо-востоке обследуемого региона представляет собой тенденцию сохранения архаизмов в маргинальных ареалах и вряд ли может быть связана с миграционными перемещениями населения на северо-западе, ср. латыш. *veçs* 'старый, престарелый, ветхий', латин. *vetus* (Фасмер, 1, 307). Другие варианты этой лексемы не расширяют территорию ее распространения. Гнездо с конем **стар-** отмечается в говорах Поволховья и Приильменья.

Другие данные лексической манифестации менее существенны и имеют нечастотные фиксации.

КАРТА № 38
Приспособление, используемос для закрепления лезвия косы на рукоятке



Комментарий

Данная реалия бытует в регионе в двух разновидностях, в виде кольца или двух колец (**ба́нка, ба́нька, ба́янка, ши́нка**) и в виде завертки из тонкого прута черемухи, ивы, рябины и т. п. или полоски жести, листового железа, проволоки. Следует отметить, что в настоящее время преобладают металлические материалы. Однако, поскольку обе эти разновидности в функциональном плане представляют одно и то же приспособление, было решено объединить их в один концепт. Разнокорневые лексемы показаны знаками разной конфигурации. Формант *–г*[*а*] выделяется заливкой с правой стороны, суффикс *–к*[*а*] – заливкой с левой стороны, мягкий вариант внутрикорневого согласного отмечается точкой в левой части знака. Метатеза *ни/ин* представлена косой штриховкой. Чередование *к/т* перед гласными переднего ряда отражено поперечной линией в левой части знака.

Выделяется Обонежье, как ареал с несколькими синонимами, восходящими к вепсскому влиянию, однако на уровне микроговоров синонимы территориально разводятся. **Кя́рега** фиксируется в Посвирье (Подпорожский район: Усланка, Курпово, Шустручей); **тя́рега** отмечается в Вытегорском районе (Казаково, Мегра); **ни́дега** бытует также в Вытегорском районе, но севернее (Анхимово); **и́нега** здесь же (Тудозеро, Макачево, Андома, Самино). **Ня́рега** фиксируется вблизи Онежского озера – Подпорожский район (Шустручей); **лу́дега** представлено в Словаре Куликовского в Петрозавдском уезде (ныне Прионежский район). Варианты **кя́рега** и **тя́рега** восходят к вепс. *käreg* 'завязка, завертка' (СВЯ, 253); лексемы **ни́дега** и **и́нега** имеют в качестве соответствий люд. *nīteh* 'завязка, которой привязывают косу к ручке', ливв. *n'ive* (ген. *n'idien*) 'завязка', при фин. *nide* 'завязка, перевязь', эст. *nidu, nide* 'завязка, прут' (SKES, 386), ижор. *nīte* 'завязка, которой лезвие косы прикрепляют к ручке' (IMS, 342), (SSAP, 2, 225). Однако, судя по ареалу, вероятно, можно возвести слово **ни́дега** к вепс. **nideh*, к сожалению, не зафиксированному словарями. Слово **ня́рега** также отмечается на территории, где доминирует вепсское влияние и восстанавливаемый этимон вепс. **näreh*, при фин. *näre* 'молодая небольшая ель', фин. диал. 'ель вообще', 'росток, побег ели или сосны', 'маленькая чахлая ель или сосна', ливв. *näre* 'маленькая растущая ель', люд. *n'äre* 'молодая ель' (SKES, 414), кар. сев. *näre*, кар. твер. *näre* 'молодая ель' (KKS, 3, 579). Сохранившееся в ливв. *näreh* 'молодая сосна' является, скорее всего, результатом вепсского влияния в прошлом. (SKES, 414). Точно также лексема **лу́дега**, исходя из ареала – Петрозаводский уезд (Куликовский), может быть возведена к вепс. **ludeh*, при люд. *луda, lude* 'завязка косы, полоска бересты', кар. *luda* 'завязка из гибкого прута для прикрепления лезвия косы, связывания веника' (SKES, 315; KKS, 3, 190).

Лексема **са́рга**, распространенная на обширной территории от говоров Новгородской области (Батецкий район) до печорских говоров, в обследуемом регионе представляет собой прибалтийско-финский субстрат общего типа, ср. фин. *sarja* 'ряд', *sarka* 'полоска бересты', вепс. *sarg* 'полоска, продолговатый кусок чего-л., люд. *sard'* (См. так же Kalima, 1915, 214). Причем, коми *sargi* 'завязка, которой лезвие косы прикрепляют к ручке', по мнению авторов SKES, заимствовано из русского языка (SKES, 976).

или железный обод на ободе колеса', которое первоначально только значило 'железный обруч на ободе колеса' было заимствовано из нем. *schiene* 'шина, рельс, лубок' (Черных, 2, 411, 412; Фасмер, 4, 438). Старое значение сохранилось в кар. твер. *šina* 'обод колеса телеги, подрез санного полоза' (СКЯП, 271).

Варианты **ба́нка, ба́нька** локализуются преимущественно в западной части обследованного региона – в псковских говорах, спорадически – в говорах Вологодской области (Устюженский, Вологодский районы). По данным СРНГ **ба́нька** 'железное кольцо, которым коса прикрепляется к рукоятке' отмечается в смоленских, брянских, курских, орловских говорах (СРНГ, 2, 97), **банка** в том же значении – в Осташковском уезде Тверской губернии и в русских старожильческих говорах Прибалтики (СРНГ, 2, 94). Кроме того фиксируется **ба́нька** 'кольцо железное или медное у збруи, калитки и на других местах или надеваемое на что-л. для прикрепления' – Банька от косы (Носович, 1878, 15). Первая фиксация лексемы **банька** 'кольцо, которым прикрепляют косу к рукоятке' относится к XVII веку: – Куплено в Торошку пятнадцать кос... дватцать банек косных. Кн. Иверск. монаст. 1665 (СлРЯ XI – XVII вв., 1, 70). Данное слово в ЭССЯ рассматривается в статье **banъka/banьka* в сопоставлении с материалом: *банка* 'сосуд' (ЭССЯ, 1, 152). П. Я. Черных сводит лексемы **банка** 'стеклянный, металический или из иного материала сосуд, чаще цилиндрической формы, с широким входным отверстием' и **банька** 'железное кольцо, которым коса прикрепляется к косовищу' в одно гнездо (Черных, 1, 70). И хотя по СРГК лексема **банка** фиксируется в Подпорожском р-не (вероятно, результат поздних миграций в этот регион), вряд ли в данном случае следует говорить об финно-угорском воздействии, хотя ср. кар. *panka* 'ручка, дужка из лозы, веревки', ливв. *paŋgu* 'обруч мерды или рюжи' (SKES, 481, 482).

Лексема **па́йка**, зафиксированная в Тихвинском р-не, вероятно отражает влияние языка тихвинских карел, хотя ср. кар. твер. *paju* 'вязка, нахлестка, скрепляющая концы грядок в телеге' (СКЯП, 197), хотя на общеприбалтийско-финской почве эта единица имеет семантику 'ива', ср. фин., кар. *paju* (SKES, 465). Однако нельзя исключать и исконность происхождения этого слова.

ТКАЧЕСТВО, ПРЯДЕНИЕ

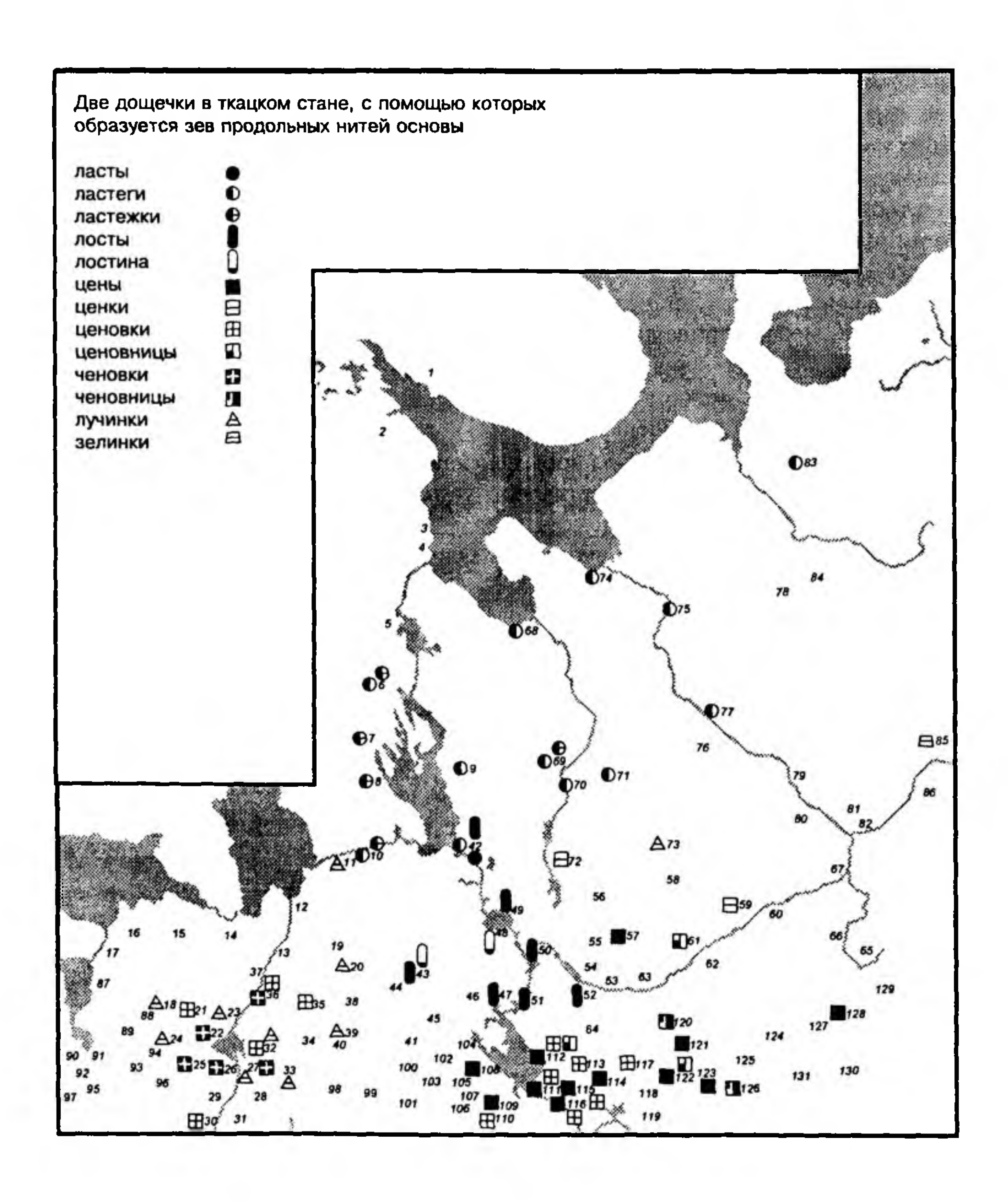
Лексика ткачества занимает важное место в народной промысловой терминологии. В русских говорах Северо-Запада доминируют наименования славянской природы (См.: Лебедева, 1956; Зеленин, 1991). Исследование данной тематической группы по лингвогеографической программе было затруднено тем, что практическое использование ткацкого стана ушло в прошлое, нечасто при полевой работе можно было его увидеть в собранном виде. Поэтому сбор лексических данных не всегда был успешен – для получения каких-либо сведений требовался информант, который занимался бы ткачеством сам либо наблюдал за этим процессом в молодом возрасте.

В Программе ЛАРНГ имеется раздел "Обработка льна, конопли. Прядение. Ткачество" (Программа ЛАРНГ. Часть первая. СПб., 1994 С. 173–189). Данная программа нацелена на получение данных, представляющих лингвогеографический интерес и в ней имеется 73 вопроса. Для наших целей, вопросы, задача которых получение неисконного материала, не могли быть многочисленными. Говоря о языковом взаимодействии на материалах данной тематической группы, следует отметить русское влияние на прибалтийско-финские языки, ср. вепс. *stavad*, *stounicad* 'ткацкий станок' (СВЯ, 522), *värtin* 'веретено' (СВЯ, 647), люд. *bird*, ливв. *pirdu* 'бердо' (Тароева, 1965: 56; СКЯМ, 269), при тождестве или сходстве процесса ткачества и реалий в нем задействованных. Исходя из выше изложенного, совершенно естественно предположить минимальное участие неисконного лексического материала в терминологии ткачества в русских говорах Северо-Запада. В качестве сопутствующих данных, не привлекаемый к лингвогеографическому анализу ввиду единичности фиксаций неисконных данных и доминирования исконных, можно привести только одну единицу: **пи́занка** 'тонкая палочка, вставляемая с закрепленной на ней нитью в вал ткацкого станка, на который навиваются нити основы'. Вытегор. (КСРГК. СРГК, 4, 506), восходящее, вероятно, к вепс. *pizaim* 'щепка' (СВЯ, 421).

Таким образом, для выявления неисконных данных по анализируемой тематической группе, было оставлено только два вопроса (в Программе ЛАРНГ они отсутствуют), лексическая манифестация которых позволяет проследить различные типы субстрата. Один из этих вопросов относится к наименованиям частей ткацкого стана: Как называются две дощечки в ткацком стане, с помощь которых образуется зев продольных нитей основы? Другой – к наименованиям приспособлений, используемых при перематывании пряжи в ходе подготовки стана к тканью: Как называется приспособление для перематывания пряжи в виде полого цилиндра, насаживаемого на ось?

Обработка шерсти в Программе ЛАРНГ представлена в разделе "Валяльное дело" (23 вопроса). Для наших целей был эмпирически выявлен один вопрос: Чесать, пушить шерсть.

КАРТА № 39
Две дощечки в ткацком стане, с помощью которых образуется зев продольных нитей основы



Комментарий

Лексическая манифестация для узко специальной реалии не слишком разнообразна, ограничиваясь тремя этимологическими рядами. В настоящее время уже довольно редко кто занимается тканьем в домашних условиях, поэтому не во всех обследованных населенных пунктах удавалось получать необходимые сведения. Ткачество русских, карел и вепсов как по нашим данным, так и по выводам этнографических источников не имело серьезных различий (Логинов, 1993, 61; Тароева, 1965, 145). И хотя наименования частей ткацкого стана в основном имеют славянские корни, анализируемая реалия представлена лексемами в том числе и неисконного происхождения.

Наиболее важен для нас ряд **ла́сты, ла́стеги, ла́стежки** (не картографируется дериват **ла́стень**, имеющий фиксацию в Медвежьегорском районе, поскольку здесь же представлены другие лексемы с тем же корнем). Все слова, зафиксированные для данной карты, даются в pl. tantum, исключая лексему **лости́на**, однако в других значениях они могут иметь форму ед. числа. Одно из основных значений единиц **ла́ста, ла́стега** – 'дранка', реализуемое далее в производной семантике 'материал для обивки лодок', 'сосновая дранка, используемая для плетения корзин'. Данный рад уже рассматривался в этимологической литературе, но на основе данных XIX века. Ср. у Даля: "**Лост, лость** или **лос**, сарга, треска, лучина, тонкая дранка, пришиваемая лошильными скобами по конопати, снаружи, к пазам речных судов. **Ло́стить** лодку, ластить , лощить, подшивать лось." (Даль, 2, 273). "**Ласти́ть** лодку, вост. лостить, лощить, залащивать, покрывать конопачение и смоленые пазы дранкой, лучиной, рейками, лосью, прибивая ее **ласти́льными, лоши́льными** скобами, железными скобами, железными скобочками, с расплющенной срединою и гвоздеватыми кончиками. **Ласти́ться**, быть залащиваему. **Заласти́ть** пазы. **Вы́ластить** лодку. **Ласт**, припас для лаще́нья судов, лост, рейки, лучина и скобки" (Даль, 2, 243). Материалы Даля в своей основе восходя к данным Опыта, ср.: "**Ласт** – материал для лащения судов. Астрах. **Ластить**. Покрывать обшивки судна тонкими дранками и приколачивать сверху небольшими скобками, чтобы не вываливалась пеньковая конопать Астрах. **Ластильный**. Употребляется при лащении ластильная скоба. Астрах."

Калима, основываясь на данных словарей Даля и Куликовского, предлагает ливвиковскую этимологию, ср. ливв. *lasta* 'дранка, планка', при фин. том же (Kalima, 1915, 150). Сюда же относит люд. *laštikot* 'планки в ткацком станке', вепс. *laštikod* 'лучины, из которых изготовляет корзины' (Kalima, 1915, там же). Впервые дал этимологию анализируемого материала в рассматриваемом нами значении Лесков, отнесший зафиксированную им лексему **ластежка** "дранки, полагаемые между нитками в ткацком станке" к кар. *lasta, lašte* 'широкая тонкая лучина, из которой делают корзины и сиденья в дровнях', кар. *lastu* 'щепка' (Лесков, 1892, 100). Фасмер разводит **ласт** "материал для обивки лодок" и **ластега** "деталь ткацкого станка", последнее возводя к люд. (см. выше) (Фасмер, 2, 463). Исходя из более обширных данных прибалтийско-финских языков, возможно говорить о вепсско-общекарельском источнике слова **ласта**, со сходным объемом семантики, ср. вепс. *last* 'расколотое полено для лучины', 'лучина для изготовления корзин', 'лучины при тканье, чтобы

нити основы не перекрещивались' (СВЯ, 278), кар. твер. *lašta* 'одна из двух планок в ткацком станке' (СКЯП. 132), ливв. *lastu* 'щепа, щепка', 'лучина для узорного тканья' (СКЯМ, 179), см. также KKS, 3, 31; ср. кроме того эст. диал. *last* 'деревянный стержень, соединяющий ось телеги', ливск. *laštá* 'отвал плуга', водск. *лassa* 'бердо' (SKES, 278), водск. *лassu* 'щепка' (VKMS, 142), ижор. *lastu* 'щепка, лучина ' (IMS, 251). Таким образом, лексемы **ла́сты, ла́стеги** с дериватами, зафиксированные в Обонежье, Поонежье, Подвинье, образуют ареал вепсско-карельского субстратного типа. Варианты **ло́сты, ло́стина** этимологически представляют тот же субстратный тип, опосредованный фонетической адаптацией смежных русских говоров с огубленный фонетической адаптацией смежных русских говоров с огублением *а/о* (см. об этом Матвеев, 1968, 121-126), причем их основной ареал расположен в Белозерье и примыкающих к нему районах.

Русские данные **лучи́нки** фиксируются в новгородских говорах, а также в Вельском районе. См. также СРНГ: **лучи́нки** "деталь ткацкого станка; две поперечные планки, вплетенные в основу для того, чтобы нитяницы не поднимали и не опускали нитей основы по всей длине ткацкого стана, а только на небольшой длине" (Вельск. Арх., Зимин, 1957, СРНГ, 17, 211).

Ряд данных **це́ны** с дериватами и фонетическими вариантами образует ареал, являющийся частью общеславянского, ср. белорус. *цыны́* 'дощечки, разделяющие нити основы на верхнюю и нижнюю части" (Зеленин, 1991, 195); чешские, словацкие. польские, украинские данные приводятся Чумаковой (Чумакова, 1959, КСРНГ). Даль, представляя лексемы **цен, цена́**, полагает, что "коренное значение этого слова утрачено, оно, должно быть, означало: ряд, ряска, порядок, слой, пучек; ныне: каждый из двух рядов основы, образующих на ткацком стану зев" (Даль, 4, 596), Следует подчеркнуть, что рассматриваемые данные широко представлены на русской территории, ср.: **цена́** 'одна из двух связанных друг с другом деревянных планок, разделяющих два ряда основы в ткацком стане' (Моск., Иванова, 1969); **це́нка** 'тонкая дощечка в кроснах, которой разделены нити основы, образуя зев' (Новосиб., СРГНО); **це́нки** 'две дощечки в ткацком станке, разделяющие основу пополам' (Кемер., Том., ССО); **це́нка** – Ценки как палочки подвид лучинок; не одна ценка, их много. Если их не будет, не будет и зева. Соликам. Перм. (Беляева, 1973). По сведениям Михайловой, **ценовки** 'две щепки, обвязанные ниткой' отмечаются в псковских говорах (Михайлова, 1969, КСРНГ), а **ценова́** 'две дощечки, связанные в одном месте друг с другом, употребляются для разделения нитей основы' (Большакова, КСРНГ). Махек, рассматривая чеш., словац. и польск. соответствия, считает их заимствованиями из средневерхненем. *schin* (Machek, 1968). Чумакова сводит свою версию к идее Даля о первичном значении слова (см. выше), а укр. *шинки* 'дощечки, делящие основу' к немецкому, но более позднему источнику (Чумакова, 1959). На наших данных была предпринята попытка закартографировать ареальную дистрибуцию с "*ц*" и "*ч*", однако, в новгородских говорах представлен их смешанный ареал, с доминированием "цокающего" варианта на всей обследованной территории.

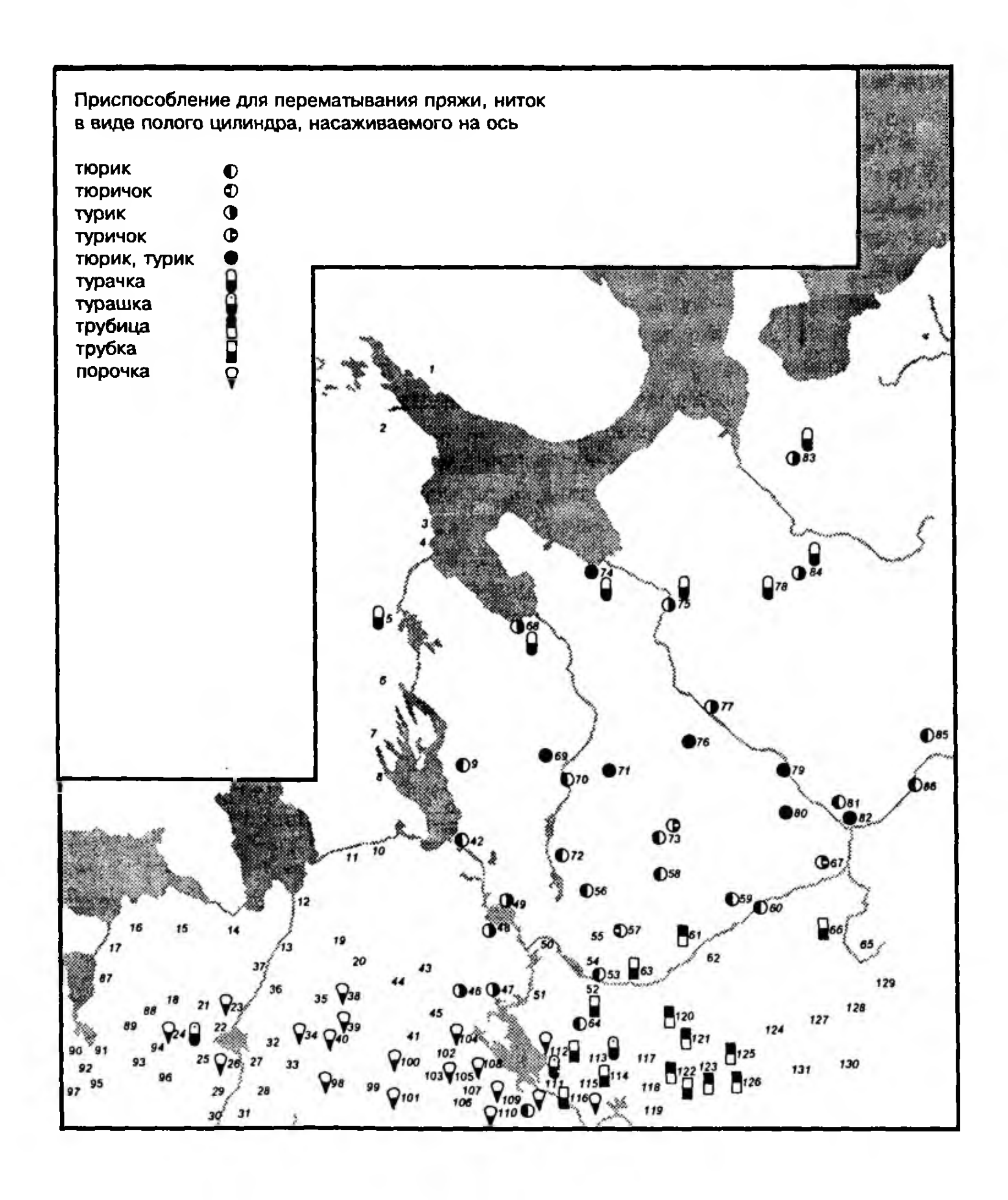
На востоке исследуемого региона фиксируются данные являющиеся отражением влияния коми языка: **зели́нка** 'одна из параллельных планок для

ниток основы в ткацком станке' (Перм., Урал, Ср. Урал, СРНГ, 11, 252), ср. также **зели́нка** 'тонкая узкая деревянная пластинка' (Ярен. Волог., СРНГ, 11, 252), **желинки** 'части домашнего ткацкого станка' (Матвеев, 1959, 57), **зелы́** 'прутья', 'дощечки, из которых собираются кадки' (Урал, Удм. АССР, СРНГ, 11, 253), **зе́лье** 'прутья, тонкие палки, рейки и т. п. (употребляются для плетения запоров, ловушек для рыбы, для разделения нитей основы при тканье) ' (Том., 1863, СРНГ, 11, 254). Следует отметить, что лексемы **зели́нка** и **зело́к**, зафиксированные, в основном на Урале, являются полисемантическими единицами (см. СРНГ, 11, 252, 253).

Однако в Ленском районе проявляется номинация, являющаяся основной на Урале для дранки, прута и т. п., входящая в это гнездо и представляющая результат влияния коми языка, коми *дзал, дзев* 'парные деревянные пластинки для регулированмя зева при тканье' (ССКЗД, 102), ср. также коми *дзав* 'дранка, дрань, планка, линейка, продеваемая между парными нитями основы', коми-язв. *ǯ'al* 'узкая деревянная пластина (ткацкая принадлежность)', коми вым., удор. *дзав*, коми луз. *дзал* 'шпулька для наматывания пряжи', при первоначальном значении к коми языке 'планка, дрань' (КЭСКЯ, 89). Матвеев рассматривает эти материалы как старое заимствование, восходящее к эловому коми-язв. диал., с переходом "*а*" в "э" в процессе фонетической адаптации (Матвеев, 1959, 24). Лексема **желинки** относится к обско-угорским заимствованиям, ср. манс *saylā*, хант. *sagəl* 'планка, прут' (КЭСКЯ, 89; Матвеев, 1959, 58; Аникин, 200, 211).

Таким образом, лексическая манифестация анализируемой реалии представлена, данными прибалтийско-финского происхождения вепсско-карельского типа с устойчивым достаточно широким ареалом (**ла́сты** с вариантами); зоной специфической адаптации вепсских источников (**ло́сты, лости́на**); точечным ареалом с влиянием коми языка, представляющим западную маргинальную часть обширного ареала, расположенного восточнее, вне обследуемого региона (**зели́нки**); славянские манифестации дистрибуированы в новгородских, ярославских, костромских говорах (**це́нки** с вариантами); собственно русские данные имеют основной ареал также в новгородских говорах.

КАРТА № 40
Приспособление для перематывания пряжи, ниток в виде полого цилиндра, насаживаемого на ось



Комментарий

Лингвогеографическому обследованию подлежали лексемы, обозначающие сходную – реалию – приспособление для перематывания пряжи, ниток с вороб. Доминируют в регионе материалы с корнем **тю́ри́к/ту́ри́к**, преимущественно занимающие его северно-восточную часть. Бурнашев для варианта **турик** дает следующие описание: "пустой деревянный цилиндр, длиною вершков 8, выгнутый из осинового дерева и имеющий в диаметре вершков 7, с укрепленными внутри его крестообразно, с обоих краев двумя брусочками, в середине которых просверлены дырочки. чтобы турик мог быть надет на ось и вертелся бы на ней как колесо". В Словаре Даля представлены несколько вариантов: "**тю́рик**, вост. и сиб. **тюря́к, тюрячёк, тура́чка** и арх. **турачек**, мотушка, кубышка (лубочная, гнутая или дуплянка) на оси, которую быстро вертят, погоняя ладонью, и наматывая на нее пряжу с воробьев" (Даль, 4, 463). Фасмер считает лексему **тюрик** неясного происхождения (Фасмер, 4, 137). Имеется, однако, сходный прибалтийско-финский материал, ср. вепс. *torvik, turik* 'вьюшка, на которую наматывается пряжа с воробов' (СВЯ, 578, 585), вепс. южн. *tord* 'приспособление для наматывания ниток, выдолбленное из осиного обрезка бревна'. Причем прибалтийско-финский материал дифференцирован на два лексико-семантических ряда, ср. фин. *torvi* 'труба, трубка, горн' (ФРС, 651), фин. диал. *torvikko* 'деревянная посуда', 'кулек, трубкообразный сверток (полотна, бересты и т. п.)' (SKES, 1537), ливв. *torvi* 'рожок', 'рулон полотна' (СКЯМ, 385), кар. твер. *torvi* 'постав, рулон полотна', 'пастушья труба, рожок' (СКЯП, 301), ижор. *torvi* 'рожок, горн (во флотском оркестре)' (IMS. 593), водск. *toro* 'труба' (VKMS, 343), эст. диал. *tõri, tõrv* 'деревянный пастуший рожок' (SKES, 1358) – где в основе лежит 'труба, трубка, рожок' и значения, вероятно, являющиеся вторичными; и ряд, в котором доминирует семантика 'приспособление для наматывания пряжи', отмеченное в вепсских диалектах (см. выше), в финских диалектах, ср. фин. диал. *tuurikka* 'рама, на которую перематывают нити основы' (SKES, 1442), кар. твер. *tuwrikka* 'тюрик, катушка для наматывания пряжи с воробов' (СКЯА, 311), кар. сев. *tuurikka* 'катушка ниток' (SKES, 1442), при сходных данных коми языка, ср. коми верхнесысол., вым., нижневычегод. *тюрик* 'катушка для ниток', удор. *турак* 'вьюшка, приспособление для разматывания пряжи', ижем. *тюречка* 'катушка для ниток', при том, что в коми языке для лексемы *тюрук* зафиксировано значение 'тюк': *дӧра тюрук* 'тюк холста' (КЭСКЯ, 294). В коми языке это гнездо рассматривается как производное от глагола, ср. коми *тюрны* 'катиться' (КЭСКЯ, 294), при сходных вепсских данных, ср. вепс. *turuda* 'катиться' (СВЯ, 585), однако авторы SKES прибалтийско-финское гнездо: фин. *tuurikka*, карело-фин. *tuuritella* 'мотать, наматывать' и другие карельско-вепсские материалы с вокализмом на [*u*], см. выше, возводят к русскому диалектному влиянию', а данные русских говоров, в свою очередь, к влиянию коми языка (SKES, 1442). Аникин, анализируя в основном сибирские русские материалы, предполагает, что источник коми слов **тюрик, тюрюк** – в русском языке, а русские данные восходят, по его мнению к источниками тюрского типа, ср. алт. *tür-*, татар. *tör-* 'скручивать, сворачивать' (ЭСТЯ, 1980, 319–320; Аникин, 2000, 578). Однако фиксация русских диалектных данных преимущественно в северорусском регионе ставит

под сомнение источник тюрского типа, как единственно возможный. Хотя, безусловно, ряд диалектных данных севернорусского ареала и смежных территорий представляют первичный источник тюркского типа: **тю́рик** 'кулек, пакет' (Волог., 1896. Киров., Коми АССР, Яросл., Костром., Холмог. Арх., КСРНГ), **тури́к** 'кулек, пакет' (Мещов. Калуж., Борович. Новг., КСРНГ), **тюри́к** 'головная повязка крестьянских девок, имеющая вид колпака' (Волог., Доп. Опыт), **тюри́к, тюричо́к** 'женская прическа в виде собранных на затылке и заколотых волос' (Онеж. Арх., КСРГК), **тюри́к** 'редька', 'репа' (Онеж. Арх., КСРГЛ), ср. тюрк. *türük*, турец. *dürük* 'сверток, свиток' (Фасмер, 4, 137; Шипова, 340). В русских говорах имеются также материалы более соответствующие источникм тюрского типа: **тюрю́к** 'сумка из писчей бумаги, какие делают школьники' (Костром.), 'мешок или вообще сума' (Нижегор.), 'колпак мешком, надеваемый на преступника при смертной казни' (Даль). Однако семантически они представляют материалы, которые не относятся к рассматриваемым данным. Действительно, значение 'кулек, пакет' и лексика с подобной семантической реализацией, представляет тюркский этимологический тип, тогда как сходные значения можно трактовать по-разному. Так, например, **тюри́к** 'женская прическа и т. д.', можно трактовать как метафорический перенос, но более вероятно, то, что эта единица является гетерогенным омонимом прибалтийско-финского типа, ср. фин. *tuuru, tuurika, tuurake* 'взлохмаченные волосы', причем на финской почве это гнездо рассматривается как исконное (SKES, 1443). Сюда же относится ливв. *tuwrupiä* 'растрепанная голова' (СКЯМ, 395).

Рассматривая ареальную дистрибуцию лексем с корнем **тюр-/тур-**, следует отметить, что единицы с различным типом вокализма не образуют ареалов с четкими границами, причем в говорах Архангельской области они сосуществуют на равных без выделения доминирующего типа. Более всего это относится к лексемам **тюрик/турик**, на карте при их совместной фиксации используется знак с полной заливкой. Вероятно, принимая финно-угорскую версию их происхождения, можно говорить о вторичности данных с корнем **тюр-**, бытование которых в русских говорах связано с позднейшим прибалтийско-финским влиянием. Прибалтийско-финское *torvik* вполне могло быть первоисточником, исходя из следующих соображений. Согласный [*v*] после [*r*] мог выпасть, ср. фин. *tarvis* 'нужда, потребность' (ФРС, 631) и вепс. *tariž* 'нужно, необходимо' (СВЯ, 561), т. е. *torvik* – **torik*. Несоответствие в типе вокализма, прибалтийско-финское [*o*] и русское [*у*], вполне преодолимо, ср. вепс. *lodo* 'мель в озере, реке' (СВЯ, 295) и русск. **луда** с тем же значением.

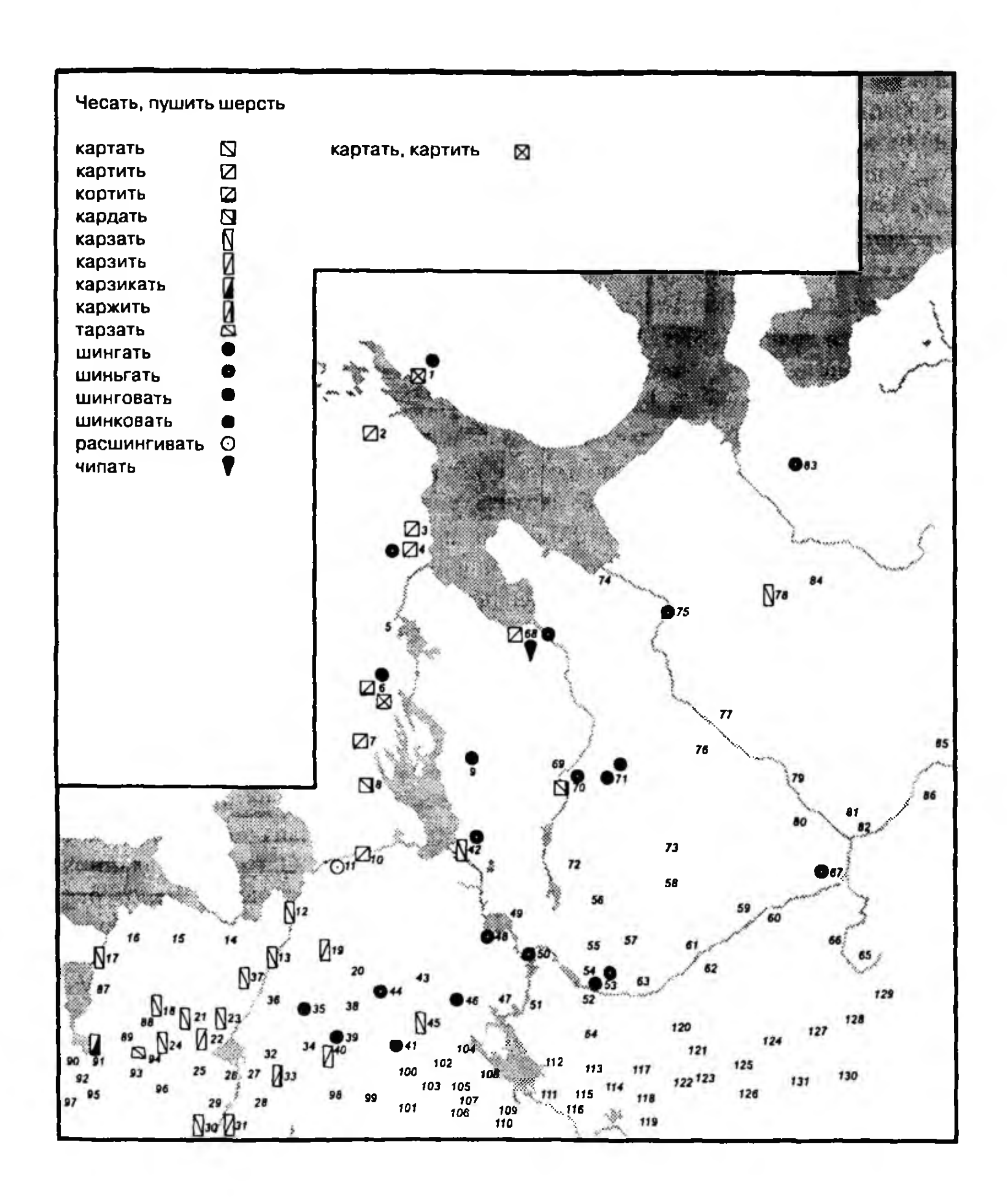
Поэтому коми *турак*, вряд ли следует относить к исконным единицами на почве коми языка, хотя варианты **турачка, турашка**, судя по ареалу являются результатом влияния данного языка. Саамские же материалы, ср. саам. *turašk*ᴬ 'катушка ниток', скорее всего русского происхождения.

Таким образом, для рассмотренных данных с корнем **тур-/тюр-** более предпочтительна финно-угорская этимологическая версия.

В новгородских, тверских, ярославских говорах доминирует лексема **порочка**, вероятно исконного происхождения, см. также СРНГ, 30, 84, 85.

Лексемы **тру́бица, тру́бка** преимущественно фиксируются в вологодских, костромских говорах. Удмуртское *турбича* 'приспособление для разматывания пряжи' (УРС, 296) является русским заимствованием.

КАРТА № 41
Чесать, пушить шерсть



Комментарий

Актуальность картографируемого концепта в трудовой жизни русского сельского населения не подлежит сомнению. Обычно шерсть сначала отмывали, просушивали, а затем вычесывали между двух щеток с железными шпильками, которые носили наименование: щети, щетки, чесалки, карды, карзы, карзалки, каржины. Для наименования действия по такой обработке шерсти использовался ряд глаголов. Наиболее частотный среди них – *чесать*, который в силу общенародного характера и высокой частотности из перечня анализируемого материала и картографирования исключается. Представленный материал дифференцируется на три субстратных пласта; первый – лексемы **ка́ртать, ка́ртить, ко́ртить, ка́рдать**, карельского происхождения, ср. кар. *kartata* 'чесать шерсть', ливв. *kartata* 'чесать на щетках шерсть'; второй – слова **ка́рза́ть, ка́рзить, карзи́кать, ка́ржить** – результат балтийского влияния, ср. латыш. *kārst* 'чесать шерсть', литов. *karšti* 'чесать шерсть, лен, чистить скребницей лошадь' (SKES, 166); третий – глаголы **ши́нгать, ши́ньгать, шинго́вать, шинковать, расшингивать** относится к вепсско-карельскому воздействию, ср. вепс. *šingotada* 'щипать, пушить шерсть', кар. твер. *šinguttua* 'бить, пушить шерсть'. Глаголы с корнем **карт- (корт-, кард-)** на карте представлены знаком без заливки, при фиксации в одном районе вариантов с разными суффиксами – **картать, картить**, употребляется совмещенный знак. Для слов с корнем **карз-** выбран близкий по конфигурации знак, поскольку этимология глаголов группы **кардать** и **карзать** сближается на общеиндоевропейском уровне, в карельско-финских диалектах слово *kartata* скандинавского происхождения, ср. швед. *karda*. В Валдайском районе отмечается вариант **ка́ржать**, что, вероятно связано с влиянием языка тверских карел, где фиксируется переход *z* > *ž*. В ареале, где сосуществует два гетерогенных глагола-омонима **ка́рзать** 'обрубать сучья' и **ка́рзать** 'чесать шерсть' в Солецком районе, концент 'чесать шерсть' представлен лексемой **тарза́ть**. Глагол **ши́нгать, ши́ньгать** полисемантичен и в разных значениях представлен практически на территории всей северо-западной диалектной зоны, а также в русских говорах Урала и Сибири. Однако в заданном концентом значении его ареал гораздо уже, это в основном Белозерье, Прионежье, Каргополье, говоры севера Новгородской области, по р. Северная Двина. Таким образом балтийский субстрат представлен в Приильменье, Поволховье, Причудье, несколько южнее Приладожья, а прибалтийско-финский субстрат имеет более широкий ареал.

РЫБОЛОВСТВО

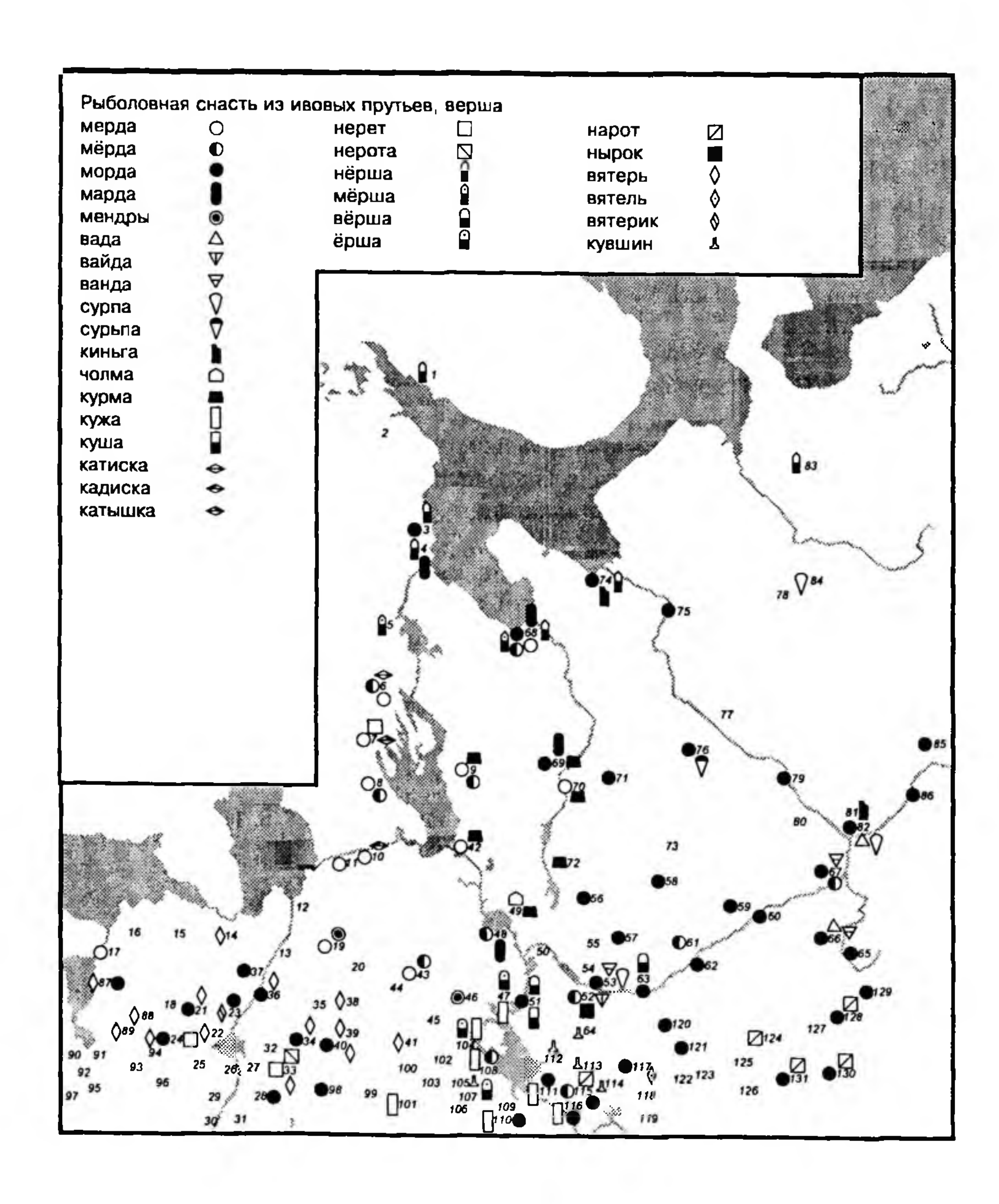
Данная тема наиболее сложна для полевого лингвогеографического обследования. Не всякий информант, являющийся носителем того или иного говора может квалифицированно дать нужную информацию. Кроме того, наличие тех или иных рыболовных снастей, а следовательно и лексических манифестаций их репрезентирующих, зависит величины водоема или его типа: ручей, река, небольшое лесное озеро, большое озеро, море. В Программе ЛАРНГ имеется 94 вопроса, большей частью сориентированных на севернорусские способы и приемы рыболовства (Программа ЛАРНГ, 1994, 195-206).

Для выявления неисконной лексики были выбраны следующие вопросы:

1. Рыболовная снасть, сплетенная из прутьев, дранки и т. п. в виде вытянутой круглой корзины с воронкообразным отверстием.
2. Рыболовная снасть в виде сети, натянутой на обручи.
3. Мотня невода.
4. Сеть с крупной ячеей.
5. Поплавок из скрученной бересты.
6. Грузило сети.
7. Рыболовный закол.
8. Колотушка для глушения рыбы подо льдом.
9. Шест с развилкой для проталкивания рыболовной снасти при подледном лове.
10. Центральная веревка, к которой прикрепляют крючки перемета.
11. Приспособление в виде решетки, подставки для огня, прикрепляемое к носу лодки при ночном лове рыбы острогой.
12. Шест с дощечкой или конусообразным пустым наконечником, которым ударяют по воде при ловле рыбы, пугая ее и загоняя в сети.
13. Деревянный поплавок над мотней невода.
14. Рыболовное орудие на налима, применяемое зимой в виде палки с крючками на конце.

Для картографирования были выбраны вопросы 1, 3, 4, 8, 11.

КАРТА № 42
Рыболовная снасть из ивовых прутьев, верша



Рыболовные снасти в виде плетеных из прутьев ловушек с одним горлом распространены повсеместно на территории Северо-Запада, что делало довольно легкой задачу сбора лексических данных, репрезентирующих манифестацию данной реалии. Традиционно такого рода ловушки изготавливались из ивовых прутьев, но могли делаться (реже) из тонкой дранки, а в последнее время из алюминиевой про-волоки. В первой половине XX века, когда еще сохранялось традиционный вид ловли с помощью рыболовных заколов, верши устанавливались в их проемы. В последнее время ввиду отсутствия такого способа рыбной ловли, верши устанавливаются вне всякого рода сооружений. Следует отметить, что обычно верши используются на небольших водоемах. Кроме того, довольно близкая по устройству, но более совершенная мережа – рыболовная снасть, изготовленная из деревянных обручей, обтянутых сетевым полотном с крыльями и несколькими горлами, может иметь сходную лексическую манифестацию; такие данные не являются предметом нашего анализа. В некоторых случаях при сохранении формы и внутреннего устройства верши изготавливались из ниток на деревянных каркасных кольцах. Поскольку, обычно, в этих населенных пунктах сохранялась традиционная верша из прутьев, такая вариантность реалии нами рассматривалась как несущественная, а отсутствие ареально значимых дифференциаций реалии по материалу изготовления, не позволило представить данный ареал на этнолингвистической карте. Безусловно, на столь обширной территории форма верши и ее некоторые детали имеют различия, которые, однако, не влияют на лингвистические характеристики описания концепта, и поэтому не учитываются.

Один из значимых ареалов прибалтийско-финского воздействия образует лексема **ме́рда**, фиксируемая в Обонежье, Посвирье, Каргополье, устье р. Онеги. В Словаре Куликовского представлено детальное описание реалии: "Делаются мерды из ивовых прутьев, переплетенных между собою и укрепленных на поперечных еловых обручах. Лов производится весной и зимой, причем снаряд ставится близ берега реки или озера" (Пудож., Куликовский). Первые фиксации слова мерда относятся к 15 веку: "... рыбные ловли на рѣке Водлѣ, въ порогѣ на Мневцѣ 25 мердъ, а ловятъ... крестьяне на себя" (Писцовы книги, 1496 - Акты историч., 3, 71); **мерда** 'рыболовная снасть, сплетенная обычно из ивовых прутьев' (Кн. п. Обон. пят. 1563, СлРЯ XI-XVII вв., 9, 95). Исторические данные также относятся к территории Обонежья. Исходя из материалов прибалтийско-финских языков можно говорить о их непосредственном влиянии, ср. ливв. *merdu* 'мережа, мерда, верша из прутьев или сети' (СКЯМ, 205), кар. твер. *merda* 'мережа, верша из сетки или прутьев' (СКЯП, 158), кар. тихв. *merda*, кар. валд. *merda*, кар. сев. *merta* 'верша (обычно из прутьев)' (KKS, 3, 293), люд. *merd*, водск. *męrta*, эст. *mȭrd*, ливск. *mǖrda, mīrda* (SKES, 341), вепс. *merd* 'мережа' (СВЯ, 327). Несмотря на то, что в лексикографических источниках по прибалтийско-финским языкам не всегда отчетливо представлена семантика единиц, составляющих это гнездо, можно сделать вывод о соответствии реалий на русской и неисконной почве, ср.: "мережа (сев. кар. rüša, люд. merež, ливв. merežu) и морда (сев. кар. merta, люд. merd, ливв. merdu) по форме похожи, но морда, делалась целиком из прутьев, а у мережи из прутьев был только каркас, обтянутый сетью" (Тароева, 1965, 38). Хотя у русских Заонежья

и, можно сказать, в целом Обонежья **ме́рда** представляет собой рыболовную снасть в виде жесткого каркаса из ивовых прутьев цилиндрической формы, который обтягивался мелкоячейной сетью, в отличие от верш, сплетенных полностью из прутьев (Логинов, 1993, 44).

Авторы SKES возводят прибалтийско-финские данные к скандинавским источникам, ср. норв. *merd*, швед. *mjärde*, при саам. лул. *miertē*, *märtē* (SKES, 341), однако, непонятно происхождение этого гнезда на скандинавской почве, Веске, напротив, полагает, что финские данные, фин. *merta* 'небольшая рыбная верша', являются источником для скандинавских (Веске, 1890, 24). Авторы SSAP уже без всяких сомнений говорят о скандинавской основе прибалтийско-финского гнезда (SSAP, 2, 161). Однако, для русских диалектных данных источником являются, вероятно, этимоны прибалтийско-финского типа.

Слово **мё́рда** следует рассматривать как вариант, развившийся на русской почве в результате перехода (*е*) в (*ö*). Причем, на наш взгляд следует различать процесс такого перехода как исторически законченное фонологическое явление, "в общерусском праязыке" (Шахматов, 1941, 114) и живой фонетический процесс в ряде говоров севернорусского наречия, когда один и тот же человек может произносить в одном и том же слове любой звук из следующей цепочки (е – е͡ᵒ – е͡о̬ – е̬͡о – ᵉ͡о – о) (Касаткин, 1999, 374). Таким образом, вариант **мё́рда**, имея в своей основе лексему **мерда**, представляет собой результат живого фонетического процесса в севернорусских говорах.

Лексему **мо́рда** можно трактовать как вариант, исторически более поздний и связанный с вариантом **мё́рда**, т. е., после того, как *е* перешло в *ö* в положении перед следующими твердыми согласными... в великорусском наречии *ö* с течением времени изменилось в *о́* (Шахматов, 1941, 114). Кроме того, нельзя исключать и омонимической атракции на возникновении формы **мо́рда**. Данное слово в значении 'рыболовная снасть, сплетенная обычно из ивовых прутьев или толстых ниток' имеет первую фиксацию под 1589 г. (СлРЯ XI-XVII вв., 9, 261), оно широко распространилось в севернорусских говорах и представляет собой доминант лексической манифестации анализируемого концепта. А также данная лексема **мо́рда** уже явилась агентом процесса обратного заимствования в финно-угорские языки: коми *morda*, удм. *morda*, *murdo* 'верша', а далее мар. *мурдâ* 'рыболовная снасть' (СМЯ, 4, 99) уже из удмурдского, а латыш. *murda*, *murds* – из ливского *mẹrda* (SKES, 341), тогда как ливск. *murd* 'верша' – обратное заимствование из латышского (SSAP, 2, 161). Данный русский диалектный материал в разных его частях уже анализировался в этимологической литературе, однако не был рассмотрен достаточно полно. Начальные этапы анализа отражены в работах Шегрена (Шегрен, 1852, 161), Веске (Веске, 1890, 24), Погодина (Погодин,1904, 43), Меккелейна (Meckelein, 1913, 50), Грота (Грот, 1876, 1, 461), Преображенского (Преображенский, 1, 525, 526), Шайжина (Шайжин, 1892, 101). На более обширном материале представлен анализ этих лексем у Калимы (Kalima, 1915, 164, 165), Матвеева (Матвеев, 1959, 15), Вострикова (Востриков, 1981, 10). Аникин отмечает дальнейшее заимствование уже русск. **мо́рда** языками Сибири, ср. якут. диал. *mōrdö* 'верша, которую ставят на ельца' (ДСЯЯ, 163), юкаг. *morte* 'морда', манс. *mortå* 'морда' (Kálmán, 1961, 193), при его досибирской первичной этимологии (Аникин, 2000, 391).

Лексему **ма́рда** с иным типом вокализма, на наш взгляд, следует рассматривать как результат саамского влияния, ср. саам. норв. *mærde*, саам. *mārtē* (SKES, 341).

Лексема **ме́ндры**, зафиксированная в Тихвинском и Кадуйском районах, также, вероятно, связана с прибалтийско-финскими данными, ср. кар. *merda* 'верша, мережа', вепс. *merd* 'то же' (SKES, 341). Предположение о расширении формантом (*-р-*) лексемы **мя́нда, ме́нда** 'сосна с толстым слоем заболони' в данном случае вряд ли возможно.

Лексема **ва́да**, отмечается по нашим данным в Котласском и Никольском районах, ее более частотная семантика – 'бредень', кроме того, в псковских говорах фиксируется вариант **ва́та** "малая сетка для ловли рыбы" (Опоч. Пск., СРНГ, 4, 67). Вполне вероятна их связь с прибалтийско-финскими данными, ср. фин. *vata* 'небольшой прибрежный невод без мотни', люд. *vada* 'небольшой донный невод', 'небольшая сеть, которой ловят лосося с двух небольших лодок', вепс. *vada* 'небольшой невод, который тащат двумя лодками', ливск. *vadà* 'невод, у которого длинные тягловые веревки и короткие крылья', эст. диал. *vada* 'невод'; они не являются исконными, а восходят к скандинавским источникам, ср. швед. *vad*, дат. *vod* 'невод', при нем. *Wate* 'невод' (SKES, 1671; SSAP, 3, 417). Однако, скорее всего не относятся сюда саам. норв. *vađđo* 'рыболовная леска', 'сеть паука', мар. *wat, wot* 'то же' и фин. *vato* 'леска на удочке' при др.-норв. *vaðr* 'леска на удочке' (SKES, 1676; SSAP, 3, 417).

Лексема **ва́нда** и вариант **ва́йда** (вероятно), ареально сконцентрированы на востоке обследуемого региона, в основном, по течению р. Сухоны, при отсутствии более западных фиксаций, что ставит под сомнение версию Фасмера о германском происхождении, ср. нов.-верх.-нем. *Want*, голл., ср.-ниж.-нем., флам. *want* 'сеть для ловли сельди, трески, пикши' (Фасмер, 1, 271). Германские источники обозначают наименования сетевых рыболовных снастей, а русские диалектные материалы – вид архаической рыболовной ловушки – верши, что также свидетельствует не в пользу этимологии Фасмера. По диалектным источникам для лексемы **ва́нда** прослеживается, в основном, значение 'верша': "Верша из талевого прутья, сплетенная; употребляется на Волге в половодье для лову стерлядей и другой рыбы" (Бурнашев); "рыболовная снасть, связанная из ниток или ивовых виц.. и имеющая конусообразную форму" (Кадн., Волог., Никол., Великоуст., Дилакторский); "плетеная из прутьев ловушка для рыб, имеет больший размер, чем морда и ставится не в езу, а где-либо около водорослей и под зарослями кустов" (Сев.-Двин., Романов); кроме того слово фиксируется в пермских, вятских говорах (СРНГ, 4, 36), а также в источниках XVIII века: "ванды делаются на подобие мереж из прутья, но только полы у них не так далекое имеют расстояние" (СРЯ, XVIII в., 2, 212). Сюда же относится, вероятно, лексема **ва́ндыш** 'сухой снеток' (Кологр., Буйск., Галич., СРНГ, 4, 37), 'снеток' (Печор., ПОС, 3, 32), 'уклейка' (р. Кама), 'бычок-подкаменщик' (Перм., СРНГ, 4, 37); такой тип номинации по виду ловушки, которой добывается рыба имеет распространение в русских говорах, ср. **сак – сакови́к** 'мелкий окунь' (ПЛГО). Однако, считая версию Фасмера неубедительной, довольно трудно предложить достоверную этимологию. Так, например, широкий ареал распространения гнезда **ванд-** уже по памятникам пись-

менности затрудняет использование метода ареальной верификации, ср.: **ванделый** 'относящийся к ловле рыбы снастью из прутьев (вандой)' (Кн. прих.-расх. Синб., 1667 г.), **вандыш** 'снеток' (Кн. расх. Бол. м., 1589 г.), **вандышник** 'рыбак, торговец вандышем' (Кн. пер. Рост., 1629 г., Сл.РЯ XVI-XVII вв., 2, 16). Хотя, на наш взгляд вполне возможно выдвинуть предположение о субстратном источнике финно-угорского типа, ср. люд. *vandeh* 'обруч/бочки, мережи', ливв. *vanneh* 'обруч / верши, мережи', вепс. *vandeh* 'обруч, каркас', при удм. *vudž, vuž* 'кривое дерево', 'дуга, дужка', коми *vudž* 'лук, самострел' (SKES, 1640), коми *вудж* 'лук для стрельбы', при общеперм. **vuǯ* 'лук, смычок' (КЭСКЯ, 69). Однако, Койвулехто предлагает для прибалтийско-финских данных германскую этимологию: герм. **wandu-z*, готск. *wandus* 'прут' (Koivulehto, 1994, 17; SSAP, 3, 407), что вносит неопределенность в место прибалтийско-финского гнезда на финно-угорской почве. Таким образом, в отношении происхождения слова **ва́нда** требуются дополнительные исследования. Сопоставление его с **ва́да** через расширение **ва́йда** и затем мену (*j*) на, (*н*) затрудняется отсутствием аналогичных примеров на других лексических данных, ср. однако, **ва́нна** 'верша' (Кадн. Волог., Дилакторский, СРНГ, 4, 38).

Лексема **су́рпа** с вариантом **су́рьпа** отмечается по рекам Сухоне, Вычегде, Северной Двине, Мезени, имея также репрезентацию в лексикографических источниках: **су́рпа** "длинный мешок из ивовых прутьев с отверстием (творилом) ставится против течения реки; рыбу заносит в сурпу течением и выйти обратно она не может вследствие напора воды" (Кадн. Волог., Иваницкий, 1890); **сурьпа** "сплетенная из ивовых прутьев конусообразная корзина, в горло которой вставляется прутяной же рукав, такой узкий в нижней части, что вошедшая в сурьпу рыба не может обратно выйти" (Шенк., Подвысоцкий, 168). В Словаре Даля представлены обобщенные данные: **су́рпа́** "нерша, нерето, морда, верша плетеная", "плетеная корзинка из прутьев" (Арх., Сиб., Даль, 4, 372). Позднейшие исследователи расширяют ареал до костромских говоров: **су́рпа** 'ловушка на рыбу' – Сурпа она длинная, узкая, ставят их только на быстрине (Пыщуг., Востриков, 1981, 24). Кроме того лексема **су́рпа** в значении 'верша' имеет фиксации в печорских, пермских, уральских говорах, а также на территории северного Казахстана и Сибири (КСРНГ). Фасмер разделяет на два омонима единицы **су́рпа** 'рыболовная снасть' и **су́рпа** 'приспособление для процеживания браги' (Фасмер, 3, 808). Аникин, справедливо корректируя Фасмера, считает их связанными друг с другом (2000, 514). Впервые наиболее аргументированную версию выдвинул А. И. Попов, полагая, что слово **су́рпа** в русском говоре села Качем около Нижней Тоймы представляет собой "пережиток" лексики древних томичей, аргументируя это тем, что слово **сырп**, заимствованное из манс. *sirp* 'вид рыболовной сети', позволяет говорить об источниках из языка финно-угорского народа, "язык которого до нас в живом состоянии не дошел" (Попов, 1955, 7, 8). Востриков, Аникин следуют этой гипотезе (Востриков, 1981, 24; Аникин, 2000, 513, 514). Манс. *sirp* через русское посредство вошло в коми язык, ср. коми *сырп* 'плавная сеть для ловли крупной рыбы (весной во время половодья)' (ССКЗД, 354), причем мансийские данные сопоставляются с фин. *surja, suurja* 'мешкообразный невод' (КЭСКЯ, 269). Однако, на финской почве этот материал также не имеет этимологического обоснования: фин. *suuria, suurja, suurio* 'мешкообразная плавная сеть, которую

используют при лосося и сига', *surja* 'небольшой невод на лосося' (SKES, 1137; SSAP, 3, 225), как не зафиксированный в других прибалтийско-финских языках. Не смотря на то, что финно-угорская природа слова **су́рпа** не вызывает сомнений, вряд ли имеется возможность говорить о каком ли определенном языковом типе, тем более прибалтийско-финского характера, как это делает Матвеев (Матвеев, 1962, 137); Хакулинен относит фин. *suuria* 'рыболовная снасть наподобие мешка' к лексическим единицам, восходящим к финно-угорскому периоду (Хакулинен, 2, 30), а русск. **су́рпа**, таким образом, следует рассматривать как лексему субстратного происхождения.

При более широких сопоставлениях, вероятно возможно сравнить финские данные с тюркскими, ср. чуваш. *сĕр* 'ловить рыбу бреднем', др.-тюрк. *сӯр*, татар. *сöр* 'ловить рыбу бреднем, неводом' (ЭСЧЯ, 189).

Лексема **ки́ньга** фиксируется на р. Вычегде и в устье Северной Двины. Скорее всего это слово связано с коми *гымга* 'морда, верша, мережа' (ССКЗД, 96), к которому напрямую восходит русск. диал. **гимга́** 'рыболовный снаряд (типа верши или морды) из тонких корней или лучинок хвойных деревьев', 'конусообразная морда из тонких щепок, наколотых из лиственницы или из кедровых и сосновых корней' (Тобол., СРНГ, 6, 172), **гы́мга** 'верша, сплетаемая из виц' (Арх., СРНГ, 7, 252). Калима, хотя и с сомнением помещает коми *gymga* 'верша, ставная сеть' в перечень русских заимствований в коми языке (Kalima, 1910, 54), также как и авторы SYRW коми *gi̮mga* 'морда, верша', трактующие слово как результат русского воздействия без приведения соответствующего этимона (SYRW, 56). Более достоверна, на наш взгляд, версия авторов КЭСКЯ, полагающих, что "скорое всего коми-зыряне заимствовали название этого рыболовного снаряда у мансийцев в тот период, когда в коми языке еще функционировало озвончение взрывных согласных... Из коми языка слово перешло в сибирские диалекты русского языка" (КЭСКЯ, 84), ср. манс. *kĕmka*, коми **ki̮mka*. См. также: Матвеев, 1964, 291; Ивашко, 1958, 90; Rédei, 1970, 106, Фасмер, 1, 406; Аникин, 2000, 165. Не исключена и следующая версия, первичная единица в коми языке *кым* 'угол', сохранившаяся в слове *синкым* 'бровь', послужила источником русского **ки́ньга** с расширением на русской почве формантом *-га*, далее была обратно заимствована в коми язык, получив более распространенную форму **ги́мга** и по путям совместных коми-русских миграций, распространилась в русских говорах Сибири.

Лексема **ку́рма** фиксируется в Каргопольском, Вашкинском, Вытегорском, Пудожском районах, кроме того, в других значениях слово представлено гораздо шире, ср. **ку́рма** "мешкообразная сеть, вставляемая в отверстие забора" (Онеж.), "рыболовный снаряд, устраиваемый на быстрых водах, снаряд из вбитых в дно реки толстых кольев, к которым прикрепляют спускаемую до дна реки сеть с мешком" (Холмог., Онеж., Шенкур., Подвысоцкий, 79). СРНГ, 16, 132; **ку́рма** "рыболовный снаряд, конусообразной формы" (Сямж., Вожегод., Сокол., СВГ, 1989, 22); **ку́рма** "рыболовный снаряд, представляющий собой конусообразную сеть, натянутую на обручи" (Плесец., Пудож., Каргоп., Вытегор., СРГК, 3, 68).

В смежных языках, по нашим данным, отсутствует сходное наименование подобной рыболовецкой снасти, однако, ареальная дистрибуция слова в контактной зоне дает возможность предположить неисконное происхождение,

при том, что источник русского диалектного слова может и не быть элементом прибалтийско-финской рыболовецкой терминологии. Поскольку, на быстром течении, отверстия в рыболовном заколе вместе со снастью, которая устанавливается в них, представляют собой вид жёлоба, канавки, то вполне возможно сопоставление анализируемого слова с прибалтийско-финским гнездом, где доминирует это значение, ср. фин. *kuurna, kurna* 'желоб водяной мельницы', 'желоб', кар. *kuurna* 'желоб', ливв. *kūru* 'желоб' (SKES, 251), вепс. *kurn* 'желоб, лоток для стока воды' (СВЯ, 248), кар. *kuura* 'желоб', 'предмет, в котором имеется желоб', *kuurne* 'то же' (KKS, 2, 495, 496). Фиксация варианта **ку́рна** 'мережа' (Вытегор., СРГК, 3, 68), форма которого довольно близка к прибалтийско-финским источникам, свидетельствует в пользу выдвинутой версии. Замена сонорных (*н*) – (*м*), вероятно, произошла уже на русской почве. Вряд ли лексему **ку́рма** следует сопоставлять со словом **кульма́** 'средняя или задняя часть бредня', 'мотня невода' с фиксацией в ярославских говорах и на юге Новгородской области (Холмский, Поддорский районы по ПЛГО) (см. о последней: Мызников, 1999, 35, 36).

Лексемы **ку́жа, ку́ша** отмечаются в Пошехонье и в смежных районах Тверской, Ярославской, Вологодской областей. Погодин сопоставляет материалы Куликовского **ку́жа** "рыбная ловушка из ветвей, без горла внутри", представленные без географии со ссылкой на Барсова, с кар. *kuuže*, фин. *kuusi* 'елка', полагая, что "на ловушку, очевидно идут еловые ветви" (Погодин, 1904). Действительно, еловые ветви клали на дно водоема у рыболовного закола у рыболовных ловушек, которые устанавливали в проемах закола, для привлечения рыбы. Так, что версия Погодина вполне имеет право на существование. Калима отвергая ее, неоправданно, на наш взгляд, сводит в одно гнездо **ку́жа** 'верша' и русск. **кудрявый**, польск. *kędzierzawy* 'кудрявый', чеш. *kužel*, русск. **кужель**, имея в виду, что в основе слова **кужа** лежит значение 'вить' (Kalima, 1913, 77). Фасмер идет вслед за Калимой (Фасмер, 2, 401).

Вероятно, более правы авторы SKES, освещая русские диалектные данные как результат финно-угорского влияния, при анализе этимологии лексемы фин. *kaha* 'корзина, корзина из прутьев', 'рыбная корзина, корзина из лучины', 'сооружение из ветвей ели на дне озера по краям которого ставят верши' сопоставляя его с мар. малмыж. *kuža* 'берестяной сосуд в аршин высотой', коми *kuža* 'верша горшкообразной формы', удм. *kož*: *kenos-kož* 'отделение в амбаре, куда ссыпают зерно' (*kenos* 'амбар'), хотя и сомневаются в направлении заимствования (SKES, 138). См. также SSAP, 1, 270. На почве коми языка слово **кужа** 'разновидность верши' рассматривается как финно-угорская единица, сопоставляясь с эст. *kaha* 'маленький невод, бредень', хант. *xuža* (ДКЭСКЯ, 411). Т. е. прибалтийско-финские данные нельзя трактовать как источник ввиду различий в типе вокализма, отмечая то, что прибалтийско-финскому (*а*) в некоторых случаях соответствует марийское (*у*), фин. *tammi* – мар. *тумо* 'дуб', фин. *savi* – мар. *шун* 'глина', фин. *parma* – мар. *пурмо* 'слепень' (см. Грузов, 1969, 106). Таким образом, лексему **ку́жа**, исходя из типа вокализма можно рассматривать как субстратную единицу марийского типа.

Лексема **чо́лма**, отмечаемая в Вашкинском районе, имеет более широкий ареал с семантикой 'мотня невода'. Она восходит к саамским источникам, (см. карту "Мотня невода").

Лексемы **ка́тиска, ка́тышка, ка́диска**, фиксируемые в Обонежье и Посвирье, представляют собой результат обратного прибалтийско-финского влияния; фин. *katiska, katsi* 'рыболовная снасть', ливв. *katisku* 'ловушка для рыбы, сделанная из проволочной сетки' (СКЯМ, 129), кар. сев. *katiška* 'рыболовный закол', кар. салм. *kadišku* 'то же' (KKS, 2, 95) являются заимствованиями из русск., ср. **коте́ц** "кошель, запруда для ловли рыбы", при укр. *коте́ць* "закол для ловли рыбы" (Фасмер, 2, 351), а затем, вероятно не так давно, рыболовецкий термин пришел уже обратно из карельских диалектов в русские говоры (SKES, 170).

Значительные ареалы имеют также данные балтийского происхождения. Одна из них лексема **вя́терь** отмечается в псковских, новгородских говорах и далее с незначительными иррадиациями в вологодских и костромских говорах. Слово представляет собой довольно старое балтийское заимствование, ср. **вятеръ, вятерь** 'рыболовная снасть, вентерь' (1571 г., СлРЯ XI-XVII вв., 3, 287), и широко распространено в русских народных говорах. Литературная форма, более поздняя – **ве́нтерь** имеет другую семантику 'рыболовная снасть в виде суживающейся мешкообразной сети, натянутой на обручи; мережа' (БАС, 1991, 2, 102). Обе русские лексемы восходят к литов. *vénteris, véntaris* 'сеть в форме мешка' (Fraenkel, 1223; Фасмер, 1, 376; Лаучюте, 10), причем в более ранней русской форме носовой преобразовался в (*'а*).

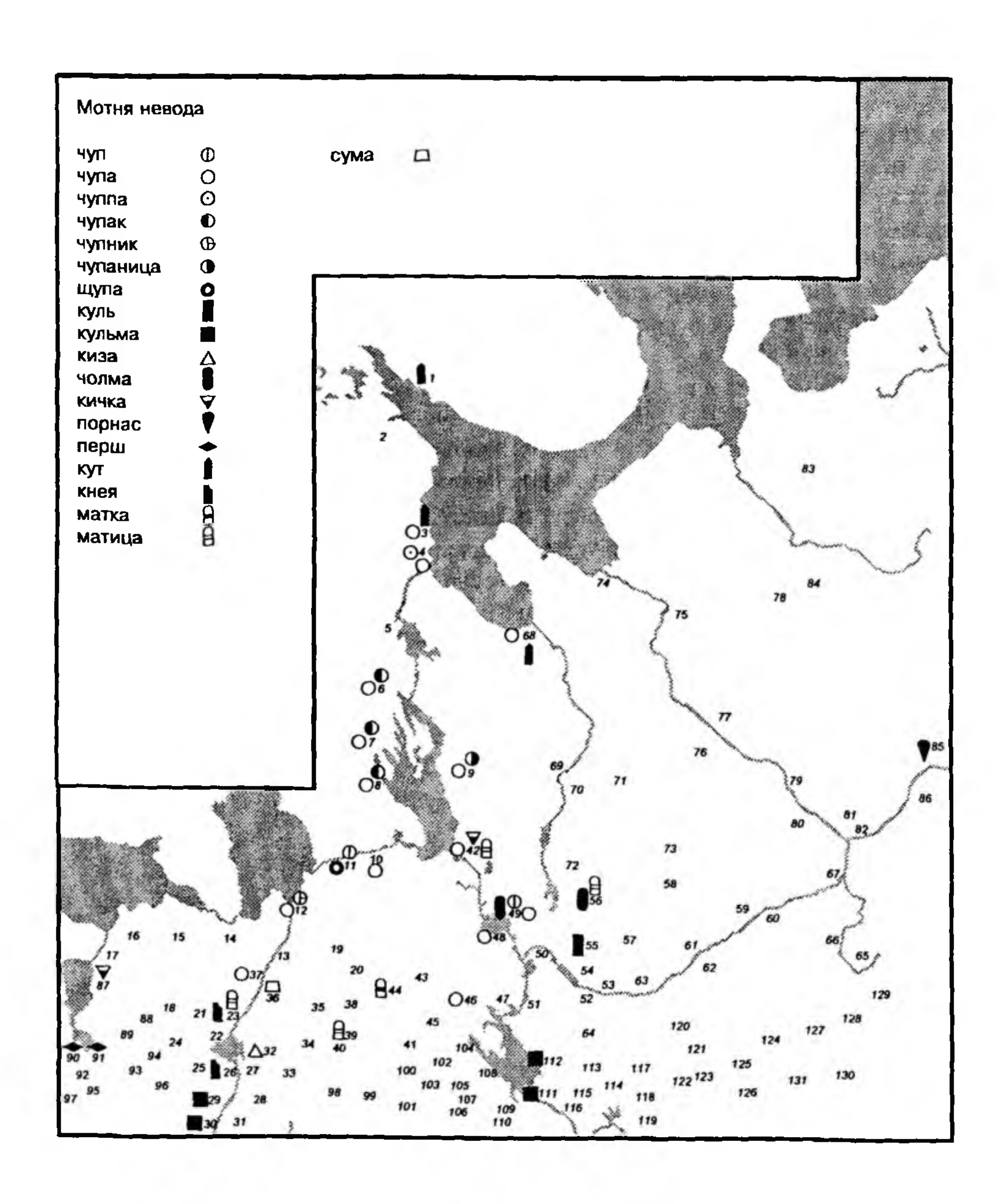
Лексемы **не́рет, неро́та, наро́т**, бытующие в Приильменье, на Валдае, спорадически в ярославский говорах и довольно устойчиво на востоке Костромской области, также имеют в качестве источника балтийский источник, Топоров видит в лексеме **норот** и других вариантах результат влияния языка голяди (Топоров, 1984, 250), при современных балтийских данных, ср. латыш. вост. *norts* 'вид сети', литов. *nartas* 'угол', *nérti* 'вязать, плести' (Fraenkel, 485, 495, 496; Фасмер, 3, 65). Вряд ли данный материал следует связывать с **ме́рда** и **мо́рда**, однако нельзя исключать контаминационных процессов (см. Матвеев, 1962, 135; Аникин, 2000, 404). Авторы ЭССЯ включают ст.-русск. **нерета** 'рыболовный снаряд, ловушка для рыбы (верша, морда)' (1674 г., Сл.РЯ XI-XVII вв., 11, 275) как рефлекс **nerta* и других вариантов в состав праславянского фонда, однако, из славянских соответствий могут привести только белорусские и украинские данные, ср. белор. *не́рат* 'мережа, верша', укр. *не́рет* 'вид рыболовной сети' (ЭССЯ, 25, 12), что не усиливает версию исконного происхождения. См. также Попов, 1957, 18-19.

Лексема **ныро́к** может являеться переосмыслением в духе народной этимологии от **не́рет, наро́т** или связана с русск. диал. **наро́к** 'металлический сачок, которым выбрасывают надолбленный лед из проруби' (Элиасов, 234); см. об этом слове: ЭССЯ, 23, 10, 11.

Лексемы **мё́рша, нё́рша**, скорее всего, представляют контаминацию **ме́рда** и **ве́рша**. Слово **вё́рша**, и связанный с ним вариант **ё́рша** не имеют частотных фиксаций, и рассматриваются на исконной почве (см. Фасмер, 1, 302).

Таким образом, лексическая манифестация по анализируемому концепту репрезентирует, преимущественно, результаты финно-угорского влияния различных языковых типов, при менее значительном балтийском пласте.

КАРТА № 43
Мотня невода



Рыбная ловля неводом представляла для населения Северо-Запада способ наиболее верной добычи рыбы, обычно, в крупных размерах. Ловля неводом производилась и в зимнее время. Исходя из важности этой реалии в жизни человека, естественно предполагать наличие устойчивых лексических манифестаций по данному концепту. Мотня невода представляет собой мешок с мелкой ячеей в центральной части невода, куда попадает рыба.

Наиболее распространенными манифестантами, по нашим данным, являются лексемы **чуп, чу́па́, чу́ппа**, отмечаемые в Беломорье, Обонежье, Белозерье, Посвирье, Приладожье. Нередко для слова **чупа́** фиксируется и специализированные значения: "узкий конец мотни, кнеи невода" (р. Онега, Заонеж., Пудож., Куликовский), "узкий конец мережи, куда идет рыба; конец рыболовной сети, завязанный веревкой" (Беломор., Сало, 1966, 267); узкий конец мотни невода и рыболовецких орудий типа мережи" (Беломор., Воронова, 1968, 117). Вполне возможно, ранее доминировала для этого гнезда семантика, в основе которой не было интегрированного обозначения рыбного мешка, мотни невода, а присутствовала номинация ею узкой части. Но в настоящее время, по данным ПЛГО, доминирует для этого гнезда репрезентация реалии, вынесенной в заголовок карты.

Калима возводит эти данные к кар. *t'šupp* 'угол', ливв. *t'šuppu* 'то же', люд. *tšupp* 'конец верши' (Kalima, 1915, 242). См. также: Сало (Сало, 1966, 268), Воронову (Воронова, 1968, 117), Фасмера (Фасмер, 4, 384), Мурзаева (Мурзаев, 1984, 621). Более обширные русские диалектные данные, с их точной локализацией, позволяют теперь исходить не из обобщения языковых типов-источников, но и приводить для различных фонетико-морфологических вариантов дифференцирующие их этимоны. Так, например, для лексемы **чуп**, бытующей в Посвирье и Белозерье, более соответствует вепсский источник, ср. вепс. *čup* 'мотня, матица невода, бредня и т. п.' (СВЯ, 65). Сюда же относится вероятно дериват **чу́пник** с фиксацией в Волховском районе.

Далее, исходя из фин. *suppu* 'задняя часть верши, вентеря', 'раструб мережи' (SKES, 1125) должна выстраиваться следующая фонетическая закономерность: фин. (*s*) - кар. (*š*) – вепс. (*č*), например, фин. *soma*, кар. *šoma*, вепс. *čoma* 'красивый, миловидный', причем в ливвиковском диалекте, где присутствует вепсский субстрат, отмечаются как (*š*), так и (*č*), ср. ливв. *šomani*, *t'šomani* (SKES, 1068) и только (*č*) в людиковском диалекте, где доминирует вепсская основа, ср. люд. *t'šoma* 'красивый'. Таким образом, карельские источники, которые приводил Калима для гнезда **чу́па́**, не являются исконными на карельской почве (см. также Kettunen, 1960, 3, 4), а чаще всего восходят к вепсскому субстрату (ливвики) либо суперстрату (людики), нельзя исключать, в ряде случаев, и саамское воздействие (северные карелы). А для лексем гнезда *suppa, suppu, soppi*, фин. диал. *soppi* 'угол у печки', 'угол между печкой и стеной, угол между печкой и дверью', 'внутренний угол', 'узкое окончание в мереже', эст. *sopp*, эст. диал. *sopa* 'угол', *sopik* 'залив' (SKES, 1075), будет сопоставимым кар. *šoppi* 'угол за печкой в избе; женская половина в избе между передней стеной и печкой', 'угол' (SKES, 1075), кар. *šoppi, suppi* 'угол за печкой' (KKS, 5, 482), кар. твер. *soppi* 'часть помещения в избе у печи' (СКЯП,

печкой' (KKS, 5, 482), кар. твер. *soppi* 'часть помещения в избе у печи' (СКЯП, 276); а ливв. *čuppu* 'угол – внешний и внутренний' (СКЯМ, 39) по типу консонантизма начальной согласной имеет вепсскую основу. Кроме того, вепсский начальный (*č*) довольно близок к саамским источникам, ср. саам. инар. *čuppa*, саам. кольск. *tšuoppA* 'конец мешка, мотня невода' (SKES, 1124), саам. *t'šūop̄pᴬ* 'внутренняя часть носа или кормы лодки', 'угол в избе', *t'šuoppēoᴷ'* 'конец залива' (KOLTKS, 696, 692). Авторы SKES рассматривая фин. *suppu* 'задняя часть верши, вентеря' включают, как сопоставимый с ним, разнородный материал, ср. кар. *t'šubukka* 'мундштук курительной трубки, головка трубки' из русск. **чубук**, так же как и водск. *šupukka* 'чубук трубки' (см. Фасмер. 4, 376); а ливв. *t'špukku* 'треугольный или круглый пирог, пирог из овсяной или ячневой муки' соотносится с вепс. *čipoita* 'щипать' (СВЯ, 59), восходящее к русск. **щипать, защипывать**.

Таким образом, лексема **чу́ппа** в русских говорах может трактоваться как единица, имеющая вепсско-саамские соответствия и источники, а карельские данные, вероятно, имеют двойственную природу – кар. *čuppa*; кроме вепсско-саамской основы не исключено и обратное русское воздействие.

Лексема **щу́па**, отмеченная в Лодейнопольском районе, вероятно, передает ливвиковский тип консонантизма – (*š – ш – 'ш*).

Лексема **чо́лма**, бытующая в Вашкинском районе, на более широком ареале фиксируется в других значениях: 'пролив', 'залив', 'верша', 'задняя суживающая часть мережи' (Плесецкий, Каргопольский, Вашкинский районы). Впервые предположение о саамском источнике данного материала высказал Калима (Kalima, 1912, 93), а Итконен уже приводит конкретный саамский материал, который можно рассматривать в качестве этимонов, ср. саам. патс. *tšoalm̄e*, саам. кильд. *t'šuəlme* 'пролив' (Itkonen, 1932, 60). Фасмер подтверждает выводы Калимы и Итконена (Фасмер, 4, 371). Хотя саамские данные семантически расходятся с русскими диалектными, вполне можно, допускать расхождения такого рода, поскольку речь идет о саамском субстрате белозерского типа. Данные прибалтийско-финских языков подтверждают фонетическую принадлежность русских диалектных данных к саамскому типу, ср. вепс. *saum, soum, sām* 'угол дома (внутренний и внешний)' (СВЯ, 500), вепс. *soum', sal'm* 'пролив, мелководная часть между двумя мысами' (СВЯ, 520). Причем, вероятно, семантически ближе к русским диалектным данным вепс. *saum* 'угол', что при саамской передаче принимало бы форму **čalma*, а затем уже на русской почве могло преобразовываться в лексему русск. **чо́лма**. Изучение места вепсских данных в прибалтийско-финском континууме разводит их по различным этимологическим гнездам, вепс. *sal'm* 'пролив' сопоставляется с фин. *salmi*, ливв. *šalmi*, люд. *sal'm*, *saлm*, эст. *salm* 'пролив' (SKES, 956), при саам. *čoalbme* 'пролив' (KOLTKS, 671); а вепс. *saum* 'угол' авторы SKES включают в гнездо фин. *salvain* 'угол', кар. *šalmo*, кар. твер. *sамало* 'внешний угол здания', 'угол', 'сруб', люд. *saлme, saлamo, saлmag, saumago* 'внешний угол строения', эст. диал. *sal'm* 'стойло для скота' при саам. лул. *salvō* 'дерево с двумя развилками', саам. норв. *salvo* 'зарубка в верхней части бревна' (SKES, 958, 959). Как видно из приведенных данных, вепсские материалы представляют собой гетерогенные омонимы, но

дифференцирующая их семантика позволяет развести и русские диалектные данные. Анализируемое значение 'мотня невода' и связанные с ним 'залив', 'верша', 'задняя суживающая часть мережи' сопоставляются с вепс. *saum* 'угол', но трактуются как результаты саамского субстратного влияния (исходя из типа консонантизма начальной согласной русского **чóлма**); **чóлма** 'залив' обстоятельно анализируется на топонимическом материале (см. Керт, 1960, 91; Матвеев, 1979, 8; Муллонен, 1988, 80).

Вепс. *čoцm* 'верша' предпочтительнее рассматривать как обратное русское заимствование (СВЯ, 63).

Лексема **перш**, зафиксированная на Псковском озере, вероятно, представляет собой результат субстратного влияния прибалтийско-финского типа, ср. водск. *perze*, эст. *perse* 'задняя часть, нижняя часть, дно', ливв. *perse, perše, perze* 'задняя часть, дно мешка, посуды' (SKES, 525). Более поздние русские данные: **пéрзя** 'прозвище брюхан' (Черепов. Новг., 1898, СРНГ, 26, 281), **перзáк** 'толстяк' (Подпорож., СРГК, 4, 478) являются уже результатом адстратного влияния и восходят напрямую к вепсским источникам, ср. вепс. *perze* 'зад (часть тела человека)' (СВЯ, 409).

Лексема **пóрнас** фиксируется также у Подвысоцкого: "Задние углы язового частика называются порнасами, ед. ч. пóрнас" (Подвысоцкий, 186). На наш взгляд, она представляет результат влияния коми языка, ср. коми *бӧр* 'зад, задняя часть' (ССКЗД, 25), **-ас** можно трактовать как показатель, множественного числа, или коми *пӧрт* 'котел' (ССКЗД, 300), при удм. *пурты* 'котел', саам. норв. *boarte* 'корзина, короб из бересты' (КЭСКЯ, 229). Однако, нечастотность фиксаций не дает возможность говорить о достоверности выдвинутых версий.

Лексема **кульмá**, отмечаемая в Пошехонье и на юге Новгородской области (Поддорский, Холмский районы), фиксируется также и в брянских говорах: **кульмá** 'средняя или задняя часть бредня' (Новозыбковский район, СРНГ, 16, 74), хотя отсутствует в картотеке Словаря брянских говоров. Ранее предпринималась попытка развести данные, отмечаемые в ярославских и новгородских говорах, связав их соответственно с коми *кулӧм* 'ставная сеть', 'мережа' (ССКЗД, 179) и с прибалтийско-финским гнездом, ср. фин. *kulma* 'угол' (SKES, 234), ливв. *kulmu* 'наружный угол' (СКЯМ , 163), кар. твер. *kulma* 'внешний угол', 'край леса' (СКЯП, 121) (см. Мызников, 1999, 35-37). Однако, схожие славянские и балтийские материалы, к которым, вероятно можно причислить русск. диал. **куль** (Харовский район), **куль** 'центральная часть невода' (Свердл., СРНГ, 16, 72), польск. *kul* 'мешок рыболовной сети' (Brückner, 1877, 99), укр., белорусск. *куль*, литов. *kulìs*, латыш. *kule* 'мешок' (Фасмер, 2, 412; Fraenkel, 306), а также нехарактерное для финно-угризмов ударение на последнем слоге, поставили на передний план предположение о славянской этимологии лексемы **кульмá**, состоящей в таком случае из корневой морфемы **куль-** и форманта **-ма**. Балтийские данные традиционно рассматриваются как славянские заимствования, при латин. *culleus* 'кожаный мешок, бурдюк' (Фасмер, 2, 412).

Лексема **кúчка** фиксируется в Гдовском и Вытегорском районах; трудно сказать, находятся ли в прямой связи **кúчка** 'заплетенные в косы или

собранные в пучок и закрученные на макушке или затылке волосы' (Твер., Дон., Моск., СРНГ, 13, 247) и ки́чка 'нос, передняя часть речного судна, баржи' (Перм., р. Волга, Кама, СРНГ, 13, 147). Последнее значение может быть связано с ки́чка 'мотня невода', которое Фасмер не анализирует (Фасмер, 2, 241, 242). Однако вряд ли этот материал следует сопоставлять с финно-угорскими данными, ср. фин. *kiita* 'щит из дранки в рыболовном заколе', восходящее, в свою очередь к скандинавскому влиянию, ср. др.-норв. *skíða* 'расколотое дерево, полено' (SKES, 192).

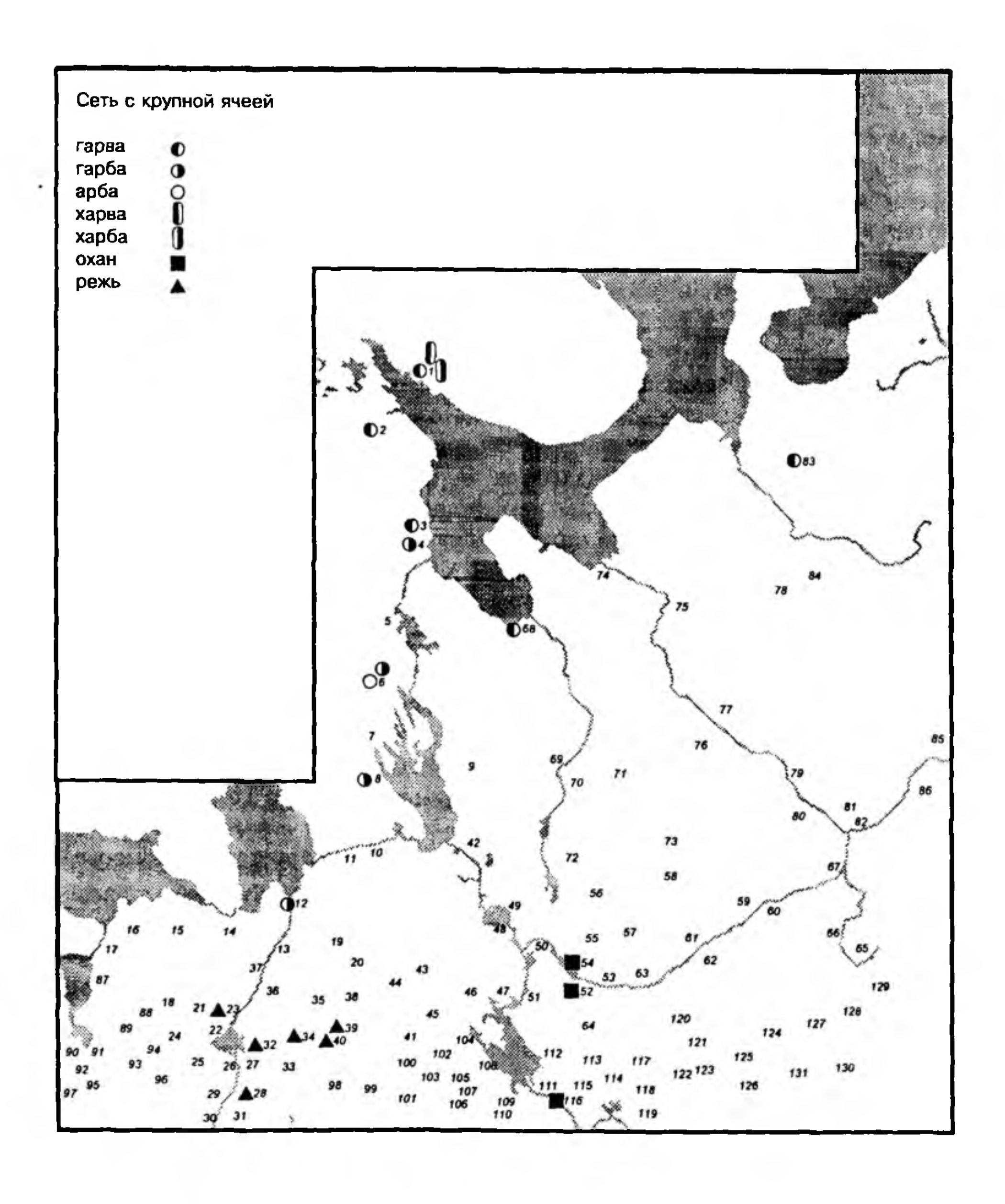
В Беломорье, кроме прибалтийско-финских данных, отмечается лексема **кут**, раннее значение которой 'угол' фиксируется в памятниках письменности: **кутъ** 'угол (в каком-либо помещении)' (XV в., СлРЯ XI-XVII вв., 8, 146). См. Фасмер, 2, 432.

Лексемы **ма́тка, ма́тица, сума́,** с исконной мотивацией, не являются ареально значимыми единицами.

Таким образом, наиболее значительным лексическим материалом неисконного происхождения являются прибалтийско-финские данные, менее саамские и коми языка.

Лексема **ки́за**, отмеченная в НОС также и в значении 'мешок со шнурком для ношения на шее' (Крестецкий район, НОС, 4, 40), явно связана с **киса́** 'сумка, мешок, котомка' тюркского происхождения, ср. татар. *kisä*, тур. *käsä* 'кошелек' (Радлов, 2, 1159), причем тюркские данные возводятся к араб. *kis* 'кошелек' (Фасмер, 2, 239).

КАРТА № 44
Сеть с крупной ячеей



Комментарий

Материалы этой карты не слишком разнообразны и фиксация их обычно связана с говорами, территория бытования которых расположена в непосредственной близости с крупным водоемом, поскольку рыболовная сеть с крупной ячеей предназначена для ловли рыбы больших размеров. Наиболее обширный, ареал имеют лексемы **га́рва, га́рба**. Вариант **га́рва** представлен в Опыте: "сеть для ловли семги, окрашенная обыкновенно ольховою корою и имеющая длины около десяти, а ширины от двух до трех сажень" (Кем., Кольск., Опыт); в Словаре Подвысоцкого: "ставная, для ловли семги, сеть на кольях, длиною 10-15, шириною в 1-5, а вышиною в 1 сажень, отороченная сверху и снизу тетивою, и прикрепляемая к верхней тетиве веревочкою..., на которую нанизывают верхний ряд ячеи сети, привязывая.. (эту веревочку) к тетиве узлом через каждые три ячеи. Гарвы окрашивают красною из ольховой коры краскою и ставят их по несколько рядом, в небольшое между собой расстоянии, ребром к берегу. Ячеи в гарвах крупные, в 2,5-4 вершка... Гарва образует сетяную в воде стену, на которую устремляющаяся вверх по реке семга натыкается и завязает в ячеях. Гарвы бывают морские, в несколько верст длины... и речные" (Онеж., Кем., Кольск., Мезен., Подвысоцкий, 30). Лексема **гаръва** 'снасть для ловли рыбы' – Рыбная ловля ловити... осмью луки, четырмя неводы и поѣздами и гарвами. Давати съ тои со всее рѣчные ловли съ четырехъ неводовъ и съ поѣздов и съ гаровъ четвертая рыба (Порядн. Фед. Мал., 1577, Срезневский, 3, 71), ср. также **гарва** 'ставная сеть для ловли крупной рыбы' (Кн. писц. Обонеж. пятины, 1563, СлРЯ XI-XVII вв., 4, 11), **гаровная** сеть, **гаровные** места (1671, 1478-1480, СРЯ XI-XVII вв., 4, 11). Е. П. Андреева, отмечая слово **гарва** в документах Кириллово-Белозерского монастыря, говорит о заимствовании этой единицы "белозерскими говорами XVI века из соседних беломорских диалектов" (Андреева, 1984, 87). Однако, сведения, где фиксируется лексема **га́рва** относятся к документам по Кольскому полуострову: "рыбная ловля ловить на устъ Унбы рѣки (Порядн. Фед. Мал. и его товарищей с Кир. мон., 1577), что лишь свидетельствует о ее употреблении в кольских русских говорах.

В современных русских говорах вариант **га́рва** фиксируется в Беломорье, а **га́рба** – преимущественно в Обонежъе и Приладожье.

Кроме того, у И. И. Срезневского не совсем корректно восстанавливается заголовочная единица **харъ** при иллюстрации: – А брати имъ та десятая рыба семга со всяково улову... со всякихъ ловцовъ, съ неводчиковъ, и съ харовъ, и съ рѣчныхъ заборовъ (Срезневский, 3, 1363 под 1582 г.). Ср., однако иллюстрацию для слова **гаръва**: "и с гаровъ четвертая рыба" (см. выше), где генетив множественного числа такой же, как и у рассматриваемой единицы. Исходя из этого возможно восстановить форму номинатива **ха́рва**, с другим типом консонантизма в первом слоге. **Ха́рва** "сеть, невод на семгу" фиксируется в Архангельской губернии Далем (Даль, 4, 558), а также на Кольском полуострове: **ха́рва** "крупноячейная сеть для ловля семги, натягиваемая... на колья, вбитые в дно водоема" (Ловозер., Терек., Меркурьев).

Данный материал имеет давнюю традицию изучения. Грот и Подвысоцкий предпочитают скандинавскую версию его происхождения, ср. сканд. *garn* 'рыболовная сеть' (Грот, 1876, 471; Подвысоцкий, 30). Калима считает эту

версию ошибочной и относит материал к карельско-вепсскому влиянию, ср. ливв. ген. *harva-*, вепс. *harv* 'сеть с крупной ячеей' (Kalima, 1915, 91). См. также Фасмер, 1, 392, 393; 4, 224. В прибалтийско-финских языках это гнездо имеет значение 'редкий, нечастый': кар., фин. *harva*, ливв. *harvu*, люд. *harv*, вепс. *harv;* ср. также саам. терск. *xairv* 'сеть с крупной ячеей на семгу', морд. эрз. *tšuro*, мокш. *šură* 'редко, редкий', удм. *šer* 'редкий', хант. *tūrǝ̄p* 'редкий (лес, сеть)' (SKES, 60, 61). Вероятно, в прибалтийско-финских языках слово *harva* было атрибутивом, либо частью композита, ср. ливв. *harvu verko* 'сеть с крупной ячеей' (СКЯМ, 60), вепс. *harvsil'meine verk* 'сеть с редкой ячеей' (СВЯ, 108), при заимствовании эта единица в русском языке получила субстантивное значение и форму – вид рыболовной сети. Русские диалектные и исторические данные фиксируются с начальными (*г*) и (*х*), что объясняется различным произношением фонемы (*h*) на прибалтийско-финской почве и, следовательно, не тождественной адаптацией ее в русских говорах; вариант **га́рва** – более частотный, **га́рба** – более близок к вепсским образцам, **ха́рва** – к карельским. Вариант **а́рба,** отмеченный в Медвежьегорском районе (см. также СРГК, 1, 21), несмотря на соответствие в водск. *arvȁ* 'редкий, нечастый': – Arvȁ verkkȍ pēn kala ep pūtu (Редкая сеть – мелкая рыба не попадет) (VKMS, 10), является единицей, которую не следует рассматривать на этой почве.

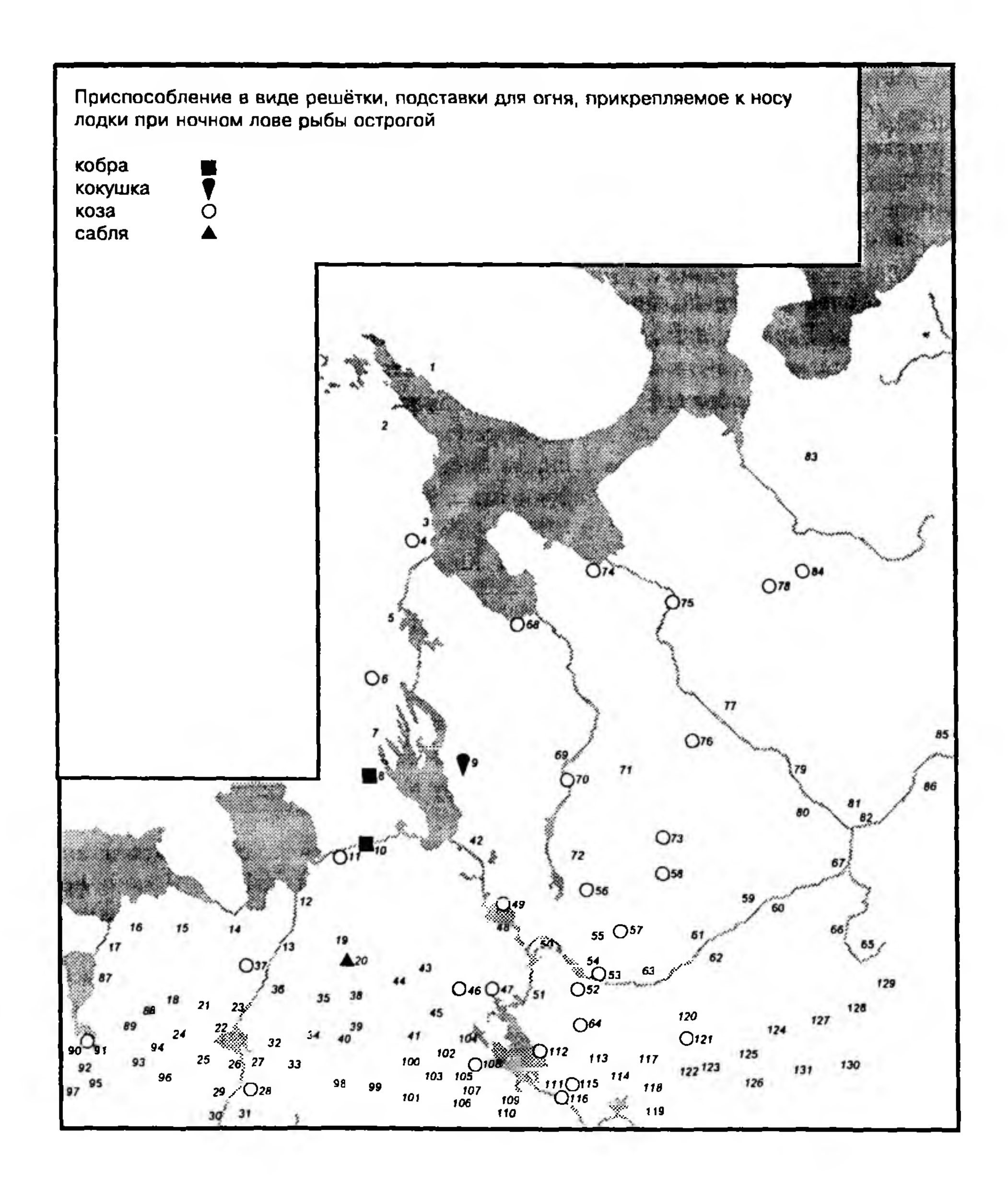
Лексема **оха́н, аха́н** по памятникам письменности известна с XVII века: **аханъ (оханъ)** 'двойная сеть с крупными ячеями для ловли красной рыбы' (Астрах., 1614, СлРЯ XI-XVII вв., 1, 58); фиксируется она в источниках XVIII века: **аха́н** – "*для ловли белых рыб Камские рыболовцы употребляют* особливые снасти, называемые Аханы, которыя ни что иное, как редкие сети из конопляной жилки сплетенныя" (СРЯ XVIII в., 1, 119). По диалектным источникам сходные данные отмечаются шире фиксаций на карте, ср. **оха́н** "рыболовное орудие в виде сетчатого мешка на длинной рукоятке" (Вожегод., Сокол., Усть-Кубен., СВГ, 1993, 105), **аха́н** "ловушка на рыбу" (Верхнетоем., Холмогор., СГРС, 1, 25). Кроме того слово **оха́н** 'большая сплавная сеть; рыболовная сеть для крупной рыбы' бытует в говорах Сибири и Дальнего Востока, см. СРНГ, 25, 25.

Фасмер не дает определенной этимологической версии, предполагая славянское или тюркское происхождение слова (Фасмер, 3, 175). Аникин, не приводя этимонов, говорит о греческом или иранском источниках (Аникин, 2000, 433). На наш взгляд более вероятна тюркская версия, ср. тюр. **aγ* 'сеть для ловли птиц, рыб', где *-ан* суф-фикс на русской почве (СГТЯЛ, 418, 419).

Лексема **режь,** отмечаемая в новгородских говорах, имеет прозрачную внутреннюю форму.

КАРТА № 45

Приспособление в виде решетки, подставки для огня, прикрепляемых к носу лодки при ночном лове рыбы острогой



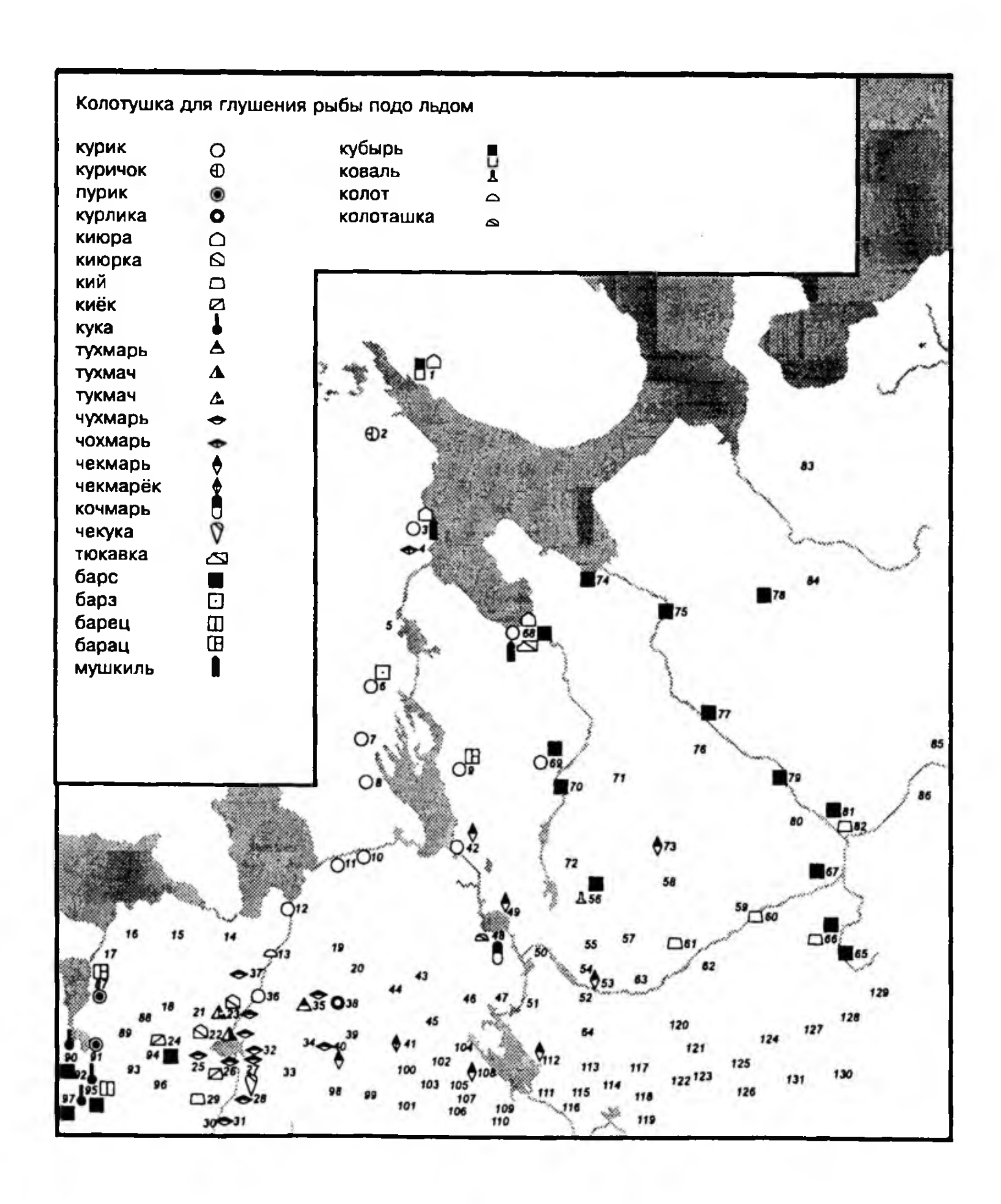
Комментарий

Лов рыбы острогой был распространен не повсеместно. Обычно с острогой выезжали в темную осеннюю ночь, когда температура воды уже снизилась, а прозрачность ее улучшилась. Такой вид рыбной ловли был в ходу как у славян, так и у прибалтийско-финских народов (см. Зеленин, 1927 (1991), 101). Однако, в настоящее время он находится под запретом, исходя из чего многие информанты отказывались говорить на эту тему.

Зафиксированный материал довольно однороден, доминирует для обозначения анализируемой реалии русск. **коза́**, с большей частотностью представленное в восточной части изучаемого региона. Неисконная лексика выявлена только в Обонежье и Посвирье. Слово **ко́бра**, отмеченное в Подпорожском и Прионежском районах, вероятно, связано с вепсско-ливвиковским влиянием, ср. вепс. *kobr* 'приспособление для огня при лучении рыбы' (СВЯ, 212), ливв. *kobru* 'устройство для костра на носу лодки, лапа' (СКЯМ, 147). Сходная лексика, обозначающая такое же устройство отмечается у северных карел – *tuolahaš-kobra* и людиков – *kobra* (Тароева, 1965, 37).

Слово **коку́шка**, зафиксированное в Пудожском районе, возможно, связано с кар. *kokka* 'нос лодки', 'острие, кончик, угол' (KKS, 2, 285), ср. также фин. *kokka* 'рыболовный крючок' (SKES, 208), кар. *kokka* 'костер' (KKS, 2, 285). Слова вепс. *kobr* и ливв. *kobru* на уровне своих языков представляют результат метафорического переноса, основное значение 'горсть, пригоршня'; в то время, как лексема **коку́шка** базируется на метонимическом переносе уже на русской почве.

КАРТА № 46
Колотушка для глушения рыбы подо льдом



Комментарий

Приспособление для глушения рыбы подо льдом в виде небольшой дубинки или деревянного молота использовалось осенью в начале ледостава. Под первым прозрачным льдом можно было легко увидеть рыбу, которая в холодной воде обычно стояла неподвижно. После удара колотушкой по льду оглушенная рыба переворачивалась брюхом кверху, в этот момент следовало довольно быстро проделать отверстие во льду и вытащить рыбу. Нередко для проделывания отверстия использовался топор, который позднее стал являться единственным орудием для такого рода добычи рыбы, для глушения и проделывания отверстия. Колотушка в виде дубинки, кроме того, могла использоваться при колке дров, ее ударяли по обуху топора, в том случае, когда полено плохо кололось. Колотушка в виде деревянного молота могла также применяться для разбивания глинистых комьев земли на пашне, при устройстве глинобитной печи. Однако, твердой закономерности о том или ином функциональном предпочтении в зависимости от вида колотушки зафиксировать не удалось. Исходя из этого, было решено отказаться от этнолингвистической интерпретации данного материала, а основываясь на интересующем нас функциональном применении для ловли рыбы, картографировать обобщенное понятие, вынесенное в заголовок карты, а не разновидности реалии.

Среди материалов данной карты наиболее обширный ареал имеет лексема **ку́ри́к,** фиксируемая в Беломорье, Обонежье, Кенозерье, Посвирье, Поволховье. Первая фиксация этого слова относится к середине XIX века: **кури́к** "древокольная палка, которою бьют по обуху топора, чтобы расколоть полено, колотушка" (Арх., Опыт). Калима вслед за Веске, Лесковым, Погодиным возводит эту лексему к карельским источникам, ср. ливв. ген. *kurikka-*, люд. *kurikk* 'колотушка, дубинка' (Kalima, 1915, 143; Веске, 1890, 90; Лесков, 1892, 100; Погодин, 1904, 37; Meckelein, 1913, 46). Этой же версии придерживается Фасмер (Фасмер, 2, 425). На прибалтийско-финской почве данное гнездо широко представлено, ср. вепс. *kurik* 'колотушка для колки дров' (СВЯ, 247), ливв. *kurikku* 'дубина, колотушка, деревянный молот' (СКЯМ, 166), кар. твер. *kurikka* 'деревянная колотушка' (СКЯП, 123), фин. *kurikka* 'дубина', водск. *kurikka* 'дубинка', эст. *kurik* 'дубина', саам. инар. *kūrah* 'колотушка, дубинка' (SKES, 244). Однако, вряд, ли может быть признана удовлетворительной версия о родстве анализируемых прибалтийско-финских данных с фин. *kuras* 'нож' (SSAP, 1, 447).

Лексему **ку́рлика,** вероятно, следует возводит к диалекту тверских карел, она фиксируется в Хвойнинском районе, зоне карельского субстрата. Вставной (*л*), скорее всего, является результатом фонетической адаптации на русской почве, кар. твер. тихв. *kurikka* 'дубинка, вытесанная из одного куска дерева' (KKS, 2, 464).

Лексема **пу́рик** фиксируется в Гдовском районе, на побережье Чудского озера, а также Псковского озера. В источниках фиксируется другая функциональная направленность денотата: **пу́рик** "деревянный молоток для забивания кольев при устройстве рыболовных заколов" (Пск., Чудск. оз., Кузнецов, 1912-1914, СРНГ, 33, 136). Исходя из семантического тождества лексем **ку́ри́к** и **пу́рик** можно предположить и их этимологическое родство,

при том, что начальное гдовское (*п*) соответствует начальному (*к*), с более широким ареалом. Причем, гдовское слово может представлять собой результат влияния субстратного типа прибалтийско-финской природы. Вряд, ли следует сопоставлять близкие по форме эстонско-водские данные, ср. водск. *pulik* 'колышек, колок, палочка' (VKMS, 249), эст. *pulik(as)* 'то же' (EstNED, 97), ввиду серьезных различий в семантике.

Также возможно трактовать как единицу прибалтийско-финского происхождения лексему **киюра,** отмечаемую в Беломорье, тогда как дериват **киюрка** фиксируется в Приильменье. Калима вслед за Сирелиусом сопоставляет материалы Подвысоцкого – **киюра** "тяжелый, оплетенный вичьем камень, которым вбивают в дно реки колья при устройстве забора" (Онеж., Кем., Подвысоцкий, 63), с фин. *kiura* 'каменный топор', эст. *kiuru* 'камень, скала', смущает его, однако специализированное значение русского слова (Kalima, 1915. 120; Sirelius, 1906, 341). Фасмер следует за Калимой (Фасмер, 2, 243). Приводимое Калимой слово отсутствует в SKES и SSAP, а тот факт не позволяет подтвердить направление заимствования. Однако, представленные на карте лексемы **кий, киёк** не следует сводить в гнездо **киюра,** поскольку они рассматриваются отдельно на славяно-балтской почве, ср. русск. диал. **кий** "приспособление в виде большого деревянного молота, используемое для глушения рыбы при зимнем лове, а также при кладке печей, утрамбовывании земли и т. д." (Южн. Сиб., Сиб., Краснояр., Тобол., Свердл., Урал, Перм., Тюмен., Арх., Волог., Новг., СРНГ, 13, 204), белорусск. *кій*, укр. *кий* 'палка, дубинка', болг. *кúяк* 'гиря', чеш. *kyj* 'кий, палка', польск. *kij* 'палка, посох', при литов. *kūjis* 'молоток', латыш. *kūj* 'палка, дубина' (Фасмер, 2, 231), восходящее на балтийской почве к литов. *káuti* 'бить, сечь, убивать, разрушать' (Fraenkel, 1, 232).

В псковских говорах фиксируется лексема **кýка,** восходящая напрямую к балтийским источникам, ср. литов. *kúokas*, латыш. *kûoks* "палка с утолщением на одном конце для игры или глушить рыбу" (Лаучюте, 1982, 144). Фасмер, сопоставляет русск. **кýка** 'кулак' и литов. *kukà* 'дубинка' с болг. *кука* 'крюк', сербохорв. *кŷка* 'крюк' (Фасмер, 2, 403, 404). Она не выходит за пределы псковского ареала по нашим источникам, что свидетельствует в пользу предлагаемой версии.

Лексемы **барз, барс, бáрец, барáц** фиксируются спорадически на обширной территории: в гдовских, псковских, вологодских, архангельских говорах. Кроме того сходная лексика отмечается вне региона обследования: **бáрша** 'деревянная колотушка для колки дров' (Брас. Брян., СРНГ, 2, 123), **бáрчик** 'молоток' (Морш. Тамб., СРНГ, 2, 123). Трудно сказать, относится ли сюда же лексема **барсъ** 'санное полотно' (1589, Срезневский, 1, 43). Этимология лексемы **барс** (как основной, наиболее распространенной единицы) весьма трудна для анализа ввиду ее широкой ареальной дистрибуции. Неясен также ее ядерный ареал, ср. **барс** 'деревянная колотушка, используемая при колке дров', фиксируется на р. Волге (Свияж. Казан., Зеленин, СРНГ, 2, 120). Хотя для значения 'тяжелая деревянная колода, используемая для забивания клиньев при получении масла из льна, конопли' лексеме **барс** Зелениным указывается ее севернорусский ареал (Зеленин, 1991, 125). Однако, первоначально следует сразу отказаться от некоторых

возможных версий. Вряд ли имеет отношение к рассматриваемому материалу нем. *Barte* 'широкий топор, секира, боевой топор', при др.-верхненем. *barta* 'топор, нож' (около 1000 г.), др.-сканд. *barða* (EWD, 1, 129), при древнерусском соответствии – **брады, брадъвь** 'секира' (Срезневский, 164).

На наш взгляд, также не относятся сюда следующие прибалтийско-финские данные, ср. фин. *varsi* 'ручка, черенок', люд. *varž* 'рукоятка, ручка', вепс. *varž* 'рукоятка' (SKES, 1659, 1660), ввиду различий в форме и семантике.

Не относятся сюда напрямую и тюркские данные, ср. тур. *balta*, др.-уйг. *baltu*, тув. *baldy*, якут. *balta* 'топор' (СГТЯЛ, 397).

Кроме того, являются вторичными такие данные как коми ижем. *барс* 'большая деревянная колотушка, чекмарь' (ССКЗД, 18); морд. эрз. *барца* 'колотушка, деревянный молоток' (ЭРВ, 74) хотя и соответствует русск. диал. **ба́рчик** 'молоток', зафиксированному в территориально близких тамбовских говорах (см. выше), вряд ли можно рассматривать как исходную единицу.

Весьма близки по форме и семантике лексеме **барс** иранские данные, ср. пехлеви *wazr, warz* 'колотушка, дубинка'; причем из иранских языков слово через посредство финских волжских вошло в прибалтийско-финские, ср. фин. *vasara* 'молот, кувалда, деревянная дубинка', кар. *vasara, bazara, vazar*, ливв. *vazaru* 'молот, кувалда', водск. *vasara, vasar*, эст. *vasar*, при саам. швед. *wetjer* 'молот', морд. эрз. *vižir* 'топор', мокш. *užer* 'топор'; латыш. *vesars* 'кузнечная кувалда' из эст. (SKES, 1665). Однако, прибалтийско-финские данные не оказали влияния на русские диалектные. Но пути проникновения материалов из иранских языков в русский диалектный континуум требуют уточнения и дальнейшего анализа.

Лексемы **тухма́ч, тукма́ч, тухма́рь** возможно рассматривать на прибалтийско-финской почве, ср. вепс. *tuhm* 'удар кулаком', *tuhmata, tuhmda* 'дубасить' (СВЯ, 581). Трудно сказать, имеется ли связь между вепсскими данными и мар. *tumak* 'дубина', которое Марков связывает с русск. *тумак* 'удар кулаком', на наш взгляд, необоснованно (Марков, РФВ, 73, 102; Фасмер, 4, 119). На марийской почве, вероятно, слово *tumak* 'дубина' связано с мар. *tumo* 'дуб' (РМС, 101), хотя не исключено, что вепсские, марийские данные связаны также с другим гнездом русск. диал. **токма́рь, токма́ч** "чекмарь, колотушка, кий, пест, деревянная ручная баба, трамбовка для убою земли, глины, мостовой" (Даль, 4, 420), традиционно представляемым как результат тюркского влияния, ср. тур., чаг., тар. *tokmak* 'деревянный молоток, колотушка', казан. *тукмак, токмак* 'дубина, колотушка', тоб. *тукма-* 'бить, ударять' (Радлов, 3, 1156, 1429), татар. *тукмак* 'колотушка, деревянный молоток' (Тат.-рус. сл., 1950, 247). См. также: Фасмер, 4, 70, Шипова, 323. Таким образом, возможно лексема **тукма́ч** является вариантом с другим типом вокализма основной формы **токма́ч** тюркского происхождения; лексемы **тухма́рь** и **тухма́ч** опосредованы вепсским влиянием при следующей схеме: тюркск. – русск. – вепс. – русск.

Лексема **чекма́рь** и дериват **чекмарё́к** имеют единичные нечастотные фиксации в говорах Новгородской, Вологодской, Ярославской, Архангельской областей. В Словаре Даля представлены следующие данные: **чекма́рь** "чекуша, долбня или деревянная колотушка, токмарь, токмач", "род кистеня, коим охотники бьют с лошади волка" (Даль, 4, 604); слово рассматривается как

результат тюркского происхождения, ср. татар. *чукмар, чокмар* 'дубина с утолщением на конце, булава' (Радлов, 3, 2169), тур. *čokmar* 'дубина, дубинка' (Шипова, 382), чагат. *čokmar* 'дубина, палица' (Фасмер, 4, 325). Лексемы **чухма́рь, чохма́рь,** зафиксированные в новгородских говорах, вероятно, возникли в ходе контаминации единиц **тухма́рь** и **чекма́рь**.

Лексема **кочма́рь**, отмеченная в Белозерье, также, скорее всего, представляет результат контаминация, ср. вепс. *kočkutada* 'постукивать' (СВЯ, 213), т. е. вепс. *koč-* + марь, либо метатезу от **чекма́рь**.

Слово **чеку́ка,** зафиксированное в Парфинском районе, связано, вероятно, с чекуша, восходящее к тюркским источникам, ср. чагат, *čeküš* 'колотушка, дубина' (Фасмер, 4, 326).

Лексема **кубы́рь,** бытующая на Кольском полуострове, к настоящему времени не имеет достоверной этимологической версии, непонятно, имеет ли отношение к данной единице слово **кау́р** 'деревянный молоток с длинной рукояткой, применяемый для оглушения рыбы' (Урал, Обск., Сиб., СРНГ, 13, 138), трактуемое как заимствование из хант. *kāṷər* 'рыбацкая дубина' (Фасмер, 2, 211; Аникин, 1997, 285).

Слово **мушкель,** отмечаемое в Беломорье, восходит к голл. *moskuil* 'то же' (Фасмер, 3, 20).

Лексемы **кова́ль, коло́т, колота́шка, тюка́вка** являются единицами исконного происхождения с прозрачной внутренней формой.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЖИЛИЩЕ

Обращение к анализу данных (не только языковых), относящихся к реалиям крестьянского жилища с их лексической манифестацией на обширном пространстве Северо-Запада, затруднено разнообразием типов жилых построек, тогда как для нас важно, чтобы взаимоотношение между рассматриваемой реалией и обозначаемым ее словом не менялось. Так, например, на Северо-Востоке региона вход в подполье устраивался как ящик-лежанка, а на Юго-Западе он может существовать наряду с дверным входом с улицы, вытесняя исследуемую нами реалию.

В Программе ЛАРНГ раздел "Крестьянское жилище, хозяйственные постройки" представлен 681 вопросом. Естественно, для наших задач большинство вопросов, уже априори, имеющие исконную лексическую манифестацию, не могли подходить. Концептов, которые имели бы преимущественно заимствованное лексическое наполнение в данной тематической группе крайне мало. Доминирование здесь русской культурной традиции вряд ли можно подвергнуть сомнению. Наоборот, можно привести значительное число слов русского происхождения, вошедших в финно-угорские языки: вепс. *fater* 'квартира' (СВЯ, 83), ливв. *fatieru* 'квартира, жилье, дом, изба' (СКЯМ, 51), саам. *dōm* 'дом, жилище' (KOLTKS, 26).

Для исследования в полевых условиях, первоначально были выбраны следующие вопросы:

1. Общее наименование жилого строения.

2. Рыбацкая, охотничья и т. п. избушка в лесу.

3. Шалаш для охотников, рыбаков, косцов.

4. Огороженное перегородкой место в избе около печи; пространство между печью и стеной, небольшой чулан.

5. Ящик-лежанка вдоль боковой стенки печи, имеющей лаз в подполье с подъемной крышкой.

6. Жгуты из соломы для утепления дверей зимой.

7. Дранка, используемая для покрытия крыши.

8. Дверной, оконный косяк.

9. Сарай для хозяйственных нужд (коюз, шоха, гуса).

Однако, пока, по имеющимся в нашем распоряжении данных, полученных в ходе диалектологических экспедиций и извлеченных; из различных диалектных источников, возможна лингвогеографическая репрезентация материалов, собранных по трем вопросам (см. ниже).

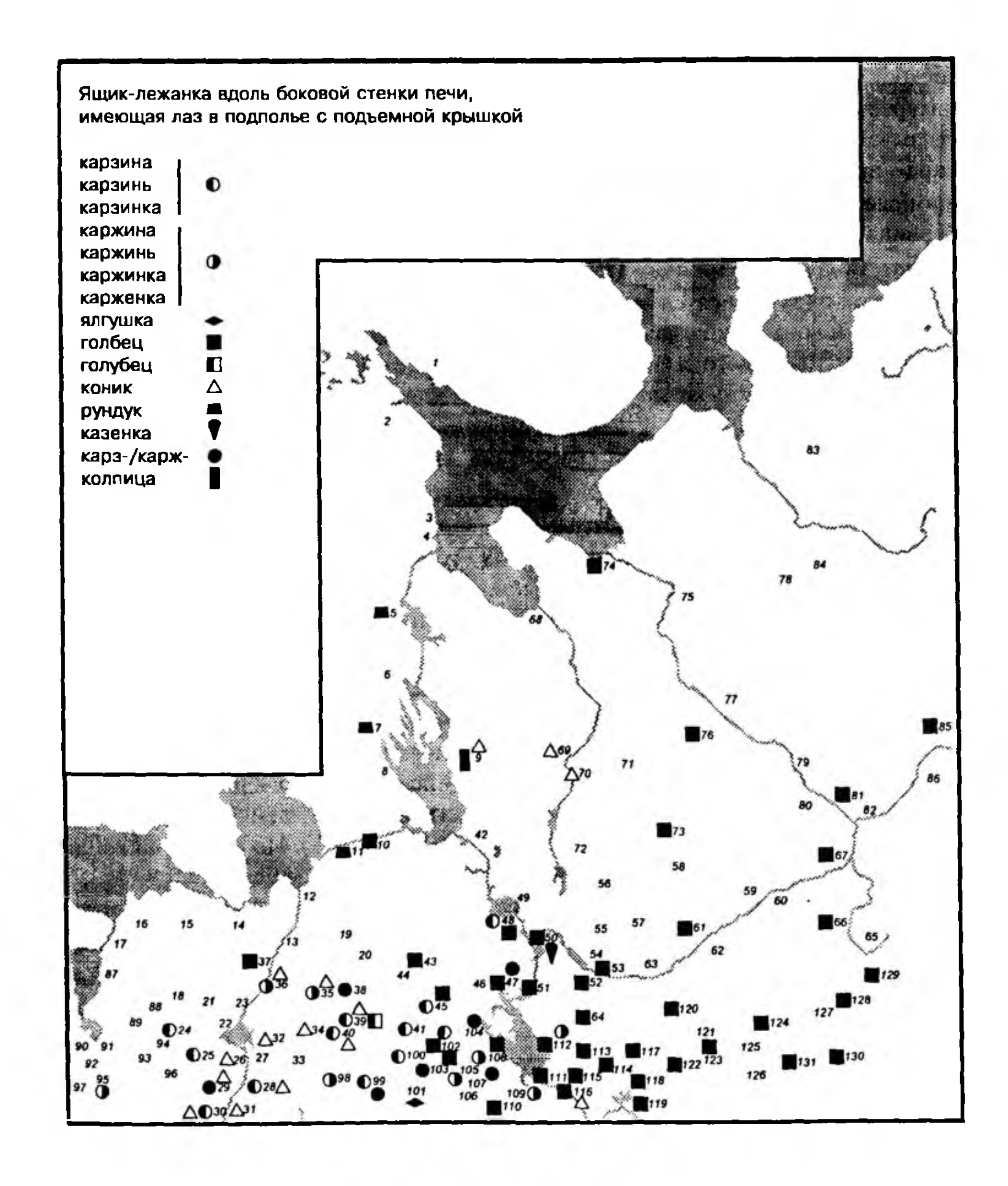
Так, например, общие наименования жилых построек не проявляются в современной речи диалектоносителей, хотя фиксируются по лексикографическим источникам: **перть** 'жилая изба' (Кем. Арх., Подвысоцкий), сопоставляемое с кар. *pirtti*, вепс. *pert'* 'дом, изба' (СВЯ, 409; KKS, 4, 212, 213); **перт** 'изба, дом' (Ветл., Костром, Марков, СРНГ, 26, 294), соотносимое с мар. *пöрт* 'изба'. Финно-угорские данные также являются неисконными, представляя результат балтийского влияния, ср. фин. *pirtti* 'небольшое строение, избушка, баня', кар. сев. *pirtti*, ливв. *pertti* 'дом, изба, баня в лесу', люд. *pertti* 'дом, изба', эст. устар. *pirt*, саам. швед. *part, bart* 'баня', лул. *pārihta* 'дом, изба', саам. норв. *bârtâ* 'финская изба, чаще дом священника', при шведских данных, заимствованных из финского: среднешвед. *pörthe* (1528 г.), *pyrthe* (1468 г.), швед. *pörte* 'финская курная изба', 'самая большая комната в доме', 'баня, топящая по-черному', 'лачуга' (SKES, 576); ср. также кар. твер., тихв. *perti*, кар. валд. *pertti* 'изба' (KKS, 4, 212). В балтийских данных, этимологически первичных для финно-угорских, преобладает значение 'баня', ср. литов. *pirtìs* 'баня; овин для сушки льна', латыш. *pirts* 'баня' при литов. *pērti*, латыш. *pērt* 'париться в бане' (Буга, 11, 516; Лаучюте, 1982, 89; Веске. 1890, 215, 216; Fraenkel, 1, 578). Ср. однако, древнерусс. **пьрть** "баня" (новг., Срезневсклй, 11, 1772), **перть** "баня или сосуд для омовения новорожденного" (1166 г., XV в., СлРЯ XI-XVII вв., 15, 15), **перетка** "избушка" (Пск., 1578, СлРЯ XI-XVII вв., 14, 298), наряду с мар. *пöрт* 'изба', вероятно, возможно сопоставить с балтийскими данными, причем чуваш. *пӳрт* 'изба, дом' рассматривая как марийское заимствование (ЭСЧЯ, 172). Псковизм **перётка** (см. выше), скорее всего, следует отнести к балтийским источникам с изменением основы по типу второго полногласия, ср. ошибочную форму **перёдка** 'летняя изба' (Чарозеро Волог., СРНГ, 26, 85). За версию карельской основы происхождения русского слова с общей балтийской основой для прибалтийско-финского и русского гнезда выступал также и Калима, причем сюда же он относил и лексему **паперть** (Kalima, 1915, 183). Авторы SKES предлагают, напротив, для кар. *pertti* и мар. *пöрт* в качестве источника русск. **перть** (SKES, 576), против чего возражает Петерсон (Петерсон, 1977, 105-107). См. также: Фасмер, 3, 245; Черных, 1994, 2, 3.

Трудно сказать, является ли слово **при́переток** 'предбанник', повсеместно известное в говорах Новгородской области, отражением древнерусск. **приперть** "преддверие, сени, притвор" (XII в., XVI в., СлРЯ XI-XVII вв., 19, 245), **припьртъ** "преддверие, сени, притвор", "церковный придел, церковь" (XV-XVI вв., СлРЯ XI-XVII вв., 19, 245), либо относится к балт., латыш. *pirts* 'баня' с более поздней деривацией. См. НОС, 9, 23.

Таким образом, наименования жилых построек неисконного происхождения имеют единичные фиксация, к приведенным выше **перть** и **перт** можно привести **пывзан** 'постройка для жилья в лесу' (Сольвыч. Волог., КСРНГ, СРНГ, 33, 186), восходящее к результатам влияния коми языка, ср. коми *пывсян* 'баня' (ССКЗД, 310). И хотя они отражают различные субстратные языковые типы, их лингвогеографическое описание не представляется возможным.

Приводимые ниже карты по разделу "Крестьянское жилище" к настоящему времени являются попыткой не только сугубо лингвогеографического описания, но и дифференцированного подхода к неисконным данным.

КАРТА № 47
Ящик-лежанка вдоль боковой стенки печи,
имеющий лаз в подполье с подъемной крышкой



Комментарий

Выбранный для картографирования материал не имеет большого лексического разнообразия, однако его ареальная дистрибуция весьма показательна при описании субстратного ландшафта. Причем, из всех полученных данных только одна лексема **ко́ник** имеет исконное происхождение с прозрачной мотивацией. Лексемы **ка́рзина** с вариантами и **ка́ржина** с вариантами восходят, вероятно, к прибалтийско-финским источникам, но наибольший интерес представляет дистрибуция слов с (*з*) и (*ж*), поскольку их локализация связывается с различными языковыми типами. Фиксация словно корнем **карз-** при тщательном анализе предполагает неоднозначную трактовку их происхождения в зависимости от места бытования в говорах. Лексема **ка́рзина**, отмеченная в Белозерье, явно восходит к вепсскому субстрату, ср. *karźin* 'подвал, подполье' (СВЯ, 182), однако большинство фиксаций вариантов с (*з*) относятся к новгородским говорам, а это исключает влияние прибалтийско-финских языков, где это гнездо сходно с вепсскими данными, материалы ижорского и водского языков не подходят из-за расхождений в семантике, ср. водск. *karsin* 'ясли, решетка для корма, помещение для овец, свиней' (VKMS, 90), ижор. *karsina* 'огороженное место в хлеву для свиней, овец, телят', 'ясли, кормушка' (IMS, 138). По-видимому слова с (*з*) на этой территории относятся к докарельскому субстратному влиянию вепсского типа. Гнездо с другим консонантизмом – **ка́ржина** с вариантами фиксируется в псковских, тверских, новгородских говорах севернее оз. Ильмень, ярославских, говорах Подмосковья, причем фонетически оно соотносится с карельскими данными, ср. кар. твер. *karžina* 'подполье, подвал' (СКЯП, 89), кар. тихв., валд. *karžina* 'подполье', при кар. *karšina* 'подполье' (Кестеньга, Ухта), *karzina* (Сямозеро) 'подполье' (KKS, 2, 76). Однако, расхождения в семантике между русскими и прибалтийско-финскими данными, и фиксация в псковских говорах заставляет предположить влияние субстрата балтийского типа, еще и на том основании, что в прибалтийско-финских языках это гнездо неисконно и также является результатом балтийского воздействия, ср. литов. *gardinỹs* 'загородка в хлеву, ограда для скота' (SKES, 165). Но нельзя до конца исключать и сдвиг значения на русской почве.

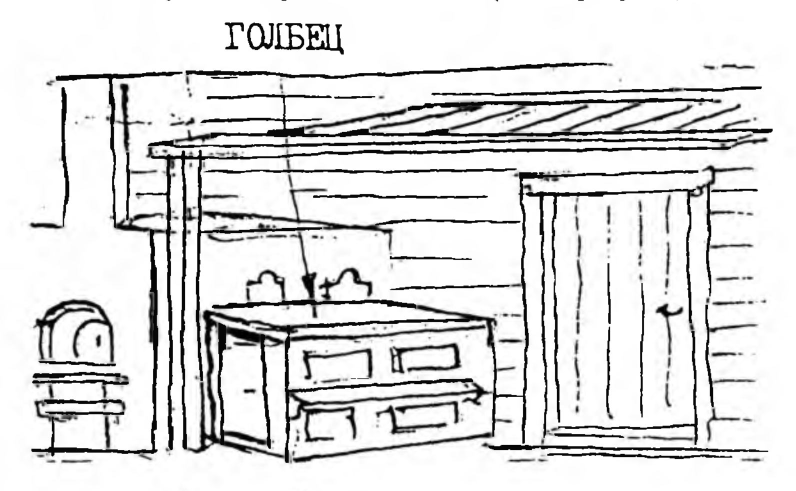
Слово **я́лгушка** имеет точечный ареал в тверских говорах, оно восходит к кар. твер. *jalginlawda* 'коник, широкая доска, прилегающая к печке, для удобства спуска и подъема на нее' (СКЯП, 72), причем источником послужила первая часть карельского композита – *jalga* 'нога', с присоединением уже на русской почве суффикса *–ушк(а)*.

Слово **го́лбец** скандинавского происхождения, ср. др.-сканд. *golf* 'пол, отделение' (Фасмер, 1, 427), образует широкий ареал в архангельских, костромских, вологодских говорах, со спорадическими фиксациями в Посвирье и Поволховье, что, вероятно, является реликтами прежних древних ареалов (первые сведения относятся к XIV в. – СлРЯ XI-XVII вв., 4, 59, 60). См. также: Тынтуева, 1982. 161-167; Попов, 1962.).

Слово **ко́ник** отмечается в говорах Приильменья, Пудожья, Каргополья, такой дистактный ареал, вероятно, показывает миграционные пути из Новгородской земли.

Тюркские по происхождению слова **рундýк** и **казёнка** не имеют широкого распространения и поэтому довольно трудно оценить время их проникновения в говоры и неслучайность их фиксации, по памятникам письменности лексема **рундýк** фиксируется с XVI века: – А какъ послы вошли въ сѣни и встрѣтилъ ихъ, вышедъ изъ избы на рундукѣ, передъ дверми, околничей. 1553 г. (СлРЯ XI-XVII вв., 22, 256).

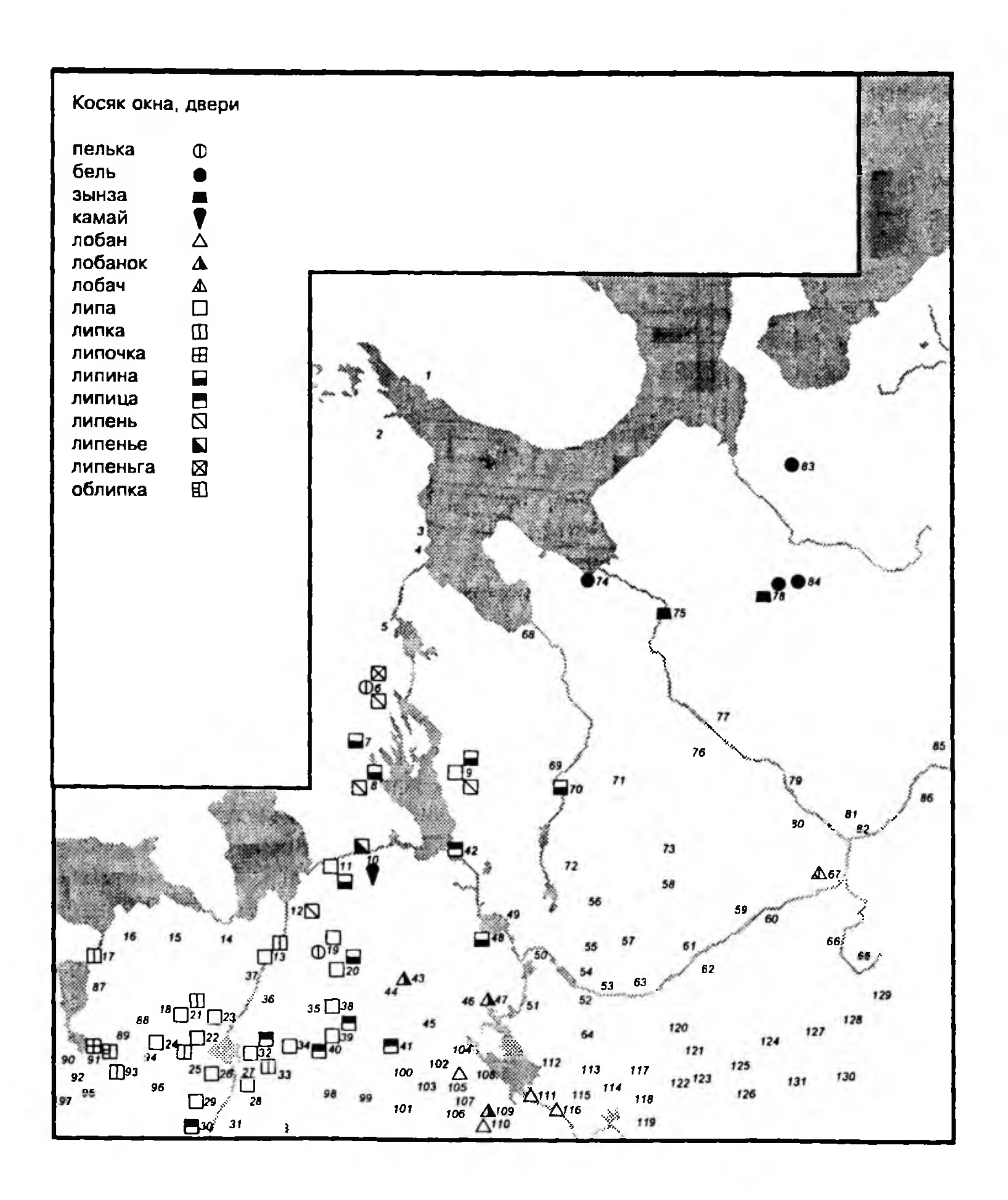
Кроме того, следует отметить, что для слова **гóлбец** отмечается русская ориентация печи – устьем к фасадным окнам, (см. на рисунке)



тогда как для гнезд **кáрзина, кáржина** характерно расположение печи устьем к боковым окнам.

Лингвоэтногеографический анализ концепта 'ящик-лежанка вдоль боковой стенки печи, имеющей лаз в подполье с подъемной крышкой' уже частично был реализован М. В. Витовым в работе, выполненной в 1950-1960 гг., но оставшейся незавершенной из-за смерти автора (монография "Этнография Русского Севера" опубликована в 1997 г.). Карта № 30, представленная в данном исследовании, репрезентирует названия входа в подполье, но оперирует всего лишь двумя лексемами **рундук** и **голбец**. Причем **рундук** отмечается в западной части региона с границами по р. Онеге, оз. Лаче, оз. Воже, Белому оз., р. Мологе; восточнее фиксируется слово **голбец** (Витов, 1997, 126). Таким образом, обращение к лингвистическим данным дает более разнообразную картину манифестации концепта, нежели их преимущественно этнографическая интерпретация.

КАРТА № 48
Косяк двери, окна



Комментарий

Предметом лингвогеографического анализа является реалия 'брус оконной или дверной рамы' вне зависимости от его горизонтального или вертикального положения. Поэтому не рассматривается материал в основе которого совершенно отчетливо просматривается номинация, связанная с дифференциацией боковой стойки и нижнего либо верхнего бруса оконной или дверной коробки. Так, например, в Сегежском районе (Дуброво) концепт имеет три дифференцированные номинации: **стоя́к, верхняя поду́шка, нижняя поду́шка**; причем лексема **поду́шка** в значении 'нижний брус оконной коробки; подоконник' является интердиалектной единицей (см. СРНГ, 28, 230, 231).

Лексическая манифестация анализируемой реалии не слишком обширна. Неисконные единицы не образуют коррелирующих ареалов, а имеют спорадические фиксации на западе региона и изолированные ареалы – на востоке.

В Тихвинском и Медвежьегорском районах отмечается лексема **пе́лька**, имеющая соответствие в вепсском языке и карельских диалектах, ср. вепс. *pel'* 'притолока, косяк (дверной, оконный)' (СВЯ, 407), кар. сев. *pieli* 'оконный, дверной косяк, рама' (KKS, 4, 261), люд. *piel'* 'то же', ливв. *pieliine* 'косяк (дверной, оконный)' (СКЯМ, 264), при фин. *pieli* 'край, сторона, столб, косяк (дверей, окна, ворот), основной брус лестницы', 'кол стога' (SKES, 537). Следует отметить, что в прибалтийско-финских языках значение 'подушка (для спанья)' представлено данными, в основе которых лежит эта же корневая морфема; ср. кар. твер. *pieluš* 'подушка' (СКЯП, 206), ливв. *pielus* 'подушка', 'основание, опора, колодка' (СКЯМ, 264), вепс. *pöluz* 'подушка', 'опора, подкладка', 'подоконник' (СВЯ, 456), фин. *pielus* 'подушка' (ФРС, 459). Однако, в данном случае, вряд ли следует предполагать семантическое взаимодействие, и русск. **подушка** и фин. *pielus* функционируют в рамках семантической доминанты этих единиц в своих языках .

Лексема **бель** образует ареал на востоке региона, в говорах, непосредственно контактирующих с коми языком, к удорскому диалекту она и восходит, ср. коми удор. **бель** 'косяк' (ССКЗД, 173). Причем в литературном коми языке функционирует в этом значении лексема русского происхождения, коми *курич* 'косяк', *öдзöс курич* 'дверной косяк' (КРК, 318), ср. русск. **курчина** 'воронец' (КЭСКЯ, 147). Однако, и слово **бель** в коми языке неисконно, а представляет собой древнее заимствование вепсского типа (КЭСКЯ, 38).

Еще одно слово коми происхождения фиксируется в Холмогорском и Пинежском районах – **зынза**. Основной, более частотный вариант **зымза** имеет значение 'полка в доме над окнами во всю длину стены'. Подвысоцкий выдвинул немецкую версию происхождения данного материала, ср. *gesims* (Подвысоцкий, 57), к которой присоединился Фасмер, приводя также польск. *gzyms* (Фасмер, 2, 109). Однако, даже более близкое по форме нем. *Sims* 'выступающий край, выступ на постройке', связанное с латин. *sīma* 'сточный желоб, верхняя часть колонны' (EWD, 1634), вряд ли может служить источником для русского диалектного слова, ввиду локальности и отдаленности его ареала. Кроме того, следует исключить и возможность перстратного влияния (через культурное, книжное воздействие, через

проникновение из плотницкой терминологической системы). Фиксация слова вне зоны возможных морских контактов исключает также и скандинавский материал, как источник, ср. норв., швед. *gesims* 'карниз' (EONDS, 219). Таким образом, коми ижем. *сымзы* 'шесты, устанавливаемые в чуме стоймя для подвешивания крюков над костром (к ним подвязываются поперечные шесты)' (ССКЗД, 353) следует классифицировать как источник для русского слова. На коми почве данная лексема также неисконна, ср. ненец.

сымзы 'вертикальный шест внутри чума, к которому прикрепляются концы поперечных тестов для подвешивания крюков над костром' (КЭСКЯ, 268).

Точечный ареал образует слово **кама́й**, восходящее к ливвиковскому влиянию, ср. ливв. *kamai* 'перемычка, притолока, верхний дверной или оконный косяк' (СКЯМ, 122), при кар. твер. *камаjа* 'притолока' (СКЯП, 86), кар. сев. *камоа*, люд. *кама, камаі* 'дверной, оконный косяк' (KKS, 2, 43), при фин. *kamana* 'притолока', саам. кольск. *камме* 'то же' (SKES, 153).

Наиболее обширный ареал представляет лексема **ли́па** с деривационными вариантами, с фиксациями в псковских, новгородских, волховских, обонежских, белозерских, заонежских говорах. Вероятно, ее следует трактовать как единицу исконного происхождения, несколько смущает ограниченность ареала северо-западной зоной. Очень далеки семантически балтийские данные, ср. литов. *lipīnė, lipỹnė* 'ступень лестницы', *liẽptas* 'мостик, перекладина' (Fraenkel, 376), ср. такие норв. *ríp* 'крайняя доска лодки', саам. норв. *ŕipa* 'доска лодки, верхняя крайняя доска с внутренней стороны', фин. *riippa* 'верхняя часть бота лодки' германского происхождения (SKES, 787).

Лексема **лоба́н** отмечается в ярославских, моложских говорах. Чаще фиксируется в значении 'верхняя поперечная часть наличника окна' (Яросл., Твер., СРНГ, 17, 94).

Таким образом, лексическая, манифестация показывает незначительность финно-угорского материала вепсского, вепсско-карельского, ливвиковского и коми типа.

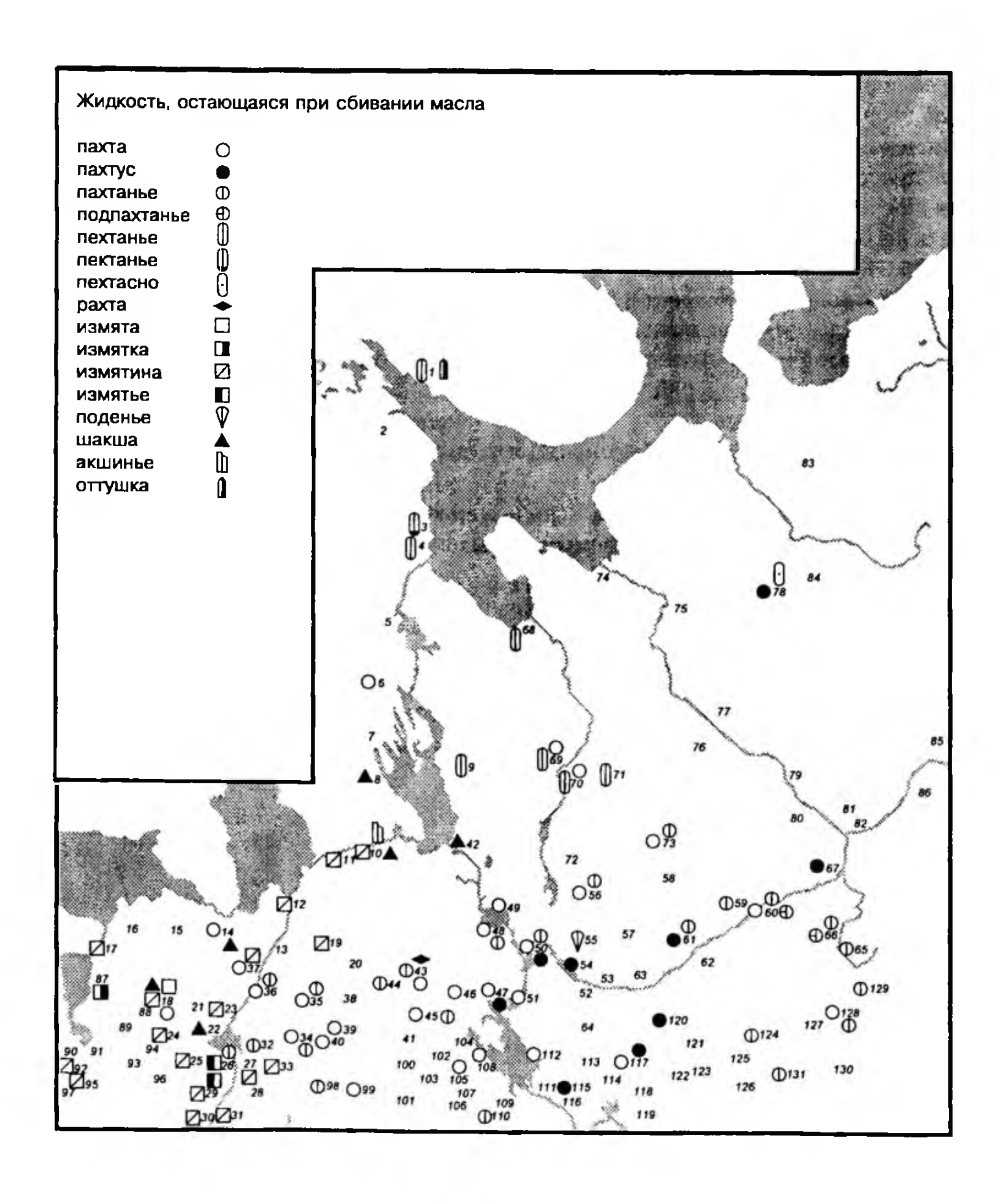
ПИТАНИЕ

Данный раздел в Программе ЛАРНГ довольно обширный (250 вопросов), однако, на наш взгляд и такого количества вопросов недостаточно, чтобы полностью отразить эту сферу в понятиях и выделить реалии с устойчивыми лексическими манифестациями. Лингвогеографическое исследование данной тематической группы затруднено тем, что очень сложно выделить ту или иную реалию, которая без изменений (существенных и мелких) не только бытовала на территории Северо-Запада, но и была бы представлена преимущественно неисконной лексической манифестацией. Поэтому определение такого круга вопросов заняло значительное время, а их корректировка проходила уже непосредственно в полевых условиях. Эмпирическим путем были взяты для обследования следующие вопросы:

1. Жидкость, остающаяся при сбивании масла
2. Отходы, остающиеся при перетапливании масла
3. Значения слова шаньга
4. Оладья из гороховой муки, взбитой со снегом
5. Кушанье из вареной репы или брюквы
6. Овсяной блин
7. Рефлексы прибалтийско-финского *kukko*
8. Пирог из рыбы
9. Молодая заболонь сосны, используемая в пищу
10. Крахмал, приготавливаемый в домашних условиях
11. Некрупная сушеная рыба
12. Приспособление для процеживания пивного сусла
13. Уха

Для картографирования в данной работе выбраны материалы по вопросам 1, 3.

КАРТА № 49
Жидкость, остающаяся при сбивании масла



Комментарий

Традиционное для населения Северо-Запада России сбивание масла в домашних условиях, имеет распространение и в настоящее время. Однако способы получения масла различны; в Карелии, Вологодской, Ленинградской областях; масло получают мешая сметану в глиняной крынке, горшке мутовкой. Южнее и восточное преобладает получение масла путем сбивания в специальном сосуде с крышкой, ср. новг.: **сбивалка** 'приспособление, аппарат для сбивания масла' (НОС, 10, 13). Остающаяся после сбивания масла жидкость использовалась в пищу и для приготовления различных блюд, и поэтому как широко распространенная хозяйственная реалия, имеет значительное число лексических манифестаций.

Большинство корневых морфем в представленном материале финно-угорского происхождения. Ареал с исконным корнем **измят-** широко представлен в новгородских говорах.

Ряд лексем представляет общеприбалтийско-финский тип. Наиболее частотно среди них слово **пахта**, это обусловлено, видимо тем, что вошло в русский литературный язык, ср. **па́хта** 'жидкость, остающаяся при сбивании сливочного масла (используется в пищевой, кондитерской, хлебопекарной промышленности и сельскохозяйственном производстве)' (БТС, 788). Дериваты **па́хтанье, подпа́хтанье** не образуют отдельных ареалов. Особняком стоит слово **па́хтус**, которое явно сближается с глаголом **па́хтать**, несмотря на формант *-ус*, восходящий, вероятно, к прибалтийско-финскому *-us,* не представляет собой оригинальную этимологическую единицу, а является словообразовательным вариантом, получившем развитие в результате вторичного прибалтийско-финского влияния. Также довольно частотна лексема **пе́хтанье** и близкие к ней варианты, фиксируемые преимущественно в говорах Беломорья и Каргополья. Лексемы **па́хтанье, пехта́нье**, вероятно, следует рассматривать как дериваты от глаголов **па́хтать, пехтать**, в основе которых лежат карелъско-финские источники, ср. ливв. *püöhteä*, кар. сев. *püöhitä* 'сбивать масло' (SKES, 534).

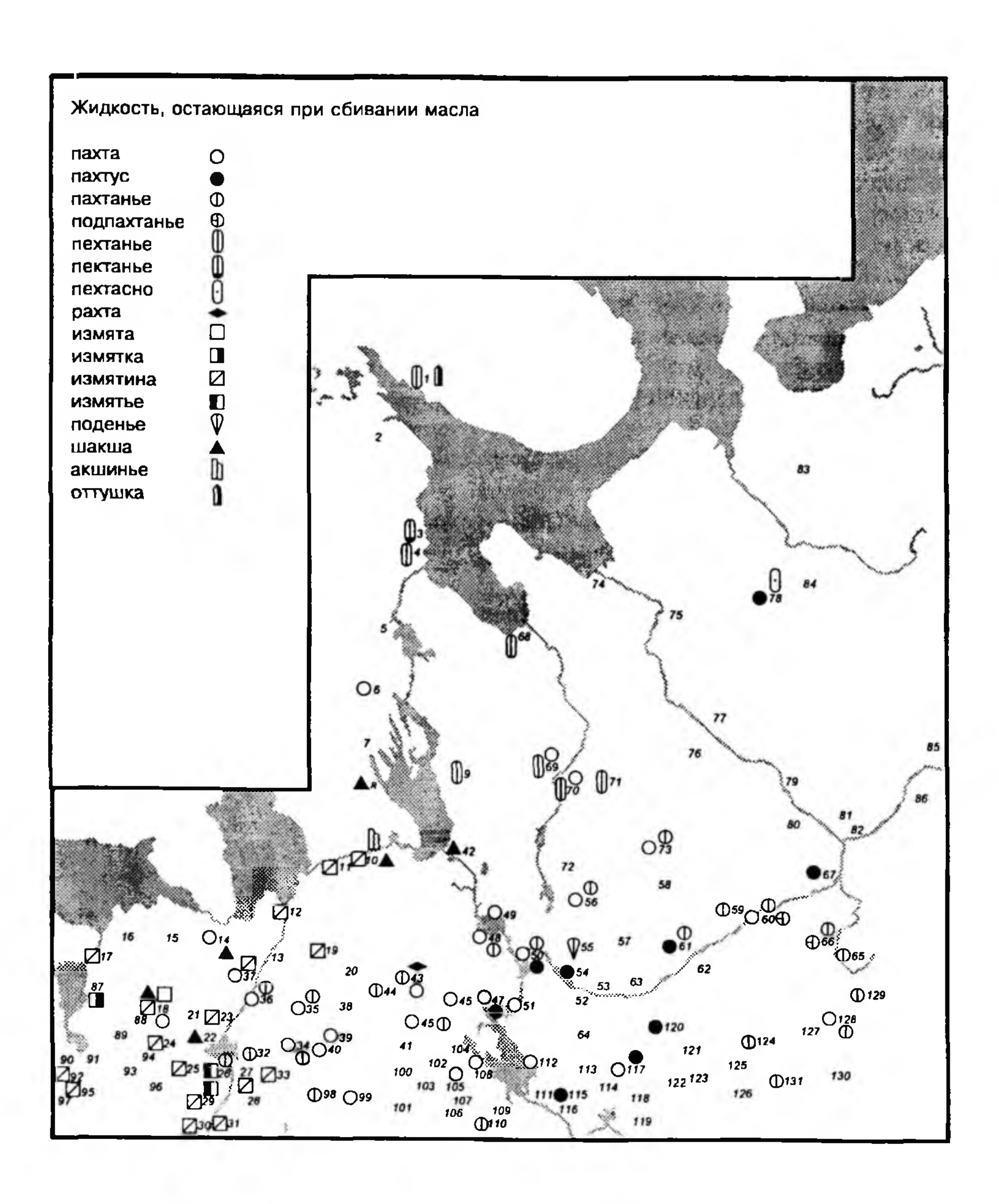
Карельско-вепсские источники для лексемы **шакша** образуют ареалы восточнее р. Волхова и в юго-восточном Прионежье, ср. кар. *šakšu* 'осадок, отстой' (KKS, 5, 265), вепс. *šakšud* 'шкварки, вытопки' (СВЯ, 542).

Вепсское субстратно-адстратное влияние проявляется в Подпорожском и Бабаевском районах: **ра́хта** восходит к вепс. *rahtod* 'вытопки от масла' (СВЯ, 462); **а́кшинье** возможно сопоставить с вепс. *ahkud, aškud* 'выжимки, остатки после масла, шкварки, вытопки' (СВЯ, 21).

Одна лексема **отту́шка**, вероятно, может быть связана с саам. *tuššɒ*[б] 'бить, ударять' и является отглагольным субстантивом на русской почве; хотя не исключено, что саам. *tušš*[E] 'бесполезный, напрасный, пустой' (KOLTKS, 622) является ее источником.

В макроструктуре русских говоров выделяются три зоны; для обследованной территории характерно доминирование прибалтийско-финской по происхождению лексики; для новгородских, псковских, московских, рязанских, тамбовских говоров, русских говоров Прибалтики отмечается преобладание исконной лексической манифестации – **измя́тина**

КАРТА № 49
Жидкость, остающаяся при сбивании масла



Традиционное для населения Северо-Запада России сбивание масла в домашних условиях, имеет распространение и в настоящее время. Однако способы получения масла различны; в Карелии, Вологодской, Ленинградской областях; масло получают мешая сметану в глиняной крынке, горшке мутовкой. Южнее и восточное преобладает получение масла путем сбивания в специальном сосуде с крышкой, ср. новг.: **сбивалка** 'приспособление, аппарат для сбивания масла' (НОС, 10, 13). Остающаяся после сбивания масла жидкость использовалась в пищу и для приготовления различных блюд, и поэтому как широко распространенная хозяйственная реалия, имеет значительное число лексических манифестаций.

Большинство корневых морфем в представленном материале финно-угорского происхождения. Ареал с исконным корнем **измят-** широко представлен в новгородских говорах.

Ряд лексем представляет общеприбалтийско-финский тип. Наиболее частотно среди них слово **пахта**, это обусловлено, видимо тем, что вошло в русский литературный язык, ср. **па́хта** 'жидкость, остающаяся при сбивании сливочного масла (используется в пищевой, кондитерской, хлебопекарной промышленности и сельскохозяйственном производстве)' (БТС, 788). Дериваты **па́хтанье, подпа́хтанье** не образуют отдельных ареалов. Особняком стоит слово **па́хтус**, которое явно сближается с глаголом **па́хтать**, несмотря на формант *-ус*, восходящий, вероятно, к прибалтийско-финскому *-us*, не представляет собой оригинальную этимологическую единицу, а является словообразовательным вариантом, получившем развитие в результате вторичного прибалтийско-финского влияния. Также довольно частотна лексема **пё́хтанье** и близкие к ней варианты, фиксируемые преимущественно в говорах Беломорья и Каргополья. Лексемы **па́хтанье, пехта́нье**, вероятно, следует рассматривать как дериваты от глаголов **па́хтать, пехтать**, в основе которых лежат карелъско-финские источники, ср. ливв. *püöhteä*, кар. сев. *püöhitä* 'сбивать масло' (SKES, 534).

Карельско-вепсские источники для лексемы **шакша** образуют ареалы восточнее р. Волхова и в юго-восточном Прионежье, ср. кар. *šakšu* 'осадок, отстой' (KKS, 5, 265), вепс. *šakšud* 'шкварки, вытопки' (СВЯ, 542).

Вепсское субстратно-адстратное влияние проявляется в Подпорожском и Бабаевском районах: **ра́хта** восходит к вепс. *rahtod* 'вытопки от масла' (СВЯ, 462); **а́кшинье** возможно сопоставить с вепс. *ahkud, aškud* 'выжимки, остатки после масла, шкварки, вытопки' (СВЯ, 21).

Одна лексема **отту́шка**, вероятно, может быть связана с саам. *tuššɒ*[б] 'бить, ударять' и является отглагольным субстантивом на русской почве; хотя не исключено, что саам. *tuss̆*[ε] 'бесполезный, напрасный, пустой' (KOLTKS, 622) является ее источником.

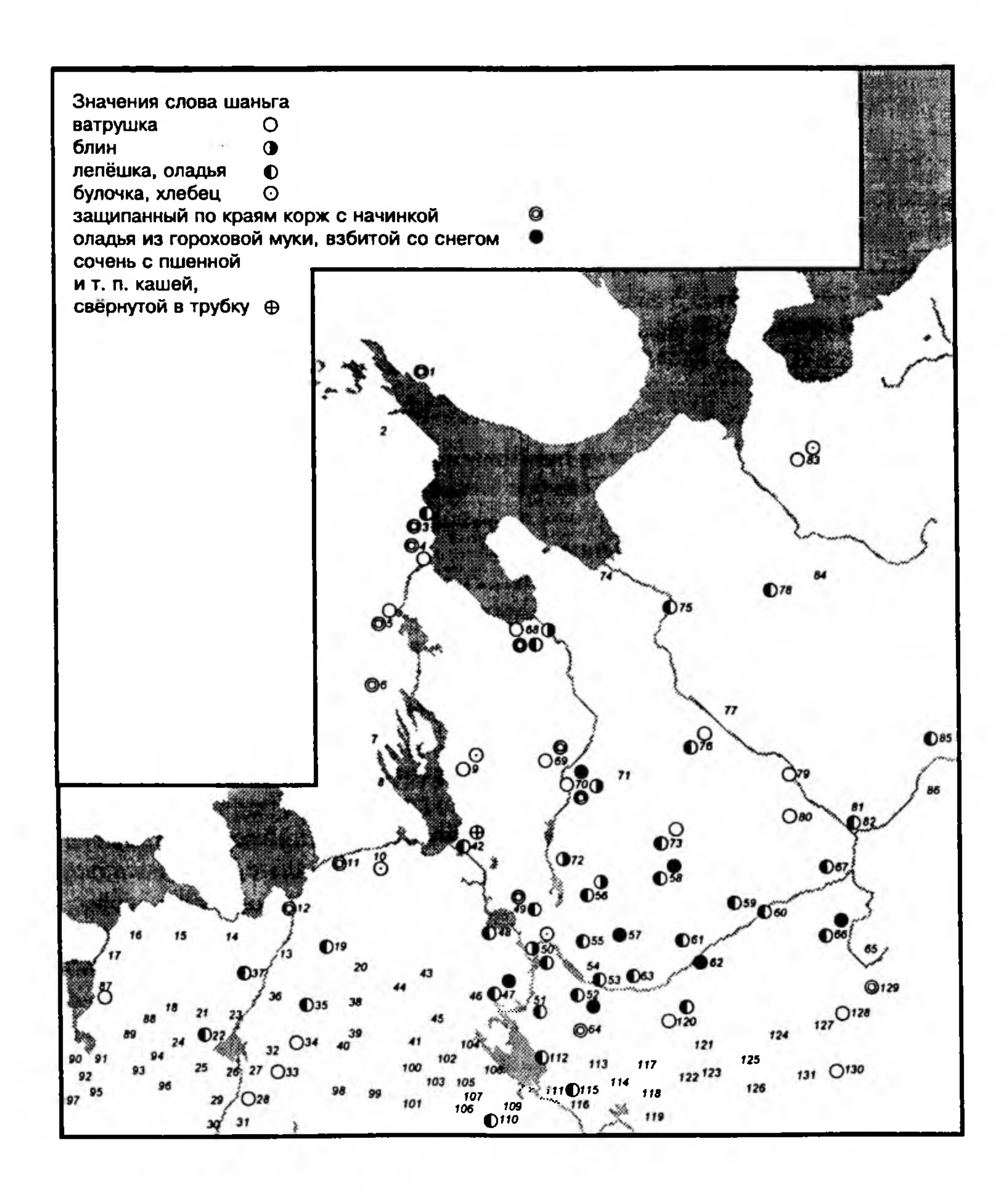
В макроструктуре русских говоров выделяются три зоны; для обследованной территории характерно доминирование прибалтийско-финской по происхождению лексики; для новгородских, псковских, московских, рязанских, тамбовских говоров, русских говоров Прибалтики отмечается преобладание исконной лексической манифестации – **измя́тина**

'жидкость, остающаяся при сбивании масла из сметаны или сливок' (Пск., Новг., Моск., Ряз., Там., Латв. ССР, Эст. ССР, СРНГ, 12, 152); для юго-западной части южнорусских говоров наблюдается фиксация слова **юра́га** "сыворотка, остатки от сбитого масла" (Южн., Даль, 4, 669; Курск., КСРНГ). Последнее рассматривается Трубачевым как др.-чувашское заимствование, ср. др.-чуваш. **yraγ* 'сыворотка, пахтанъе', откуда и венг. *író* 'сыворотка, пахтанье' (Фасмер, 4, 532; Трубачев, Slavia, 29, 1960, 29; Шипова, 1976, 430; Gombocz, 1912, 88).

Таким образом, севернорусское по природе слово **пахта**, вошедшее в терминологическую систему русского языка, не фиксируется вне своей автохтонной зоны, что подтверждает правильность включения его в сферу ареально-лингвистического анализа.

КАРТА № 50

Значения слова шаньга



Комментарий

На представленной карте была предпринята попытка обобщенно представить в достаточно упрощенной форме многообразие лексико-семантических вариантов, слова **шаньга**, обусловленное пестрой картиной проявления реалии, с лексической манифестацией **шаньга**. Выявление типов семантических дифференциаций было затруднено не всегда четким выявлением реалии, а также многообразием бытования различных выпечных изделий, с данной номинацией, Так, например, Т. А. Воронина в статье "Традиционная и современная пища русского населения Вологодской области" на материалах, собранных в 5-ти районах (Сокольском, Междуреченском, Тотемском, Нюксенском, Тарногском) представляет свыше 40 наименований различных пирогов (Воронина, 1992, 88-90).

В Словаре Даля выделяются значения слова **шаньга** с ареальной привязкой: "ша́ньга, ша́нга, ша́нежка, ша́нечка, сев. вост. сиб. род ватрушки, сочня или простой лепешки; казан, опресночек, сушняк, засушенная лепешка; новг. пресные оладьи, пыжки, блинки, пряженые на сковороде; волог. арх. перм. сиб. кокурка, хлебец, квашенный, ржаной, ячный (житный), пшеничный, облитый маслом, сметаной, ватрушка с кашей, с мятым картофелем или с творогом, посдобленная сверху сметаной и пр. Шанежки да пирожки (косарям), так под самые корешки! Доедай, кума, девятую-ту шанежку: мне однако от мужа битой быть! " (Даль, 4, 641).

Для Фасмера происхождение слова неясно (Фасмер, 4, 405). Однако фиксация данной лексемы на Севере России, Урале и Сибири, при отсутствии в южнорусских говорах и соответствий в других славянских языках сразу же предполагает неисконность ее происхождения. Можно выделить несколько этимологических версий.

Авторы SYRW трактуют коми материал, ср. коми *šaṅga* 'круглая выпечка из ржаной муки' как заимствование из русского (SYRW, 256).

Иваницкий полагал, что **шаньги** перешли к русским от коми-зырян (Иваницкий, 1880, 24). См. также Воронина, 1992, 90. На финно-угорской почве слово фиксируется в коми верхневычегод., верхнесысол., вым., лузско-лет., печор., ижем., присыктывкар., среднесысол. *шаньга*, удор. *шаньги*; нижневычегод. *шаньди* 'лепешка со слоем мятого картофеля, каши, творога, жидкого теста, размешанного на простокваше' (ССКЗД, 424), марийск. *шаньга* 'ватрушка с начинкой из конопляных семян', удм. *шаньги* 'ватрушка' (КЭСКЯ, 317). Авторы КЭСКЯ полагают, что слово сложилось в прибалтийско-финских языках, ср. фин. *sänki* 'жнивье, стерня', ливв. *sängi, šänki*, люд. *šäng*, вепс. *säng* 'жнивье, стерня', при марийск. луг. *šänge* 'сухая ветвь куста или небольшого дерева', чуваш. *šangâ*: *tipšangâ* 'хворостинник, кустарник' (SKES, 1168), а карельское слово распространялось из районов Вологодской и Костромской областей в места, населенные марийцами, удмуртами (КЭСКЯ, 317). Романов также рассматривает эту единицу как заимствование из коми-зырянского, причем с мотивацией от коми *шань* 'хороший' (Романов, 1928, КСРНГ). См. также Ольгович, 1963, 33.

Имеется и тюркская версия происхождения слова **шаньга**. Шипова включает его в свой словарь, однако, без аргументации (Шипова, 1976, 411). В татарских говорах, распространенных на территории Башкирии ватрушка

известна под названиями: *шэнге, шэңге*; в диалектах башкирского языка лексемы *шэңге, шэңке* имеют значение 'большой пирожок' (Хайрутдинова, 1993, 39). Однако, отсутствие относительно сопоставимого материала в тюркских языках, на наш взгляд, меняет взгляд на направление заимствования. А приводимое Лутовиной тюркск. *шангъ шáнгу* 'беспокойный, беспокоящий', вряд ли имеют какую-либо мотивировочную связь с анализируемым материалом (Радлов, т. 4, ч. 1. 301; Лутовинова, 1997, 164). И хотя в татарской традиции **шаньги** трактуются как старинное блюдо (Ахметзянов, 2000, 182), подчеркивается, что наиболее оно распространено у сибирских татар, а это вряд ли свидетельствует о исконности слова на татарской почве.

Также неисконны данные обско-угорских языков, ср.: манс. *санька, шан'кэ, сан'кэ, сан'хэ* 'коржик' (МРС, 99), хант. *šańkå, šaṅgå* 'вид выпечки, ягодник' (DEWOS, 286), скорее всего являются заимствованиями из коми.

Ареальная дистрибуция слова **шаньги** показывает ее ядро в вологодских, архангельских говорах, причем западные границы основного ареала (исключая спорадические фиксации) не уходят далее каргопольско-пудожских говоров, а распространение деривата **шанежка** в новгородских и даже псковских говорах (КПОС, Лутовинова, 1997, 161) связано уже с влиянием диалектной макроструктуры русских говоров, когда какая-либо лексическая единица получает интердиалектное распространение (или в группе говоров, или становясь общерусским материалов), и это уже процессы междиалектного внутриязыкового взаимодействия. Причем лексема **шаньга**, имея широкую дистрибуцию в русских говорах, вероятно, могла войти и в общерусскую систему стандартного языка, поскольку в языке художественной литературы уже была представлена, ср. Слов. Ушакова: **шаньга**, обл. 'лепешка со слоем масла или сметаны; ватрушка'; МАС: **шаньга**, обл. 'печеное изделие в виде ватрушки или лепешки'; БТС: **шаньга**, нар.-разг. 'то же', как это случилось со словом пельмени, однако, этого не произошло, поскольку данная реалия имела исконные номинации: ватрушка, лепешка, блин и т. п. Исходя из вышеизложенного можно предположить, что широкое распространение слова **шаньга** в русских говорах связано с воздействием коми языка, поскольку его ареал находился в непосредственной близости от ядра формирующейся великорусской нации (и языка), и только в результате такого ядерного контактирования при адстратном взаимодействии часть лексики входила в стандартный (литературный) язык, например, заимствования из коми: **галька** 'мелкий камешек', при коми *gal'a* 'небольшой камень'; **пельмени**, при коми *pel'* 'ухо', *ńań'* 'хлеб'; **пыжик** 'теленок северного оленя в возрасте до одного месяца, а также мех его', при коми *pež* 'молодой безрогий олень'; **туес** 'цилиндрический берестяной короб, коробок с плотно прилегающей крышкой', при коми *tujes* 'цилиндрический сосуд из бересты с деревянной крышкой различных размеров'; **чага** 'гриб на березе', при коми *тшак* 'гриб нарост на дереве' (Калима, 1927, 21-41; КЭСКЯ, 288). И коми источник объясняет значительные фиксации слова **шаньга** в русских говорах Сибири, поскольку в колонизации Сибири приняли участие и группы коми. Так отряд Ермака вели через Урал 40 проводников коми. Выходцы из Коми края были в числе основателей и жителей большинства возникших в Сибири городов. Об этом свидетельствует

данные антропонимии в сибирских документах XVI-XVIII вв. (Жеребцов Л. Н., 1982; Жеребцов И. Л., 1996; Народы Поволжья и Приуралья, 2000, 25, 26).

Поэтому вряд ли кар. *šanki* 'выпечка' можно рассматривать как источник русского слова, в данном случае направление заимствования как раз обратное (Virtaranta, см. Stipa JSFOu 77, 1981, 53. 54; Stipa, 1990, 51; Аникин, 1997, 719).

Однако, полисемантичность слова **ша́ньга** затруднительно связывать с различными типами финно-угорского воздействия. Значение 'ватрушка' имеет обширные, но разбросанные фиксации от Чудского озера до р. Мезень; значение 'лепешка, оладья' отмечается в Поволховье, Белозерье, Пошехонье, в бассейнах рр. Сухона, Северная Двина; более упорядочена дистрибуция значения 'защипанный по краям корж с начинкой' – Приладожье, Заонежье, Беломорье. Лексема **ша́ньга** в значении 'кушанье из гороховой муки, взбитой со снегом' фигурирует в Пошехонье и в бассейне р. Сухоны. Но полисемия слова **ша́ньга**, вероятно, имеет вторичный характер и ее развитие связано с его функционированием в русских говорах.

ВОДНЫЙ ТРАНСПОРТ

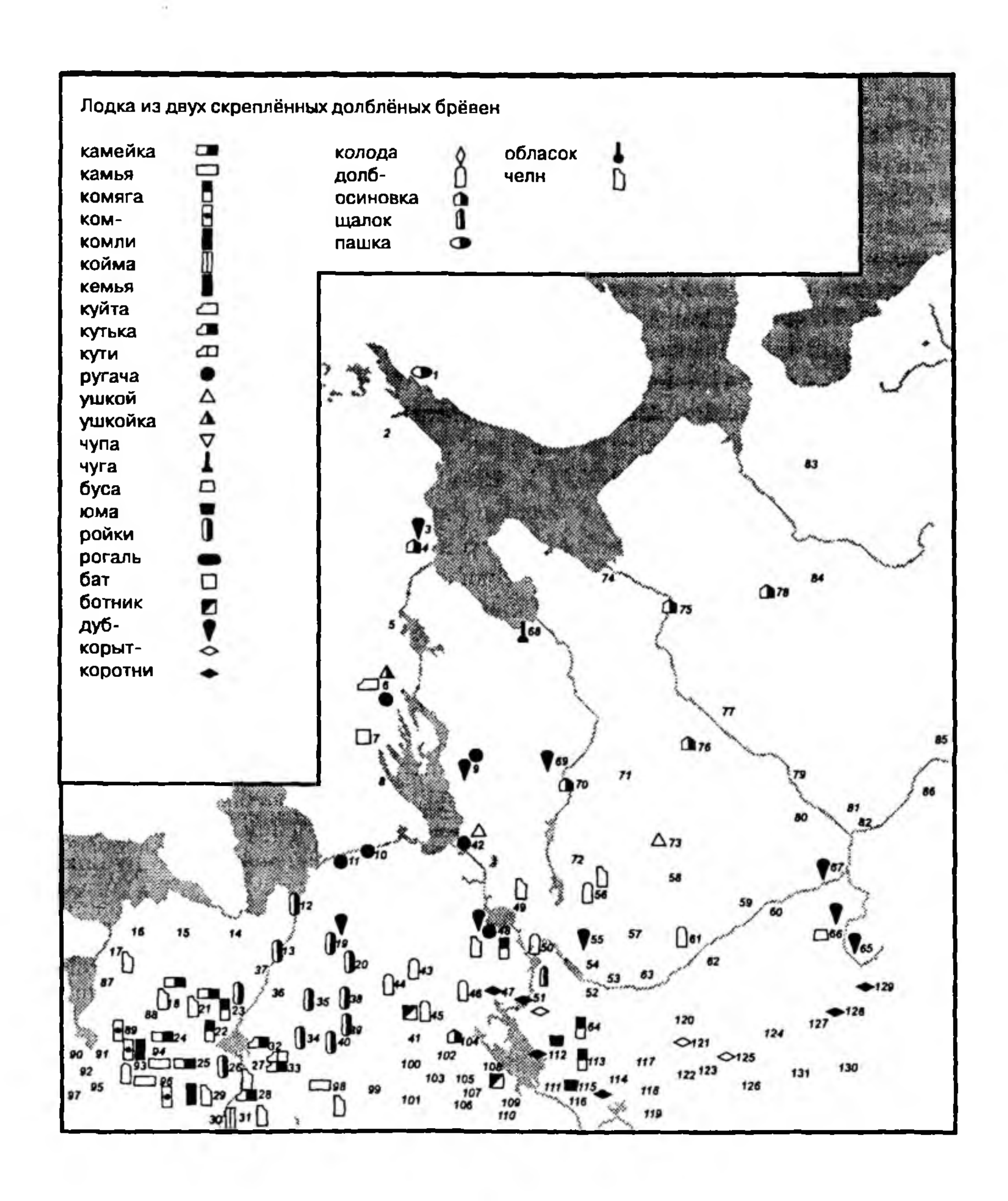
Данный раздел очень хорошо представлен в Программе ЛАРНГ, где ему посвящено 103 вопроса, которые выясняют названия различных видов судов и лодок, а также их частей и деталей (Программа ЛАРНГ, 313-316). Для наших целей такая обширная программа вряд ли могла подойти. Априори, совершенно очевидно, что использование тех или иных транспортных средств связано с типом водоема (река, озеро, море) и степенью его включенности в хозяйственную деятельность. И поэтому некоторые вопросы могут иметь ответы только на крупных водоемах, другие – на небольших.

Для сбора данных по этому разделу нами использовались следующие вопросы:

1. Лодка из двух скрепленных долбленых бревен.
2. Парусная лодка.
3. Настил на дне лодки.
4. Употребляется ли и в каких значениях слово *карбас*?
5. Рукоять (кормового) весла.
6. Плот.

В данной работе для картографирования был выбран вопрос № 1.

КАРТА № 51
Лодка из двух скрепленных долбленых бревен



Лодки, выдолбленные из дерева, а чаще всего из осины, характерны для всей Северной Европы, причем они встречаются в археологических раскопках, датированных 9 в. н. э. (Sirelius, 1913). Хотя это довольно примитивные плавательные средства, используемые, в основном, на небольших водоемах, как отмечал Зеленин: "Лодки очень разнообразны, однако названия еще разнообразнее их типов" (Зеленин, 1991, 173). На обследуемой территории лодки-долбленки встречаются двух типов: 1) лодки с бортовыми балансирами или балансиром, 2) лодки из двух скрепленных долбленых бревен, с доминированием последнего типа; однако довольно часто они не различаются в названии, и нередко весьма затруднительно классифицировать ту или иную лексему по ее принадлежности к определенной реалии, поскольку в настоящее время их уже не изготовляют, а используют уцелевшие старые образцы. Среди зафиксированных данных имеется немало исконных слов, по происхождению связанных с материалом, древесиной, из которой выдалбливались такого рода лодки. Лексема **осиновка**, отмечаемая в архангельских, беломорских говорах (по СРНГ: Арх., Мурман., Беломор., Онеж., Новг., Волог., Перм., Свердл., Тобол.), находит прямое соответствие в карельских диалектах, ср. кар. *hoapa* 'осина' (KKS, 1, 291), кар. тихв. *huavasta luajitah venehtä i kartoi* – из осины делают лодки и корыта (KKS, 1, 291), ср. также фин. *haapio* 'челн, выдолбленный из осины', эст. *haabjas* 'лодка, небольшая лодка, ялик', мотивированных на прибалтийско-финской почве материалом, из которого изготовлялись лодки-долбленки, с совпадением в семантике с русским данными (SSAP, 1, 126). Причем ливвиковские материалы в отношении данного наименования имеют другое дерево в качестве мотивировочного признака, ср. ливв. *hongoi* 'челн, лодка, долбленая из цельного дерева', при ливв. *hongu* 'большая сосна' (СКЯМ, 72; см. также KKS, 1, 308).

В зафиксированном материале представлено довольно много деривационных вариантов, которые картографируются частично, в противном случае легенда карты была бы излишне перегружена и не отвечала бы задаче показа субстратной лексики. Исходя из этого лексемы с корнем **дуб-** на карте отражаются, одним знаком. Отмечены следующие дериваты: **дуби́на** (Тихвинский район, также псковские говоры, которые попали в сетку обследования лишь частично – ПОС, 10, 30), **дуба́н** – К дубану пришиваешь две колоды, чтоб не переворачивались (Плесецкий район), **дуба́ны** – Дубаны делали, два корыта по сажени сколотят рядышком (Пудожский район). Особняком стоит слово **ду́бас**, бытующее в вологодских говорах. В рукописном Словаре Дилакторского дубас представлено следующим образом – **ду́бас** "род длинного корыта, выдолбленного из осинового бревна, заменяющего на некоторых речках лодку, причем веслами не работают, а отпихиваются колом". Ранее в XVIII в. слово **ду́бас** отмечается Симони в Великом Устюге (Симони, 1757; СРЯ XVIII в., 7, 22). В СВГ **ду́бас** "выдолбленная из осиновой колоды лодка с наращенными для ее устойчивости бортами-крыльями из досок; в движение приводится посредством отталкивания шестом" (Кичменско-Городецкий, Велико-устюгский, Никольский районы) (СВГ, 1985, 62). Однако, несмотря на то, что

данный вариант характеризуется устойчивой локализацией и формантом *-ac*, возможно финно-угорского происхождения, полностью относить слово к неисконному влиянию не представляется возможным (См. также Фасмер, 1, 548). Отмечается также бессуффиксальный вариант: **дуб** "лодка, выдолбленная из сосновой колоды" (у карелов в Кемском уезде в Словаре Подвысоцкого), которое Фасмер анализирует на славянской почве, ср. серб. *дŷб* (Фасмер, 1, 548).

В брянских и псковских говорах исследуемая реалия весьма вариативна в ее лексической манифестации: **камьи́ны, камью́ха, камью́шка, комя́шка, ко́мья́, камья́, кемья́** (Богородский, 1968, 94). Кроме того, в ином значении слово **комя́га** фиксируется начиная с XVIII в.: "выдолбленная из бревна лодка", обл. (СРЯ XVIII в., 10, 128). Бурнашев отмечает вариант **комыга́** "род полубарок на реках в Волыни и на западном Буге, в 10 саж. длиною, 3 шириною; с грузом ездят в воде на аршин; служат лет 5, ходят вверх и вниз по реке". В словаре Носовича представлена лексема **комяга** "выдолбленное толстое бревно, употребляемое вместо лодки". Комягу не так ловко увернеш, як човен (Носович, 1870, 244). Слово **комяга** с первой половины XVII века фиксируется на Дону в значениях 'выдолбленная из бревна лодка', 1638 г., 'выдолбленное в виде корыта бревно для хранения воды', 1615 г. (СлРЯ XI-XVII вв., 7, 268). Богородский относит термин **комяга** к польскому влиянию (Богородский, 1968, 102). А. И. Попов весьма резонно выдвигает версию исконного происхождения данного материала, исходя из того, что "слово комяга чаще всего употребительно в русских говорах во множественном числе.., обозначая по преимуществу два древесных выдолбленных комля, скрепленных между собой связью и предназначенных для плавания по озерам" (Попов, 1971, 211, 212). Брюкнер еще ранее классифицировал этот материал, на основе польских данных как общеславянский (SSJP, 1957, 249, 250). Таким образом, отпадают как не нашедшие подтверждения как тюркская, так и германская этимологические версии (см. Фасмер, 2, 307). В ЭССЯ предпринята попытка уточнить славянскую версию не как **kom-ęga* с суффиксом *-ęga*, а как весьма архаичное расширение с помощью суффикса на задненебный (*-ga*) первоначально консонантной основы **komen-* (ЭССЯ, 10, 173). Ареал данного гнезда на Северо-Западе России: псковские, новгородские, белозерские говоры, свидетельствует в пользу общеславянской гипотезы.

Материал прибалтийско-финского происхождения довольно обширен. Лексема **ру́гача, ру́гачи** вепсской этимологии, ср. вепс. *rüh, ruụhd'* 'лодка-долбленка', фиксируется в Посвирье, Обонежье и Белозерье, подтверждая устоявшеюся версию. Варианты **ку́йта** и **ку́тька** в силу их разной ареальной дистрибуции представляют результат влияния различных карельских диалектов, первый общекарельского, ср. кар. *kuit't'i*, ливв. *kuitti* 'лодка', второй – тверских карел, ср. кар. твер. *kuwt't'i* 'лодка-долбленка'.

Лексема **чу́па** фиксируется только в Каргополье, хотя в иных сходных значениях и форме отмечается несколько шире в вологодских говорах. Ее происхождение возможно связать как с саамским, так и с карельским влиянием.

Лексема **ро́йки** образует ареал в Поволховье, на рр. Ояти, Мсте, вероятно возможно в качестве источника рассматривать прибалтийско-финский

материал, ср. вепс. *roikod* 'две осиновые лодки в виде корыта, соединенные вместе', однако вепсские данные не имеют однозначного прочтения. Их можно трактовать как вепсский вариант фин. *ruuhi* 'челн', и как результат русского диалектного влияния, ср. **ройка** 'продольная выемка в бревне'.

Слова **ушко́й, ушко́йка** отмечаются в Обонежье и в Вельском р-не Архангельской области. Миккола обосновывает их древневепсское происхождение (Mikkola, 1913, 160-163).

Лексема **бу́са** имеет только одну фиксацию на востоке Вологодской области, причем вне обследуемого региона она отмечается в вятских говорах – **бу́са** "две выдолбленные колоды с суженными полосами, которые скреплены между собою и служат для плавания по пруду, где не употребляются лодки" (Васнецов, 1907, 22), в ярославских – **бу́са** "выдолбленная из одного куска дерева лодка" (ЯОС, 1982, 32), т. е., хотя и не с тождественной, но со сходной семантикой данное слово представляет вологодско-ярославско-вятский ареал. Первая фиксация данного слова датируется началом XV-го века с северной локализацией: **буса** "род мореходного судна" (1419). Того же лѣта, пришедъ мурмане войною, въ 500 человѣкъ, в бусахъ и въ шнекахъ, и повоеваша в Арзуги погостъ Корильскый. Новг. 1 лет. (СРЯ XI-XVII вв., 1, 358). В ПОС слово **буса** "большое весельно-парусное судно" фиксируется только в исторической части словаря под 1448 г. (ПОС, 2, 222). В XVII веке слово **буса** "род судна" фиксируется по сибирским источникам (Илим., 1683, Нерчин., 1682, СРНДР, 14). По источникам XVIII века слово **бу́са** "дубовое долбленое двухмачтовое судно, похожее на ладью" фиксируется на Дальнем Востоке и на Каспийском море (СРЯ XVIII века, 2, 172). По СРНГ отмечается **бу́са** 'большой корабль' (Симб., Оренб., Урал), **буса́** 'китайская лодка' (Амур), причем на Амуре варианты **буса́, бусы́** "китайская лодка, джонка" (СРГП, 32). По материалам ПЛГО и другим диалектным источникам европейской части России слово **буса** имеет значение, анализируемое на данной карте, тогда как по сибирским диалектным данным и историческим источникам лексема **буса** дается семантика 'большое вместительное плавательное средство'. Так например, в Словаре Срезневского **буса** – род судна: .. взяли у нихъ бусу одну, на ней было полтораста человѣкъ да четыре пушки (Срезневский, 1, 194). Срезневский и следом за ним Преображенский относят данный материал к древнескандинавскому влиянию – *bussa, bûza* 'род судна' (Срезневский, 1, 194; Преображенский, 55), см. также Фасмер (Фасмер, 1, 251). Аникин также останавливается на традиционной этимологической версии, отметая сравнение дальневосточного материала с кит. *бо* 'судно' (Аникин, 1997. 150). На наш взгляд, возможно развести **буса** 'судно, корабль', 'китайская лодка, джонка' и **буса** 'лодка-долбленка'. В первом значении данная лексема, вне всякого сомнения восходит к скандинавскому влиянию; что касается второго значения, фиксация его на востоке исследуемой территории, в сфере влияния коми языка позволяет наметить пути разграничения этих лексико-семантических вариантов, как гетерогенных омонимов, ср. коми *бус* "длинное широкое корыто для кормления домашнего скота заварным кормом" (ССКЗД, 31), мар. *пуш* 'лодка' (РМС, 184). Однако на финно-угорской почве не ясно взаимоотношение данного материала.

Лексема **ю́ма**, зафиксированная в Пошехонье и смежных ярославских говорах, в ином, но сходном значении фиксируется начиная с 1347 г. – др.-русск.

юма 'вид лодки' (Срезневский, 3, 1626). В этом же ареале данное слово отмечается в диалектных источниках XIX века: **ю́ма** 'плот из сплавляемых бревен' (Пошех. Яросл., Архангельский, 1849), **юма** 'то же, что кошма – сплоченные бревна, гонимые по воде, гонки, из коих выходит около 3-х сажен дров" (Черепов. Новг., Эрдман, 1852), **юма** 'соединение нескольких плотов из бревен, сплавляемых по воде' (Яросл. (Норское), Богородицкий, 1927-1928, 138). В Доп. Опыт. на слово **юма** допущена ошибка в толковании на основании ошибочного понимания семантической трактовки Эрдмана – юма 'кошма'; и в этом словаре толкование "кошма" получила ещё неверный синоним – войлок; "юма .. 2) Тоже что кошма, войлок. Новгор. Череп.". Слово **юма** вошло в лесоводческую терминологию: **юма** 'дровяной плот в 40-50 сажень аршинных дров на р. Шексне' (Вереха, 1896). Фасмер в отношении происхождения лексемы отмечает его неясность (Фасмер, 4, 530). Довольно трудно отнести анализируемое слово к каким-либо славянским соответствиям, притом, что его ареал связан с территорией, где соприкасается прибалтийско-финское влияние (Череповецкий уезд) и субстратное мерянское, однако сложно сказать, имеет ли отношение к нему фин. *uiva* 'плавающий' или манс. *uíam* 'плавать' (SKES, 1519); возможна так же субстратная реконструкция на иной языковой почве и семантической основе, ср. латыш. *jumis* 'двойчатка (что-л. сросшееся)' (ЛРС, 88). Нельзя также исключать связь со смол. **рюм** "место для склада леса, лесная пристань" (Добровольский), восходящее к др.-сканд. *rúm* 'место' (Фасмер, 3, 533).

Лексема **ко́ротни**, на первый взгляд, связана с гнездом **корыт-** с прозрачной исконной мотивацией, однако ср. коми *кöртавны* 'завязать, связать, привязать' (КЭСКЯ, 142), при данных вятских говоров: **ши́тик** 'два сшитых корыта, заменяющих лодку' (Зеленин, 1901), что семантически довольно близко к данным коми языка.

Три лексемы являются результатом саамского влияния **па́шка**, ср. саам. *pas̆kᴬ* 'небольшая морская лодка' (KOLTS, 1958, 343); **чу́га**, ср. саам. *tšŭᵓk̄k'ᴱ* 'сундук, гроб'; **чу́па**, ср. саам. *sußes* 'киль'. Таким образом, в западной части региона, псковские, новгородские говоры, доминирует славянский материал; с корневыми морфемами **кам-, ком-, челн**; несколько восточнее – **долб-**; широкая, но не регулярная дистрибуция представлена корнем **дуб-**.

Прибалтийско-финские по происхождению данные представлены вепсским типом: **ругача, ушкойка, ройки**; карельским – **кутька, кути**.

Ареал слов **осиновка, коротни** допускают возможность семантического калькирования соответствующих финно-угорских данных.

Слово **рога́ль**, вероятно, также неисконного происхождения, однако связать его с определенным прибалтийско-финским типом весьма затруднительно.

Одна лексема **обласо́к** имеет корень, который восходит к прибалтийско-финским данным – **ласт** 'материал для обивки лодки', ср. фин., ливв. *lasta* 'дранка, планка' (Фасмер, 2, 463), **области́ть** 'обить по пазам дранкой' (Даль), однако Фасмер выдвигает надуманную версию о связи со словом **облый** 'круглый', которая не подтверждается словообразовательными типами (Фасмер, 3, 102).

ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕИСКОННОЙ ЛЕКСИКИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Взятые за основу в данной работе лингвогеографические методы получения, репрезентации и анализа лексических данных позволяют (при анализе конкретных материалов) иметь в своем распоряжении достаточно полную совокупность единиц, манифестирующих изучаемый концепт с детальными ареальными характеристиками, что существенно повышает корректность выдвигаемых этимологических версий и дает возможность серьезной верификации уже апробированных этимологий.

Естественно, что лексические ареалы, полученные в результате картографической репрезентации имеют различную неисконную составляющую, в большинстве случаев зависящую от специфики концепта или реалии. По разным разделам Программы-вопросника, которая направлена на выявление неисконных данных, манифестирующие материалы, при наличии тенденции проявлять доминирующий субстратный тип, могут существенно различаться в зависимости от того, какой концепт или реалию они воспроизводят. Поэтому для такого рода данных, кажется неправомерным построение синтетических карт, которые бы показывали совокупность различных типов субстрата как некую сумму ареалов, извлеченных из различных карт. Хотя наша работа и не представляет синхронный срез лексических данных русских говоров Северо-Запада, а ориентирована на ретроспективу, субстратный лексический материал (как диахроническая совокупность неисконных единиц) при построении таких карт представил бы собой разновременной конгломерат лексем неславянского происхождения без возможности их детальной ареальной привязки. Однако, отдельные лексические субстратные единицы не только представляют порождающий их тип, но и характеризуют специфику лексической системы того или иного русского говора (говоров); т. е. именно неисконные лексические данные способны служить индикатором границы ареалов, а значит представлять собой подспорье при разработке диалектного членения. Так, например, вот что может дать включение субстратных данных для анализа выделения белозерско-бежецких говоров.

На “Диалектологической карте русского языка в Европе” 1914 года рассматриваемые говоры представляют собой пограничную западную часть восточной группы северновеликорусского наречия с границами, проходящими на западе по р. Онеге, севернее Белого озера, далее на юго-запад к г. Устюжне; на юге по рр. Мологе, Волге до впадения в последнюю р. Унжи. По “Диалектному членению русского языка” (Захарова, Орлова, 1970, 120) в анализируемом регионе выделяются белозерско-бежецкие говоры и костромские говоры (их западная часть). При теоретическом обосновании диалектного членения декларируется, что “диалектное членение строится на основе систематического изучения всех случаев совмещения ареалов, при котором изоглоссы образуют пучки, обладающие известным сходством очертаний” (Русская диалектология, 1964, 228), причем утверждается, что “при установлении диалектного членения языка речь не идет о выделении диалектных объединений по наличию любого сочетания ареалов, выделяющих ту или иную территории, а о сочетании наблюдений над расположением

ареалов и пучков изоглосс с изучением характера самих явлений, входящих в состав языкового комплекса того или иного диалектного объединения, проводимого с синхронной точки зрения" (Захарова, Орлова, 1970, 9). На деле, при практическом воплощении продекларированных методов разграничение и структурирование диалектных группировок русского языка, в основном, строится на базе фонетических и грамматических дифференциаций. Несомненно, это имеет причины в том, что фонетико-грамматическая организация говора всегда устойчивее, нежели его лексическая система, поскольку слово более подвижно в пространстве и менее устойчиво во времени. Нередко, когда предпринимается попытка привести специфические лексемы, характеризующие те или иные говоры, представляют слова широкого распространения или интердиалектную лексику. Так для белозерско-бежецких говоров предлагается 10 слов, по мнению авторов характеризующих эти говоры: **кожанки, шубянки** 'рукавицы, сшитые из овчин', **назем** 'навоз', **пеун** 'петух', **порато** 'очень', **дерево** 'составная деревянная часть сохи', **ботать** 'бодать – о корове', **жнитвина** 'сжатое поле', **мырчит, мыркает** 'мычит – о корове' (Захарова, Орлова, 1970, 116, 121). Однако, все они имеют более широкое распространение, чем данная диалектная группировка – общий северно-русский ареал, и, кроме того, общерусскую мотивацию, на основании которой проявление лексем возможно на всем пространстве русского языкового континиума.

Довольно часто лексическое своеобразие говора определяют не только элементы архаики или инновации лексической системы, поскольку слова общеславянского/общерусского фонда при тождестве первичной мотивации могут, как указывалось выше, фиксироваться в разных диалектах русского языка, ср. **вешкарь** 'гриб подосиновик' (белозерские, брянские говоры), 'гриб масленок луговой' (белозерские, пошехонские говоры), **кульма** 'средняя или задняя часть бредня' (моложские, пошехонские, брянские говоры), а влияние иноязычных лексических систем. Причем нередко субстратная лексика, в отличие от заимствованной, не выходит из ареала проникновения в русские говоры (это не касается старых заимствований тюркизмов, которые не имеют ареальной привязки и слов прибалтийско-финского происхождения несубстратного типа, широкое распространение последних связано с миграцией русского населения либо с их вхождением в терминологические системы местного или национального масштаба).

Иноязычная (финно-угорская) лексика представляет следующие типы ареалов в белозерско-бежецком регионе.

1. Ареал автохтонной лексики, локализованной в говорах вокруг Белого озера, например: **та́гас** 'большой зимний невод', **вашка́л, вашка́ла** 'рыба уклейка', **ку́нжа** 'иней или снег на деревьях' – вепсско-саамский.

2. Белозерье является частью единого ареала с говорами Обонежья, Беломорья, ладого-тихвинскими, вологодскими, например: **пи́нда** 'сердцевина сосны', **па́нкаре́ги** 'дровни', **кона́рник** 'багульник' – общеприбалтийско-финского типа, с возможной дифференциацией на вепсско-карельский.

3. В говорах по течению р. Мологинеисконная лексика представлена остаточными прибалтийско-финскими реликтами: **карзи́на** 'подполье', ср. вепс. *karzin* 'подвал, подполье'.

4. Говоры западных р-нов Ярославской области представляют собой маргинальный ареал, обусловленный влиянием говоров тверской области

(тверских карел): **ка́ржи́на, ка́ржевина, ка́ржинка** 'пристройка к печи с лазом в подполье', ср. кар. твер. *karžina* 'подполье, подвал'.

5. В ряде случаев в говорах по р. Мологе, бассейна Шексны наблюдаются единичные фиксации субстратной лексики, основной массив которой расположен в говорах Костромской области: **кара́с, кара́сь** 'сруб в основании опоры моста', 'короткое бревно в деревянном срубе, врубленное в его угол', ср. **кара́с, кара́сь** 'треугольный сруб в основании плотины', 'бревенчатая стенка, укрепляющая берег у плотины' (с фиксациями в восьми районах Костромской области (Востриков, 1981, 20); ср. удм. *корос* 'опалубка, сруб колодца, ямы' (КЭСКЯ, 142).

Таким образом, наиболее дифференцированную картину говоров по лексическим данным дает лингвогеографическое обследование, с ориентацией на неисконные данные.

В русских говорах Северо-Запада финно-угорские пласты лексики составляют основной массив слов неисконного происхождения. Однако, как видно из материалов представленных карт, имеются, далеко не единичные, данные тюркской и балтийской природы. Причем в отношении балтизмов можно выделить единицы, вошедшие в русские говоры непосредственно из балтийского континуума и слова, имеющие в качестве источника финно-угорские языки с конечным балтийским источником. По результатам лингвогеографического и ареальных исследований можно констатировать, следующее: ареалы слов балтийского происхождения имеют дистрибуцию сориентированную с запада на восток (псковские, новгородские, вологодские говоры) и с юга на север (московские, тверские, ярославские говоры); нередко балтийские и прибалтийско-финские лексические ареалы являются смежными территориально, но явно дистантными хронологически; распространение в русских говорах лексики из прибалтийско-финских языков с конечным балтийским источником не связано с балтийскими языками, поскольку контакты первых являются значительно более ранними, кроме того, об этом же свидетельствуют данные исторической фонетики, ср. русск. диал. **га́лога** 'иней', кар. *halla*, вепс. *hала, hалл* 'иней, заморозок' (СВЯ, 103), литов. *šalnà*.

Тюркские данные, фиксируемые – иногда даже в Беломорье, новгородских говорах, представляют устойчивые ареалы в костромских говорах, хотя в ряде случаев следует разводить единицы финно-угорской и тюркской природы, ср. **са́йпа** 'мыло' (Кондопожский район, КСРГК), ср. фин. *saippua* 'мыло' (Фасмер, 3, 546) и **сабы́н** 'мыло' (Челябинская обл.), **саба́н** 'мыло' (Башкирия) по КСРНГ, которые следует сопоставлять с татар. *сабын* 'мыло' (ЭСЧЯ, 196). См. также Мызников, 2001.

ИНДЕКС МАТЕРИАЛОВ

КАРТА №1
Кустистая ива; заросли ивы

1.
2.
3.
4.
5.
6. ра́йда;
7.
8. ра́йда;
9. ра́йда, ердо́вник, пайня́к;
10.
11. бред, бреди́на;
12.
13.
14.
15.
16. бредня́к;
17. бред, бреди́на;
18.
19. ко́зья и́ва;
20. бреди́на;
21. бреди́на;
22.
23. музга́;
24.
25. бред, музга́;
26. бре́дина, бреда́, музга́, ротишка;
27. музга
28.
29. музга́;
30. бред, бредня́к;
31. музга;
32.
33. бреди́на, бреда́, райда;
34.
35. музга;
36.
37. ерга́, бреди́на;
38.
39. бреди́на, музга;
40. бредня́к;
41. бред, бреди́на;
42. ра́йда, райди́на;
43.
44.
45. бреди́на;
46. вигня́жник;
47. вигня́к, вигня́жник;
48. виня́к;
49. ра́йда, райдо́вник, бреди́на;
50. ра́йда;
51.
52.
53. вигня́жник, ивня́жник;
54. ра́йда;
55.
56. райдо́вник;
57.
58.
59.
60. луто́шка;
61.
62.
63.
64.
65.
66.
67.
68.
69.
70. ра́йда, райди́на, райдо́вник;
71. ра́йда;
72.
73.
74.
75.
76.
77.
78. ера́, ё́ра;
79. ера́, ё́ра;
80.
81.
82.
83. ера́, ё́рка;
84. ера́, ё́ра;
85. тали́на;
86.
87. бред, бреди́на, бредня́к;
88. бреди́на;

89.
90.
91. бред, бредня́к
92. бреди́на;
93.
94.
95. бред, бреди́на;
96.
97.
98. бреди́на;
99.
100. бреди́на;
101. бреди́нина;
102.
103. бреди́на;
104. бредня́к, бредня́жник;
105. бреда́;
106.
107.
108. бред;
109. бред, бредня́к;
110. бред;
111. бреди́на, вязни́к;
112.
113. бредня́к;
114.
115.
116.
117. бре́ди́на;
118. бреда́, бреди́на;
119. вя́зник;
120.
121. та́льник;
122. бреди́на;
123.
124.
125. та́лина;
126. бреди́нина;
127. та́лина;
128.
129. ера́;
130.
131.

КАРТА № 2
Красная смородина

1.
2.
3.
4.
5.
6. кисели́ка, кисели́ца;
7. сестрени́ка, кисели́ка, кисели́ка;
8. сестрени́ка, сестрени́ца;
9. кисели́ка, кисели́ца;
10. сестрени́ка, сестря́ника, сестрени́ца, сестряни́ца;
11. сестрени́ка, сестрени́ца;
12. сестрени́цы;
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19. сестре́нцы, сестри́нцы, сестре́нь, сестре́ница, сестри́ница;
20. сестре́ница;
21.
22.
23.
24. княжи́шник;
25.
26. ледуни́ца;
27.
28.
29.
30.
31.
32.
33.
34. тю́хтя;
35. се́стре́ница;
36.
37. ледуни́ца;
38. ледуни́ца;
39. ледуни́ца, тю́ктя;
40. ледуни́цы, тю́хтя, тю́ктя;
41. ледуни́ка, ледуни́ца;
42. сестрени́ца, сестряни́ца, киселика;

43. лидуни́цы, сестря́нка, сестрёнка, ки́слица;
44. ледуни́ца;
45. ледуни́ка, ледони́ка, ледуне́ц;
46. княжа́нка;
47. княжени́на, ледуне́ц;
48. княжи́ца;
49. княжи́ца;
50. княжи́ца, княжа́нка;
51. княжи́ка, княжи́ца;
52. ки́сельца, княжи́ца;
53. княжи́ца;
54.
55. княжи́ца, кня́жка;
56. княжи́ца;
57. княжи́ца;
58. ки́слица, ки́сельца, княжи́ца;
59. ки́слица, ки́сельца;
60. ки́слица, ки́сельца;
61. княжи́ца;
62.
63. княжи́ца;
64. княжи́ка, княжени́ка;
65. ки́слица;
66. ки́слица, княжни́ца;
67. ки́слица, княжи́ца;
68. кисели́ка, кисели́ца;
69. кисели́ка, прутови́ца;
70. княжи́ца, кисели́ца, прутови́ца;
71.
72.
73. ки́сельца;
74. ки́селица;
75.
76.
77.
78.
79.
80.
81.
82.
83.
84.
85.
86.
87.
88.
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100. лядуни́ка;
101.
102.
103. лядуни́ка;
104. ледуни́ка;
105.
106.
107.
108. княжени́ка;
109. же́стель;
110. княжени́ка;
111.
112.
113.
114.
115.
116.
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 3
Багульник

1. кана́бра;
2.
3. кана́бренник, кана́вренник, багу́ла;
4. кана́бра, кана́бренник, кана́вра;
5. кана́бра, багу́ла;
6. кана́бра, кана́барник, кана́бранник;
7. кана́бренник;
8. кана́бра;
9. кана́бренник, кона́вриник, багу́ла;
10. кана́вра;
11. кана́бра, багу́ла;
12. кана́бренник, кана́вленник, свину́шник, свина́рник;
13. кана́рва, кона́рва;
14.
15.
16.
17.
18.
19. кана́бра, кона́брик;
20. кона́врик;
21. свину́шник, деко́п;
22. баго́вник;
23. кана́бра, баго́вник;
24. баго́вник;
25. баго́вник;
26. баго́н, баго́вник;
27.
28. свину́шник, богу́н;
29. баго́н, бага́н, багу́н;
30. баго́вник, бага́н;
31.
32. баго́вник;
33. свина́рник, баго́вник;
34. свина́рник;
35. кона́рва, кана́вник, свину́шник;
36. кана́брик, кана́врик, кона́рва, свину́шник, баду́льник;
37. кана́бра, кона́врик, кана́рвенник, кана́рвленник, свину́шник;
38. свину́шник;
39. свину́шник, баго́вник, ба́га;
40. свину́шник, баго́вник, ба́га;
41. баго́вник, ба́га;
42. кана́бра, кана́бренник;
43. кана́бра;
44.
45.
46. баго́нник;
47.
48. кана́рник, кона́рник;
49. кана́рник;
50. багу́ла;
51. багу́ла;
52.
53. душни́чник;
54.
55.
56.
57.
58.
59.
60.
61.
62.
63.
64.
65.
66.
67.
68. кана́бра, кана́бо́рник, багу́ла;
69. кана́бренник;
70. кана́бренник, багу́ла;
71. кана́бренник;
72.
73. багу́ла;
74.
75. багу́ла;
76.
77.
78.
79.
80.
81.
82.
83.
84.
85.
86.
87. багу́н, габу́н;
88.

89. бабня́г, бабуння́к;
90. багу́н;
91. багу́н;
92. багу́н;
93. багу́н;
94.
95. багу́н, габу́н;
96. бага́н, багу́н;
97. багу́н, габу́н;
98. баго́вник;
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111.
112. багу́ла;
113.
114.
115.
116.
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 4
Кипрей; таволга

1. го́рма 'кипрей';
2.
3.
4. го́рма 'кипрей';
5.
6. го́рма, бо́рма 'кипрей';
7. го́рма 'кипрей';
8. го́рма 'кипрей', ромжа́ 'таволга';
9. го́рма 'оба знач.', ро́мжа 'кипрей', ромжа́к 'оба знач.', ромжа́ 'таволга';
10. го́рма, го́рмага 'кипрей';
11. го́рма 'кипрей', го́бега 'кипрей'
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19. го́рма 'кипрей', хряпа́ 'кипрей';
20.
21.
22.
23.
24.
25.
26.
27.
28. го́рма 'таволга';
29.
30. ёрма.'таволга';
31.
32.
33. го́рма 'таволга';
34.
35.
36. го́рма 'таволга';
37.
38.
39.
40.
41.
42. го́рма, ро́мжа, ро́мжак 'кипрей', роможня́к 'таволга';
43.
44.

45.
46.
47.
48.
49.
50.
51.
52.
53.
54.
55.
56.
57.
58.
59.
60.
61.
62.
63.
64.
65.
66.
67.
68.
69. ромжá 'таволга';
70. ромжá, формá 'таволга';
71.
72.
73.
74.
75.
76.
77.
78. ремжá, ремзá 'таволга';
79.
80.
81.
82.
83.
84.
85.
86.
87.
88.
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111. пожáрник 'кипрей';
112.
113.
114.
115. пожáрник 'кипрей';
116.
117. вáнька-чáй;
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 5
Шиповник

1.
2.
3. щипи́чник;
4.
5. шипи́чник,
6. петушки́, щипи́чник;
7.
8. кукара́ндыш, петушки́, шипи́чник, куккышкара́нгыш;
9. петушки́, щипи́чник;
10. кукара́ндыш, кукышкара́ндыш, кукишкара́ндыш, пету́нье дерево, ку́кошкара́ндыш;
11. петушня́к, пету́нник, ку́коши, ку́ка; кара́ндыш;
12. петушня́г, пету́шник;
13. петуши́на, пету́нье дерево, пету́ньи ягоды;
14. шипи́ца;
15. шипи́ца;
16.
17.
18. толокня́нка;
19. петушня́к, пету́шник, пету́ньяк, пету́шьи ягоды;
20. петунння́к, пету́нье дерево;
21.
22.
23.
24. толокня́га, толокня́жка;
25.
26.
27.
28.
29.
30.
31.
32. петуни́на;
33.
34. петушня́к;
35. петушня́к, пету́нье дерево;
36. пету́нье дерево;
37. петушня́к;
38. пету́нье дерево;
39. петушня́к;
40. петушня́к, петушня́г, петуши́нник;
41.
42. кукара́ндыш, кукакара́ндыш;
43. чипари́га;
44.
45.
46.
47.
48. чипари́га, чапары́ш;
49. шипи́ца, чипари́с;
50. чипари́с;
51. чипари́с;
52.
53. шипи́чник;
54. шипи́ца;
55. шипи́ца;
56. шипи́ца;
57.
58. шипи́ца;
59. шипи́ца;
60. шипи́ца;
61. шипи́ца, шипи́чник;
62. шипи́ца;
63. шипи́ца;
64.
65. шипи́ца;
66. шипи́ца, шипи́чник;
67. шипи́ца, шипи́чник;
68. щипи́чник;
69. шипичня́к;
70. шипичня́к;
71.
72.
73.
74. шипи́чник;
75. бара́шки;
76. шипичня́к, бара́шки;
77.
78. шипи́ца; бара́шки;
79. шипичня́г;
80.
81.
82.
83. бара́шки;
84. бара́шки;

85.
86. шипи́ца;
87.
88.
89.
90.
91.
92.
93. толокня́нка;
94.
95. толокня́шник;
96. толокня́нка;
97. толокня́шник;
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108. шипи́га;
109. щипу́льник;
110.
111.
112. щипу́шник;
113.
114. шипи́га;
115. щипу́шник;
116.
117. шипи́га;
118.
119. толокня́ник;
120. толокня́ник;
121. шипи́га, ши́пша;
122.
123. шипи́ха;
124.
125.
126. шипи́га;
127.
128.
129. шипи́ца;
130. шипи́ца, шипи́га;
131. шипи́шник.

КАРТА № 6

Черный гриб в виде нароста на стволе березы

1. па́ккула, па́кула, па́пкула, ми́фор;
2.
3. па́ккула;
4. па́ккула, па́кула, па́кулка;
5. па́ккула;
6. па́ккула, па́кула, па́ткула;
7. па́ккула;
8. па́ккула, па́кля;
9. па́ккула, па́кула, пакули́на;
10. па́кла, па́кля, па́клина;
11. па́кла, па́клина, па́кулина, ча́га;
12. ча́га;
13. па́ккулина, па́клина, па́кколка ;
14. ча́га;
15. хо́лка;
16.
17. па́клина;
18. ча́га;
19. ба́клина, па́пка, ча́га;
20. карау́лка, ча́га;
21. ча́га;
22.
23.
24. ча́га;
25. ча́га;
26.
27. ча́га;
28. ча́га;
29. губи́на;
30. гу́бка, ча́га;
31. жа́грина;
32.
33.
34. губи́на, ча́га;
35. гу́бина, ча́га;
36. гу́бина, ча́га;
37. па́кла, па́клина, па́колка;
38. ча́га;
39.
40. ча́га;

41. ча́га;
42. па́кля, тютя́к, ча́жега;
43. ча́мка;
44.
45. ча́га;
46. ча́га;
47.
48. ча́мха, ча́мка;
49. ча́мха, ча́га;
50. ча́мха, ча́га;
51. губа́, ча́га;
52.
53. баба́рка, ча́га;
54.
55. ча́га;
56. ча́га, гу́ба́;
57.
58.
59. чага́;
60. чага́;
61. ча́га;
62.
63.
64.
65.
66.
67.
68. па́ккула, па́кула, па́хкула, ла́мбуга, гу́ба;
69. гу́ба, па́кула;
70. па́кула, ча́га, тя́га, гу́ба;
71. гу́ба, па́кула;
72. гу́ба, па́кула;
73. гу́ба, ча́га, па́кула;
74. гу́ба, па́кула, па́ккула;
75. па́кула, гу́ба;
76. па́кула, па́ккула;
77. гу́ба, па́кула;
78. па́кула, губа́;
79. гу́ба, па́кула;
80. гу́ба;
81. гу́ба, па́кула;
82.
83. па́ккула;
84. гу́ба, па́ккула;
85. гу́ба, па́кула;
86. гу́ба, па́кула;
87. ча́до;
88.
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104. ча́га;
105.
106.
107.
108. ча́га;
109. ча́га;
110. ча́га;
111. ча́га;
112.
113.
114.
115.
116.
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124. чага́;
125.
126.
127.
128. гу́ба;
129.
130. чага́, вахлы́ш;
131. ча́га.

КАРТА № 7
Молодой, менее плотный слой древесины, лежащий непосредственно под корой, заболонь

1. пи́нда, мя́нда́ч;
2. пи́нда;
3. пи́нда;
4. пи́нда;
5. пи́нда;
6. пи́нда;
7. пи́нда, мя́нда;
8. пи́нда, мя́нда;
9. пи́нда, мя́нда;
10. пи́нда, мя́нда;
11. мя́нда;
12. пи́нда;
13. боло́нь, о́болонь;
14.
15.
16.
17.
18.
19. о́болонь;
20. мя́нда;
21. о́болонь;
22.
23.
24.
25.
26.
27.
28.
29.
30.
31.
32.
33.
34.
35.
36.
37. пи́нда;
38.
39.
40.
41.
42. пи́нда, мя́нда;
43. мя́нда;
44.
45.
46. пи́нда;
47.
48. пи́нда;
49. пи́нда, пи́ндра;
50. пи́нда;
51.
52.
53.
54.
55.
56. оболо́нок;
57. мя́нда, менда́;
58. мя́нда;
59. мя́нда;
60. мя́нда;
61. мя́нда;
62. боло́нь;
63.
64.
65. мя́нда;
66. мя́нда;
67. мя́нда;
68. боло́нь, мя́нда;
69. пи́нда, мя́нда;
70. пи́нда, мя́нда;
71. боло́нь;
72. пи́нда
73. боло́нь;
74. боло́нь;
75. боло́нь;
76. боло́нь;
77. боло́нь;
78. боло́нь;
79. боло́нь;
80. боло́нь;
81.
82. боло́нь;
83. мя́нда;
84. боло́нь;
85.
86.
87.
88.
89.

90.
91. оболо́нка;
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111.
112.
113.
114. заболо́нье
115.
116.
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 8

Водоросли (общее наименование)

1. ту́ра;
2. ту́ра;
3. ту́ра;
4. ту́ра́;
5. ту́ра;
6.
7.
8. шо́льга;
9. шольга́;
10. ня́лега, шо́льдига;
11.
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19.
20.
21.
22.
23.
24.
25.
26.
27.
28.
29.
30.
31.
32.
33.
34.
35.
36.
37.
38.
39.
40.
41.
42. ку́нджа, ня́рега;
43.
44.
45.
46.
47. шо́льник;
48. ку́нжа, шо́льга;

49. ня́ва, шо́леник, ша́йма;
50. шо́льга;
51.
52.
53.
54.
55.
56. шольга́, шульга́;
57.
58.
59.
60.
61.
62.
63. шо́льга;
64.
65.
66.
67.
68. ту́ра́, шо́льга;
69. шо́льга́;
70. шо́льга, шульга́;
71.
72.
73.
74.
75.
76.
77.
78.
79.
80.
81.
82.
83.
84.
85.
86.
87.
88.
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111.
112.
113.
114.
115.
116.
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128. шо́льга;
129.
130.
131.

КАРТА № 9
Сойка

1. ку́кша;
2.
3. кукша́рь, пу́кша;
4.
5. пу́кша;
6. ку́кша;

7. нéргач, паскрáч;
8. нéргач, паскáч, паскарáга, кукшáк;
9. кáгача, кáчага;
10. панкрáч, паскарáга, ря́ченга;
11. кя́ча;
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19. ри́нжа, рёнжа;
20.
21. рéнжа;
22.
23. рéнжа;
24.
25.
26.
27.
28.
29.
30.
31.
32. рéнжа;
33.
34.
35. рéнжа;
36. кожачóк;
37. рéньжень;
38. рéньжа;
39.
40. рóнжа;
41. рóнжа;
42. паскарáга;
43.
44.
45.
46.
47.
48. рóнжа, чирандýшка;
49.
50. рóнжа;
51.
52.
53.
54.
55.
56. рёнжа;
57.
58.
59.
60.
61. рóнжа;
62.
63.
64.
65.
66.
67.
68. кýкша;
69.
70. пýкша;
71.
72.
73. кýкша;
74.
75. кýкшенька;
76.
77.
78. кýкша;
79.
80.
81.
82.
83.
84.
85.
86.
87.
88.
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100. рóньжа;
101.
102.

103.
104. рóньжа;
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111.
112.
113.
114.
115.
116.
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 10
Ястреб

1.
2.
3.
4.
5.
6. гáбýк;
7. габýк;
8. габýк;
9. габýк;
10. габýк;
11.
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19.
20.
21.
22.
23.
24.
25.
26.
27.
28. конёк;
29.
30. кóних;
31. конёк;
32.
33.
34.
35.
36.
37.
38.
39.
40.
41.
42. габýк;
43.
44.
45.
46.
47.
48. габýк;
49.
50.
51.
52.
53.
54.
55.
56.
57.
58.
59.
60.

61.
62.
63.
64.
65.
66.
67.
68.
69.
70.
71.
72.
73.
74.
75.
76.
77.
78.
79.
80. гаўк;
81.
82.
83.
84.
85.
86.
87.
88.
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111.
112.
113.
114.
115.
116.
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 11
Самка глухаря, глухарка

1. ко́ппала, ко́пала;
2.
3. ко́ппала, ко́пала;
4. ко́ппала;
5. ко́ппала, ко́пала;
6. ко́ппала, ко́пала;
7.
8. ко́ппала, ко́пала;
9. ко́ппала, ко́пала;
10. ко́ппала;
11. ко́палуха;
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.

19.
20.
21.
22.
23.
24.
25.
26.
27.
28.
29.
30.
31.
32.
33. ко́палуха;
34. ко́палуха;
35.
36.
37.
38.
39.
40. мошну́ха;
41.
42.
43.
44. ко́ппала;
45.
46.
47.
48.
49.
50.
51.
52.
53.
54.
55.
56.
57.
58.
59.
60.
61.
62.
63.
64.
65.
66.
67.
68. ко́пала, пестру́ха;
69. ко́пала, ко́палуха;
70. ко́пала;
71.
72.
73. марью́шка, марью́ха;
74.
75. марью́ха, маранда́ха;
76. марью́ха, марандаха;
77. морда́ха, маранда́ха;
78. марью́ха, марью́шка;
79.
80.
81.
82.
83. марью́ха;
84. марью́ха;
85.
86.
87.
88.
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111.
112.
113.
114. securityополу́ха;
115.

116.
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 12
Печень рыбы

1. мáкса, вóюкса, бáлка;
2. вóюкса;
3. мáкса, вóюкса, бáлка;
4. мáкса, макóска, бáлка;
5. мáкса;
6. мáкса, мáкóска;
7. мáкса;
8. мáкса;
9. мáкса;
10. мáкса;
11. мáкса;
12. мáкса;
13. мáкса;
14.
15.
16.
17.
18.
19. мáкса;
20.
21.
22.
23.
24.
25. мáкса;
26.
27.
28. мáксица;
29.
30. мáкса;
31.
32.
33. мáкса;
34.
35.
36. мáкса;
37.
38.
39.
40.
41.
42. мáкса, мáйка;
43.
44.
45.
46.
47.
48.
49.
50. мáксá;
51.
52.
53.
54.
55. максá;
56.
57.
58.
59.
60.
61.
62.
63.
64.
65.
66.
67.
68. мáкса
69. макса, макóска;
70. мáксá;
71.
72.

73.
74.
75. ма́кса;
76.
77.
78.
79.
80.
81.
82.
83.
84.
85.
86.
87. максо́;
88.
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111.
112.
113.
114.
115.
116.
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 13
Значение слова макса

1. сгустки крови;
2.
3. печень рыбы, молоки рыбы;
4. печень рыбы, печень рыбы и животного, рыбий жир;
5. печень рыбы;
6. печень рыбы, сгустки крови;
7. печень рыбы, печень рыбы и животного, сгустки крови;
8. печень рыбы, молозиво;
9. печень рыбы, печень рыбы и животного;
10. печень рыбы,
11. печень рыбы;
12. печень рыбы;
13. печень рыбы, молоки рыбы;
14.
15.
16.
17.
18.
19. печень рыбы;
20.
21. молоки рыбы;
22. молоки рыбы;
23. печень рыбы, молоки рыбы;
24. молоки рыбы;
25. печень рыбы, молоки рыбы;
26. молоки рыбы;
27. молоки рыбы;

28.
29.
30. печень рыбы;
31.
32. молоки рыбы;
33. печень рыбы;
34. молоки рыбы;
35.
36. молоки рыбы;
37. печень рыбы, молоки рыбы;
38.
39.
40. молоки рыбы;
41.
42. печень рыбы, печень рыбы и животного;
43.
44.
45.
46.
47.
48. молоки рыбы;
49. молоки рыбы;
50. печень рыбы;
51.
52.
53.
54.
55. печень рыбы;
56. молоки рыбы, рыбья икра;
57.
58.
59.
60.
61.
62.
63.
64.
65.
66.
67.
68. печень рыбы, молоки рыбы;
69. печень рыбы;
70. печень рыбы, молоки рыбы, рыбья икра;
71.
72.
73. молоки рыбы;
74.
75. печень рыбы;
76.
77.
78.
79.
80.
81.
82.
83. молоки рыбы;
84.
85.
86.
87.
88.
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111.
112.
113.
114.
115.
116.
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.

124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 14
Косяк, стая рыб

1. юро́;
2. юро́, мырь;
3.
4. па́рва, па́рба, юро́;
5. па́рва, па́рба;
6. па́рва;
7. па́рва;
8. па́рва;
9.
10.
11. па́рба;
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19.
20.
21.
22.
23.
24.
25.
26.
27.
28.
29.
30.
31.
32.
33.
34.
35.
36.
37.
38.
39.
40.
41.
42.
43.
44.
45.
46.
47.
48.
49. я́тва;
50. я́тва;
51.
52.
53.
54.
55.
56.
57.
58.
59.
60.
61.
62.
63.
64.
65.
66.
67.
68. юро́;
69.
70.
71.
72.
73. руно́;
74.
75.
76.
77.
78.
79.
80.
81.

82. руно́;
83.
84.
85.
86.
87.
88.
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111.
112.
113.
114.
115.
116.
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 15
Рыба хариус

1.
2.
3.
4. га́рьюс;
5. га́йрус;
6. га́йрус, га́риус, га́рьгус, га́льюс;
7. га́йрус;
8. га́йрус, га́риус, га́рьгюс;
9. га́йрус, га́риус;
10. га́йрус, га́рьюс;
11. га́йрус;
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19. γа́йрус, ха́рус;
20. ха́рьюз;
21.
22.
23.
24.
25.
26.
27.
28.
29.
30.
31.
32. ха́русь;
33.
34.
35.
36. ха́рус;
37.
38. ха́рус;
39.
40.

41.
42. га́йрус;
43. ха́риус;
44. ха́риус;
45.
46. ха́рез;
47.
48.
49.
50.
51.
52.
53.
54. ха́рез, ха́рьез;
55.
56. ха́йруз;
57.
58. ха́руз;
59.
60. ха́йрус;
61.
62.
63.
64. ха́рез;
65.
66.
67.
68.
69. ха́рьюс;
70. ха́йрус, ха́рдюс, ха́рус, ха́руз;
71.
72.
73.
74.
75. ха́рвюс;
76. ха́йрус, ха́рюс;
77.
78. ха́рьюс, ха́риюз, ха́рюс;
79. ха́йрус;
80.
81.
82.
83.
84.
85.
86.
87.
88.
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104. ха́риус;
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111.
112.
113.
114.
115.
116. ха́рез;
117.
118.
119.
120.
121. со́рьез;
122.
123.
124. со́рьез;
125.
126.
127. со́рьез;
128.
129.
130.
131. со́рьез.

КАРТА № 16
Небольшой лещ

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7. тарабáришка;
8. пари́к;
9. парáга, пари́к, ляпáшка, тарабáра, тарáбар, тарабáрка;
10.
11.
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19.
20.
21.
22.
23.
24.
25.
26.
27.
28.
29.
30.
31.
32.
33.
34.
35.
36.
37.
38.
39. тарабáрка;
40. тарабáрка;
41.
42. липя́к;
43. липáк, тарабáрина;
44.
45. тарабáрка;
46.
47. тарабáрка;
48. ляпóк, ляпóчек, тарабáра;
49. ляпóк, тарабáрка;
50. ляпóк;
51. тарабáрка;
52. ляпóк, ляпóчек, тарабáр;
53. ляпóк;
54. ляпóк;
55.
56. липáга;
57.
58.
59.
60.
61.
62.
63.
64.
65.
66.
67.
68. пáрик;
69. тарабáра;
70. парýга;
71.
72. ляпóк;
73.
74.
75.
76.
77.
78. пари́к;
79.
80.
81.
82.
83.
84.
85.
86.
87. берéбро, берéбрá, беребё́р; лáтик, салáг, плестýшка;
88.
89.
90. беребрá, беребéр, беребри́на;

91. беребра́;
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104. тараба́ра;
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111.
112. беребе́йка;
113.
114.
115.
116.
117. лепа́к, лепачо́к;
118.
119.
120.
121. лепа́к, лепачо́к;
122. лепа́к, лепачо́к;
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 17
Ящерица

1.
2.
3. жи́га́лка;
4. жи́га́лка;
5. жигалю́ха;
6. жи́жлик, жижелю́ха, жига́люха;
7. ши́жлик, жижелю́ха;
8. ши́жлик, жижле́ц, жижелю́ха, жигалю́ха;
9. ши́жлик, ши́злик, жи́жлик, жи́желик, жи́жник, жизля́к, жи́злик, жижличо́к, жигалю́ха;
10. ши́жлик, ши́злик, ши́жник;
11. ши́жлик, жи́жлик;
12. ме́щерка;
13. ме́щерица;
14.
15. ме́щерка;
16.
17.
18. ме́щерка;
19. мещалка;
20.
21.
22.
23. ме́щерка;
24.
25.
26.
27.
28.
29.
30.
31.
32.
33.
34. чигаля́ха;
35.
36.
37. ме́щерка;
38.
39.
40.
41.
42. ши́жлик, ши́злик, жи́жлик;
43.
44.
45.

46.
47.
48.
49.
50.
51.
52.
53.
54.
55.
56.
57.
58.
59.
60.
61.
62.
63.
64.
65.
66.
67.
68. жи́жлуха;
69. жи́жлик;
70. жи́жлик, жи́жник, жи́жлак, жиглу́ха, поясни́ца;
71.
72.
73.
74.
75.
76. жига́льница;
77.
78. жи́жлик;
79.
80.
81.
82.
83.
84.
85.
86.
87. ме́щелка, ме́щелица, мещёрка;
88. ме́щерка;
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111.
112.
113.
114.
115.
116.
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 18

Овод

1.
2.
3.
4.

5. бармáк;
6. пáрма, пармáк, барм, бáрма, бармáк, бýчень;
7. пармáк, бармáк;
8. пармáк;
9. пáрма, пармáк, бармáк, бýчень;
10. паýт;
11. слепéнь;
12. слепéнь;
13. слепéнь;
14. паýт;
15.
16.
17. слепéнь;
18. слепéнь;
19. слепéнь, паýт;
20. слепéнь;
21. слепéнь;
22.
23.
24. слепéнь;
25. слепéнь;
26. слепéнь;
27. слепéнь;
28. слепéнь;
29. слепéнь;
30. слепéнь;
31.
32.
33.
34.
35. слепéнь;
36. слепéнь;
37. слепéнь;
38. слепéнь;
39. слепéнь;
40. слепéнь;
41. слепéнь;
42. паýт;
43. паýт;
44. слепéнь;
45. слепéнь;
46.
47.
48. паýт;
49. паýт;
50. паýт;
51.
52. паýт;
53. паýт;
54. паýт;
55. паýт;
56. паýт;
57. паýт;
58. паýт;
59. паýт;
60. паýт;
61. паýт;
62.
63. паýт;
64. паýт;
65. паýт;
66. паýт;
67. паýт;
68.
69.
70. мудáник;
71.
72.
73. паýт;
74. паýт;
75. паýт;
76.
77.
78.
79.
80. паýт;
81.
82.
83.
84.
85. паýт;
86. паýт;
87. жигýн;
88.
89. слепéнь;
90. слепéнь;
91. слепéнь;
92.
93.
94.
95. слепéнь;
96.
97.
98. слепéнь;
99. слепéнь;

100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108. пау́т;
109. пау́т;
110. пау́т;
111. пау́т;
112. пау́т, стер;
113. пау́т, паву́т;;
114. пау́т;
115. пау́т;
116. пау́т;
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124. слепе́нь;
125.
126.
127.
128.
129. пау́т;
130. слепе́нь, пау́т;
131. слепе́нь.

КАРТА № 19

Мерзлый слой земли под оттаявшей сверху почвой

1. ро́вга;
2.
3. ро́вда;
4. ро́вда. ро́уга, ро́вга;
5. ро́вда;
6. ки́рза, ро́вга;
7. ки́рза;
8. ки́рза;
9. ки́рза, ски́рда, ро́вда;
10. ки́рза, ро́вда;
11. ки́рза;
12. ки́рза, тёрда, гру́да, мерзля́к;
13. гру́да;
14.
15.
16.
17.
18.
19. гру́да;
20. сте́ржень;
21.
22.
23.
24. до́нник;
25.
26.
27.
28.
29.
30.
31.
32.
33.
34.
35.
36. сте́ржень;
37. гру́да, дни́ще;
38.
39.
40.
41. сте́ржень;
42. ро́вда; ро́гда;
43.
44.
45.
46. ро́вда;
47. ро́вда, ро́нда, зя́блина;
48. ро́вда, ро́уда;
49. ро́вда, ро́уда, ро́гда;
50. ро́вда; ро́гда;
51.
52. че́реп;
53.
54.
55. ро́йда, подо́шва;
56. ро́уда;
57.
58.
59.
60.

61. подóшва;
62.
63.
64.
65.
66.
67.
68. рóвда; рóвга;
69. рóвга;
70. рóвга;
71. рóвга;
72.
73.
74.
75.
76.
77.
78.
79.
80.
81.
82.
83.
84.
85.
86.
87. дóнник, дóнница;
88.
89. дóнник;
90. дóнник, дóнница;
91. дóнник, дóнница;
92.
93. дóнник;
94. дóнник;
95. дóнник;
96. дóнник;
97. дóнник;
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104. подóшва;
105.
106.
107.
108. подóшва;
109.
110.
111.
112. подóшва;
113.
114. подóшва;
115.
116.
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 20
Снег с дождем

1. осенняя ря́нда, шря́нда;
2. лепня́;
3. дря́бня, ря́нда, сля́коть;
4. ря́нда;
5. ря́нда, сля́коть;
6. ря́нда, ря́ндега, ря́ньга, ря́ньги, сля́коть;
7. ря́нда, ря́ньга;
8. ря́нда, ре́ча, дрязга, сля́коть;
9. ря́ндега, ря́ньга;
10. ря́нда, ря́ндега;
11. ря́нда, ря́нды, шля́ча;
12. сля́ча, сля́коть;
13. сля́коть;
14. слеки́ша;
15.
16.

17. моркосля́;
18. шля́коть;
19. шля́ча, шля́ка, шля́чина, сля́ка, шля́хоть;
20. шля́коть;
21. шля́коть;
22. шля́коть;
23.
24. ха́лепа;
25. ха́липа;
26. ха́лепа;
27.
28. шля́коть;
29. ша́лепа;
30. шля́ча, шля́коть;
31. шля́коть;
32.
33. шля́ча, сля́коть;
34. сля́коть;
35.
36. шля́ча;
37. шля́коть;
38. сля́коть, шля́коть;
39. сля́коть;
40.
41. сля́коть;
42. ря́нда, сля́коть;
43. сля́коть;
44. шля́коть;
45. шля́коть;
46.
47. дрязга;
48. шля́хоть, сля́хоть, сля́коть;
49. ренда́, сля́коть;
50. сля́коть;
51.
52.
53. о́чичь;
54.
55.
56.
57.
58. сля́коть;
59.
60. сля́коть;
61.
62. ки́ша;
63.
64.
65. сле́ча, сле́тица;
66. сля́коть, сля́киша, слеки́ша;
67.
68. ренда́;
69.
70. ря́нжа;
71.
72.
73.
74.
75. сля́ка;
76.
77.
78. сля́коть, сля́ка;
79. сля́коть;
80.
81.
82.
83. ря́нда, сля́коть;
84. дре́зга, сля́коть;
85.
86. калега;
87. шля́ка, шля́коть, обло́й;
88.
89.
90. обло́й;
91. шля́ча, обло́й;
92. облой;
93. ха́лепа, обло́й;
94. ха́липа, дрябня́;
95.
96. обло́й;
97. обло́й;
98. сля́коть;
99. сля́коть;
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109. сля́коть;
110.
111.

112.
113.
114.
115.
116.
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124. сля́коть, шля́га;
125.
126.
127.
128. ша́кша;
129.
130. дря́зга;
131. дря́бня, обло́й.

КАРТА № 21
Иней

1. ку́ржевень, и́вень, коржу́ха;
2.
3. и́вень;
4. гудева́;
5. у́жбега;
6. га́лога, пи́хта, я́рмега;
7. га́лага, га́лога;
8. га́лага, га́лога, я́рмега;
9. ру́мбега, я́рмега;
10. я́рмега, и́вень;
11. и́вень, ю́дега;
12. и́вень;
13. и́вень;
14.
15.
16.
17. ку́ржеве́нь;
18.
19. ю́дега, и́вень;
20. и́вень;
21.
22. и́вень;
23. и́вень;
24. и́вень;
25. и́вень;
26. и́вень, обло́й;
27.
28. и́ндей, обло́й;
29. и́вень, обло́й
30. и́вень;
31. обло́й;
32. и́вень;
33. обло́й;
34. и́вень, инь, обло́й;
35. и́вень;
36. и́вень;
37. и́вень;
38.
39.
40. и́вень, обло́й;
41. и́вень;
42. ры́ндяга, ря́мига, и́вень, о́хить;
43. ку́ржеви́на;
44.
45.
46.
47. гол;
48. ку́нжа;
49.
50. ку́ржа;
51.
52.
53. ку́ржеви́ца, ку́ржови́на;
54.
55.
56.
57. курживе́тина, куржо́вина;
58. кужлеви́на, ку́ржеви́на;
59. ку́ржева, ку́ржеви́на;
60. куржа́к, ку́ржеви́на;
61. куржеви́на, ку́ржевень;
62.
63. кужлеви́на;
64.
65. курже́вина;
66. ку́ржевина, ку́хта;
67. ку́ржеви́на, ку́хта;
68. хармоха́, куржо́ха, обло́й, ермега́;

69. хармоха́, хармови́на, зе́бель;
70. ку́ржа, тю́ка;
71. хармоха́, ха́рмовина, куржа́к;
72. ку́ржеви́на;
73. курже́ва́, ку́ржеви́на;
74. куржа́к, ку́ржеви́на;
75. ку́хта, куржа́к;
76. ку́ржеви́на;
77. ку́ржеви́на;
78. куржа́к, куржема́;
79. харм, ха́рма, хармоха́, хармови́на, харбови́на;
80. ку́ржеви́на;
81. ку́ржеви́на;
82. ку́ржеви́на;
83. куржа́к;
84. куржа́к;
85. ку́хта, ку́ржа;
86. ку́ржеви́на;
87. ку́ржеви́на, обло́й;
88. куржа́к;
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95. обло́й;
96. и́вень;
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111.
112.
113.
114.
115.
116.
117.
118.
119. курга́;
120.
121.
122. харavéй, ха́равесь, ха́раветь;
123. харavéй, харове́й, хорове́й;
124. ку́ржень;
125. харavéй, харове́й, ховове́й;
126.
127.
128.
129. ку́ржеви́на;
130.
131. ку́ржевина.

КАРТА № 22
Покрыться инеем

1. оку́ржаветь, оку́ржеветь;
2.
3.
4. огу́деветь;
5. обу́жбить;
6.
7.
8.
9. оку́ржеветь, объя́рметь, объя́рмовать, объя́лмовать;
10.
11.
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19. зайвенеть;
20.
21.
22.
23. зайнеться;

24.
25.
26. зайневеть;
27.
28. заи́ндеветь, ога́вреть;
29.
30.
31.
32. заи́ндеветь;
33. ога́вреть;
34. заи́ндеветь;
35. за́йвенеть;
36. за́йвенеть, заи́ндеветь;
37. за́йвенеть;
38.
39. за́йвенеть;
40. заи́ндеветь;
41.
42.
43.
44.
45.
46.
47.
48. оку́нжеветь;
49.
50.
51. оку́ржа́веть;
52.
53. оку́ржа́веть;
54.
55.
56.
57. окуржа́веть;
58.
59.
60. оку́фтиться;
61. оку́ржеветь;
62.
63.
64.
65. оку́ржаветь;
66.
67.
68. оку́ржаветь, оку́ржеветь, захе́рьми-хать;
69. оку́ржаветь, оха́рмоветь;
70. оку́ржаветь;
71.
72. оку́ржаветь;
73. оку́ржаветь;
74. оку́ржаветь;
75. оха́рмоветь;
76. оку́ржаветь;
77. оку́ржаветь;
78. оку́ржаветь;
79. оха́рмоветь;
80. оку́ржаветь;
81. оку́ржаветь;
82. оку́ржаветь;
83.
84. оку́ржать, оку́ржаветь;
85. оку́ржаветь;
86. оку́ржаветь;
87. заи́ндеветь;
88.
89.
90.
91.
92. заи́невать;
93.
94.
95. заи́невать;
96. заи́неть;
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111.
112.
113.
114.
115.
116.
117.
118.

119.
120.
121.
122. захараве́ть, захарове́ть, захорове́ть;
123. захараве́ть, захарове́ть, захорове́ть;
124.
125. захараве́ть, захарове́ть, захорове́ть;
126.
127.
128. оку́ржа́веть;
129.
130.
131.

КАРТА № 23
Спутанные всклокоченные волосы

1. ка́тынь;
2.
3. ка́тынь;
4. ка́тынь;
5.
6. ши́нья;
7. шимаки́, ши́ни, ка́тынь;
8. шимаки́;
9. шимаки́, ка́тынь;
10. ши́мки, шимаки́;
11.
12.
13.
14. хи́мы;
15.
16.
17.
18.
19.
20.
21. хи́мы;
22. хи́мы, хи́мушки;
23. хи́мы;
24. хи́мы;
25. хи́мы;
26. хи́мы, хи́мушки;
27.
28.
29.
30.
31.
32. хи́мы;
33.
34. хи́мы;
35. хи́мы, хима́ны, ши́мы;
36. хи́мы, ха́ри;
37. хи́мы, хи́ври;
38. хи́мы, ши́мы;
39. хи́мы, ши́мы;
40.
41.
42. ши́мы, шимаки́;
43.
44. ка́тынь;
45.
46.
47.
48.
49.
50. кы́зы;
51.
52.
53.
54.
55.
56.
57.
58.
59.
60.
61.
62.
63.
64.
65.
66.
67.
68.
69.
70. ка́тынь, катынье̑;
71.
72.
73.

74.
75.
76.
77.
78.
79.
80.
81.
82.
83.
84.
85.
86.
87.
88. хи́мы;
89. хи́мы, хи́мушки;
90.
91.
92.
93. хи́мы;
94. хи́мы;
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111.
112.
113.
114.
115.
116.
117.
118.
119.
120. лу́пысы;
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 24
Верхняя часть спины, заплечье

1. ку́корки;
2.
3.
4. кро́шни, кошели́;
5.
6. ку́кры;
7.
8.
9. кошели́;
10.
11.
12. кошёли, крюкши, крёкши, крёшни;
13. кру́киши;
14.
15.
16.
17. кри́куши, кри́кушки;
18. кри́куши;
19. закрю́киши;
20.
21. кри́куши, клю́кушки;
22.
23. куко́ры;
24. крю́кишки, крюку́шки;
25. закука́шки;
26. крю́киши;
27. клю́кушки;
28. ку́куши, закука́шки;
29. клю́куши;
30. клю́куши, куко́лки;
31.
32.

33. клю́куши, заклю́кушки, клю́ши;
34. заку́клы, заклю́ки, клю́кки, клю́-кухи;
35. ку́кры, крю́киши, закрю́киши;
36.
37. крю́куши;
38. заку́кры;
39. заку́рки;
40. заку́кры, заку́клы, клю́ки;
41. заку́рки;
42.
43. заку́кры, ку́корки, закро́шки, кры́льца;
44. заку́кры;
45. заку́кры;
46. заку́кры;
46. заку́кры;
47. заку́кры, заку́хры;
48. заку́кры;
49. ку́кры;
50. ку́кры, заку́кры, кры́льца;
51. ко́кры, заку́кры;
52. заку́кры, ку́корки, заку́корки, кры́льца;
53. заку́кры, ку́корки, кукоро́тки, кры́льца;
54. ку́кшинки;
55. ку́корки, кры́лья;
56. ку́корки, кры́льца;
57. кры́льца;
58. кры́льца;
59. ку́корки, кры́льца;
60. ку́корки, кры́льца;
61. кры́льца;
62.
63. ку́корки, кры́льца;
64. ку́корки, заку́корки;
65. закро́хи, закро́шки, кры́льца;
66. заку́кры, закро́шки, кры́льца;
67. заку́корки, зако́шки, кры́льца;
68. кукоре́шки;
69. заку́корки;
70. ку́кры, заку́кры, заку́корки, кукоре́шки, горбы́;
71.
72.
73. ку́корки, заку́корки, кукоро́тки;
74. кукоре́шки;
75. кукоре́шки;
76. ку́корки;
77.
78. ку́кры, ку́корки, кукоре́шки;
79.
80.
81.
82.
83.
84.
85.
86.
87. кри́куши, кри́кушки;
88.
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103. заку́кры;
104. заку́кры;
105.
106.
107.
108. заку́кры;
109. заку́кры, заку́корки;
110. заку́кры, заку́корки;
111. заку́кры;
112. заку́кры, заку́корки, кошлы́;
113. заку́кры, заку́корки;
114. заку́кры, заку́корки;
115. заку́кры, заку́корки, закурты́шки;
116. коку́рки;
117. заку́кры, заку́корки, закро́шки, закры́шки;
118. заку́кры, заку́корки;
119.
120. заку́кры, заку́корки, закро́шки;

кошелки;
121. кошелки;
122.
123. закрошки;
124.
125. закукры, закукорки, закрошки;
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 25
Руки, кисти рук (бранно)

1.
2.
3. кобарка;
4. пакши;
5. кабры;
6. кобры, хобры, кабры;
7. кебяли;
8. кебяли, кобры;
9. кобры, кабры, кабри;
10. кебяли, кобры;
11. кебяли, кабяли;
12. кабры;
13.
14. кабры;
15.
16.
17.
18.
19. пакши;
20.
21.
22.
23.
24.
25.
26.
27.
28.
29. кобры;
30. кобры;
31.
32. кабры;
33. кабры;
34. кабры;
35.
36. кабры;
37. кабры;
38.
39. кабры;
40. кавры;
41.
42. кобры, кабры, камбы;
43. пакли;
44.
45.
46.
47. карапы;
48.
49.
50. камзы, пакши;
51.
52. пакши;
53.
54.
55.
56.
57.
58.
59. пакли;
60.
61. пакли;
62.
63.
64.
65. пакли, пакараны;
66. пакли, пакальцы;
67.
68. кабры;
69.
70.
71.
72.
73.
74. пакши;
75. пакши;
76.
77.
78.

79.
80.
81.
82.
83.
84.
85.
86.
87.
88.
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98. ка́бры;
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111.
112.
113.
114.
115.
116.
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 26

Черт, нечистая сила.

1. ле́мбой, ле́мбуй;
2. ле́мбой, ле́мба;
3. ле́мбой;
4. ле́мбой;
5. ле́мбой;
6. ве́ргой, ле́мбой, ма́ра;
7. ле́мба;
8. ле́мбой, цю́нда;
9. ве́ргой, ле́мбой, ле́мба;
10. ле́мбой, ле́мбос;
11. ле́мбой;
12. мень;
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19. ши́шко:
20.
21. шишо́к;
22. шиш, шишо́к;
23. че́чка, шиш, шиша́к;
24. шиш, шишо́к;
25. шиш, шишо́к;
26. ши́шко, шишо́к;
27. ши́шко, шишо́к;
28. шиш, шишо́к;
29. ши́шко, шишо́к;
30. шишо́к;
31. шишо́к;
32. шиш, ши́шко, шишо́к;
33. ле́мбой, те́гря, шиш, ши́шко;
34. ле́мбой, ке́гря, ши́шко;
35. ши́шко, шишо́к;
36. ши́шко, шишо́к;
37. шишо́к;
38. хо́ка, шишо́к;

39. хо́ка, шиш, шишо́к;
40. шишо́к;
41. шишо́к, мень;
42. ле́мбой, ле́мба;
43.
44.
45.
46. ле́мбой;
47.
48. ле́хма́н;
49. ма́ра;
50.
51.
52.
53. ле́ман;
54.
55.
56.
57. ле́ман;
58.
59.
60.
61.
62.
63.
64.
65.
66.
67.
68. ле́мбой;
69.
70. цё́мор;
71.
72.
73.
74.
75. чо́мор;
76.
77.
78.
79.
80.
81.
82.
83.
84.
85.
86.
87.
88.
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111.
112.
113.
114.
115.
116.
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 27
Остатки стеблей на корню на сжатом поле

1.
2.
3.
4. се́ньга;
5.
6. -си́ньга (топ.);
7.
8.
9. рагно- (топ.);
10.
11.
12.
13.
14.
15.
16.
17. жни́тва;
18.
19.
20.
21.
22. жни́ва, жни́тва;
23. жни́ва, жни́тва, жни́витье;
24. жни́тва;
25. жни́ва, жни́тва, жни́витье;
26. жни́тва, жни́вник;
27. жни́витье;
28. жни́ва, жни́витье;
29. жни́тва, жни́витье;
30. жни́тва, жни́вняк;
31. жни́витье;
32. жни́во, жни́тва, жни́тка;
33. жни́тка;
34. жни́во, жни́тка, жни́витье;
35.
36. жни́ва, жни́тва;
37. жни́вник;
38.
39.
40.
41.
42.
43.
44.
45.
46.
47.
48.
49.
50. жни́ва;
51. жни́ва;
52. жни́ва, жни́тва;
53. жни́ва;
54. ра́гно́, жни́твина;
55.
56.
57. жни́твина;
58. жни́твина;
59. жнитво́;
60.
61. жни́твина;
62.
63. жни́ва;
64. жни́ва;
65. жни́ва;
66.
67.
68. ся́ньга, се́ньга;
69.
70.
71.
72.
73.
74.
75.
76.
77.
78.
79.
80.
81.
82.
83. се́ньга;
84.
85.
86.
87. жни́тво;
88. жни́тва;
89. жни́тва;
90. жни́тва;
91. жни́тва, жни́тво;
92. жни́тва;

93. жни́тва;
94. жни́тва;
95. жни́тва;
96. жни́тва;
97. жни́тва;
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108. жни́ва;
109. жни́ва;
110. жни́ва;
111. жни́ва;
112. жни́ва;
113. жни́ва;
114. жни́ва;
115. жни́ва;
116. жни́ва;
117.
118.
119.
120.
121.
122. жни́ва;
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 28
Шелуха, мякина от головок льна

1.
2.
3.
4.
5.
6. колоко́лка;
7. колоко́лка;
8. колоко́лка;
9. колоко́лка;
10. колоко́лка;
11. ку́глина, колоко́лка;
12. колоко́лка;
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19. куму́ши, голови́ца;
20.
21. па́лы;
22. голови́ца;
23. голови́ца;
24.
25. голови́ца;
26. голови́ца;
27. голови́ца;
28. голови́ца;
29. голови́ца;
30. голови́ца;
31. голови́на, голови́ца;
32.
33. голови́ца;
34. голо́вки;
35. голо́вки;
36. голо́вки;
37. голови́ца;
38.
39. голови́ца;
40. голо́вки;
41. колоко́лка, голови́ца;
42. колоко́лка;
43. ку́глина, ку́глевина, ко́кша, ку́колка;
44.
45.
46.
47. колоко́лина, куколё́чок;

48.
49. кóглина;
50. кóгла, кóгло, кóглина;
51. кóглина, кýмушка;
52. кóглы, колокóлина, кýмушка;
53. кóгли, кóкша, колокóлина;
54.
55. кóглина, кóкша, кýколка;
56. кóгла;
57. кýглина, кóкша, кóкошь;
58. кýглина;
59. кóгла, кýглина;
60. кýглина, кýмушка;
51. кóгла, кýглина, кóкша;
62.
63. кýмушка, колокóлина;
64. кýмушка, кумы́шка, колокóлка, колокóлина, кýколь;
65. кýглина;
66. кýглина, кýколина, кóкша, кýколь;
67. кýглина;
68. кóглина, кýглина, колокóлка;
69. кугли́на, колокóлка;
70. кýглина, колокóлка;
71. колокóлка;
72. кýглина
73. кýглина;
74. кýглина, колокóлка;
75. кóглина, кýглина, колокóлка;
76. кýглина;
77. кýглина;
78. кóглина, кýгли́на;
79. кýгли́на;
80. кýглина;
81. кýглина;
82. кýглина;
83. кугли́на;
84. кугли́на, колокóлка;
85.
86. кýглина;
87.
88.
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108. головéнье;
109. головéнье;
110.
111. колокóлина, головéнье;
112. колокóлина, колокóлец;
113. колокóлина, головéнье;
114. колокóлина;
115. колокóлец, головéнье;
116. колокóлина, головéнье;
117. колокóлина, колокóлец;
118.
119. колокóлец;
120. колокóлина, колокóлец;
121.
122. колокóлец;
123.
124. кýколь;
125.
127.
128.
129. кýколь;
130.
131. колокóлец.

КАРТА № 29

Связка, вязанка соломы, льна, сена и т. п.

1. кубáч;
2. кубáч;
3. кубáч;
4.

5.
6. куба́ч, ку́бача, ку́бочка, ту́ка́ч;
7. куба́ч, ту́ка́ч;
8. куба́ч, ку́бача, тука́ч;
9. куба́ч, ку́бача;
10. тука́ч;
11. тука́ч, тука́чка;
12.
13. куба́ч, ку́бочка, тука́чка;
14. куба́ч;
15.
16.
17.
18. куба́ч;
19. куба́ч, тука́ч, ту́кача;
20. куба́ч;
21. куба́ч;
22. куба́ч, коба́ч;
23. куба́ч, тука́ча, тука́чка;
24. куба́ч;
25. куба́ч;
26. куба́ч;
27. куба́ч;
28. куба́ч;
29. куба́ч, куба́к;
30. куба́ч;
31. куба́ч;
32. куба́ч;
33. куба́ч;
34. куба́ч;
35. куба́ч;
36. куба́ч;
37. куба́ч, тука́чка, тукачи́на;
38. куба́ч;
39. куба́ч;
40. куба́ч;
41. куба́ч;
42. ку́ба́ча, тука́ч;
43.
44. тука́ч;
45.
46.
47.
48. тука́ч;
49. туга́ч;
50.
51.
52.
53.
54.
55.
56.
57.
58.
59.
60.
61.
62.
63.
64.
65.
66.
67.
68. ку́бича, ку́бача;
69. тука́ч;
70. ку́бача, тука́ч;
71.
72.
73.
74.
75.
76.
77.
78.
79.
80.
81.
82.
83.
84.
85.
86.
87.
88.
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98. куба́ч;
99. куба́ч;
100.
101.

102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111.
112.
113.
114.
115.
116.
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 30

Брюква

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.
10.
11.
12. ка́лека;
13.
14.
15. кали́тка;
16. ка́ликка;
17.
18. ка́ля;
19. калю́шка;
20. ка́ля, ка́люха;
21. ка́ля, ка́лья;
22. ка́лега;
23. ка́ля, кали́тка;
24. ка́ля, ка́лика, ка́левка, ка́литка, каля́га;
25. ка́ля, ка́лика;
26. ка́ля, ка́лька, ка́лига, ка́левка, кали́тка;
27. кали́тка;
28. ка́ля, ка́левка, ка́литка, ка́летка;
29. ка́литка;
30. ка́ликка, ка́лика, ка́литка, чигири́нка;
31. ка́ливка, ка́литка;
32. ка́ля, ка́лика, ка́литка;
33. ка́ликка, ка́лика, ка́литка;
34. ка́лика, ка́левка;
35. ка́лика, ка́люха;
36. ка́ля, ка́ликка, ка́лика;
37. ка́лика;
38. калю́ха, ка́люшка, ка́лишина;
39. ка́ля, ка́люшка;
40. ка́ля, ка́лика, ка́лига, кали́жина, ка́люшка;
41. ка́люха;
42.
43.
44. калю́ха;
45. ка́люка;
46.
47.
48.
49.
50.
51.
52.
53. кали́ца, га́лица;
54.
55. кали́ца;
56.

57. кали́ца, гола́нка;
58.
59.
60.
61. калега́;
62.
63. калёвка;
64. ка́лега;
65.
66. кали́ца, гала́ха, гала́шина;
67.
68. гола́нка;
69. гола́нка;
70.
71.
72.
73. гола́нка;
74.
75.
76. гола́нка;
77. гола́нка;
78. гола́нка;
79. гола́нка;
80. гола́нка, гала́нка;
81. гола́нка;
82. гола́нка, гала́нка;
83.
84. гола́нка;
85. гола́нка, гала́нка;
86. гола́нка, гала́нка;
87. ка́лья;
88.
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95. ка́лица;
96.
97.
98. ка́лика, ка́ливка, ка́лиха;
99. ка́лига;
100.
101.
102. ка́лька;
103. ка́лика, ка́лька;
104. бу́шма;
105. ка́лика, ка́лька;
106.
107. ка́лика, кали́га;
108. ка́лика, ка́лька, ка́лега;
109. ка́лика;
110. ка́лика, ка́лига, ка́лега;
111. ка́лька, ка́лига, ка́лега, бу́хва;
112.
113. ка́лега;
114. ка́лика, ка́лига, ка́леда;
115. ка́лига, гала́нка;
116. кали́га, бу́хва;
117. ка́лига, гала́нка;
118. ка́лега;
119. ка́лега;
120. гала́нка, гола́нка;
121. ка́лица, гала́нка;
122. гала́нка;
123. гала́нка, гола́нка;
124. гала́нь;
125. гала́нка, гола́нка;
126. гола́нка;
127.
128. гола́нка;
129. гола́нка, дрюпа;
130. гола́нка;
131. гола́нка.

КАРТА № 31
Картофельная ботва

1. тайми́на, та́ймень;
2. тайми́на;
3. та́ймина;
4. та́йбина;
5.
6. не́тина, ни́тина, ня́тина;
7.
8.
9.
10. нети́на;
11.
12.
13. на́тина;
14.

15.
16.
17. ведельё;
18. ти́на;
19. вядери́на, вядени́на;
20.
21. ти́на;
22.
23.
24.
25.
26. ти́на;
27.
28.
29. ти́на;
30.
31.
32.
33.
34. ти́на;
35.
36. ти́на;
37. ти́на;
38. ти́на;
39.
40. ти́на;
41.
42. на́ти́на;
43. ти́на, ма́точка;
44. ти́на, ни́тина, ня́тина;
45. ти́на;
46. вильва́;
47. ти́на;
48. ти́на;
49.
50. лыч, ти́на;
51. лыч, ти́на;
52. ве́тка, лыче́й;
53. лы́че́й;
54. ве́тка;
55. лыче́й;
56. не́тина;
57. ве́тка, лы́чей, лычея́;
58.
59. карто́фельная трава́;
60. карто́фельная трава́;
61. ве́тка;
62.
63. во́лоть, лыче́й;
64. ве́точки, лыч;
65.
66. карто́шница;
67.
68. не́тина;
69.
70. нити́на;
71.
72.
73.
74.
75.
76.
77.
78.
79.
80.
81. ве́тка;
82. ве́тка;
83. ве́тка;
84.
85. ве́тка;
86.
87.
88.
89. ведельё;
90. ведельё;
91. ведельё, везельё;
92. ведельё;
93. ведельё;
94.
95. ведельё;
96. ведельё;
97. ведельё;
98. ти́на;
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110.

111. лыч, лы́ча;
112. лыч, лы́ча́й;
113. лыч;
114. лыч, лычёй;
115. лыч;
116. лыч;
117. лыч;
118. лыч;
119.
120. лыч;
121.
122.
123. лыч;
124.
125. лы́чи;
126. лыч;
127.
128. тетива́;
129. ветви́на, тетива́;
130. тетива́;
131. тетева.

КАРТА № 32

Вырубленное и выжженное под пашню место в лесу, подсека

1. ни́ва;
2.
3.
4. ни́ва;
5. ни́ва;
6. пал, па́ла, па́лы, ни́ва ;
7. ни́вище, ни́вка;
8. па́лтега;
9. пал, па́лище, ни́ва;
10. пал, па́лтега;
11. ни́ва;
12. пал;
13. ни́ва;
14.
15. ни́ва;
16.
17.
18.
19. паль, ни́ва;
20. ни́ва;
21. ни́ва;
22. ни́ва;
23. ни́ва;
24. ни́ва;
25. ни́ва;
26. ни́ва;
27. ни́ва;
28. ни́ва;
29. ни́ва;
30. ни́ва;
31. ни́ва;
32. ни́ва;
33. ни́ва;
34. ни́ва;
35. ни́ва;
36. ни́ва;
37. ни́ва;
38. ни́ва;
39. ни́ва;
40. ни́ва;
41. ни́ва;
42. пал, паль, ни́ва;
43. катени́на;
44. нови́на;
45. паль, ни́ва;
46.
47. ни́ва;
48. ни́ва;
49. паль, ни́ва;
50. нови́на;
51. новина́;
52. паль, ни́ва;
53.
54. па́ля;
55. новина́;
56. паль;
57. новина́;
58. новина́;
59. навина́;
60. навина́;
61. навина́;
62.
63. паль, новина́, гарь;
64.
65. палени́на, новина́;
66. новина́;

67. пали́ще, новина́;
68. пале́нина, по́ччека;
69. пал;
70. пал;
71.
72. катени́на;
73. палени́на, пало́ва, новина́;
74.
75.
76. пале́ни́на;
77.
78.
79. пал;
80.
81.
82. пал;
83.
84.
85. пал;
86.
87.
88.
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105. пал;
106.
107. пал;
108. паль, ни́ва;
109.
110. ни́ва;
111. ни́ва;
112. ни́ва, пал;
113. па́ля;
114.
115.
116. па́ля;
117.
118.
119.
120. паль;
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129. пале́нина;
130.
131.

КАРТА № 33

Заброшенная подсека, поросшая травой, мелколесьем или кустарником

1.
2.
3.
4.
5.
6. кедо́вина, кетови́на;
7. тю́дега, кедови́нье;
8. кедо́вина, ча́бега,
9. кедо́вина, кетови́на;
10. ве́тошь, у́йга;
11. ве́тошъ, ра́заги, у́йга;
12.
13.
14.
15.
16.
17. ветша́;
18.
19.
20.
21.
22.
23.
24.

25.
26.
27.
28.
29.
30. ве́тошь;
31.
32.
33.
34.
35.
36.
37.
38.
39.
40.
41.
42. ра́заги, ра́йка, ра́ега;
43.
44.
45.
46.
47.
48.
49.
50.
51.
52.
53. пе́нник;
54.
55.
56. па́ў у́мы;
57.
58.
59.
60.
61.
62.
63.
64.
65.
66.
67.
68. па́лма;
69. ве́тошь;
70. редо́шка, па́лма;
71.
72.
73.
74.
75.
76. ве́тошь;
77.
78. ка́ска;
79.
80.
81.
82.
83.
84.
85.
86.
87. ветша́;
88. ве́тча;
89.
90. ветша́, ветча́;
91. хи́жи;
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111.
112.
113.
114.
115.
116.
117.
118.
119.
120.
121.

122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 34

Куча сучьев на подсеке, предназначенная для сжигания

1.
2.
3. вира́нда;
4.
5.
6. вера́нда, вира́нда, ку́грови́на;
7. вера́нда, ку́гровина;
8. вера́нда, ку́гровина;
9. вера́нда;
10. вера́нда;
11.
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19.
20.
21.
22.
23.
24.
25.
26.
27.
28.
29.
30.
31.
32.
33.
34.
35.
36.
37.
38.
39.
40.
41.
42.
43. калу́га;
44.
45. калу́га, па́леги;
46.
47.
48.
49.
50.
51.
52.
53.
54.
55.
56.
57.
58.
59.
60.
61.
62.
63.
64.
65.
66.
67.
68. вера́нда, вира́нда;
69. вера́нда, вира́нда, вира́ш, калу́га;
70. вира́нда, вира́ха;
71. выра́нда, вора́нда, бора́нда;
72.
73.
74. вера́нда;
75. вира́нда;
76.
77.
78.
79.
80.

81.
82.
83.
84.
85.
86.
87.
88.
89.
90.
91. тю́тежи́, тютижи́;
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110.
112.
113.
114.
115.
116.
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 35

Приспособление, которое кладется на верхнюю часть стог, зарода и т. п. для защиты сена от ветра и дождя в виде связанных или сплетенных ветвей (березы, ивы, ольхи и т.п.)

1. ка́гачи, га́гачи;
2.
3.
4.
5. кагача́, когочи́;
6. ка́гачи́, ка́гачи́, ке́гач, осло́ники;
7. кагачи́на;
8. ка́гачи́;
9. кагачи́;
10. ка́гачи, кагачи́на, оме́тина;
11. кагачи́ны, помё́тины, оме́тина, обме́тина;
12. оме́тина, оме́тины, обмё́тка;
13. оме́тины, оме́тины, омё́тки, оме́тья;
14.
15.
16.
17. обмё́тины;
18. крестови́на;
19. замя́тины, намя́тины, оме́тина, оме́тины;
20. омё́тины;
21. кресты́;
22.
23. помё́тина, оме́тина, оме́тинье;
24. оме́тины, оме́тье, скриё́дка;
25. оме́тины, лоза́, раки́та;
26. ве́треницы, омё́ины, оме́тины, оме́тье;
27. оме́тья;
28. оме́тины;
29. обме́тья, оме́тины, оме́тье;
30. ве́тры, обме́тинки, оме́тье;
31. оме́тины;

32. оме́тины;
33. оме́тины, оме́тье;
34. оме́тины;
35. оме́тины;
36. оме́тина;
37. оме́тины, оме́тьё;
38. крестови́на, перемо́тина;
39. вислени, переме̂ты;
40. оме́тины, переме̂тины;
41. суче́чки;
42. ка́гачи;
43.
44. переме̂тка, оле́шник;
45. ви́цы, оле́шина;
46. прутье̂, вигня́жник;
47. ви́цы;
48. висляги́, висляки́, и́твинки, ви́твин ки;
49. висляки́;
50. ви́цы, виляки́;
51. ви́цы;
52.
53. осто́жницы;
54.
55. ви́цы;
56. ви́цы;
57.
58.
59. пови́тье;
60.
61. ве́треницы, переки́дка;
62.
63.
64.
65.
66.
67.
68. га́гачи, ка́гачи;
69. висляки́, вихле́ц, вихле́дь;
70. висля́г, висля́к;
71. ви́чье, ви́ца;
72.
73. ве́треница, и́вовы ве́тки
74.
75. ве́тки;
76.
77.
78. лепун, лепу́нье;
79.
80.
81.
82.
83.
84.
85.
86.
87. обме̂тинье;
88.
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104. ви́цы, обме̂тина, оме̂тины;
105.
106.
107.
108. луто́шки;
109.
110. ви́сла;
111.
112.
113.
114. вису́ли;
115.
116.
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.

128.
129.
130.
131.

КАРТА № 36

Жердь с сучьями для сушки сена, снопов

1.
2.
3.
4.
5.
6. шо́рпа, шара́га;
7. ё́рпа, ё́рча, шо́рпа;
8. е́рпа, ё́рпа, ерпя́к, ге́рпы, кя́рбус;
9. шара́га;
10. ерпя́к, рога́зина, шаря́к, шо́рпа, шорпа́к, терпя́к;
11. остро́вки, рога́за, рого́зы, ярпя́к, рога́зка, ко́ргача;
12. остро́вье, остро́вина;
13. бара́бы;
14.
15.
16.
17.
18.
19. рого́зки, остро́вка, остро́вина, остро́вье, со́шки;
20. остро́вка, со́шки;
21.
22.
23. остро́вье, острови́на;
24. острови́на;
25.
26. остро́вье;
27. острови́на;
28.
29.
30. остро́вки;
31. остро́вье, острови́на;
32.
33.
34. острови́на;
35.
36. остро́вье, острови́на;
37. бара́бка;
38.
39.
40.
41.
42. е́рпы, ерши́, ё́рша;
43. острови́на;
44.
45.
46.
47.
48. со́рка;
49. со́рка, шорпа́к;
50. со́рка;
51.
52. остро́ви́на;
53.
54. остро́ви́на;
55.
56. остро́вина;
57.
58. остро́ина;
59. остро́вье, острови́на;
60. остро́вье, остро́вь, остро́ви́на;
61. остро́в;
62.
63.
64.
65. остро́ви́на;
66. о́стров, остро́вье, остро́ви;
67.
68.
69.
70.
71.
72. остро́вь;
73. остро́вь;
74. остро́вь;
75. остро́вь;
76. остро́вь;
77. остро́вь;
78. остро́вь;
79. остро́вь;
80. остро́вь;
81. остро́вь;
82. остро́вь;
83.

84.
85.
86. островь;
87.
88.
89.
90.
91. островина;
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111.
112.
113.
114.
115.
116.
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129. шоромы;
130.
131.

КАРТА № 37

Прошлогодняя некошеная трава, высохшая на корню

1.
2.
3.
4. вётошь;
5. кулага, ветошь;
6. вётошь, лонская трава, кулага, навётошь;
7. вётошь, навётошь;
8. кулага, кулога;
9. кула, кулага, лонская трава;
10. кулаха, кулоха;
11.
12. старь, старица, старняк;
13. некось, остарье, старь, старица;
14.
15.
16.
17.
18. старая трава;
19. старняк, старище;
20. некось, старая трава;
21. старь, старьё;
22.
23. старьё;
24. старая трава;
25. некось;
26.
27. некось;
28. ветошь, некось, ветоха;
29. некось;
30. некось, старица;
31. некось;
32. некось;
33. некось;
34. осенчина, некось;
35. некось;
36. некось;
37. некось, старь, сухая стравина;
38. некось, старьё;
39. некось, старняк;
40. некось;

41. не́кось, ве́тошь;
42. ку́лача, лонска́я трава́;
43.
44. веша́ра;
45. постаря́;
46.
47. ве́тошь, суха́я ве́хоть;
48. ве́тошь;
49. ку́ла, старая ку́ла;
50. ве́тошь;
51. ве́тошь, суха́я ве́хоть;
52. ве́тошь;
53. не́кось;
54. ку́ла, ве́тошь;
55. ку́ла, не́кось;
56. ку́ла, ста́рая ку́ла, ве́тошь, не́кось;
57. не́кось, ста́рая ве́тошь;
58. ве́тошь;
59. ве́тошь;
60.
61. ве́тошь;
62.
63. ве́тошь, не́кось;
64. ве́тошь, не́кось;
65.
66. старая ве́тошь;
67.
68. ве́тошь, ве́тоша;
69. ку́ла, ве́тошь;
70. ку́ла, ста́рая ку́ла;
71. ку́ла, ве́тошь;
72. не́кось;
73. ве́тошь
74. ве́тохошь, ве́тошь, ве́тша;
75. ве́тошь;
76. ве́тошь
77. ве́тошь;
78. ве́тошь;
79.
80.
81. ве́тошь;
82.
83. ве́тошь;
84. ве́тошь;
85.
86. ве́тошь;
87.
88.
89.
90. ве́тошь;
91.
92.
93.
94.
95.
96. ве́тошь;
97.
98. не́кось;
99. не́кось;
100.
101.
102.
103.
104. ста́рая ве́тошь;
105.
106. не́кось;
107.
108.
109.
110. ве́тошь, не́кось;
111.
112. ве́тошь, не́кось;
113.
114. ве́тошь;
115. ветошь;
116. вётошь;
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 38

Приспособление, используемое для закрепления лезвия косы на рукоятке

1.
2.
3.
4. сáрга;
5.
6. сáрга;
7.
8. лýдега;
9. сáргá; сáрьга;
10. кя́рега, ня́рега;
11. сáрга;
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19. сáрга, бáянка, пáйка;
20. сáрга, оплётка;
21. сáрга;
22.
23.
24. бáнка;
25.
26.
27.
28. банька;
29.
30.
31.
32.
33.
34.
35.
36.
37. ши́нка;
38.
39.
40.
41.
42. саргá, тя́рега, ни́дега, и́нега;
43. сáрга;
44.
45. банька;
46.
47.
48.
49. саргá;
50.
51.
52. банька;
53.
54.
55. сáрга;
56. сáрга;
57. сáрга;
58. сарьгá;
59. сáрьга;
60. сáрьга;
61.
62.
63.
64.
65.
66.
67.
68. сáрга;
69. сáрга;
70. сáрга;
71. сáрга, шина;
72. сáрга;
73. сáрга;
74. сáрга;
75.
76. сáрга;
77.
78. сáрга;
79. сáрга;
80. сáрга;
81. сáрга;
82. сáрга;
83. сáрга;
84. сáрга;
85. сáрга;
86. сáрга;
87. бáнька;
88.
89.
90. бáнька;
91. бáнька;

92. ба́нка;
93. ба́нька;
94.
95. ба́нька;
96. ба́нка;
97. ба́нька;
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111.
112.
113.
114.
115.
116.
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 39

Две дощечки в ткацком стане, с помощью которых образуется зев продольных нитей основы

1.
2.
3.
4.
5.
6. ла́стеги, ла́стежки, ла́стень;
7. ла́стежки
8. ла́стежки
9. ла́стеги;
10. ла́стеги, ла́стежки
11.
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19.
20. ценóвки;
21. ценóвки;
22. чинóвки;
23. лучи́нки;
24. лучи́нки;
25. чинóвки;
26. чинóвки, лучи́нки;
27. чинóвки;
28.
29.
30. цинóвки;
31.
32. ценóвки;
33. лучи́нки;
34. лучи́нки;
35. ценóвки; ценóвки;
36. ценóвки; ценóвки; ценóвки;
37.
38.
39. лучинки;
40.
41.
42. ла́сты, ла́стеги, лóсты;
43. лóсты, лости́на, лóсточки;
44.
45.
46.
47. лóсты;
48. лости́на;

49. ло́сты;
50. ло́сты;
51. ло́сты;
52. ло́сты, це́лки;
53.
54.
55.
56.
57. це́ны;
58.
59. це́нки;
60.
61. ценóвницы;
62.
63.
64.
65.
66.
67.
68. ла́стеги, ла́стежки;
69. ла́стеги, ла́стежки;
70. ла́стеги;
71. ла́стеги;
72. це́нки;
73.
74. ла́стеги, це́нки;
75. ла́стеги;
76.
77. ла́стеги;
78.
79.
80.
81.
82.
83. ла́стеги;
84.
85. зели́нки;
86.
87.
88.
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108. це́ны;
109. це́ны;
110. це́ны, ценóвки;
111. це́ны, ценóвки;
112. це́ны, ценóвки, це́новницы;
113. ценóвки;
114. це́ны, ценóвки;
115. це́ны, ценóвки; ценóвницы;
116. це́ны, ценóвки;
117. ценóвки;
118.
119.
120. ченóвницы, санóвницы;
121. це́ны;
122. це́ны, ценóвки;
123. це́ны;
124.
125.
126. ченóвницы;
127.
128. це́ны;
129.
130.
131.

КАРТА № 40

Приспособление для перематывания пряжи,
ниток в виде полого цилиндра, насаживаемого на ось

1.
2.
3.
4.

5. ту́рачка;
6.
7.
8.
9. тюри́к;
10.
11.
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19.
20.
21.
22.
23. поро́чка;
24. поро́чка, тура́шка;
25.
26. поро́чка;
27.
28.
29.
30.
31.
32.
33.
34. поро́чка;
35.
36.
37.
38. поро́чка;
39. поро́чка;
40. поро́чка;
41.
42. тюри́к;
43.
44.
45.
46. тури́к;
47. тури́к;
48. тури́к;
49. тури́к;
50.
51.
52.
53. тюри́к;
54.
55.
56. тюри́к;
57. тюри́чок;
58. тюри́к;
59. тюри́к;
60. тюри́к;
61. тру́бица;
62.
63. тру́бка;
64. тюри́к, тру́бка;
65.
66. тру́бка, сну́шка;
67. туричо́к;
68. тури́к, тура́чка;
69. тури́к, тюри́к;
70. тю́рик;
71. тури́к, тюри́к;
72. тюри́к;
73. тюри́к, туричо́к;
74. тури́к, тюри́к, тура́чка;
75. тури́к, тура́чка;
76. тури́к, тюри́к;
77. тури́к;
78. тура́чка;
79. тури́к, тюри́к;
80. тури́к; тюри́к;
81. тюри́к;
82. тури́к, тюри́к;
83. тури́к, тура́чка;
84. тури́к, тура́чка;
85. тюри́к;
86. тюри́к;
87.
88.
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98. поро́чка;
99.
100. поро́чка;

101. поро́чка;
102.
103.
104.
105. поро́чка;
106.
107. поро́чка;
108. поро́чка;
109. поро́чка, тюри́к;
110. поро́чка;
111. поро́чка;
112. поро́чка, тру́бка, тура́шка;
113. тура́шка;
114. тру́бка;
115. поро́чка, тру́бка;
116. тру́бка;
117.
118.
119.
120. труби́ца;
121. труби́ца;
122. труби́ца, тру́бка;
123. труби́ца;
124.
125. труби́ца;
126. труби́ца;
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 41

Чесать, пушить шерсть

1. ка́ртать, ка́ртить, ши́нгать;
2. ка́ртать;
3. ка́ртать;
4. ка́ртать, ши́ньгать;
5.
6. ка́ртать, ка́ртить, ко́ртить, ши́нгать;
7. ка́ртить;
8. ка́рдать;
9. ка́ртать, ка́ртить, ши́нгать;
10. ка́ртить;
11. расши́нгивать;
12. ка́рзать;
13. ка́рзать;
14.
15.
16.
17. ка́рзать;
18. ка́рзить, ка́рзиться;
19. ка́рзать;
20.
21. ка́рзать;
22. ка́рзить;
23. ка́рзать;
24. ка́рзать, тарза́ть;
25.
26.
27.
28.
29.
30. карза́ть;
31. ка́рзить;
32.
33. ка́ржить;
34.
35. шинкова́ть;
36.
37. ка́рзать;
38.
39. ши́нгать;
40. ка́рзить;
41. ши́нгать;
42. ка́рзать, ши́ньгать;
43.
44. шиньгать;
45. ка́рзать;
46. ши́нгать;
47.
48. ши́ньгать;
49.
50. ши́ньгать;
51.
52.
53. ши́нгать, ши́ньгать;
54.
55.

56.
57.
58.
59.
60.
61.
62.
63.
64.
65.
66.
67. ши́ньгать;
68. чи́пать, ши́ньгать, ка́ртить;
69.
70. ка́рдать, ши́ньгать;
71. ши́нгать, шингова́ть;
72.
73.
74.
75. ши́ньгать;
76.
77.
78. ка́рзать;
79.
80.
81.
82.
83. ши́ньгать;
84.
85.
86.
87. ка́рзать, ка́рзить;
88.
89.
90.
91. карзи́кать;
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111.
112.
113.
114.
115.
116.
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 42
Рыболовная снасть из ивовых прутьев, верша

1. нёрша;
2.
3. мо́рда, нёрша;
4. ма́рда, нёрша, кати́ска;
5. мёрша;
6. ме́рда, мёрда, ме́рдушка, кати́ска;
7. ме́рда, каты́шка, не́рет;
8. ме́рда, мёрда;
9. ме́рда, мёрда, ку́рма;
10. ме́рда, кади́ска;
11. ме́рда, ме́рдушка;
12.
13.

14. вя́терь;
15.
16.
17. ме́рда;
18.
19. ме́рда, ме́рдушка, ме́ндры;
20.
21. мо́рда, вя́терь;
22. вя́терь;
23. мо́рда, вя́терик;
24. мо́рда, не́рет, вя́терь;
25.
26.
27.
28. мо́рда;
29.
30.
31.
32.
33. не́рет, нерота́, мо́рда, вя́терь;
34. мо́рда, вя́терь;
35.
36. мо́рда, вя́терь;
37. мо́рда;
38. вя́терь;
39. вя́терь;
40. мо́рда, вя́терь;
41. вя́терь;
42. ме́рда, ме́рдушка, ку́рма;
43. ме́рда, ме́рдушка, мё́рда;
44.
45.
46. ме́ндры;
47. ё́рша, ку́жа;
48. мё́рда, ма́рда;
49. ку́рма, чо́лма;
50.
51. вё́рша, ку́ша, мо́рда;
52. ва́йда, мё́рда, ныро́к;
53. ва́нда, ва́нна, мо́рда, су́рпа;
54.
55.
56. мо́рда;
57. мо́рда;
58. мо́рда;
59. мо́рда;
60. мо́рда;
61. мё́рда, мо́рда;
62.
63. вё́рша, мо́рда;
64. кувши́н;
65. мо́рда;
66. ва́да, ва́нда, мо́рда;
67. ва́нда, мё́рда, мо́рда;
68. ме́рда, мё́рда, мо́рда, ма́рда, мё́рша, нё́рша;
69. мо́рда, ма́рда, ку́рма;
70. ме́рда, ку́рма;
71. мо́рда;
72. ку́рма;
73.
74. ки́ньга, мо́рда, нё́рша;
75. мо́рда;
76. мо́рда, су́рьпа;
77.
78.
79. мо́рда;
80.
81.
82. ва́да, ки́ньга, мо́рда, су́рпа;
83. нё́рша;
84. сурпа́;
85. мо́рда;
86. мо́рда;
87. мо́рда, вя́терь;
88. вя́терь;
89. вя́терь;
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101. ку́жа;
102.
103.
104. е́рша, ку́жа;
105.
106.
107.
108. ё́рша, ку́жа, мё́рда, кувши́н;

109. мóрда, кýжа;
110. кýжа;
111. кýжа, мёрда, мóрда;
112. кувшúн;
113. мóрда, кувшúн;
114.
115. мóрда, нарóт, кувшúн;
116. мóрда, кувшúн;
117. мóрда, вя́тель;
118.
119.
120. мóрда;
121. мóрда;
122.
123.
124. нарóт;
125.
126.
127.
128. мóрда, нарóт;
129. мóрда;
130. мóрда, нарóт;
131. мóрда, нарóт;

КАРТА № 43
Мотня невода

1. кут;
2.
3. чýпа, кут;
4. чýпа, чýпча;
5.
6. чýпá, чупáк;
7. чýпá, чупáк;
8. чупá, чупáк;
9. чýпа, чýпальница, чýпаница;
10. чýпá;
11. чуп, щупá;
12. чýпа, чýпник;
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19.
20.
21.
22.
23. кнéя, мáтица
24.
25.
26. кнéя;
27.
28.
29. кульмá;
30. кульмá;
31.
32. кúза;
33.
34.
35.
36. сýмá;
37. чýпа;
38.
39. мáтица;
40.
41.
42. чýпа, кúчка, мáтица;
43.
44. мáтка;
45.
46. чупá;
47.
48. чýпа;
49. чóлма, чóйма, чóма, чýпá, чуп;
50.
51.
52.
53.
54.
55. куль;
56. чóлма, мáтица;
57.
58.
59.
60.
61.
62.
63.
64.
65.
66.

67.
68. чу́па, кут;
69.
70.
71.
72.
73.
74.
75.
76.
77.
78.
79.
80.
81.
82.
83.
84.
85. по́рнас;
86.
87. ки́чка;
88.
89.
90. перш;
91. перш;
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111. кульма́;
112. кульма́;
113.
114.
115.
116.
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 44
Сеть с крупной ячеей

1. га́рва, ха́рва, ха́рба;
2. га́рва;
3. га́рва;
4. га́рба;
5.
6. га́рба, а́рба;
7.
8. га́рба;
9.
10.
11.
12. га́рба;
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19. га́рва;
20.
21.
22.
23. режь;
24.

25.
26.
27.
28. режь;
29.
30.
31.
32. режь;
33.
34. режь;
35.
36.
37.
38.
39. режь;
40. режь;
41.
42.
43.
44.
45.
46.
47.
48.
49.
50.
51.
52. оха́н;
53.
54. охан;
55.
56.
57.
58.
59.
60.
61.
62.
63.
64.
65.
66.
67.
68. га́рва;
69.
70.
71.
72.
73.

74.
75.
76.
77.
78.
79.
80.
81.
82.
83. га́рва;
84.
85.
86.
87.
88.
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110.
111.
112.
113.
114.
115.
116. оха́н;
117.
118.
119.
120.
121.
122.

123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 45

Приспособление в виде решетки, подставки для огня, прикрепляемых к носу лодки при ночном лове рыбы острогой

1.
2.
3.
4. ко́за;
5.
6. коза́;
7.
8. ко́бра;
9. коку́шка;
10. кобра;
11. коза́;
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19.
20. сабля́;
21.
22.
23.
24.
25.
26.
27.
28. коза́;
29.
30.
31.
32.
33.
34.
35.
36.
37. коза́;
38.
39.
40.
41.
42.
43.
44.
45.
46. коза́;
47. коза́;
48.
49. коза́;
50.
51.
52. коза́;
53. коза́;
54.
55.
56. коза́;
57. коза́;
58. коза́;
59.
60.
61.
62.
63.
64. коза́;
65.
66.
67.
68. коза́;
69.
70. коза́;
71.
72.
73. коза́;
74. коза́;
75. коза́;
76. коза́;
77.

78. коза́;
79. коза́;
80.
81.
82.
83.
84. коза́;
85.
86.
87.
88.
89.
90. коза́;
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108. коза́;
109.
110.
111.
112. коза́;
113.
114.
115. коза́;
116. коза́;
117.
118.
119.
120.
121. коза́;
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 46
Колотушка для глушения рыбы подо льдом

1. кию́ра, кубы́рь;
2. куричо́к;
3. ку́ри́к, кию́ра, му́шкиль;
4. чохма́рь;
5.
6. ку́ри́к, барз;
7. ку́ри́к;
8. кури́к;
9. бара́ц, ку́рик;
10. ку́ри́к;
11. ку́рик;
12. ку́ри́к;
13. ко́лот;
14.
15.
16.
17.
18.
19.
20.
21.
22. кию́рка, тухма́ч, чухма́рь;
23. кию́рка, тукма́ч, чухма́рь;
24. киёк, чухма́рь;
25.
26. киёк, чухма́рь;
27. чеку́ка, чухма́рь;
28. чухма́рь;
29.
30. кий;
31. чухма́рь;
32. чухма́рь;
33.
34.
35. тохма́рь, тухма́рь, чухма́рь
36. кури́к;

37. чухма́рь, калаба́шка;
38. ку́рлика;
39.
40. чекма́рь, чухма́рь;
41. чекмарёк;
42. кури́к, чекма́рь;
43.
44.
45.
46.
47.
48. колота́шка, кочма́рь;
49. чекма́рь;
50.
51.
52.
53. чекма́рь;
54.
55.
56. кова́ль, барс;
57.
58.
59.
60. кий;
61. кий;
62.
63.
64.
65. барс;
66. кий;
67. барс;
68. кури́к, кию́ра, кию́р, му́шкиль, тюка́вка, барс;
69. барс, кури́к;
70. барс;
71.
72.
73. чекма́рь;
74. барс;
75. барс;
76.
77. барс;
78. барс;
79. барс;
80.
81. барс;
82. кий;
83.
84.
85.
86.
87. ба́рец, пу́рик;
88.
89.
90. барс, ку́ка;
91. ку́ка. пу́рик;
92. ку́ка;
93.
94. ба́рец;
95. ба́рец, барс;
96.
97. барс;
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108. чекма́рь;
109.
110.
111.
112. чекма́рь;
113.
114.
115.
116.
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 47

Ящик-лежанка вдоль боковой стенки печи, имеющий лаз в подполье с подъемной крышкой

1.
2.
3.
4.
5. рундýк;
6.
7. рундýк;
8.
9. кóник, кóлпица;
10. гóлбец;
11. рундýк;
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19.
20.
21.
22.
23.
24. кáрзина;
25. кáрзина;
26. кóник;
27.
28. кáрзина, кóник;
29. кáрзина, кáрзинъ, кáржина, кáржинь, кóник;
30. кáрзина, кóник;
31. кóник;
32. кóник;
33.
34. кóник;
35. кáржина, кóник;
36. кáржинка, кóник;
37. гóлбец;
38. кáрзина, кáржинка, кóник;
39. кáрзина, кáрзинка;
40. кáрзина, кóник;
41. кáрзина, голубéц;
42.
43. гóлбец;
44.
45. кáрзина, гóлбец;
46.
47. кáрзина, кáржина, гóлбец;
48. кáрзина, гóлбец;
49.
50. гóлбец, казёнка;
51. гóлбец;
52. гóлбец;
53. гóлбец;
55.
56.
57.
58.
59.
60.
61. гóлбец;
62.
63.
64. гóлбец;
65.
66. гóлбец;
67. гóлбец;
68.
69. кóник;
70. кóник, кóйник;
71.
72.
73. гóлбец;
74. гóлбец;
75.
76. гóлбец;
77.
78.
79.
80.
81. гóлбец;
82.
83.
84.
85. гóвбец;
86.
87.
88.
89.
90.

91.
92.
93.
94.
95. ка́ржина;
96.
97.
98. ка́ржина;
99. ка́рзина;
100. ка́рзина;
101. ка́рзина, ка́рзинь, ка́рзинка, ка́ржина, я́лгушка, голобе́шка;
102. ка́рзина, ка́рзинка, го́лбец;
103. ка́рзина, ка́ржина, ка́ржинка, го́лбец;
104. ка́рзина, ка́ржина, ка́ржинка;
105. ка́ржина, ка́ржинка;
106.
107. ка́рзинка, ка́ржина, ка́ржинка;
108. ка́ржина, голбе́ц;
109. карже́нка;
110. голбе́ц;
111. го́лбец;
112. ка́рженка, го́лбец;
113. го́лбец;
114. го́лбец;
115. го́лбец;
116. го́лбец, ко́ник;
117. го́лбец;
118. го́лбец;
119. го́лбец;
120. го́лбец;
121.
122. го́вбец;
123. го́лбец;
124. го́бец, го́лбец;
125.
126.
127.
128. го́лбец;
129. го́лбец;
130. го́лбец;
131. го́лбец.

КАРТА № 48

Косяк двери, окна

1.
2.
3.
4.
5.
6. пе́лька, ли́пень, ли́пеньга;
7. ли́пина;
8. ли́пень, ли́пина;
9. ли́па, ли́пень, ли́пина;
10. кама́й, ли́пенье;
11. ли́па, ли́пень, ли́пина;
12.
13. ли́па, ли́пка;
14.
15.
16.
17. ли́пка;
18.
19. пе́лька, ли́па, ли́пина;
20. ли́па;
21. ли́па, ли́пка;
22. ли́па;
23. ли́па;
24. ли́па, ли́пка;
25.
26. ли́па;
27. ли́па;
28.
29. ли́па;
30. ли́пица;
31.
32. ли́па, ли́пка, ли́пица;
33.
34. ли́па;
35. ли́па;
36.
37.
38. ли́па;
39. ли́па, ли́пица;
40. ли́пица;
41. ли́пица;
42. ли́пина;
43. лоба́нок;
44.

45.
46.
47. лоба́нок;
48. ли́пина;
49.
50.
51. лоба́нок;
52.
53. лоба́нок;
54.
55.
56.
57.
58.
59.
60.
61.
62.
63.
64.
65.
66.
67. лоба́ч;
68.
69.
70. ли́пина, оболо́нок;
71.
72.
73.
74. бель;
75. зы́нза;
76.
77.
78. зы́нза, бель;
79.
80.
81.
82.
83. бель;
84. бель;
85.
86.
87.
88.
89.
90.
91. ли́почка, обли́пка;
92.
93. ли́пка;
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108. лоба́н, лоба́нок;
109. лоба́нок;
110. лоба́н;
111. лоба́н;
112.
113.
114.
115.
116. лоба́нок;
117.
118.
119.
120.
121.
122.
123.
124.
125.
126.
127.
128.
129.
130.
131.

КАРТА № 49

Жидкость, остающаяся при сбивании масла

1. пе́хтанье, оттýшка;
2.
3. пе́ктанъе;
4. пе́хтанье;
5.
6. пáхта;
7.
8. шáкша;
9. пе́хтанье;
10. измя́тина; шáкша; áкшинье;
11. измя́тина;
12. измя́тина;
13.
14. пахтá;
15.
16.
17. измя́тина;
18. измя́та, измя́тина, шáкша;
19. измя́тина;
20. пáхтанье;
21. пáхта, пáтха, шáкша;
22. шáкша;
23. измя́тина;
24. измя́тина;
25. измя́тина; шáкша;
26. пáхтанье, измя́тье;
27. измя́тина;
28.
29. измя́тина, измя́тье;
30. измя́тина;
31. измя́тина;
32. пáхтанье;
33. измя́тина;
34. пáхта, пáхтанье;
35. пáхта, пáхтанье;
36. пáхта, пáхтанье, измя́тина;
37. пáхта, измя́тина; шáкша;
38.
39. пáхта;
40. пáхта;
41.
42. шáкша;
43. пáхтанье, рáхта, пáхта;
44. пáхтанье;
45. пáхта, пáхтанье;
46. пáхта;
47. пахтá, пáхтус;
48. пахтá, пáхтанье;
49. пахтá;
50. пахтá, пáхтанье, пáхтус;
51. пахтá;
52.
53.
54. пáхтус;
55. подéнье;
56. пáхта, пáхтанье;
57.
58.
59. пáхтанье;
60. пахтá, пáхтанье, подпáхтанье;
61. пáхтус, пáхтанье;
62.
63.
64. пáхтанье;
65. пáхтанье;
66. подпáхтанье, пáхтанье;
67. пáхтус;
68. пё́хтанье;
69. пáхта, пё́хтанье;
70. пáхта, пё́хтанье;
71. пё́хтанье;
72.
73. пáхта, пáхтанье;
74.
75.
76.
77.
78. пáхтус, пё́хтасно;
79.
80.
81.
82.
83.
84.
85.
86.
87. измя́тка;
88.
89.
90. измя́тина;
91.

92. измя́тина;
93.
94.
95.
96.
97.
98. па́хтанье;
99. па́хта;
100.
101.
102.
103.
104. па́хта;
105.
106.
107.
108. па́хта;
109.
110. па́хтанье;
111.
112. па́хта;
113.
114.
115. па́хтус;
116.
117. па́хта, па́хтус;
118.
119.
120. па́хтус;
121.
122.
123.
124. па́хтанье;
125.
126.
127.
128. пахта́, па́хтанье;
129. па́хтанье;
130.
131. па́хтанье.

КАРТА № 50
Значения слова шаньга

1. защипанный по краям корж с начинкой;
2.
3. лепешка, оладья; защипанный по краям корж с начинкой;
4. ватрушка; защипанный по краям корж с начинкой;
5. ватрушка; защипанный по краям корж с начинкой;
6. защипанный по краям корж с начинкой;
7.
8.
9. ватрушка; булочка, хлебец;
10. булочка, хлебец;
11. защипанный по краям корж с начинкой;
12. защипанный по краям корж с начинкой;
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19. лепешка, оладья;
20.
21.
22. лепешка, оладья;
23.
24.
25.
26.
27.
28. ватрушка;
29.
30.
31.
32.
33. ватрушка;
34. ватрушка;
35. лепешка, оладья;
36.
37. лепешка, оладья;
38.
39.
40.
41.
42. лепешка, оладья; сочень с пшенной и т. п. кашей, свернутый в трубку;

43.
44.
45.
46.
47. лепешка, оладья; блин; оладья из гороховой муки, взбитой со снегом;
48. лепешка, оладья;
49. лепешка, оладья; защипанный по краям корж с начинкой;
50. лепешка, оладья; блин; булочка, хлебец;
51. лепешка, оладья;
52. лепешка, оладья; оладья из гороховой муки, взбитой со снегом;
53. лепешка, оладья;
54.
55. лепешка, оладья;
56. лепешка, оладья; блин;
57. оладья из гороховой муки, взбитой со снегом;
58. лепешка, оладья; оладья из гороховой муки, взбитой со снегом;
59. лепешка, оладья;
60. лепешка, оладья;
61. лепешка, оладья;
62. оладья из гороховой муки, взбитой со снегом;
63. лепешка, оладья;
64. защипанный по краям корж с начинкой;
65.
66. лепешка, оладья; оладья из гороховой муки, взбитой со снегом;
67. лепешка, оладья;
68. ватрушка, блин; лепешка, оладья; защипанный по краям корж с начинкой;
69. ватрушка; защипанный по краям корж с начинкой;
70. ватрушка; блин; оладья из гороховой муки, взбитой со снегом; защипанный по краям корж с начинкой;
71.
72. блин;
73. ватрушка; лепешка, оладья;
74.
75. лепешка, оладья;
76. ватрушка, лепешка, оладья;
77.
78. лепешка, оладья;
79. ватрушка;
80. ватрушка;
81.
82. лепешка, оладья;
83. ватрушка; булочка, хлебец;
84.
85. лепешка, оладья;
86.
87. ватрушка;
88.
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.
101.
102.
103.
104.
105.
106.
107.
108.
109.
110. лепешка, оладья;
111.
112. лепешка, оладья;
113.
114.
115. лепешка, оладья;
116.
117.
118.
119.
120. ватрушка, лепешка, оладья;
121.
122.
123.
124.
125.
126.

127.
128. ватрушка;
129. защипанный по краям корж с начинкой;
130. ватрушка;
131.

КАРТА № 51

Лодка из двух скрепленных долбленых бревен

1. па́шка;
2.
3. дуб;
4. оси́новка;
5.
6. ку́йта, ру́гача, ушко́йка;
7. бат;
8.
9. дубаны, ру́гачи;
10. ру́гача;
11. ру́гача, ру́гачи;
12.
13. ро́йки;
14.
15.
16.
17. чёлн;
18. каме́йка, чёлн;
19. ро́йки, дуби́ца, ду́би́ци;
20. ро́йки, ку́тька;
21. чё́лон, каме́йка;
22. комя́га;
23. ро́йки, каме́йка, комя́га;
24. каме́йки;
25. каме́йка;
26. ро́йка;
27. чё́лон;
28. каме́йка, ко́мли, ку́тька;
29. чё́лон, ко́мли;
30. ко́йма, камья́, чё́лон;
31. чело́н;
32. ку́тька;
33. ку́тька, ку́ти;
34. ро́йки, чё́лон;
35. ро́йки;
36.
37.
38. ро́йки, обласо́к, чёлн;
39. ро́йки;
40. ро́йки, каме́йка, коры́та, ко́мья;
41. ро́йки;
42. ру́гача, ушко́й, комя́га;
43. долблё́нка;
44. долблёнка;
45. бо́тник, долблё́нка;
46. долбя́нка;
47. ко́ротни;
48. ру́гачи, чу́ны, дуби́ца;
49. комя́ги, чу́ны, оси́новка;
50. комя́га, долбё́жки, ща́лок, челно́;
51. ко́рытень, ко́ротни;
52. коло́да;
53.
54.
55. дуби́ца;
56. чё́ун, долблёнка;
57.
58.
59.
60.
61. долбу́ша;
62.
63.
64. комя́га;
65. дубас;
66. бу́са, ду́ба́с;
67. дубас;
68. чу́га, оси́новка;
69. дуба́н;
70. челно́, чу́па, чу́пус, оси́новка;
71.
72.
73. ушку́й;
74.
75. оси́новка;
76. оси́новка;
77.
78. оси́новка;
79.
80.
81.
82.

83.
84.
85.
86.
87. дуби́ца;
88.
89. комью́ха;
90.
91.
92.
93. долблёнка, кемья́, ко́мьи;
94. ка́мьи;
95.
96. комьи́ны, ка́мьи;
97.
98. чёлон, ка́мья;
99.
100.
101.
102.
103.
104. оси́новка;
105.
106.
107. ботни́к;
108.
109.
110.
111. рога́ль;
112. ко́ротни, ю́ма;
113. комя́ги;
114.
115. юма, ко́ротни;
116.
117.
118.
119.
120.
121. коры́тины;
122.
123.
124.
125. коры́тина;
126.
127.
128. ко́ротни;
129. ко́ротни;
130.
131.

ОБСЛЕДОВАННЫЕ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ

АРХАНГЕЛЬСКИЙ ОБЛАСТЬ

Вельский район
1. Березник
2. Хитово
3. Шунема

Каргопольский район
4. Архангело
5. Лекшмозеро
6. Лодыгино
7. Малая Шалга
8. Нокола
9. Семеновская
10. Сорочинская
11. Тихманьга
12. Троица

Няндомский район
13. Усть-Нименьга

Коношский район
14. Климовская

Онежский район
15. Анциферовский Бор
16. Кянда
17. Солозеро

Плесецкий район
18. Пекшлахта
19. Филипповская

Холмогорский район
20. Ломоносово

ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Бабаевский район
21. Борисово
22. Заболотье
23. Карасово
24. Нижняя Ножема
25. Янишево

Вашкинский район
26. Екимово
27. Новец
28. Пиксимово
29. Ухтома

Верховажский район
30. Боровина
31. Борок
32. Климушино

Вожегодский район
33. Мишутино
34. Назаровская
35. Тюриково
36. Углы
Вологодский район
37. Коробово
Вытегорский район
38. Андома
39. Казаково
40. Мегра
41. Ошта
42. Палтога
Белозерский район
43. Зорино
44. Маэкса
45. Мегра
46. Нижняя Мондома
47. Перкумзь
48. Пыжелохта
49. Старое Село
50. Чалекса
Грязовецкий район
51. Вараксино
52. Иевлево
Кадуйский район
53. Андроново
Междуреченский район
54. Степановская
55. Шейбухта
Никольский район
56. Байдарово
57. Большой Двор
58. Солотново
Нюксенский район
59. Березовая Слободка
60. Мальчевская
61. Мартыновская
Сокольский район
62. Архангельское
Сямженский район
63. Жихово
Тарногский район
64. Гусиха
65. Мичуровская
Тотемский район
66. Горелая
67. Холмищево
Кирилловский район

68. Бородавы
69. Горицы
70. Пидьма
71. Ферапонтово
Харовский район
72. Азла
Чагодощенский район
73. Мегрино
Череповецкий район
74. Вощажниково
75. Карельская Мушня
76. Хантаново
Устюженский район
77. Громошиха
Шекснинский район
78. Сизьма
Усть-Кубенский район
79. Канское

РЕСПУБЛИКА КАРЕЛИЯ

Беломорский район
80. Сумский Посад
Кондопожский район
81. Гангозеро
82. Кулмукса
83. Лижма
84. Новинка
85. Тулгуба
86. Чоболакша
Медвежьегорский район
87. Великая Губа
88. Великая Нива
89. Вырозеро
90. Загубье
91. Кижи
92. Космозеро
93. Кузаранда
94. Ламбасручей
95. Лонгосы
96. Палтега
97. Петры
98. Сенная Губа
99. Таммичозеро
100. Толвуя
101. Челмужи
102. Шильтя
103. Шуньга
Прионежский район

104. Заозерье
105. Ладва
106. Машезеро
107. Педасельга
108. Суйсарь
109. Ялгуба
Пудожский район
110. Авдеево
111. Гакукса
112. Каршево
113. Куганаволок
114. Песчаное
115. Пяльма
116. Римское
117. Чуяла
Сегежский район
118. Валдай
119. Вожма Гора
120. Дуброво

КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

Галичский район
121. Лихарево
Кологривский район
122. Ильинское
Мантуровский район
123. Давыдово
124. Медведево
Павинский район
125. Мундор Заболотный
126. Старая Дорога
Пыщугский район
127. Карманиха
128. Крутая
Шарьинский район
129. Старошангское

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Бокситогорский район
130. Бочево
131. Мозолево
Волховский район
132. Блитово
133. Верховина
134. Вороново
135. Загубье
136. Прусыня Горка

137. Рыбежно
138. Сторожно
139. Шахново

Киришский район

140. Дубняги
141. Клинково
142. Мотохово

Лодейнопольский район

143. Акулова Гора
144. Алеховщина
145. Имоченицы
146. Коковичи
147. Кяргино
148. Пирозеро
149. Тененичи
150. Шамокша

Лужский район

151. Владычно
152. Югостицы

Подпорожский район

153. Заозерье
154. Корба
155. Курпово
156. Пидьма
157. Ульино
158. Усланка
159. Шеменичи
160. Шустручей (Кипрушино)
161. Юксовичи
162. Яндеба

Сланцевский район

163. Велетово

Тихвинский район

164. Виногора (Шитиково)
165. Куневичи
166. Новинка
167. Пильдеж Гора
168. Пяхта

Тосненский район

169. Рублево

НОВГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Батецкий район

170. Борок
171. Воронино
172. Дорогобуж

Боровичский район

173. Опеченский Посад

174. Опеченский Рядок

Валдайский район

175. Борцово
176. Гагрино
177. Едрово
178. Еремина Гора
179. Овинчище
180. Поддубье
181. Полосы
182. Середея
183. Угрива

Волотовский район

184. Должино

Демянский район

185. Городилово
186. Дуброви
187. Полново

Любытинский район

188. Хирово
189. Шубино

Маловишерский район

190. Гарь
191. Замостье
192. Карпина Гора
193. Кленино
194. Марконицы
195. Сосницы

Крестецкий район

196. Волма

Маревский район

197. Новая Деревня

Мошенской район

198. Матвеево
199. Устрека

Окуловский район

200. Висленев Остров
201. Каево
202. Малиновец
203. Сутоки
204. Топорок

Парфинский район

205. Юрьево

Поддорский район

206. Лобыни
207. Перегино
208. Селеево

Пестовский район

209. Ельнично
210. Малышево

Солецкий район
211. Жильско
212. Ситня
Старорусский район
213. Взвад
214. Корпово
215. Чертицко
Хвойнинский район
216. Василево
217. Минцы
Холмский район
218. Залесье
219. Наволок
Чудовский район
220. Коломна
221. Оскуй
222. Селище
223. Серебряницы
Шимский район
224. Коростынь
225. Мстонь

ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Гдовский район
226. Горка (Заречье)
227. Кунесть
228. Мда
229. Островцы

ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Бологовский район
230. Выползово
231. Мыза
232. Сеглино
Удомельский район
233. Сельцо Карельское

ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Весьегонский район
234. Никулино
Брейтовский район
235. Михалево
236. Соколы
Некоузский район
237. Давыдовское

НУМЕРАЦИЯ РАЙОНОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ НА КАРТАХ

1. Терский
2. Лоухский
3. Кемский
4. Беломорский
5. Сегежский
6. Медвежьегорский
7. Кондопожский
8. Прионежский
9. Пудожский
10. Подпорожский
11. Лодейнопольский
12. Волховский
13. Киришский
14. Тосненскцй
15. Волосовский
16. Кингисепский
17. Сланцевский
18. Лужский
19. Тихвинский
20. Бокситогорский
21. Батецкий
22. Шимский
23. Новгородский
24. Солецкий
25. Волотовский
26. Старорусский
27. Парфинский
28. Демянский
29. Поддорский
30. Холмский
31. Маревский
32. Крестецкий
33. Валдайский
34. Окуловский
35. Любытинский
36. Маловишерский
37. Чудовский
38. Хвойнинский
39. Мошенской
40. Боровичский
41. Пестовский
42. Вытегорский
43. Бабаевский
44. Чагодощенский
45. Устюженский
46. Кадуйский
47. Череповецкий

48. Белозерский
49. Вашкинский
50. Кирилловский
51. Шекснинский
52. Вологодский
53. Сокольский
54. Усть-Кубенский
55. Харовский
56. Вожегодский
57. Сямженский
58. Верховажский
59. Тарногский
60. Нюксенский
61. Тотемский
62. Бабушкинский
63. Междуреченский
64. Грязовецкий
65. Кичменгско-Городецкий
66. Никольский
67. Великоустюгский
68. Онежский
69. Плесецкий
70. Каргопольский
71. Няндомский
72. Коношский
73. Вельский
74. Приморский
75. Холмогорский
76. Шенкурский
77. Виноградовский
78. Пинежский
79. Верхнетоемский
80. Устьянский
81. Красноборский
82. Котласский
83. Мезенский
84. Лешуконский
85. Ленский
86. Вилегодский
87. Гдовский
88. Плюсский
89. Струго-Красненский
90. Печорский
91. Псковский
92. Палкинский
93. Порховский
94. Дновский
95. Островский
96. Дедовичский

97. Пыталовский
98. Бологовский
99. Удомельский
100. Лесной
101. Максатихинский
102. Сандовский
103. Молоковский
104. Весьегонский
105. Краснохолмский
106. Сонковский
107. Бежецкий
108. Брейтовский
109. Мышкинский
110. Некоузский
111. Рыбинский
112. Пошехонский
113. Первомайский
114. Любимский
115. Даниловский
116. Тутаевский
117. Буйский
118. Сусанинский
119. Судиславский
120. Солигаличский
121. Чухломский
122. Галичский
123. Антроповский
124. Кологривский
125. Парфеньевский
126. Нейский
127. Межевский
128. Пыщугский
129. Павинский
130. Шарьинский
131. Мантуровский

СПИСОК РАЙОНОВ В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ

Антроповский. 123. Костромская
Бабаевский. 43. Вологодская
Бабушкинский. 62. Вологодская
Батецкий. 21. Новгородская
Бежецкий. 107. Тверская
Белозерский. 48. Вологодская
Беломорский. 4. Карелия
Бокситогорский. 20. Ленинградская
Бологовский. 98. Тверская
Боровичский. 40. Тверская
Брейтовский. 108. Ярославская
Буйский. 117. Костромская
Валдайский. 33. Новгородская
Вашкинский 49. Вологодская
Великоустюгский. 67. Вологодская
Вельский. 73. Архангельская
Верхнетоемский. 79. Архангельская
Верховажский. 58. Вологодская
Весьегонский. 104. Тверская
Вилегодский. 86. Архангельская
Виноградовский. 77. Архангельская
Вожегодский. 56. Вологодская
Вологодский. 52. Вологодская
Волосовский. 15. Ленинградская
Волотовский. 25. Новгородская
Волховский. 12. Ленинградская
Вытегорский. 42. Вологодская
Галичский. 122. Костромская
Гдовский. 87. Псковская
Грязовецкий. 64. Вологодская
Даниловский. 115. Ярославская
Дедовичский. 96. Псковская
Демянский. 28. Новгородская
Дновский. 94. Псковская
Кадуйский. 46. Вологодская
Каргопольский. 70. Архангельская
Кемский. 3. Карелия
Кингисеппский. 16. Ленинградская
Кирилловский. 50. Вологодская
Киришский. 13. Ленинградская
Кичменско-Городецкий. 65. Вологодская
Кологривский. 124. Костромская
Кондопожский. 7. Карелия
Коношский. 72. Архангельская
Котласский. 82. Архангельская
Красноборский. 81. Архангельская
Краснохолмский. 105. Тверская

Крестецкий. 32. Новгородская
Ленский. 85. Архангельская
Лесной. 100. Тверская
Лешуконский. 84. Архангельская
Лодейнопольский. 11. Ленинградская
Лоухский. 2. Карелия
Лужский. 18. Ленинградская
Любимский. 114. Ярославская
Любытинский. 35. Новгородская
Максатинский. 101. Тверская
Маловишерский. 36. Новгородская
Мантуровский. 131. Костромская
Маревский. 31. Новгородская
Медвежьегорский. 6. Карелия
Междуреченский. 63. Вологодская
Межевский. 127. Костромская
Мезенский. 83. Архангельская
Молоковский. 103. Тверская
Мошенской. 39. Новгородская
Мышкинский. 109. Ярославская
Нейский. 126. Костромская
Некоузский. 110. Ярославская
Никольский. 66. Вологодская
Новгородский. 23. Новгородская
Нюксенский. 60. Вологодская
Няндомский. 71. Архангельская
Окуловский. 34. Новгородская
Онежский. 68. Архангельская
Островский. 95. Костромская
Павинский. 129. Костромская
Палкинский. 92. Псковская
Парфеньевский. 125. Костромская
Парфинский. 27. Новгородская
Первомайский. 113. Ярославская
Пестовский. 41. Новгородская
Печорский. 90. Псковская
Пинежский. 78. Архангельская
Плесецкий. 69. Архангельская
Плюсский. 88. Псковская
Поддорский. 29. Новгородская
Подпорожский. 10. Ленинградская
Порховский. 93. Псковская
Пошехонский. 112. Ярославская
Приморский. 74. Архангельская
Прионежский. 8. Карелия
Псковский. 91. Псковская
Пудожский. 9. Карелия
Пыталовский. 97. Псковская
Пыщугский. 128. Костромская

НОМЕРА РАЙОНОВ ПО ИХ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К СУБЪЕКТУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1– Мурманская область.
2-9 – Республика Карелия.
10-20 – Ленинградская область.
21-41 – Новгородская область.
42-67 – Вологодская область.
68-86 – Архангельская область.
87-97 – Псковская область.
98-107 – Тверская область.
108-116 – Ярославская область.
117-131 – Костромская область.

СОКРАЩЕНИЯ

ЛИТЕРАТУРА. МАТЕРИАЛЫ И ИСТОЧНИКИ

Абаев, 1956 – *Абаев В. И.* О языковом субстрате // Доклады и сообщения Института языкознания, № 9. М., 1956. С. 56-69.

Абаев – *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958-1989. Т. 1-4.

Аванесов, 1949 – *Аванесов Р. И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949. 335 с.

Агеева, 1974 – *Агеева Р. А.* Субстратная топонимия западной части Калининской области // Вопросы географии, сб. 94. М., 1974.

Агеева, 1985 – *Агеева Р. А.* Происхождение имен рек и озер. М., 1985.

Агеева, 1989 – *Агеева Р. А.* Гидронимия Русского Севера как источник культурно-исторической информации. М., 1989. 254 с.

Азарх, 1973 – *Азарх Ю. С.* О глаголах типа улайдать-уландать в севернорусских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973. С. 203-209.

Алекина, 1975 – *Алекина Л. Н.* Из материалов для регионального атласа русских говоров Карелии // Севернорусские говоры. Вып. 2. Л., 1975. С. 59-65.

Андреева, 1984 – *Андреева Е. П.* Взаимодействие славянской и финно-угорской лексики в системе рыболовецкой терминологии Белозерья (На материале местных письменных памятников XVI-XVII вв. и современных говоров) // Эволюция лексических системы севернорусских говоров. Вологда, 1984. С. 84-94.

Андреева-Васина, 1985 – *Андреева-Васина Н. И.* К вопросу о начальном ко- в диалектных глаголах // Диалектная лексика. 1982. Л., 1985. С. 165-173.

Аникин, 1997 – *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русский диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997. 774 с.

Аникин, 2000 – *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд. М.; Новосибирск, 2000. 768 с.

Анненков – *Анненков Н.* Ботанический словарь. СПб., 1878.

АОС – Архангельский областной словарь. Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1-11. М., 1980-2001.

Аристэ, 1956 – *Аристэ П. А.* Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 5-27.

АРНГЦВ – Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957. 1101 с. + 271 карта.

Афанасьев, 1996 – *Афанасьев А. П.* Топономия Республики Коми. Сыктывкар, 1996. 205 с.

Ахметзянов, 2000 – *Ахметзянов Ю. А.* Татарские народные блюда. Казань, 2000. 408 с.

Баранникова, 2000 – *Баранникова Л. И.* Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья. Издательство Саратовского университета, 2000. 103 с.

БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17 тт. М.; Л., 1948-1965.

Белецкий, 1996 – *Белецкий С. В.* Начало Пскова. СПб., 1996.

Белякова, 1973 – *Белякова О. П.* Словарь Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973. 706 с.

Березович, 2000 – *Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000. 528 с.

Бернштам, 1978 – *Бернштам Т. А.* Поморы. Л., 1978.

Богданов, 1952 – *Богданов Н. И.* История развития лексики вепсского языка. АКД. Л., 1952. 22 с.

Богораз, 1901 – *Богораз В. Г.* Областной словарь колымского наречия // Сб. ОРЯС, т. 68, № 4. 1901 (Словарь: с. 19-163).

Богородский, 1968 – *Богородский Б. Л.* О полузабытом судовом термине "комяга" // Брянские говоры. Уч. зап. ЛГПИ. Т. 325. Л., 1968. С. 89-103.

Борисов, 1847 – *Борисов Н.* Нечто о рыбных промыслах крестьян Шенкурского уезда // Арх. губ. вед.. 1847. № 20. Ч. неоф. С. 302-307.

Борисов, 1923 – *Борисов П. Г.* Рыболовство в нижнем течении реки Печоры // Институт рыбного Хозяйства, кн. IV, М., 1923.

Борисов, 1926 – *Борисов П. Г.* Названия и выражения, принятые в рыбном промысле // Уч. зап. Переяслав. политех. ин-та, 1926, т. 9. С. 120-132.

Бородина, 1966 – *Бородина М. А.* Проблемы лингвистической географии. М.; Л., 1966. 219 с.

Браславец, 1977 – Словарь русского камчатского наречия. Сост. К. М. Браславец, Л. В. Шатунова. Хабаровск, 1977. 194 с.

БТС – Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.

Бубрих, 1948 – *Бубрих Д. В.* Историческая фонетика финского-суоми языка. Петрозаводск, 1948. 231 с.

Бурнашев – *Бурнашев В.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Тт. 1-2. СПб., 1843-1844.

Бьернфлатен, 1997 – *Бьернфлатен Я. И.* Опыт лингвогеографии Псковской области // Псковские говоры. История и диалектология русского языка. Oslo, 1997. С. 8-30.

БЭС – Большой энциклопедический словарь. Гл. ред. А. М. Прохоров. М.; СПб., 1998.

Ванагас, 1971 – *Ванагас А. П.* К вопросу о финно-угорском субстрате в литовской гидронимии // Питания гідроніміки. Киев, 1971.

Варбот, 1984 – *Варбот Ж. Ж.* Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984.

Васильев, 2001 – *Васильев В. Л.* Новгородская географическая терминология (Ареально-семасиологические очерки). Великий Новгород, 2001. 255 с.

Васнецов, 1907 – *Васнецов Н. М.* Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907. 357 с.

Вахрос, 1959 – *Вахрос И. С.* Наименования обуви в русском языке. 1. Древнейшие наименования до петровской эпохи. Хельсинки, 1959. 271 с.

Вахрос, 1964 – *Вахрос И. С.* Несколько названий обуви, встречающихся в северновеликорусских говорах // Studia Orientalia edidit Societas orientalis Fennica/ XXVIII, 10. Helsinki, 1964. С. 2-12.

Вендина, 1996 – *Вендина Т. И.* Инструкция к составлению карт

лексического атласа русских народных говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1994. СПб., 1996. С. 19-25.

Вендина, 1998 – *Вендина Т. И.* Лексико-семантические различия и их реперезентация на карте (СМ 187 'Бирюк') // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1996. СПб., 1998. С. 14-21.

Вендина, 2000 – *Вендина Т. И.* Инструкция к составлению комментария к картам ЛАРНГ // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1997. СПб., 2000. С. 9-10.

Вереха, 1898 – *Вереха П. Н.* Опыт лесоводственного терминологического словаря. СПб., 1898.

Веске, 1890 – *Веске М. П.* Славяно-финские культурные отношения по данным языка // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. VIII, вып. 1. Казань, 1890. 303 с.

Витов, 1962 – *Витов М. В.* Исторические очерки Заонежья XVI-XVII вв. М., 1962.

Витов, 1997 – *Витов М. В.* Этнография Русского Севера. М., 1997. 194 с.

Витов, Власова, 1974 – *Витов М. В., Власова И. В.* География сельского расселения Западного Поморья в XVI-XVII веках. М., 1974.

Войтенко, 1991 – *Войтенко А. Ф.* Лексический атлас Московской области. М., 1991.

Войтенко, 2000 – *Войтенко А. Ф.* Московская диалектная лексика в ареальном аспекте. М., 2000. 318 с.

Воронина, 1992 – *Воронина Т. А.* Традиционная и современная пища русского населения Вологодской области // Русский Север. Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 78-101.

Воронова, 1968 – *Воронова Л. А.* О прибалтийско-финских заимствованиях в промысловой лексике беломорских рыбаков // Уч. зап. Карел. пед. ин-та. Т. XXII. Вопросы языкознания, 1968. С. 142-156.

ВОС – *Канунова Р. С.* Владимирский областной словарь. Названия грибов в говорах Владимирской области. Вып. 1. Владимир: ВГПУ, 1999. 61 с.

Востриков, 1981 – *Востриков О. В.* Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 3-45.

Востриков, 1990 – *Востриков О. В.* Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск, 1990. 96 с.

Второе Доп. – *Покровский Ф. И., Яценко Е. Н.* Второе дополнение к "Опыту областного великорусского словаря". 1905-1921. Рукопись СРНГ.

ВЯ – Вопросы языкознания.

Галинова, 1998 – *Галинова Н. В.* Из северных диалектных этимологий // Ономастика и диалектная лексика II. Екатеринбург, 1998. С. 61-75.

Галинова, 2001 – *Галинова Н. В.* К изучению явления контаминации в лексике говоров Русского Севера // Этимологические исследования. Вып. 7. Екатеринбург, 2001. С. 25-48.

Георгиевский, 1908 – *Георгиевский М. Д.* Русско-карельский словарь. СПб., 1908.

Герасимов, 1910 – *Герасимов М. К.* Словарь уездного Череповецкого говора // Сб. ОРЯС, т. 87, № 3, 1910. С. 1-111.

Герберштейн, 1866 – *Герберштейн С.* Записки о московитских делах // Россия глазами иностранцев. Л., 1968. (1-е изд. 1866). С. 31-150.

Герд, 1972 – *Герд А. С.* По некоторым вопросам славянской исторической диалектологии // Севернорусские говоры. Вып. 2. Л., 1972. С. 187-192.

Герд, 1979 – *Герд А. С.* К истории образования говоров Заонежья // Севернорусские говоры. Вып. 3. Л., 1979. С. 206-213.

Герд, 1984 – *Герд А. С.* О севернорусской лексике в псковских говорах // Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда, 1984. С. 3-8.

Герд, 1988 – *Герд А. С.* Прибалтийско-финские названия рыб в свете вопросов этнолингвистики // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы лексикологии и грамматики. Петрозаводск, 1988. С. 4-22.

Герд, 1992 – *Герд А. С.* Лингвогеографическое членение Псковской области по данным лексики // Проблемы русской лингвистической географии. СПб., 1992. С. 71-78.

Герд, 1997 – *Герд А. С.* Историческая диалектология и историческая география (на материале псковских и новгородских говоров) // Псковские говоры. История и диалектология русского языка. Oslo, 1997. С. 42-47.

Герд, 1999 – *Герд А. С.* Историческая диалектология и история лингвистического ландшафта // Ars philologica. Festschrift für Baldur Panzer zum 65. Geburtstag. Sonderdruck. 1999. S. 37-41.

Герд, Лебедев, 1999 – Основания регионалистики Формирование и эволюция историко-культурных зон. Под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. Издательство С.–Петербургского университета, 1999. 390 с.

Гильфердинг, 1948 – *Гильфердинг А. Ф.* Онежские былины. Тт. 1-3. М.; Л., 1948.

Глебова, 2001 – *Глебова О. В.* Дублетные вопросы в разделе "Метеорологические явления в Программе ЛАРНГ" // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1998. СПб., 2001. С. 178-185.

Гридина, Коновалова, 2001 – *Гридина Т. А., Коновалова Н. И.* Модели фитонимической номинации в мотивационном аспекте // Лексикология. Лексикография. Диалектная лингвогеография. Екатеринбург, 2001. С. 34-49.

Гриценко, 1964 – *Гриценко И. Д.* Промысловая лексика русских рыбаков дельты Дуная. Дис. канд. филол. наук. Кишинев, 1964, КСРНГ.

Грот, 1876 – *Грот Я. К.* Слова областного словаря, сходные с финскими // Я. Грот. Филологические изыскания. СПб., 1876. С. 470-474.

Грузов, 1969 – *Грузов Л. П.* Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969. 211 с.

Гусева, 1971 – *Гусева Л. Г.* Заимствованные слова в географической терминологии Каргопольского края // Вопросы топономастики, № 5. Свердловск, 1971. С. 128-132.

Даль – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Тт. 1-4. СПб.; М., 1880-1882.

ДАРЯ, вып. 3 – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. 3. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. М., 1996. 375 с.

Демидова, 2001 – *Демидова К. И.* О возможностях изучения языковой картины мира по Лексическому атласу русских говоров Среднего Урала // Диалектология. Лексикография. Диалектная лингвогеография. Екатеринбург, 2001. С. 49-58.

Десницкая, 1956 – *Десницкая А. В.* К вопросу о взаимодействии языков // Институт языкознания. Доклады и сообщения, IX. М., 1956. С. 70-77.

Дилакторский – *Дилакторский П. А.* Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Вологда, 1902. Рукопись СРНГ.

ДКЭСКЯ – *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Дополнение к Краткому этимологическому словарю коми языка. // Коми филология. Труды института языка, литературы и истории, № 18. Сыктывкар, 1975. С. 3-37.

Добровольский, 1914 – *Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск , 1914. 1022 с.

Доп. Опыт – Дополнение к "Опыту областного великорусского словаря". СПб., 1858.

ДСЯС – Диалектологический словарь языка саха. Дополнительный том. Отв. ред. Е. И. Коркина, М. С. Воронкин. Новосибирск: ВО "Наука", 1995. 296 с.

ДСЯЯ – Диалектологический словарь якутского языка. М.: Наука, 1976.

Дубровина, Герд, 1974 – *Дубровина З. М., Герд А. С.* Об одном типе глаголов, заимствованных из вепсского и карельского языков в русские говоры Карелии // Вопросы советского финно-угроведения. Тезисы докладов и сообщений на XV конференции по финно-угроведению, посв. 259-летию АН СССР. Петрозаводск, 1974. С. 75-76.

Дуров, 1929 – *Дуров И. М.* Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья. Соловки, 1929. 180 с.

Дыбо, 1996 – *Дыбо А. В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Сомантические термины (плечевой пояс). М., 1996. 390 с.

Егоров, 1998 – *Егоров С. Б.* К этнонимике вепсов // Царскосельские чтения. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 1998. С. 216-219.

Женатов – *Женатов П. Д.* Слова вологодского диалекта из Вожегодского района. 1972. Рукопись СРНГ.

Жербин, 1956 – *Жербин А. С.* Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956. 79 с.

Жеребцов И., 1996 – *Жеребцов И. Л.* Население Коми края во второй половине XVI-начале XVIII в. Екатеринбург, 1996.

Жеребцов Л., 1982 – *Жеребцов Л. Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.

Жмурко, 2001 – *Жмурко О. И.* Лексика природы. Опыт тематического словаря говоров Ивановской области. Иваново, 2001. 115 с.

Загоскин, 1999 – *Загоскин А. А.* История Сямженского района. Сямжа, 1999. 143 с.

Загоскин, 2000 – *Загоскин А. А.* Родословная Сямженских деревень. Сямжа, 2000. 37 с.

Зайков, 1999 – *Зайков П. М.* Грамматика карельского языка (фонетика и морфология). Петрозаводск, 1999. 120 с.

Зайцева М., 1981 – *Зайцева М. И.* Грамматика вепсского языка. Л., 1981. 360 с.

Зайцева Н., 1988 – *Зайцева Н. Г.* О вепсско-саамских лексических параллелях // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1988. С. 22-32.

Зализняк, 1962 – *Зализняк А. А.* Проблемы славяно-иранских языковых

отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. 1962.

Захарова, Орлова, 1970 – *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970. 166 с.

Зеленин, 1991 – *Зеленин Д. К.* Восточно-славянская этнография. М., 1991. 507 с.

Зимин, 1957 – *Зимин П. В.* Диалектные слова Вельского района Архангельской области. 1957. Рукопись СРНГ.

Иваницкий, 1883 – *Иваницкий Н. А.* Материалы для Словаря вологодского народного говора (1883-1889). 480 с. КСРНГ.

Иванова, 1969 – *Иванова А. Ф.* Словарь говоров Подмосковья. М., 1969. 597 с.

Ивашко, 1958 – *Ивашко Л. А.* Заимствованные слова в печорских говорах // Уч. зап. Лен. гос. ун-та, № 343, сер. филолог. наук, 1958, вып. 42. С. 84-103.

Кабинина, Матвеев, Теуш, 1999 – *Кабинина Н. В., Матвеев А. К., Теуш О. А.* Материалы для "Словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера" (Г-И) // Ономастика и диалектная лексика III. Екатеринбург, 1999. С. 247-259.

Калима, бд – *Калима Я.* Непервоначальное г в некоторых северновеликорусских диалектах. Отд. оттиск. Без даты.

Калинова, 2000 – *Калинова Я. В.* Русско-прибалтийско-финские языковые контакты и их отражение в области диалектного синтаксиса. АКД. СПб., 2000. 22 с.

Карамышева, 1997 – *Карамышева Л. М.* Из истории рыболовецкой лексики // Псковские говоры. История и диалектология русского языка. Oslo, 1997. С. 63-72.

Каринский, 1898 – *Каринский Н. М.* О некоторых говорах по течению рек Луги и Оредежа. Варшава, 1898.

Касаткин, 1999 – *Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999. 526 с.

Керт, 2000 – *Керт Г. М.* Очерки по карельскому языку. Петрозаводск: "Карелия", 2000. 110 с.

Клементьев, 1991 – *Клементьев Е. И.* Карелы. Этнографический очерк. Петрозаводск: "Карелия", 1991. 78 с.

Клепикова, 1986 – *Клепикова Г. П.* К проблеме использования данных лингвистической географии в историко-этимологических исследованиях // Этимология 1984. М., 1986. С. 79-84.

Кнабе, 1962 – *Кнабе Г. С.* Словарные заимствования и этногенез (К вопросу о балтийских заимствованиях в восточных финно-угорских языках // ВЯ, 1962, № 1. С. 65-76.

Комарова, 1991 – *Комарова З. И.* Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск, 1991.

Комягина, 1984 – *Комягина Л. П.* Соотношение лингвистических и этнографических ареалов на территории Архангельской области // Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда, 1984. С. 8-19.

Коновалова, 1993 – *Коновалова Н. И.* Фитонимика говоров Среднего Урала. АДК. М., 1993.

Коновалова, 2000 – *Коновалова Н. И.* Словарь народных названий

растений Урала. Екатеринбург, 2000. 233 с.

КПОС – Картотека Псковского областного словаря. Хранится в СПбГУ.

Кривощекова-Гантман, 1981 – *Кривощекова-Гантман А. С.* Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 46-62.

КРОЧК – *Безносикова Л. М., Айбабина, Е. А., Коснырева.* Коми-роч кывчукӧр. Сыктывкар, 2000. 814 с.

КСРГК – Картотека Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей. Хранится в СпбГУ.

КСРНГ – Картотека Словаря русских народных говоров. Хранится в ИЛИ РАН.

Кузнецов А., 1995 – *Кузнецов А.* Названия вологодских озер. Словарь линмонимов финно-угорского происхождения. Вологда, 1995. 92 с.

Кузнецов И., 1915 – *Кузнецов И. Д.* Рыбопромышленный словарь Псковского водоема. По материалам, собранным участниками Псковской промыслово-научной экспедиции 1912-1913 года. ПГр., 1915. 159 с.

Кузнецова, 1975 – *Кузнецова О. Д.* Слова с протетическим j в городах русского языка // Вопросы языкознания, 1975, № 5.

Кузнецова, 1985 – *Кузнецова О. Д.* Актуальные процессы в говорах русского языка (лексикализация фонетических явлений). Л., 1985. 179 с.

Куликовский, 1898 – *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Куликовский, 1899 – *Куликовский Г. И.* Несколько слов к "Словарю областного олонецкого наречия" // Этнографическое обозрение, 1899, № 1-2. С. 346-351.

КЭСКЯ – *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

ЛААО – *Комягина Л. П.* Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994. 235 с.

Лаллукка, 1997 – *Лаллукка С.* Восточно-финские народы Росии. Анализ этнодемографических процессов. СПб., 1997. 391 с.

ЛАМО – *Войтенко А. Ф.* Лексический атлас Московской области. М., 1991. 59 с. + 160 карт.

Лаучюте, 1982 – *Лаучюте Ю. А.* Словарь балтизмов в славянских языках. Л.: Наука, 1982. 210 с.

Лебедева, 1956 – *Лебедева Н. И.* Прядение и ткачество восточных славян в XIX – начале XX века // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956.

Ленсуу, 1930 – *Ленсуу Я. Я.* Материалы по говорам води // Западнофинский сборник, № 16. С. 201-305.

Лесков, 1892 – *Лесков Н. О.* О влиянии корельского языка на русский в пределах Олонецкой губернии // Живая старина, вып. IV. СПб., 1892. С. 97-103.

Лизанец, 1975 – *Лизанец П. Н.* Лингвогеографический аспект в исследованиях лексических заимствований в украинских говоров Карпатского ареала // Труды по финно-угроведению. Тарту, 1975. С. 76-94.

Лизанец, 1981 – *Лизанец П. Н.* Лингвогеографический аспект в исследовании венгерских говоров // Annales Universitatis scientiarum Budapestiensis. Sectio linguistica. T. XII. Budapest, 1981. C. 143-149.

ЛК ТЭ – Лексическая картотека Топонимистической экспедиции Уральского университета.

Логинов, 1993 – *Логинов К. К.* Материальная культура и производственно бытовая магия русских Заонежья. СПб.: Наука, 1993. 150 с.

Лотте, 1982 – *Лотте Д. С.* Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов. М., 1982. 147 с.

ЛТРС – Латышско-русский словарь. Сост. Я. В. Лоя. М., 1946. 250 с.

Лутовинова, 1997 – *Лутовинова И. С.* Слово о пище русских. Издательство С.–Петербургского университета, 1997. 304 с.

Лысова, 2001 – *Лысова Е. В.* К этимологии диалектных названий глухарки // Этимологические исследования. Вып. 7. Екатеринбург, 2001. С. 78-88.

Лыткин, 1956 – *Лыткин В. И.* Вепсско-карельские заимствования в коми-зырянских диалектах // К шестидесятилетию академика В. В. Виноградова: Сб. статей. М., 1956. С. 179-189.

Мазинг, 1960 – *Мазинг В. В.* Немецко-английско-шведско-финско-эстонско-русский терминологический словарь по болотоведению. Тарту, 1960.

Макаров Г., 1967 – *Макаров Г. Н.* К вопросу о прибалтийско-финских и коми-зырянских языковых контактах. СФУ, 3, № 2, 1967. С. 85-89.

Макаров Н., 1997 – *Макаров Н. А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII веках. М., 1997. 368 с.

Максимов, 1858 – *Максимов С.* Белое море и его прибрежье // Морской сборник, 1858. Тт. 25-27.

МАНРС – Мансийско-русский словарь. А. Н. Баландин, М. П. Вахрушева. Л., 1958. 226 с.

Маркова, 1997 – *Маркова Н. В.* К изучению синтаксических особенностей говоров северного побережья Онежского Озера // Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера "Рябининские чтения 95". Петрозаводск, 1997. С. 217-220.

МАС – Словарь русского языка. Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981-1984.

Матвеев, 1959 – *Матвеев А. К.* Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала // Уч. зап. Урал. гос. ун-та. Вып. 32. Свердловск, 1959. 123 с.

Матвеев, 1962 – *Матвеев А. К.* Новые данные о финно-угорских заимствованиях в русских говорах Урала и Западной Сибири // Вопросы финно-угорского языкознания: К 70-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Д. В. Бубриха. М.-Л., 1962. С. 127-142.

Матвеев, 1964 – *Матвеев А. К.* Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta linguistica. Budapest, 1964. T. 14, F. 3-4. P. 285-315.

Матвеев, 1965 – *Матвеев А. К.* Есть древнепермская топонимика в Заволочье? // СФУ, 1965, 1, 3. С. 207-211.

Матвеев, 1968 – *Матвеев А. К.* Об отражении одного финно-русского фонетического соответствия в субстратной топонимике Русского Севера // СФУ, 1968, T. IV, № 2. С. 121-126.

Матвеев, 1970 – *Матвеев А. К.* Термины земледелия и животноводства в субстратных прибалтийско-финских топонимах на территории Севера Европейской части СССР // Вопросы топономастики. Вып. 4. Свердловск,

1970. С. 89-92.

Матвеев, 1972 – *Матвеев А. К.* Некоторые вопросы адаптации ударных гласных в финно-угорских субстратных топонимах Русского Севера // СФУ, 1972, Т. VIII, № 1. С. 1-6.

Матвеев, 1979 – *Матвеев А. К.* Древнее саамское население на территории севера Восточно-Европейской равнины // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979. С. 5-14.

Матвеев, 1995 – *Матвеев А. К.* Апеллятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов // Вопросы языкознания, 1995. № 2. С. 29-42.

Матвеев, 1996 – *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // ВЯ, 1996, № 1. С. 3-23.

Матвеев, 1997 – *Матвеев А. К.* Географические названия Тюменского Севера. Екатеринбург, 1997. 186 с.

Матвеев, 1998 – *Матвеев А. К.* К проблеме лингвистического изучения юго-восточной части Русского Севера // Ономастика и диалектная лексика II. Екатеринбург, 1998. С. 3-33.

Матвеев, 1998 – *Матвеев А. К.* Мерянская топонимия на Русском Севере. фантом или феномен? // ВЯ, 1998, № 5. С. 90-105.

Матвеев, 2000 – *Матвеев А. К.* Топонимистические поиски I // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2000. Вып. 1. С. 3-20.

Матвеев, 2001 – *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Часть 1. Екатеринбург, 2001. 345 с.

Меркулова, 1967 – *Меркулова В. А.* Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967. 258 с.

Меркурьев, 1979 – *Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979. 184 с.

Миртов, 1929 – *Миртов А. В.* Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929. 415 с.

Михайлова, 1984 – *Михайлова Л. П.* Земледельческая лексика в русских говорах Карелии // Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда, 1984. С. 73-83.

Михайлова, 1986 – *Михайлова Л. П.* Географическая лексика в русских говорах Карелии (названия болот) // Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Пермский ун-т, Сыктывкар, 1986. С. 76-88.

Михайлова, 1994 – *Михайлова Л. П.* Отбор лексики с мертвыми префиксами ко-, ша, ща-, че, для Лексического атласа русских народных говоров и полевая проверка // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1992. СПб., 1994. С. 130-135.

Михайлова, 1995 – *Михайлова Л. П.* Ландшафтная топонимия Карельского Поморья // Ономастика Карелии. Проблемы взаимодействия различных ономастических систем. Петрозаводск, 1995. С. 28-37.

Михайлова, 1999 – *Михайлова Л. П.* Внутрирегиональные лексические различия русских говоров Карелии // Севернорусские говоры. Вып. 7. СПб., 1999. С. 11-22.

Мищенко, 1990 – *Мищенко О. В.* Названия внешних новообразований на деревьях в говорах Русского Севера: кап // Ономастика и диалектная лексика III. Екатеринбург, 1999. С. 171-179.

Мищенко, 2000 – *Мищенко О. В.* Названия внешних новообразований на

деревьях в говорах Русского Севера II // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2000. С. 120-134.

Мищенко, Теуш, 2000 – *Мищенко О. В., Теуш О. А.* Экспедиция по сбору субстрата в Пошехонье // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. I. Екатеринбург, 2000. С. 174-175.

Младенов, 1941 – *Младенов С.* Етимологически и правописен речник на българският книжовен език. София, 1941.

МРС – Мокшанско-русский словарь. Под ред. Д. В. Бубриха. М., 1949. 359 с.

МС – *Хромов И. П., Мамонова Л. П.* Метеорологический словарь. Л., 1955.

Муллонен, 1988 – *Муллонен И. И.* Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск, 1988. С. 161.

Муллонен, 1994 – *Муллонен И. И.* Очерки вепсской топонимики. СПб.: Наука, 1994. 154 с.

Муллонен, Мамонтова, 1997 – *Муллонен И. И., Мамонтова Н. Н.* Топонимия Заонежья: итоги и перспективы // Рябининские чтения 95. Петрозаводск, 1997. С. 231-237.

Мурзаев, 1984 – *Мурзаев Э. М.* Словарь народных георгафических терминов. М., 1984. 653 с.

Мызников, 1995 – *Мызников С. А.* Ареальная дистрибуция лексики сенокошения в русских народных говорах Обонежья и Приладожья // Псковские говоры и их носители (лингвогеографический аспект). Псков, 1995. С. 22-28.

Мызников, 1997 – *Мызников С. А.* Лексический ареал и проблема диалектического членения (Белозерско-Бежецкие говоры) // Русские народные говоры: проблемы изучения. Ярославль, 1997. С. 28-30.

Мызников, 1998 – *Мызников С. А.* Лексика прибалтийско-финского происхождения в севернорусских говорах (лингвогеографический аспект) // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов, Краков, 1998. С., 1998. С. 430-441.

Мызников, 1999 – *Мызников С. А.* Говоры Шекснинско-верхневолжского бассейна и их диалектное членение по лексическим данным // Русская народная культура и ее этнические истоки. М., 1999. С. 38-42.

Мызников, 2001 – *Мызников С. А.* Финно-угризмы или тюркизмы (этимологизация русских диалектных слов и определение конечного источника) // Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 27. Секция уралистики. СПб., 2001. С. 14-16.

Мызников, 2002 – *Мызников С. А.* Лексика прибалтийско-финского происхождения в древнерусском языке (по материалам И. И. Срезневского) и ее судьба в русских народных говорах // И. И. Срезневский и современная славистика: наука и образование. Рязань, 2002. С. 102-104.

Мюркхейн, 1973 – *Мюркхейн В.* Эстонские лексические заимствования в одном из русских говоров Эстонской ССР // СФУ, 1973, IX, № 1. С. 1-9.

Налетова, 2002 – *Налетова Н. И.* Названия растений в псковских говорах. АКД. Тверь, 2002. 18 с.

Народы Поволжья и Приуралья – Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне, Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000. 579 с.

Насекомые – *Яковлев Е. Б., Лобкова М. П.* Животный мир Карелии.

Насекомые. Петрозаводск, 1989. 231 с.

Невская, 1977 – *Невская Л. Г.* Балтийская географическая терминология. М., 1977.

Неподкупный, 1976 – *Неподкупный А. П.* Балто-севернославянские языковые связи. Киев, 1976.

Неуструев, 1914 – *Неуструев С. П.* Словарь волжских судовых терминов. Нижний Новгород, 1914. 320 с.

Николаева, 1998 – *Николаева Е. С.* Прибалтийско-финские заимствования в русских говорах по реке Устье // Ономастика и диалектная лексика II. Екатеринбург, 1998. С. 120-128.

НОС – Новгородский областной словарь. Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1-13. Новгород, 1992-2000.

Носович, 1870 – *Носович И. И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

Ожегов, 1990 – *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 22-е изд. М., 1990. 922 с.

Озерецковский, 1989 – *Озерецковский Н. Я.* Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989. 208 с.

ОКДА – Общекарпатский диалектологический атлас. Вопросник. "Наука". Москва, 1981. 125 с.

ОЛА – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир. М., 1986. 183 с.

ОЛГБСЯ – Общая лексика германских и балто-славянских языков. Отв. ред. А. П. Неподкупный. Киев: Наук. думка, 1989. 350 с.

Ольгович, 1963 – *Ольгович С. И.* Иноязычные слова в русских старожильческих говорах средней части бассейна р. Оби. Томск, 1963. На карточках, КСРНГ.

Ончуков, 1908 – *Ончуков Н. Е.* Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии). СПб., 1908.

Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852. 275 с.

Орлова, 1970 – Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. Ред. В. Г. Орлова. М., 1970.

ОСГКО – *Кириллова Т. В., Бондарчук Н. С., Куликова В. П., Белова А. А.* Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972. 312 с.

Осьминский, 1947 – *Осьминский Т. П.* Белозерский край в 13-16 вв. Череповец, 1947.

Откупщиков, 1986 – *Откупщиков Ю. В.* Диалектные материал и этимология // Этимология 1984. М., 1986. С. 191-197.

Откупщиков, 2001 – *Откупщиков Ю. В.* Очерки по этимологии. Издательство С.–Петербургского университета, 2001. 479 с.

Паникаровская, 1984 – *Паникаровская Т. Г.* Название реалий крестьянского быта в вологодских говорах (Русская печь и ее части) // Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда, 1984. С. 20-25.

Петерсон, 1977. Петерсон Ю. А – Латышское pirts и вепс. pert в аспекте древних этнических связей // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1977. С. 105-107.

ПЛГО – Полевые лингвогеографические обследования автора.

Погодин, 1904 – *Погодин А. Л.* Севернорусские словарные заимствования

из финского языка // Варшавские университетские известия, 1904, 4. С. 1-72.

Подвысоцкий, 1885 – *Подвысоцкий А. О.* Словарь архангельского областного наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. 197 с.

Поляков, 1873 – *Поляков И. С.* Список названий трав, животных, а также некоторых других особенных слов, употребленных в Вытегорском и Пудожском уезде // Зап. РГО по Отд. Этнограф., 1873. Т. III. С. 508-511.

Попов, ЗНП – *Попов А. И.* Заметки на полях SKES.

Попов, 1955 – *Попов А. И.* Из истории славяно-финноугорских лексических отношений // Acta linguistica. Budapest, 1955. Т. 5, F. 1/2. С. 1-19.

Попов, 1964 – *Попов А. И.* Основные принципы топонимического исследования // Принципы топонимики. М., 1964. С. 44.

Попов, 1965 – *Попов А. И.* Географические названия. Введение в топонимику. М.; Л., 1965. 181 с.

Попов, 1966 – *Попов А. И.* Некоторые вопросы и задачи исследования лексики русских говоров // Лексика русских народных говоров (Опыт исследования). М.; Л., 1966. С. 5-19.

Попов, 1971 – *Попов А. И.* Диалектные материалы в этимологических словарях русского языка // Диалектная лексика 1969. Л., 1971. С. 210-218.

Попов, 1972 – *Попов А. И.* Русские говоры и влияние иноязычных соседей // Вопросы изучения русских народных говоров. Л., 1972. С. 5-13.

Попов, СФУ, 1972 – *Попов А. И.* К вопросу о древнейших лексических связях между прибалтийскими финнами и славянами // СФУ, 1972, VIII, 2. С. 85-90.

Попов, 1974 – *Попов А. И.* Топонимика других мерянских и муромских областей. Л., 1974.

Порохова, 1966 – *Порохова О. Г.* Слова ляда, лядина и нива в русских народных говорах // Лексика русских народных говоров (Опыт исследования). М.; Л., 1966. С. 175-191.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-12. Л.; СПб., 1967-1996.

Поспелов, 1998 – *Поспелов Е. М.* Географические названия мира. Топонимический словарь. М., 1998. 503 с.

Поспелов, 2000 – *Поспелов Е. М.* Топонимический словарь Московской области. М., 2000. 316 с.

Преображенский, 1910 – *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910-1914.

Программа ДАРЯ – Программа собирания сведений для составления Диалектического атласа русского языка. М.; Л., 1947. 219 с.

Программа ЛАРНГ – Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Чч. 1-2. СПб., 1994.

Протопопов, 1847 – *Протопопов А.* Областные слова Яренского уезда Вологодской губернии. 1847. КСРНГ.

Прокошева, 2002 – *Прокошева К. Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002. 431 с.

Пушкарев, 1902 – *Пушкарев Н. Н.* Физико-географические данные об Онежском озере, сведения об его ихтиофауне и ее происхождении // Олонецкий сборник, 1902. С. 131-177.

ПФГЛК – *Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И.* Прибалтийско-финская

географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991. 158 с.

Радлов, 1899 – *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I-IV. СПб., 1899-1911.

Ракин, 1984 – *Ракин А. Н.* Основные пласты заимствованной ботанической лексики коми языка // Взаимодействие финно-угорских и русского языков. Сыктывкар, 1984. С. 18-27.

РДС – Русский демонологический словарь. Автор-сост. Т. А. Новичкова. Петербургский писатель, 1955. 639 с.

Реформатский, 1956 – *Реформатский А. А.* Выступление на дискуссии по теории субстрата // Институт языкознания. Доклады и сообщения, IX. М., 1956. С. 110-117.

Рихтер, 1968 – *Рихтер Е. В.* Заметки о терминах сельскохозяйственных орудий и жилища у русских западного Причудья // Труды Прибалтийской диалектологической конференции. Тарту, 1968. Тарту, 1970. С. 172-180.

РКПС – *Кузнецов П. С., Спорова А. М.* Русско-коми-пермяцкий словарь. Кудымкар, 1946.

РМС – Русско-марийский словарь. Сост. И. Ф. Андреев, Д. И. Иванов, К. Ф. Смирнов. Йошкар-Ола, 1943. 506 с.

РНС – Русско-ненецкий словарь. Сост. А. П. Пыреркa, Н. М. Терещенко. М., 1948. 405 с.

Романов, 1928 – *Романов.* Словарь своеобразных слов в народном говоре Устьянско-Дмитриевской волости Северо-Двинской губернии. 1928. 306 с. Рукопись СРНГ.

Росс. Целлариус – Российский Целлариус или этимологический российский лексикон. Изд. Ф. Гелтергофом. М., 1771.

Рот, 1973 – *Рот А. М.* Венгерско-восточнославянские языковые контакты. Budapest, 1973.

Русская диалектология, 1964 – Русская диалектология. Ред. Р. И. Аванесов, В. Г. Орлова. М., 1964.

Русские – Русские. Историко-этнографический атлас: Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (Середина XIX-начало XX века). М., 1967. 359 с.

Русский Север, 2001 – Русский Север. Этническая история и народная культура XVII-XX века. Отв. ред. И. В. Власова. М., 2001. 848 с.

Рут, 1981 – *Рут М. Э.* К этимологии севернорусских ТЯРЕГА, КЯРЕГА, НИДЕГА, ИНЕГА, КОРЕГА // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 66-68.

Рут, 1984 – *Рут М. Э.* К проблеме разграничения субстратной и заимствованной лексики финно-угорского происхождения на территории Русского Севера // Этимологические исследования. Свердловск, 1984. С. 31-41.

РФС – Русско-финский словарь. Под ред. М. Э. Куусинена и В. М. Оллыкайнен. Москва, 1963. СПб., 1997. 1000 с.

РЧС – Русско-чувашский словарь. Под ред. Н. К. Дмитриева. М., 1951. 896 с.

Рыбников, 1864 – *Рыбников П. Н.* Объяснение непонятных и областных слов, встречающихся в сборнике // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 3. Петрозаводск, 1864. С. I-LXII.

РЭС – Русско-эстонский словарь. Сост. В. Мухель. Таллин, 1982. 832 с.

Рябинин, 1997 – *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб., 1997. 259 с.

Рягоев, 1977 – *Рягоев В. Д.* Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977. 287 с.

Саарикиви, 2000 – *Саарикиви Я.* Финно-угорский субстрат в говорах Пинежья. Перспективы историко-лингвистического изучения // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 1. Екатеринбург, 2000. С. 49-56.

Сало, 1966 – *Сало И. В.* Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии. Диссертация на соискание уч. ст. канд. филолог. наук. М., 1966. КСРНГ.

Саматова, 2000 – *Саматова Е. К.* "Борзыми ногами спеть по зверю". Словарь кинологической лексики. Екатеринбург, 2000.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Ред. Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина. Вып. 1-8. Вологда, 1983-1999.

СВЯ – *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972. 745 с.

СГБРС – *Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С.* Словарь гидронимов юго-восточного Приладожья. Бассейн реки Свирь. СПб.: Издательство С. Петербургского университета, 1997. 192 с.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Под ред. А. К. Матвеева. Т. 1. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001.

СГТЯЛ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 1997.

СДЕ – Скурт дикционар етимоложик ал лимбий молдовенешть. Ред. Н. Раевский, М. Габинский. Кишинэу, 1978. 678 с.

Седов, 1970 – *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. 200 с.

Сергеев, 1968 – *Сергеев Л. П.* Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1968.

Сергеенко, 1984 – *Сергеенко Э. С.* Фонетическое и лексико-семантическое освоение коми слов в островном русском говоре Коми АССР // Взаимодействие финно-угорских и русского языков. Сыктывкар, 1984. С. 96-107.

Серебренников, 1956 – *Серебренников Б. А.* Проблема субстрата // Институт языкознания. Доклады и сообщения, IX. М., 1956. С. 33-56.

Серебренников, 1985 – *Серебренников Б. А.* Существовала ли финно-волжская общность // ВЯ, 1985, № 2. С. 10-21.

СИС – Словарь иностранных слов. М., 1989. 621 с.

Симина – Словарная картотека пинежских говоров, дар Г. Я. Симиной Слов. карт. ИРЯЗ.

Симони, 1757 – *Симони П. К.* Словарь областных слов, употребляемых в г. Устюге Великом (по записи 1757 г.) // Живая старина. 1898. Вып. III-IV. С. 443-448.

Скляров, БД – *Скляров Э. Л.* Съедобные и лекарственные растения Русского Севера. Архангельск (без года изд.). 271 с.

СКЯМ – *Макаров Г. Н.* Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990. 495 с.

СКЯП – *Пунжина А. В.* Словарь карельского языка (тверские говоры).

Петрозаводск, 1994. 396 с.

Слов. Акад. 1891-1920 – Словарь русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. Тт. 1-41 и в выпусках, изд. 1891-1920.

Слов. Акад. 1847 – Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. Тт. I-IV. СПб., 1847.

Слов. Пск. посл – Словарь псковских пословиц и поговорок. Сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб., 2001. 175 с.

Слов. Ушакова – Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1-4. М., 1934-1940.

Словарь охотника-природолюба – Словарь охотника-природолюба. Термины, идиомы, фразеологические обороты. Сост. И. Касаткин. М., 1995. 238 с.

СлРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-25. М., 1975-2000.

СМЯ – Словарь марийского языка. Т. 1-4. Йошкар-Ола, 1990-1998.

Сорокин, 1992 – *Сорокин П. Е.* Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. СПб., 1992. 268 с.

Справочник личных имен – Справочник личных имен народов РСФСР. Под ред. А. В. Суперанской. М., 1987. 655 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1-4. СПб., 1994-1999.

СРГНО – Словарь русских говоров Новосибирской области. Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1979. 605 с.

СРГО – Словарь русских говоров Одесщины. Т. 1-2. Одесса, 2000-2001.

СРГП – Словарь русских говоров Приамурья. Отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1983. 340 с.

СРГС – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Т. 1-3. Томск, 1964-1967.

СРГСУД – Словарь русских говоров Среднего Урала. Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1996. 580 с.

Срезневский – *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1-3. СПб., 1890-1903.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1-36. М.-Л., 1965-2002.

СРНДР – Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII-первой половины XVIII в. Сост. Л. Г. Панин. Новосибирск, 1991. 179 с.

СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1-12. Л.; СПб., 1984-2001.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. 489 с.

ССМЯ – *Мустаев Е. Н.* Словарь синонимов марийского языка. Йошкар-Ола, 2000. 544 с.

ССО – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Дополнение. Ч. 1-2. Томск, 1975.

ССПР – Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Т. 1-3. Томск, 1992-1993.

Станков, 1957 – *Станков В. И. и др.* Определитель высших растений Европейской части СССР. М., 1957. 740 с.

Строгова, 1966 – *Строгова В. П.* О слове химы в новгородских говоров // Вопросы диалектологии и истории русского языка. Мурманск, 1966. С. 33-43.

(Уч. зап. Новгородск. Пед. Ин-та. Т. 11).

Субботина, 1978 – *Субботина Л. А.* Заимствованная лексика в русских говорах Прикемья // Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978. С. 66-78.

Судаков, 1984 – *Судаков Г. В.* Название предметов домашней утвари в русском языке XVI-XVII вв. // Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда, 1984. С. 50-73.

Суйсарь – Село Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск, 1997. 295 с.

Суханова, Муллонен, 1986 – *Суханова В. С., Муллонен М. И.* О Г' протетическом в русских говорах Карелии // Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Пермский университет. Сыктывкар, 1986. С. 38-45.

СФУ – Советское финно-угроведение.

СЮКК – Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1988.

Сюрьялайнен, 1981 – *Сюрьялайнен Ю. С.* Варианты названий растений в финских говорах Ленинградской области // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы лексикологии и лексикографии. Л., 1981. С. 32-39.

Тароева, 1965 – *Тароева Р. Ф.* Материальная культура карел. Этнографический очерк. М.; Л., 1965. 223 с.

Тверское Припиросье – *Караваев А. П., Ласточкин Н. А.* Тверское Припиросье в конце XV века и теперь. М., 1994. 48 с.

ТВСЯ – Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974.

Террачини, 1971 – *Террачини Б.* Субстрат. Перевод Г. Д. Муравьевой // Современное итальянское языкознание. М., 1971. С. 17-55.

Ткаченко, 1978 – *Ткаченко О. Б.* К исследованию финно-угорского субстрата в русском языке // СФУ, 1978, XIV, 3. С. 204-210.

Ткаченко, 1983 – *Ткаченко О. Б.* Merjanica. Фрагменты мерянской глагольной системы: спрягаемые формы // СФУ, 1983, XIX, 2. С. 105-111.

Ткаченко, 1985 – *Ткаченко О. Б.* Мерянский язык. Киев, 1985. 207 с.

Ткаченко, 1989 – *Ткаченко О. Б.* Очерки теории языкового субстрата. Киев, 1989. 207 с.

Толстой, 1969 – *Толстой Н. И.* Славянская географическая терминология. М., 1969.

Топоров ПЯ – *Топоров В. Н.* Прусский язык: Словарь. Тт. 1-5. М., 1975-1990.

Третьяков, 1966 – *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л., 1966. 308 с.

Туркин, 1973 – *Туркин А.* Вепсско-карельская топонимия в бассейне Вычегды // СФУ, 1973, IX, № 1. С. 11-13.

Тынтуева, 1982 – *Тынтуева Е. И.* Из истории слов омшаник и голбец в диалектном языке (На материале бытовой лексики говора семейских старообрядцев Забайкалья) // Диалектная лексика 1979. Л., 1982. С. 161-169.

УРС – Удмуртско-русский словарь. Сост. В. М. Вахрушев, К. А. Корепанова, Е. Н. Лодкина, А. И. Малых и др. М., 1948. 446 с.

Успенский, 1913 – *Успенский П.* Русско-чудский словарь с некоторыми грамматическими указаниями. СПб., 1913. 32 с.

Фасмер, 1964 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4. М., 1964-1973.

Филин, 1936 – *Филин Ф. П.* Исследования о лексике русских народных

говоров. М.; Л., 1936.

ФРС – Финско-русский словарь. Под ред. В. Оллыкайнен, И. Сало. Таллин, 1996. 815 с.

Хайрутдинова, 1993 – *Хайрутдинова Т. Х.* Названия пищи в татарском языке. Казань, 1993. 140 с.

Хакулинен, 1953 – *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. Ч. 1, 2. М., 1953-1955.

Халиков, 1995 – *Халиков Н. А.* Хозяйство татар Поволжья и Урала. Казань, 1995. 196 с.

Хелимский, 1995 – *Хелимский Е. А.* Сверхдревние германизмы в прибалтийско-финских и других финно-угорских языках. История проблемы в краткой аннотированной и комментированной библиографии // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995. С. 3-37.

Чайкина, 1975 – *Чайкина Ю. И.* Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 3-187.

Чайкина, 1993 – *Чайкина Ю. И.* Словарь географических названий Вологодской области. Вологда, 1993. 175 с.

Черепанова, 1983 – *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983. 170 с.

Черных, 1994 – *Черных П. Я.* Историко-этимологических словарь современного русского языка. Т. 1-2. М., 1994.

Чикачев, 1990 – *Чикачев А. Г.* Русские на Индигирке. Новосибирск, 1990.

Чумакова, 1959 – *Чумакова Ю. П.* Лексика обработки конопли и шерсти, прядения и ткачества в районе "Богословщины" // Уч. зап. Ряз. пед. ин-та. 1959, XXV. С. 341-385.

Шахматов, 1941 – *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.

Шегрен, 1854 – *Шегрен А. М.* Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточных // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. СПб., 1854. С. 145-165.

Шейн, 1873 – *Шейн П. В.* Дополнение и заметки к "Толковому словарю Даля" // Сб. ОРЯС, 1873, Т. X, № 8. С. 1-52.

Шелепова, 1977 – *Шелепова Л. И.* Диалекты как источник этимологии. Томск, 1977. 83 с.

Шелепова, 1994 – *Шелепова Л. И.* Диалекты и этимология (источниковедческий аспект). Барнаул, 1994.

Шилов, 1999 – *Шилов А. Л.* К стратификации дорусской топонимии Карелии // ВЯ, 1999, № 6. С. 102-114.

Шилов, 2001 – *Шилов А. Л.* Семантика термина "голова" в номинации географических объектов Русского Севера в контексте межэтнических контактов // Когнитивные исследования грамматической и лексической семантики. 2001. С. 87-88.

Шипова, 1976 – *Шипова Е. Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука, 1976. 444 с.

Шмелев, 1961 – *Шмелев Д. Н.* Заимствования из прибалтийско-финских языков в старорусских памятниках письменности // Вопросы славянского языкознания, 1961, № 5. С. 191-199.

Щербак, 1997 – *Щербак А. М.* Ранние тюркско-монгольские языковые

связи. СПб., 1997.

Элиасов – *Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

ЭРС – Эрзянско-русский словарь. Под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. Москва: Русский язык, 1993. 804 с.

ЭСМЯ – *Гордеев Ф. И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. 1-2. Йошкар-Ола, 1979-1983.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Под ред. О. Н. Трубачова. Вып. 1-28. М., 1974-2001.

ЭСТЯ, 1974 – *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.

ЭСТЯ, 1978 – *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву "Б". М., 1978.

ЭСТЯ, 1980 – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы "В" и "Г", "Д". М., 1980.

ЭСТЯ, 1989 – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы "Ж́", "Ж", "Й". М., 1989.

ЭСТЯ, 1997 – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы "Ќ", "К". М., 1997.

ЭСТЯ, 2000 – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву "К". Отв. ред. Г. Ф. Благова. М., 2000. 259 с.

ЭСЧЯ – *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашиздат, 1964. 355 с.

Юккогуба – Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001. 428 с.

ЯОС – Ярославский областной словарь. Вып. 1-10. Ярославль, 1981-1991.

Ярцева, 1956 – *Ярцева В. Н.* Теория субстрата в истории языкознания // Институт языкознания: доклады и сообщения. IX. М., 1956. С. 2-32.

Ahlqvist, 1996 – *Ahlqvist A.* The ethnonim muroma // Finnisch-ugrische Sprachen in Kontakt. Maastricht, 1996. S. 47-54.

Ahlqvist, 1998 – *Ahlqvist A.* Субстратная лексика финно-угорского происхождения в говорах Ярославско-Костромского Поволжья // Studia slavica Finlandensia. T. XV. Helsinki, 1998. S. 5-39.

Ahlqvist, 1998, Mer – *Ahlqvist A.* Merjalaiset-suurten järvien kansaa // Virittäjä, 1998, 1. S. 24-55.

Ascoli, 1881 – *Ascoli G.* Una lettera glottologica. Torino, 1881.

AUU – Acta Universitatis Upsaliensis.

Bartoli – *Bartoli M. D.* Introduzione alla neolinguistica. Ginerva, 1925.

Björnflaten, 1997 – *Björnflaten J. I.* Finno-Ugrians, Varangians and Slavs in Upper Russia: New chronologies and interpretations // Meddelelser, 1997, № 79. S. 69-83.

Brückner, 1877 – *Brückner A.* Die slavischen Fremdwörter im Litauischen. Wiemar, 1877.

Brückner, 1927 – *Brückner A.* Slovnik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.

Būga – *Būga K.* Rinktiniai raštai. T. I-III. Vilnius, 1958-1961.

Castrén, 1844 – *Castrén M. A.* Anteckningar om Sawolotschesskaja Tschud. Suomi, 1844.

Dauzat, 1922 – *Dauzat A.* La geographie linguistique. Paris, 1922.

DELF – Dictionnaire étymologique de la langue française. Dauzat A. Paris, 1938. 824 p.

DEWOS – *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Вып. 1-3. Berlin, 1966-1968.

EONDS – *Falk H., Torp A.* Etymologisk ordbog over det norske og det danske sprog. Oslo, 1999. 1089 s.

EstNED – Söderman. Lexical characteristics of the Estonian North Eastern coastal dialect // AUU, Studia Uralica Upsaliensis, 24. Uppsala, 1966.

EWD – Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Berlin, 1989. B. 1-3.

Fraenkel – *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. B. 1-2. Heidelberg, 1962-1965.

FUF – Finnisch-ugrische Forschungen.

Gombocz, 1912 – *Gombocz Z.* Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache // SUST, XXX. Helsinki, 1912.

Hadrovics, 1985 – *Hadrovics L.* Ungarische Elemente im Serbokroatischen. Budapest, 1985.

IMS – *Nirvi R. E.* Inkeroismurteiden sanakirja // LSFU. 18. Helsinki, 1958.

Itkonen, 1932 – *Itkonen T. I.* Lappische Lehnwörter im Russischen // Suomen tiedeakatemian toimituksia. B. XXVII, Helsinki, 1932. S. 45-65.

Kalima, 1910 – *Kalima J.* Alte Berührungen zwischen den Finnisch-ungarischen und Slavischen Sprachen // Wörter und Sachen, 2. Heidelberg, 1910. S. 182-186.

Kalima, 1913 – *Kalima J.* Kritisches zur Frage über die Finnisch-ugrischen Element im Russischen. II (Zelenin, Vasmer, Pogodin) // Rocznik slawistyczny. T. VI. Kraków, 1913. S. 74-94.

Kalima, 1915 – *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.

Kalima, 1927 – *Kalima J.* Syrjänisches Lehngut im Russischen // FUF, XVIII. Helsinki, 1927. S. 1-56.

Kalima, 1932 – *Kalima J.* Suomalaisista, karjalaisista ja vepsäläisistä lainoista venäjän kielessä // Karjalan kirja. Porvoo, 1932. S. 358-364.

Kalima, 1936 – *Kalima J.* Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat // SKST, Bd. 202. Helsinki, 1936.

Kalima, 1952 – *Kalima J.* Slaavilaisperäinen sanastomme. Helsinki, 1952.

Kálmán, 1961 – *Kálmán B.* Die russischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1961.

Kiparsky, 1948 – *Kiparsky V.* Chronologie des relations slavobaltique et slavofinnoises // Revue des étude Slaves, 24. 1948. P. 29-47.

Kiparsky, 1958 – *Kiparsky V.* Ims. n äänteen vastineet venäjässä // Virittäjä, 1958. S. 165-174.

KKS – Karjalan kielen sanakirja. O. 1-5. Helsinki, 1968-1997.

Koivulehto – *Koivulehto J.* Uralische Evidenz für die Laringaltheorie. Wien, 1991.

KOLTKS – *Itkonen T. I.* Koltan ja kuolalapin sanakirja. O. 1-2 // LSFU, XV. Helsinki, 1958.

Koponen, 1996 – *Koponen E.* Lappische Lehnwörter im Finnischen und Karelischen // AUU. Studia Uralica Uppsaliensia, 26. Uppsala, 1996. S. 83-98.

Korhonen, 1979 – *Korhonen O.* Lappische Lehnwörter im ältesten Einödgebiet

Finnlands // FUF, 1979. B. XLIII, H. 1-3. S. 173-207.

Krawczykiewicz, 1972 – *Krawczykiewicz A.* Zapożyczenia rosyjskie w języku wepskim // Acta philologica. 1972, № 5. S. 39-129.

Lidén, 1911 – *Lidén E.* Germanische Lehnwörter im Finnischen und Lappischen // FUF. B. 1911. H. 1-2. S. 123-138.

Liukkonen, 1999 – *Liukkonen K.* Baltisches im Finnischen // SUST, 235. Helsinki, 1999. 178 s.

LSFU – Lexica Societatis Fenno-Ugricae.

LVW – *Kettunen L.* Livisches Wörterbuch // LSFU, 1938. B. 5.

Machek, 1968 – *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.

Meckelein, 1913 – *Meckelein R.* Die finnisch-ugrischen, turko-tatarischen und mongolischen Elemente im Russischen. 1. Die finnisch-ugrischen Elemente im Russischen. Berlin, 1913.

Mikkola, 1894 – *Mikkola J. J.* Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. 1. Slavische Lehnwörter in der westfinnischen Sprachen // MSFOU, 8. 1894.

Mikkola, 1913 – *Mikkola J. J.* Altfi. uiskoi' fährboot' // FUF. 1913. B. 13. H. 1-2. S. 163-166.

Paasonen, 1902 – *Paasonen H.* Über die türkischen Lehnwörter im Ostjakischen // FUF, 1902. B. II, H. 2. S. 81-137.

Palmeos, 1962 – *Palmeos P.* Karjala Valdai murrak // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Emakeele Selt. Toimetised, 5. Tallinn, 1962.

Polák, 1964 – *Polák V.* Les éléments finno-ougriennes en Slave // Orbis, 1964, 13. P. 568-588.

Rédei, 1970 – *Rédei K.* Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Bloomington, 1970.

Rédei, 1988 – *Rédei K.* Die ältesten indogermanischen Lehnwörter der uralischen Sprachen // The Uralic languages: Description, history and foreign influences. Ed. P. Sinor. Leiden-Köln, 1988. S. 638-664.

Rudnyćkyj – *Rudnyćkyj.* An etymological dictionary of the Ukrainian. T. 1-3. Winnipeg, 1962-1964.

Rudzite, 1964 – *Rudzite M.* Latviešu dialektoloģia. Riga, 1964.

Räsänen, 1969 – *Räsänen M.* Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

Sebestyén, 1943 – *Sebestyén Irén.* Fák és fás helyek régi nevel az uráli nyelverkben // Finnugor értekezések, 7. Budapest, 1943.

SEJP – Sławski F. Slownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1953-1979. T. 1-5.

Setälä, 1902 – *Setälä E. N.* Zur finnisch-ugrischen lautlehre. 1. Über finnisch-ugrische č – laute. 2. Über die finnisch-ugrischen s – laute // FUF, 1902. B. II. H. 3. S. 219-276.

Sirelius, 1913 – *Sirelius U. T.* Primitive konstruktionsteile an prähistorischen Schiffen // FUF, 1913. B. XIII. H. 1-2. S. 1-6.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1-7. Helsinki, 1955-1981.

SKST – Suomen kielen seuran toimituksia.

SSAP – Suomen sanoijen alkuperä. O. 1-3. Helsinki, 1992-2000.

Steinitz, 1944 – *Steinitz W.* Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus //

Acta Instituti Hungarici Universitatis Holmiensis. Series B. Linguistica: 2. Stockholm, 1944.

Steinitz, 1952 – *Steinitz W.* Geschichte des finnisch-ugrischen Konsonantismus. Upsala, 1952.

Stipa, 1990 – *Stipa G. J.* Finnisch-ugrische Sprachforschung. Von der Renaissance bis zum Neopositivismus // MSFOU. 206. Helsinki, 1990.

SUST – Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia.

SYRW – Syrjänischer Wortschatz. Aufgezeichnet Wichmann, bearb. Uotila // LSFU, VII. Helsinki, 1942. 486 s.

Thomsen, 1890 – *Thomsen.* Beröringer mellem de Finsk og de baltiske (Litauisk-Lettiske) sprog. Kopenhagen, 1890.

Thörnqvist, 1948 – *Thörnqvist C.* Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen // Труды по славянской филологии. Изд. Русским институтом при Стокгольмском университете. Т. 2. Uppsala, 1948.

Turunen, 1950 – *Turunen A.* Lyydilaismurteiden äännehistoria. 2. Vokaalit // SUST, XCIX. Helsinki, 1950.

UEW – *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. B. I-II. Budapest, 1986-1988.

Veenker, 1967 – *Veenker W.* Die Frage des finnougrischen Substrate in der russischen Sprache. Bloomington, 1967.

Veenker, 1992 – *Veenker W.* Finnougrisch-slavische Wechselbeziehungen // Finnisch-ugrische Sprachen zwischen dem germanischen und dem slavischen Sprachraum. Amsterdam-Atlanta, 1992. S. 175-196.

Virtaranta, 1961 – *Virtaranta P.* Tverin karjalaisten ehtista elämää. Porvoo, 1961.

Virtaranta, 1972 – *Virtaranta P.* Die Dialekte des Karelischen // СФУ, 1972. S. 7-27.

VKMS – *Tsvetkov D.* Vatjan kielen joenperän murteen sanasto. Helsinki, 1995. LSFU, XXV. 525 s.

Vries, 1971 – *Vries.* Nederlands etymologisch woordenboek. Leiden, 1971. 977 s.

VVV – Vepsa-venähine vajehnik. M.; L., 1936. 75 s.

Wartburg, 1936 – *Wartburg von W.* Die Ausgliederung der romanischen Sprachräume // Zeitschrift für roman. Philologie. Bd. 56, 1936. S. 1-48.

Weinreich, 1953 – *Weinreich U.* Languages in contacts // Findings and problems. New York, 1953.

Wichmann, 1902 – *Wichmann Y.* Samojedisches Lehngut in Syrjänischen // FUF, 1902. B. II. H. 3. S. 165-183.

Wijk – *Wijk van N.* Franck's etymologisch woordenboek der nederlandische tanl. Tw. Druk. 1912-1949.

WWLM – *Schlachter W.* Worterbuch des Waldlappendialekts von Mala. Helsinki, 1958. 294 s.

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

Азерб. – азербайджанский
алт. – алтайский
англ. – английский
англосакс. – англосаксонский
араб. – арабский
башк. – башкирский
белорусск. – белорусский
болг. – болгарский
венг. – венгерский
вепс. – вепсский
водск. – водский
гагауз. – гагаузский
герм. – германские языки
греч. – греческий
дат. – датский
диал. – диалектное
др. – древне-
ижор. – ижорский
исп. – испанский
итал. – итальянский
казах. – казахский
кар. – карельский
кар. валд. – валдайский диалект карельского языка
кар. сев. – севернокарельский
кар. твер. – тверской диалект карельского языка
кар. тихв. – тихвинский диалект карельского языка
киргиз. – киргизский
коми-зырян. – коми-зырянский
коми-перм. – коми-пермяцкий
курд. – курдский
кыпч. – кыпчатские языки
латин. – латинский
латыш. – латышский
ливв. – ливвиковский диалект карельского языка
литов. – литовский
люд. – людиковский диалект карельского языка
манс. – мансийский
мар. – марийский
мерян. – мерянский
мокш. – мокшанский
морд. – мордовский
нем. – немецкий
норв. – норвежский
ног. – ногайский
осет. – осетинский
польск. – польский
праслав. – праславянский

прафин. – прафинский
прус. – прусский
русск. – русский
саам. – саамский
саам. йокан. – йоканьгский диалект саамского языка
саам. кильд. – кильдинский диалект саамского языка
саам. кольск. – кольский диалект саамского языка
саам. лул. – лульский диалект саамского языка
саам. норв. – саамский язык в Норвегии
саам. швед. – саамский язык в Швеции
саам. фин. – саамский язык в Финляндии
сербохорв. – сербохорватский
словац. – словацкий
татар. – татарский
тел. – телеуский
тувин. – тувинский
тур. – турецкий
тюрк. – тюркские языки
удм. – удмуртский
укр. – украинский
фин. – финский
франц. – французский
чагат. – чагатайский
хак. – хакасский
хант. – хантыйский
чеш. – чешский
чуваш. – чувашский
швед. – шведский
эрз. – эрзянский
эст. – эстонский
юкаг. – юкагирский
якут. – якутский

Сокращения названий районов (уездов) и областей (губерний) соответствуют сокращениям, принятым в Словаре русских народных говоров.

Русский язык

Уральские языки и диалекты

Венгерский

Вепсский

Водский

Ижорский

Карельский

тихвинский диалект

Ливвиковский

Людиковский

Коми

Ливский

Мансийский

Марийский

Удмуртский

Финский

Хантыйский

Эрзянский

Эстонский

Тюркские языки и диалекты

Алтайский

Башкирский

Гагаузский

Казахский

Киргизский

Татарский

Телеутский

Тувинский

Турецкий

Хакасский

Чагатайский

Чувашский

Якутский

Балтийские языки

Литовский

Латышский

Прусский

Славянские языки

Белорусский

Болгарский

Польский

Сербохорватский

Словацкий

Словенский

Украинский

Романские языки

Французский

Иранские языки

Курдский

Осетинский

Другие языки

Греческий

Латинский

Научное издание

Сергей Алексеевич Мызников

АТЛАС СУБСТРАТНОЙ И ЗАИМСТВОВАННОЙ
ЛЕКСИКИ РУССКИХ ГОВОРОВ
СЕВЕРО-ЗАПАДА

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических
исследований РАН*

Художник А. И. Слепушкин
Технический редактор М. Л. Водолазова
Компьютерная верстка А. Н. Левичкина

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г. Подписано к печати 24.04.03.
Формат 70 × 100 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 29.25.
Уч.-изд. л. 22.1. Тираж 700 экз. Тип. зак. № 4182. С 124

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1
main@nauka.nw.ru

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

ISBN 5-02-027426-7

9 785020 274266